

Г.А.Санин

Г.А.Санин

ОТНОШЕНИЯ
РОССИИ
и УКРАИНЫ
с КРЫМСКИМ
ХАНСТВОМ
В СЕРЕДИНЕ
XVII ВЕКА

«НАУКА»

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ СССР

Г.А.Санин

ОТНОШЕНИЯ
РОССИИ
И УКРАИНЫ
С КРЫМСКИМ
ХАНСТВОМ
В СЕРЕДИНЕ
XVII ВЕКА

Ответственный редактор
академик
А. Л. НАРОЧНИЦКИЙ

МОСКВА
«НАУКА»
1987

Монография представляет оригинальное исследование, раскрывающее отношения России и Украины с их соседями сразу после воссоединения, показывает большое международное значение этого события. Детально освещается дипломатическая и военная борьба с Крымским ханством и Речью Посполитой.

Рецензенты:

А. А. ПРЕОБРАЖЕНСКИЙ, Ф. П. ШЕВЧЕНКО

ВВЕДЕНИЕ

История России XVII в. наполнена острой борьбой за обеспечение безопасности своих границ на юге против всевозможных осколков давно уже погибшей Золотой Орды, самым крупным и опасным из которых было Крымское ханство, входившее в состав Османской империи. Трудami советских ученых¹ бесспорно установлено, что борьба эта носила исторически прогрессивный характер, ибо способствовала нормальному экономическому, политическому и культурному развитию порубежных русских земель и земель других народов, вошедших в разное время в состав России. На протяжении XVI, XVII, XVIII вв. продолжалось героическое противоборство агрессивным устремлениям турецких и крымских феодалов, стремившихся захватить земли Поволжья, Северного Кавказа, Дона, Украины. Благодаря этой борьбе рос авторитет России среди народов Балканского полуострова, усиливалось их национально-освободительное движение против османского ига.

После выхода в свет замечательной монографии А. А. Новосельского «Борьба Московского государства с татарами в первой половине XVII в.» (М.; Л., 1948) выявился тот круг вопросов, которые органически связаны с выбранной темой. Это и зависимость военной активности татар от внутреннего состояния и строя Крыма, и попытки ханов трактовать Крым как преемника Золотой Орды, и стремление представить поминки, высылаемые Россией, как дань, как знак политической зависимости России от ханства.

Если учитывать вассальную зависимость Крымского ханства от Турции, то встает вопрос и о отношении Османской империи к набегам татар на Россию и Украину, а следовательно, о степени самостоятельности или, напротив, зависимости внешней политики ханов от Стамбула.

Все это усиливает важность конкретного анализа хода вооруженной борьбы против татар, изменения ее форм и динамики, особенно заметного на украинских землях после воссоединения в 1654 г. Украины с Россией.

Было бы ошибочным рассматривать отношения с Крымом без учета других внешнеполитических проблем, стоявших перед Россией в середине XVII в., в первую очередь борьбы за воссоединение украинских и белорусских земель, борьбы за выход в Балтийское море.

Принимая во внимание тот факт, что Мартовские статьи 1654 г. (определявшие статут Украины в составе России после их воссоединения) сохраняли за гетманской администрацией право самостоятельных дипломатических контактов с другими государствами, в частности с Крымским ханством, необходимо исследовать внешнюю политику гетманской администрации, определить, насколько ее цели и средства соответствовали политическому курсу русского правительства. Основной целью России и Украины после 1654 г. было сохранить и отстоять государственное единство.

Воссоединение Украины с Россией привело к значительным изменениям международного положения в Восточной Европе. Отношения России с калмыками, ордами Больших и Малых ногаев, народностями Северного Кавказа тоже оказывали заметное воздействие на борьбу против Крымского ханства. Исследование это проведено, в частности, в кандидатской диссертации П. С. Преображенской «Калмыки в первой половине XVII в.: Принятие калмыками (торгоутами и дербетами) русского подданства» (М., 1963); в работе Н. А. Смирнова «Кабардинский вопрос в русско-турецких отношениях XVI—XVIII вв.» (Нальчик, 1948), в статье А. А. Преображенского².

Хронологические рамки предложенной темы определяются динамикой развития внешней политики России и русско-крымских отношений. 1654 год — это год воссоединения Украины с Россией и начало вооруженной борьбы за украинские земли против польских и крымских феодалов, это время, когда Россия и Украина предпринимают серьезные попытки создать коалицию государств против Речи Посполитой.

Благоприятная в целом для России и Украины ситуация начинает меняться после того, как в 1656 г. Россия объявляет войну Швеции с целью пробиться к берегам Балтики и заключает перемирие с Речью Посполитой. Польша была спасена от полного разгрома, но война с мощным шведским королевством оказалась непосильной для России. Потерпев ряд поражений, в 1657 г. Россия фактически прекращает военные действия против Швеции, а в начале следующего, 1658 г. Речь Посполитая возобновляет войну с Россией.

1657 год является заметным рубежом в развитии отношений России с Крымским ханством. Если до 1657 г. Россия и Украина придерживались в основном оборонительной тактики борьбы против набегов крымских татар, то в 1657 г. был предпринят первый крупный поход русских и украинских сил в пределы ханства, когда в устье Днепра и Буга нанесено поражение хану. С этого года впервые в военных действиях татар (значительного масштаба) против России и Украины начинают принимать участие крупные силы, посланные турецким султаном. Борьба России и Украины все больше и больше начинает приобретать не только антикрымский, но и антиосманский в целом характер.

Ограничение хронологических рамок работы 1654—1657 гг. диктуется и изменением внутривосточного положения на Ук-

раине. Смерть Хмельницкого в 1657 г. облегчила приход к власти антинародной, сепаратистски настроенной группировки казацкой старшины во главе с И. Выговским. Заключенный Б. Хмельницким мирный договор с Крымом в 1655 г., по которому татары обязывались не нападать на Россию и Украину, Выговский использует в своих изменнических целях, призвав крупные силы крымских татар для подавления восстания украинского казачества и крестьянства, которое поднялось осенью 1657 г. против гетмана Выговского.

Немного о терминологии работы. Встречающиеся в тексте названия стран «Польша» и «Турция» употреблены для удобства изложения. Более правильными являются названия «Речь Посполитая» и «Османская империя». Замена такого рода в историографии не нова. Название «Украина» объединяет не только земли к востоку от рек Южный Буг и Случь, на которых утвердился гетманская администрация и которые в 1654 г. были воссоединены с Россией, но и все территории, включая западноукраинские земли, оставшиеся в составе Речи Посполитой.

* * *

Крымское ханство становится объектом пристального внимания российских историков примерно с 60-х годов XVIII столетия, со времени русско-турецкой войны 1768—1774 гг. «Социально-экономическое, политическое и культурное продвижение России на юг и русско-турецкие войны второй половины XVIII в. значительно повысили никогда не угасавший интерес к Крыму... истории русско-турецких и русско-татарских отношений. Государственные деятели, стоявшие у кормила Российской империи, военные, дипломаты, помещики, купцы, географы и натуралисты, ученые и любители, писатели и историки потянулись к Кавказу, Крыму, к их прошлому, настоящему и будущему»³.

В журнале «Месяцеслов» за 70—80-е гг. появилось большое число всевозможных статей и заметок, содержащих сведения по истории, экономике и этнографии Крыма и прилегающих областей⁴. Статьи эти носили пока еще больше популярный, чем научный, характер и имели целью удовлетворить спрос читающей аудитории.

По-видимому, в первую очередь причины политического характера вызвали появление и специальных исторических исследований. Первое такое исследование историка-профессионала было, несомненно, связано с тогдашними политическими интересами императорского двора. Это была книга Готлиба Зигфрида Байера по истории Азова⁵.

Политический смысл и официальный характер книги Г. З. Байера виден уже из того, что первое издание ее появилось в 1738 г., во время русско-турецкой войны, в ходе которой в 1736 г. русские войска овладели Азовом. Задачей автора было обосновать исторические права русских императоров на эту крепость.

Работа Байера осталась незавершенной. Книга заканчивается описанием Прутского мира 1711 г., по которому крепость была возвращена туркам.

Научное значение труда не следует преувеличивать. Это довольно беглый обзор основных событий, происходивших в Северном Причерноморье и на Дону, основанный на русских и, возможно, украинских летописях. Вместе с тем уже в этой книге намечен ряд вопросов, которые станут предметом пристального внимания последующих исследователей.

Борьба с Крымом и Турцией излагается Байером параллельно и во взаимосвязи с событиями на Украине во второй половине XVII в., хотя и довольно кратко: автор уделяет внимание польско-турецкой войне 1672 г., знаменитым Чигиринским походам русских и украинских войск, Вечному миру 1686 г. между Россией и Речью Посполитой, по которому Речь Посполитая окончательно отказалась от Левобережной Украины, походам В. В. Голицына на Крым и Петра I на Азов⁶.

Таким образом, уже с первых шагов исследования был намечен вполне верный принцип: борьба с Крымом велась не только за русские, но и за украинские земли, а следовательно, нужно постоянно держать в поле зрения отношения с Речью Посполитой и весь комплекс сложного международного положения в Восточной и Юго-Восточной Европе. Байер очень коротко упоминает и о войнах Османской империи с Ираном⁷.

Несомненной заслугой Байера было и то, что он первый обратил внимание на внутривосточное положение в Крымском ханстве, распри между основной и побочной линиями рода Гиреев, постоянно разжигаемые турецкими султанами⁸. Сам факт включения этих сюжетов в работу свидетельствует о том, что автор предполагал существование связей между внутренней и внешней политикой ханства.

Политическая направленность книги Г. З. Байера лишней раз подтверждается тем, что второе ее издание вышло в Санкт-Петербурге в 1763 г., когда началась русско-турецкая война и третья — в 1782 г., незадолго до присоединения Крыма к России.

Еще более отчетливо выраженный официальный характер носит сочинение действительного статского советника Павла Левашова, который поставил своей задачей описать все войны, вторжения и опустошения татар и турок на Руси и обосновать «права российских государей» на владение Крымом и причерноморскими землями⁹. Книга была написана в 1774 г. после заключения Кючук-Кайнарджийского мира и издана в 1792 г., вскоре после Ясского мира, закрепившего за Россией земли вплоть до устья р. Днестр.

Как писал сам Левашов, цель работы «возбудить в соотечественниках своих большее против прежнего внимание на сих диких, но многочисленных и толь вредных и опасных не токмо для нас, но и для всей Европы народов, дабы потомки наши не оставили взять надлежащие меры ко всякому оных изкоренению по

примеру Казани и Астрахани покорением Крыма и протчих, около него лежащих мест»¹⁰.

Книга представляет собой краткое изложение летописных сведений о борьбе с кочевниками с середины X в., нашествии монголо-татар на Русь, свержения золотоордынского ига. Затем следует рассказ о русско-турецкой войне 1569 г., Чигиринских и Крымских походах, взятии Азова в 1697 г. и о русско-турецких войнах XVIII в. Тем не менее работа имеет некоторое научное значение хотя бы уже потому, что в предисловии к ней подчеркнута общеевропейская значимость борьбы России против Крымского ханства и Османской империи.

Вопросы внешней политики России середины и второй половины XVII в., в частности борьба с Крымским ханством и Турцией, рассматривались и в работах по истории Украины. Вышедшая в 1789 г. книга «Краткое историческое описание о Малой России»¹¹ сообщает читателям о ходе военных действий украинских и русских войск против польских и татарских отрядов в 1655—1657 гг. В ней проводится мысль о прогрессивном характере этой борьбы, о единстве исторических судеб русского и украинского народов: «Сии области несносную участь претерпевать прицуждены, поелику владеющие ими поляки, поработив совершенно, поступали с обывателями как с купленными рабами»¹². Незвестный автор дает высокую оценку политики и личных заслуг гетмана Хмельницкого, подчеркивает его верность России: «Сей гетман, оказавши подвиги в отобрании малороссийских областей от поляков, был верен своему государю, среди рвения своего к службе царской окончил жизнь в городе Чигирине»¹³. Хмельницкому противостоит Выговский, заключивший союз вначале с татарами против России, а затем пытавшийся вернуть Украину под власть польского короля. Народ его не поддержал, что и явилось, как пишет автор, причиной падения гетмана И. Выговского¹⁴.

Можно говорить, что перечисленные выше работы XVIII в., характерной чертой которых является возвеличивание роли русских монархов, являются своего рода прототипом великодержавно-официального направления историографии. К ним можно отнести и небольшой труд Г. Ф. Миллера¹⁵.

С другой стороны, в украинской историографии, касающейся проблем внешней политики гетмана Б. Хмельницкого, уже в XVIII в. превозносится роль украинской казачьей старшины как творца истории, проводятся ее узкоклассовые интересы, закладываются основы будущей украинской националистической историографии.

В задачу работы не входит исследование процессов формирования дворянства на Украине. Отметим только, что украинское шляхетство и старшина всеми силами стремились сохранить за собой давние привилегии. Отсюда его временная оппозиция к русским собратьям по классу¹⁶, что отразилось и в исторических работах, вышедших из среды казацкой старшины.

Наиболее заметна эта временная оппозиционность (своего рода «дворянский национализм») в сочинении «История русов или Малой России», написанном во второй половине XVIII в.¹⁷ До настоящего времени вопрос о личности автора остается неясным. Всячески превознося роль казачьей старшины, автор считает решение Переяславской рады плодом только ее добровольных стремлений, хотя и оценивает его положительно. Национальные особенности, по мнению автора, являются решающей причиной исторического развития Украины, а исток всех бед, постигших Украину во второй половине XVII в., — надругательства русских воевод над национальными обычаями¹⁸.

С позиций формирующегося украинского дворянства освещаются в «Истории русов» и отношения с Крымским ханством. О дипломатической борьбе русских посланников при ханском дворе автор вообще не упоминает. Поражения, нанесенные татарам в 1654—1657 гг., преподносятся исключительно как заслуга украинских казаков, участие русских войск в этих военных действиях замалчивается¹⁹.

В 1822 г. выходит в свет первое издание книги Д. Н. Бантыш-Каменского²⁰. Несомненная заслуга автора в том, что книга написана на громадном актовом материале архива Министерства иностранных дел, использованы мемуары очевидцев и сочинения современников событий. Рассматривая Переяславскую раду 1654 г., он подчеркивает ее общепародный характер, ее громадное положительное значение для Украины. Но в изложении Бантыш-Каменского получается так, что будто бы в большем выигрыше оказалась не Украина, а Москва: «Таким образом, без пролития крови, возвращена была Русскому государству страна, вмещавшая в себе 165 городов и местечек, и приобретено 60-тысячное храброе войско без малейших на оное царских издержек»²¹. Автор упускает из виду последующую тринадцатилетнюю войну с Речью Посполитой, те большие людские и материальные жертвы, которые понесла Россия в боях с Речью Посполитой и Крымским ханством.

Заметное место в работе Бантыш-Каменского уделяется вопросам внешней политики гетманской администрации Украины. Автор решительно подчеркивает непоколебимую верность Хмельницкого «российскому престолу», «столь же храброго полководца, как и искусного политика»²². Тем не менее сложные вопросы о переговорах Хмельницкого со Швецией, Трансильванией, целью которых было создание антипольского союза, Бантыш-Каменский сводит к вопросу о том, сохранил ли гетман верность России. Швеция и Россия находились в это время в состоянии войны.

Бантыш-Каменский утверждает, что хотя гетман остался верен присяге в Переяславе, но договор его со Швецией и Трансильванией являлся нарушением принятых в Москве в 1654 г. Мартовских статей, так как Хмельницкий ничего не сообщил о новом союзе царю²³. (В действительности гетман своевременно

информировал русское правительство, которое не протестовало против этих дипломатических акций.)

Внешняя политика Крымского ханства рассмотрена в работе весьма кратко. Упоминается только о том, что после смерти в 1654 г. хана Ислам-Гирея новый хан Магомет-Гирей принял решение заключить союз с Речью Посполитой лишь потому, что получил от польского короля 100 тыс. злотых²⁴. В действительности мотивы политики ханов были сложнее, да и сумма, которую получил хан, значительно скромнее — 40 тыс. злотых (см. ниже).

Заметное влияние на разработку истории внешней политики России, в том числе и на исследование отношений с Крымом, оказали труды выдающегося русского ученого С. М. Соловьева, в мировоззрении которого сказались новые, буржуазные черты.

По мнению С. М. Соловьева, движущей силой истории являлось государство, классовый характер которого историк не замечал. Народы Российской империи для него были лишь объектами государственной деятельности московского правительства. Одним из таких объектов была и борьба против Крымского ханства, проходившая в середине XVII в. Как правильно отмечает историк, в основном за украинские земли²⁵.

Интересующие нас события рассмотрены в X томе его капитальной «Истории России с древнейших времен».

Внешнеполитическая функция Российского государства с фактической стороны описана в томе довольно подробно. Войны, переговоры с Речью Посполитой, Австрией, Швецией падали достаточно места, и им уделено самое пристальное внимание. К сожалению, характерный для исторической науки того времени европоцентризм был присущ и С. М. Соловьеву. Ежегодные дипломатические контакты и постоянные военные стычки с Крымским ханством в работе остались неисследованными. Упомянуто лишь расквартирование корпуса войск Шереметьева для обороны южных границ²⁶, посольство Жеребцова в Бахчисарай в 1654 г., потребовавшее не нападать на украинские земли²⁷, участие татар в сражении под Ахматовым на Дрижиполе²⁸.

В оценке политики Хмельницкого сказалось характерное для С. М. Соловьева пренебрежение к казачеству. Беря за основу исторической жизни народа историю государства, С. М. Соловьев не мог положительно относиться к казачеству. В казачестве он видит только бунтарей, чуждых всякому государственному устройству. В появлении казаков С. М. Соловьев усматривал только факт необузданной энергии народа, которому «грузно было от силушки», который уходил от государственного устройства на южные окраины. Казачество — это вольница, живущая разбоем. Эти положения автора подверглись критике со стороны Н. Г. Чернышевского²⁹.

В самом Хмельницком С. М. Соловьев видит прежде всего гуляку-казака, неспособного к политической деятельности³⁰. Такая характеристика, несомненно, искажает облик гетмана, имевшего

ясную внешнеполитическую цель — воссоединение с Россией, последовательно и решительно добивавшегося этой цели.

Пренебрежение к казачеству сказалось на оценке военных действий Хмельницкого в 1654—1657 гг. Историк пишет о мнимой пассивности казаков на Украине, о том, что участие казачьего отряда только мешало военным действиям русских в Белоруссии. Сражение на Дрижиполе под Ахматовым Соловьев расценивает как поражение³¹.

Совершенно неверно трактуются автором дипломатические и военные связи Хмельницкого со Швецией и Дунайскими княжествами. Автор прибегает к своему излюбленному приему изложения содержания документов, но документы подобраны так, чтобы создать впечатление об отсутствии у Хмельницкого четкой политической программы. При освещении договора Хмельницкого с молдавским и валашским господарями и с Ракоци Соловьев приводит оценку киевского полковника В. Дворецкого (который объяснял этот договор как антипольский) и тут же сообщает о беседе киевского воеводы А. В. Бутурлина с отцом генерального писаря И. Выговского — Астафием, который говорил, что договор заключен с целью изменить России³². Какому документу автор отдает предпочтение — остается неясным.

Что касается переговоров Хмельницкого со Швецией, то эти переговоры объясняются историком как попытка Карла X овладеть Украиной³³. О том, что Хмельницкий решительно отказался от подобных проектов, автор не сообщает (подробнее об этом см. ниже).

Историю Украины пристально изучил во второй половине XIX в. Н. И. Костомаров. Взгляды Костомарова не выходили за пределы либерально-буржуазной историографии³⁴. Движущей силой исторического прогресса, по мнению Костомарова, был некий мистический «национальный дух», «неизменные национальные качества» того или иного народа.

В трактовке многих вопросов украинской истории Костомаров исходил из своих федералистических убеждений, «в которых воплотились тенденции буржуазно-помещичьего национализма»³⁵.

В ряде вопросов, особенно в более ранних работах, Н. И. Костомаров делает немало верных наблюдений и выводов. Так, в монографии «Богдан Хмельницкий» он характеризует акт воссоединения Украины с Россией как исторически прогрессивный и необходимый³⁶. Дипломатические контакты Хмельницкого после воссоединения Украины с Россией историк объясняет отнюдь не как измену России, не как нарушение Мартовских статей и решения Переяславской рады, а как следствие борьбы против общего с Россией врага³⁷.

Вместе с тем уже в этой монографии заметно стремление подчеркнуть излишнюю «жесткость» и властность московской политики, противоречивость политики правительства России, направленной на урегулирование отношений с Речью Посполитой и

войну против Швеции (после 1656 г.) и политики гетмана, стремившегося завершить войну с Речью Посполитой. В действительности Москва не препятствовала политическому курсу гетмана, сохраняя тем самым возможность давления на Польшу. В интерпретации Н. И. Костомарова Россия после 1656 г. выступает чуть ли не противником воссоединения с Украиной: Россия ломает широкие гетманские планы «единения и возрастания Руси... в такое время, когда они скорее, чем когда-нибудь, могли осуществиться. Хмельницкий... видел, что Москва более, чем все другие соседи, испортит начатое им дело и оставит русский народ надолго под игом католичества и панства. ...Виленский договор со всеми соединенными с ним обстоятельствами был самым губительным ударом для Хмельницкого»³⁸. Несостоятельность обвинений подобного рода доказана в советской историографии³⁹.

Исследование отношений Б. Хмельницкого с Крымским ханством занимает в работе довольно значительное место. Несомненная заслуга автора в том, что эти отношения изучаются не изолированно, а в комплексе всей внешней политики гетманской администрации. Н. И. Костомаров отмечает, что политика гетмана была направлена на создание антипольского союза в составе Украины, Швеции, Трансильвании, Дунайских княжеств и Крымского ханства. О том, что Хмельницкий упорно рассчитывал на участие в этом союзе и России, автор не упоминает. Такое умолчание весьма показательно, если сопоставить его с утверждениями автора о том, что русское правительство препятствовало планам гетмана освободить все украинские земли от власти Речи Посполитой.

Подробно, насколько это позволяли источники, рассмотрены и переговоры послов Б. Хмельницкого в Турции. Благодаря исследованию Костомарова в отечественной и зарубежной историографии утвердилось и стала общепринятой оценка дипломатических контактов гетмана с Турцией: через Стамбул оказывать давление на крымского хана, сдерживать враждебные действия татар и поощрять хана к союзу с Украиной⁴⁰.

Эта верная оценка сущности отношений Хмельницкого с Османской империей была пересмотрена автором впоследствии. В статье «Богдан Хмельницкий — данник Оттоманской Порты» Костомаров пытается доказать, что как до Переяславской рады, так и после нее гетман считал себя подданным турецкого султана, сохранял политическую зависимость от Стамбула. Выводы эти делались на основании нескольких грамот гетмана к султану, в которых Хмельницкий именовал себя не иначе как рабом и подданным Магомета IV. Статья была заслуженно раскритикована еще Г. Ф. Карповым⁴¹.

Г. Ф. Карпов справедливо отмечает, что тексты этих грамот, как и письма султана, были хорошо известны в Москве, и сообщал о них московскому правительству сам гетман, да и отложились эти тексты в архиве Посольского приказа. Уже на этом основании всякую мысль об «измене» Хмельницкого следует отбро-

силь. Более того, пишет Г. Ф. Карпов, такого рода грамоты гетман посылал в Стамбул «не только с разрешения, но, пожалуй, по указанию Москвы»⁴².

В условиях перехода России к империализму, роста пролетарского революционного движения, появления марксизма складывался и развивался кризис буржуазно-дворянской исторической науки. Великодержавно-шовинистическое направление историографии Украины наиболее полно представлено работой В. О. Эйнгорна. Основную роль, по мнению автора, в воссоединении Украины с Россией играло духовенство⁴³.

Проблемы внешней политики России и Украины остались в работе Эйнгорна практически неисследованными. Автор лишь упоминает, что гетман поддерживал дипломатические контакты с Крымом, Турцией и Швецией и что эти контакты очень тревожили Москву⁴⁴.

Много нового в разработку истории запорожского казачества и его борьбы против турецко-татарской агрессии внес капитальный труд Д. И. Эварницкого⁴⁵.

Наибольший интерес представляет глава «Мусульманские соседи запорожских казаков», написанная главным образом на основе сочинений Боплана и Скальковского об Украине. Глава освещает внутреннее положение в татарских ордах, кочевавших к северу от Крыма. Эварницкий одним из первых задумывается над вопросом о причинах военной активности татар. Эти причины он усматривает прежде всего в «воинственном и кровожадном характере ханов», в «фанатизме, который привили татарам турки», в том, что туркам понадобилась масса невольников, особенно молодых женщин для гаремов⁴⁶. Сейчас объяснения звучат немного примитивно, но нельзя забывать, что в них есть определенное рациональное зерно: «Для погайцев, которые...скитались по дикой и безлюдной степи и представляли из себя орду убогих и полуголодных дикарей, поставка христианских невольников для богатых, ленивых и сластолюбивых турок была главнейшим источником пропитания и даже довольства в жизни»⁴⁷. Военная активность татар объяснялась, конечно, не только потребностями в грабеже, но во многом и ими тоже. «Главное отношение мусульманских соседей к запорожским казакам выражалось набегами на казачьи земли, а через них на Украину, Литву, Польшу и Россию»⁴⁸.

Очень подробно описываются автором и тактика проведения набегов, расположение и районы кочевий татарских орд. Особенно важны и по сей день сведения о численности татарского населения⁴⁹. Эварницкий полагал, что численность только мужчин в Крымском ханстве составляла около 280 тыс., что в большие походы хан мог поднять до 1/3 всех мужчин-воинов. Если учесть, что каждый татарин брал в набег от 3 до 5 коней, общее число коней в крупном походе составляло 200—300 тыс.⁵⁰

Д. И. Эварницкий поднимает в работе вопрос, который по существу остался нерешенным и в наше время: судьба русских и ук-

раинских полоняников. Во время наиболее крупных набегов татарам удавалось угнать от 5 тыс. до 55 тыс. невольников, пишет автор⁵¹. Столь большая разница в цифрах невольно вызывает настороженность, тем более что в данном случае были использованы фольклорные источники. Далее описан ход работорговли, жизнь полоняников в неволе⁵².

К сожалению, повествование автора носит несколько эпический характер, основанием для него служат исторические песни и былины, в нем мало фактов, цифр, мало конкретного материала. Заслуга автора в том, что он поднял этот вопрос. Тема эта несомненно заслуживает специального исследования, которое выходит за рамки моей работы.

Наиболее крупным представителем украинского национализма в исторической науке был историк и общественный деятель конца XIX — начала XX в. М. С. Грушевский. Общая трактовка вопросов истории Украины у Грушевского не оригинальна. Повторяются перенятые еще у П. А. Кулиша мысли об извечности украинской нации⁵³, выдвигается тезис о каком-то особом свободолюбии, бесклассовости и безбуржуазности украинского общества.

Центральным трудом М. С. Грушевского (и созданной им «школы») была многотомная (10 томов) «История Украины — Руси», в которой событиям 1654—1657 гг. посвящена значительная часть 9 тома⁵⁴. Бросается в глаза характерное для украинских националистов стремление принизить роль личности Б. Хмельницкого и значение воссоединения Украины с Россией. «Я в полной мере признаю, — пишет Грушевский, — что Хмельницкий был великий человек, но в нем ... совершенно не видно элементарной государственной экономики, руки „державного хозяина украинской земли“»⁵⁵. Совершенно не учитывая того, что в 1654 г. Украине и России приходилось вести войну фактически «на два фронта» — против Речи Посполитой и против Крымского ханства, Грушевский обвиняет Хмельницкого в том, что он не предпринял крупного похода на Крым и не посадил на крымский престол какого-нибудь своего ставленника⁵⁶, т. е. не сделал того, что Россия смогла осуществить только в 1774 г., 120 лет спустя по Кючук-Кайнарджийскому миру.

Столь же необоснованна критика Грушевским и политики Хмельницкого по отношению к Швеции, Трансильвании и Дунайским княжествам, которую будто бы отличает «недоговоренность, отсутствие ясной платформы, выразительно поставленных требований, что создавало ситуацию прямо-таки глупую»⁵⁷. На самом деле требования Хмельницкого в переговорах со Швецией, Трансильванией были ясными и четкими: граница украинских земель, воссоединившихся с Россией, должна включать и Западную Украину. Что же касается Дунайских княжеств, то гетман активно способствовал укреплению их связей с Россией и переговорам о переходе их в русское подданство.

Вместе с тем работа М. С. Грушевского сохранила определен-

ное научное значение до наших дней. Это объясняется прежде всего огромным фактическим материалом (часто противоречащим выводам автора, приведенным выше). Грушевский дает детальную картину хода военных действий на Украине против войска Речи Посполитой, подробно показывает дипломатические маневры в Крыму и Турции представителей Яна Казимира. Сделать это позволила автору скрупулезная работа в польских архивах. Польские архивные источники, воспоминания шляхтичей, участвовавших в военных действиях, часто приведены в работе полностью или даны в подробном изложении.

Это позволяет пользоваться трудом М. С. Грушевского как своего рода документальной публикацией. Естественно, что работа с документами, почерпнутыми из «Истории Украины — Руси», требует тщательного корректирования по материалам русских и украинских архивов, которые тоже использованы автором, но в меньшей степени.

Военные действия русских и украинских войск против Крымских татар автор освещает недостаточно подробно. То же можно сказать и о дипломатических акциях России и Украины в Бахчисарае. В работе имеется ряд фактических неточностей и ошибок, допущенных как вследствие неверной методологии исследования, так и в результате недооценки и относительно слабого использования русских архивов.

В русской буржуазно-дворянской историографии XIX в. специального исследования отношений с Крымом в середине и второй половине XVII в. практически не проводилось. Можно назвать лишь статьи К. Н. Бережкова и Ф. Ф. Лашкова, небольшие по объему и охватывающие довольно значительный хронологический период, в которых весьма бегло затронут и XVII век⁵⁸. Отрывочные, дающие мало фактического материала сведения по внутренней истории Крымского ханства имеются в статье Ф. Хартахая⁵⁹. А. А. Новосельский справедливо отмечал, что присущие этим работам «суждения о том, что в отношениях к своим соседям, Московскому государству и Польше татары руководствовались исключительно соображениями корыстолюбия и заключали союз то с Москвой, то с Польшей, смотря по тому, какая сторона больше уплатит поминок, исходят из признания такой степени примитивности поведения крымцев, что в нем нельзя было предполагать каких-либо политических мотивов. Между тем, у крымцев в их отношениях к соседям был определенный политический расчет. Среди своих соседей они скоро и совершенно правильно выделили, как наиболее опасного противника, не Польшу, а Московское государство»⁶⁰.

Первым фундаментальным исследованием по истории Крымского ханства была книга В. Д. Смирнова. Сосредоточив основное внимание на внутренней истории Крыма, В. Д. Смирнов русско-крымские отношения почти не затрагивает. Тем не менее работа Смирнова положила начало полемике, продолжающейся и по сей день: насколько самостоятельной была внешняя политика Крым-

ского ханства? Смирнов полагает, что внешняя политика ханства была «отражением оттоманской политики», как и смена ханов на бахчисарайском престоле⁶¹. После начала турецко-венецианской войны за о-в Крит (1646—1669 гг.), которая началась неудачно для Османской империи и привела к сильному кризису власти султанов, самостоятельность Крыма в области внешней политики возросла. Хан Ислам-Гирей, правивший до 1654 г., вел фактически независимую политику⁶².

Цели внешней политики ханов Ислам-Гирея и сменившего его Магомет-Гирея, как полагает В. Д. Смирнов, сводились к поддержанию сложившейся системы равновесия сил в Юго-Восточной Европе, к помощи слабейшему: в 1648—1654 гг. поддерживали Хмельницкого в борьбе против Речи Посполитой, а с 1654 г. поддерживали Речь Посполитую в войне против России и Швеции⁶³. Смирнов не упоминает о том, что крымские ханы после 1654 г. открыто претендовали на Украину. Таким образом, политика ханов в трактовке В. Д. Смирнова выглядит излишне упрощенной и сводится только к созданию более благоприятных условий для грабежа окрестных земель.

В. Д. Смирнов по-своему пытается вскрыть причины постоянной активности татар. Причины эти он справедливо усматривает во внутренней жизни Крымского ханства. По его мнению, это прежде всего отсутствие производительных отраслей хозяйства: промышленность и торговля были развиты слабо и находились в руках нетатарского населения⁶⁴. Мысль, несомненно, верная, но высказана она мимоходом, осталась нераскрытой. Историк говорит о хронической бедности татар, кочевников-скотоводов, но не замечает того, что львиная доля награбленного попадала в руки верхов феодальной знати, что еще больше побуждало простых татар к непрерывным нападениям на соседей. Блестящий востоковед и знаток восточных языков, В. Д. Смирнов построил свою работу на турецких и крымских источниках. Русские источники им почти не привлекались. Отсюда русско-крымские отношения и отношения с Украиной им остались малоисследованными, а те факты, которые приведены в работе, требуют корректировки на материале русских архивов.

В конце XIX — начале XX столетия в России на арену идеологической борьбы выступает марксистская историография, нанесшая решительный удар дворянско-буржуазным концепциям исторического развития.

Начало формирования марксистской историографии внешней политики России было положено еще трудами Маркса и Энгельса, в частности «Хронологическими выписками», содержащими положения о Запорожской Сечи, об Освободительной войне 1648—1654 гг. Что касается существа отношений России с Османской империей, то в письме к Марксу от 23 мая 1851 г. Энгельс писал: «Россия действительно играет прогрессивную роль по отношению к Востоку... господство России играет цивилиза-

торскую роль для Черного и Каспийского морей и Центральной Азии, для башкир и татар»⁶⁵.

Переворот в изучении проблем истории внешней политики России был сделан В. И. Лениным. Он выдвинул и решил важнейшие методологические проблемы исследования: классовый характер внешней политики, ее связь и зависимость от политики внутренней, причины и сущность войны, необходимость конкретно-исторического подхода к оценке войны, справедливые и несправедливые войны и ряд других, не менее важных проблем⁶⁶.

Для исследования русско-крымских отношений XVII в., постоянно как бы балансировавших на острие меча между миром и войной, особое значение имеет ленинское положение о диалектической связи политики и войны: «Как всякая война есть лишь продолжение средствами насилия той политики, которую вели воюющие государства и господствующие классы в них долгие годы, иногда десятилетия, до войны, так и мир, заканчивающий любую войну, может быть лишь учетом и записью действительных изменений в силе, достигнутых в ходе и в результате данной войны»⁶⁷⁻⁶⁸.

Развитие В. И. Лениным идей диалектического и исторического материализма нанесло удар по шовинистическим и националистическим взглядам на историю Украины.

* * *

Историографический разбор советской литературы по проблемам внешней политики России XVII в. сделан автором на страницах опубликованных коллективных трудов⁶⁹, поэтому останавливаться здесь на этом вопросе нецелесообразно. Специально будут рассмотрены только труды, касающиеся отношений России и Украины с Крымским ханством.

В советской историографии начало исследования южного направления внешней политики России положено работами Н. А. Смирнова, О. Л. Вайнштейна, А. А. Новосельского⁷⁰. Уже в этих первых трудах были сформулированы две противоположные оценки русско-османских отношений XVII в.: по мнению Н. А. Смирнова, на протяжении всего XVII в. эти отношения были резко враждебными, содержание их сводилось к борьбе за Азов и к отражению турецко-татарской агрессии против России, Украины, Северного Кавказа. Что касается А. А. Новосельского и О. Л. Вайнштейна, то они считали, что характер русско-османских отношений менялся в зависимости от хода борьбы России против Речи Посполитой за воссоединение русских, украинских и белорусских земель.

Если учитывать постоянную агрессивность Крымского ханства, возникает вопрос об отношении Оттоманской Порты к набегам татар на Россию и Речь Посполитую, а следовательно, о том, насколько крымские ханы были в состоянии вести независимую от Турции внешнюю политику.

Работа Н. А. Смирнова охватывает русско-турецкие отноше-

ния XVII в. Н. А. Смирнов преувеличивает степень остроты русско-турецких противоречий этого времени, не учитывая тот факт, что начиная с 20-х годов и до 1657 г. Турция не посылала свои войска против России.

Освещение Н. А. Смирновым русско-турецких и русско-крымских отношений второй половины века тоже вызывает возражения. Сущность этих отношений автор сводит к борьбе за Азов и под этим углом зрения объединяет изложение хода событий с 1637 г. (взятие Азова донскими казаками) по 1677 г. (Чигиринские походы)⁷¹. Тогда как речь шла об укреплении украинских земель в составе России, о защите южнорусских и украинских территорий. Отношения с Крымом стали обостряться после воссоединения Украины с Россией, а отношения с Турцией наиболее заметно стали обостряться лишь с 1667 г., когда было заключено Андрусовское перемирие России и Речи Посполитой, когда турецко-венецианская война за Крит 1646—1669 гг. близилась к победоносному для Османской империи концу, когда Турция начала открыто заявлять претензии на украинские земли⁷².

В работе Н. А. Смирнова остались почти неисследованными военные действия, имеется ряд неточностей и фактических ошибок, относящихся большей частью к событиям на Украине⁷³.

Что касается взаимоотношений России с Крымским ханством в первой половине XVII в., то эта тема полно и подробно рассмотрена в фундаментальной монографии А. А. Новосельского, уже неоднократно упоминавшейся выше. Широкий охват событий, глубокий источниковедческий анализ, интереснейшие методологические наблюдения и выводы делают эту книгу выдающимся явлением советской историографии. А. А. Новосельский в центр своего исследования поставил русско-крымские отношения, но по существу в его работе рассмотрен весь сложный комплекс взаимоотношения с народами Поволжья, Северного Кавказа, Причерноморья, не говоря уже о русско-польских отношениях, в поле зрения историка постоянно присутствуют Швеция, Австрия, Венеция и ряд других стран.

Крымское ханство, как считает А. А. Новосельский, далеко не всегда следовало в русле османской политики, действия крымских ханов отличались независимостью, феодальная знать ставила и пыталась решить самостоятельные задачи, часто противоречащие основной внешнеполитической линии Оттоманской Порты⁷⁴.

Справедливы выводы А. А. Новосельского о том, что причины постоянной агрессивности татар кроются прежде всего в феодальной социально-экономической структуре хозяйства и политического строя Крыма, в экстенсивном характере скотоводческого хозяйства, наконец, в веками культивировавшемся пренебрежении к производительному труду земледельца⁷⁵. Отсюда постоянные недороды, голод и необычайная дороговизна продуктов питания. Примитивное хозяйство основной массы татар не позволяло удовлетворить требования даже феодалов. «Выход из хозяйствен-

ных затруднений татары находили не в развитии производительных сил, к чему природные условия предоставляли полную и широкую возможность, а в отыскании сторонних источников средств, какими сделались для них бесперывные войны с соседями и получение с них принудительных платежей. Эти статьи дохода с давних времен вошли в качестве органической части в состав средств, поддерживавших существование крымского населения»⁷⁶.

Одна из причин военной активности была в том, что доходы, полученные либо от грабежа, либо как поминки, распределялись далеко не равномерно. Поминки оседали в карманах придворной знати, да и значительная часть награбленного попадала туда же.

Основная масса населения и мелкие феодалы-мурзы могли увеличить свои доходы исключительно за счет грабежа. Следовательно, их потребность в грабеже неизбежно вновь и вновь возобновлялась⁷⁷.

А. А. Новосельский доказывает ошибочность выводов дореволюционных исследователей, сводивших всю внешнюю политику Крыма к грабежу соседей. Хищническое отношение крымской знати к России в первой половине XVII в. определялось еще и тем, что «они считают Крым преемником Золотой Орды со всеми вытекающими отсюда последствиями... в основе всей политики Крыма в отношении к Московскому государству и тогда все еще лежало, хотя и замаскированное, стремление отстоять пережитки этих давних традиций. Яснее всего это выражалось в трактовке крымцами поминок как дани»⁷⁸.

А. А. Новосельский впервые обращает внимание и на тот факт, что усиление феодальных распрей внутри ханства вело к снижению его военной активности, но лишь временно, так как борьба между феодальными группировками за власть фактически сводилась к борьбе за право получать поминки и забирать большую часть военной добычи⁷⁹. В итоге исследования А. А. Новосельский приходит к выводу, что, несмотря на всю сложность и остроту отношений с Крымом, эти отношения не занимали главного места во внешней политике России, основной целью которой оставалось воссоединение украинских, русских и белорусских земель⁸⁰.

В заключении к работе А. А. Новосельский намечает дальнейший план исследования внешней политики России на Юге. Он пишет о перерастании после воссоединения Украины с Россией борьбы против Крыма в борьбу против Турции⁸¹.

Взаимоотношения России и Украины с Крымом в середине XVII в. исследованы лишь фрагментарно. В этом плане особый интерес представляет небольшая статья А. А. Новосельского, в которой предприняты первые шаги по реализации им же намеченного плана исследований. На основании сообщений русских посланников в Крыму и ряда других источников автор описывает основные военные действия русских и украинских войск против татар в 1654—1657 гг. (рамки статьи не позволили это сде-

пать с необходимой подробностью). Вывод А. А. Новосельского о том, что воссоединение укрепило безопасность значительной части Украины, беспорен⁸².

Верные наблюдения о развитии русско-крымских отношений в 40 — середине 50-х гг. сделаны в статье Л. В. Заборовского. Автор обоснованно оспаривает установившееся в литературе мнение о моментальном обострении русско-крымских отношений после Переяславской рады 1654 г., доказывает, что со стороны России были предприняты попытки не только нейтрализовать ханство, но и заключить с ним антипольский союз⁸³.

Военные действия запорожских и донских казаков против крымских татар стали темой исследований Е. М. Апанович и Ю. П. Тушина. Е. М. Апанович приходит к выводу, что русское правительство широко использовало в борьбе с Крымом военные силы украинского народа, что казацкие походы сдерживали агрессию татар на украинские и русские земли⁸⁴. Походы донских казаков описывает и Ю. П. Тушин, но очень кратко (книга его посвящена в основном другим сюжетам) и с некоторыми фактическими ошибками⁸⁵.

Отношения России и Украины с Крымским ханством в годы освободительной войны украинского народа (1648—1654) наиболее полно исследованы в монографии Ф. П. Шевченко «Политические и экономические связи Украины с Россией в середине XVII в.». Автор отмечает сложный и противоречивый характер политики крымского хана Ислам-Гирея, надеявшегося с помощью Б. Хмельницкого освободиться от вассальной зависимости султана и расширить свои владения, присоединив к Крыму украинские земли. Ввязавшись в войну против Речи Посполитой, Ислам-Гирей уже после заключения Зборовского мира 1649 г. пытался через территорию Украины организовать крупные нападения и на русские земли. Одной из причин, побудивших его отказаться от этих планов, была твердая позиция гетмана Хмельницкого, категорически требовавшего не нападать на Россию, воевать в союзе с казаками против Речи Посполитой.

Союз Хмельницкого с Крымским ханством, как пишет Ф. П. Шевченко, был хотя и тяжелым для Украины (татарские грабежи!), но единственно возможным выходом из сложившейся ситуации.

Большое внимание уделено в работе изучению эволюции русско-крымских и польско-крымских отношений в 1648—1654 гг. Автор показывает, как от готовности России выполнить русско-польский договор 1646 г. и начать военные действия против крымского хана в 1648 г. Россия переходит к политике сохранения мира на юге, поддержке освободительной войны украинского народа и подготовке войны против Речи Посполитой⁸⁶.

Книга Ф. П. Шевченко дает анализ широкого круга вопросов, охватывающих не только политические и экономические связи России и Украины, но весь комплекс международных проблем, касающихся освободительной войны и внешней политики Хмель-

ницкого. Наиболее важными для исследования внешней политики России и Украины после их воссоединения являются наблюдения автора над тем, как упорно стремился гетман поднять на борьбу против Речи Посполитой не только Россию и Крымское ханство, но и соседние с ней Швецию, Молдавию, Валахию, Трансильванию⁸⁷. Таким образом, уже в годы освободительной войны естественно возникали и формировались не только основные задачи общей внешней политики России и Украины, вставшие после исторической Переяславской рады, но и тактические приемы, способы их решения. Проследить эти процессы — задача предлагаемой работы.

* * *

Обострение восточного вопроса во второй половине XVIII в. вызвало усиленный интерес к истории Османской империи и в странах Западной Европы. На различных европейских языках начинает переиздаваться сочинение английского дипломата Рико, который в 1661—1679 гг. был секретарем посольства в Стамбуле. В 1741 г. это сочинение вышло и на русском языке⁸⁸.

В 1771 г. в Париже выходит книга аббата Миньо Винсента, настоятеля Селиерского монастыря, переведенная на русский язык⁸⁹.

Дипломатия и политика Османской империи интересуют автора только тогда, когда они связаны с Западной Европой. Восточный аспект, отношения Турции и Крыма с Речью Посполитой, Россией остаются за пределами его работы.

Частично польско-турецкие и польско-крымские отношения рассматривались в книге талантливого французского ученого аббата Койе «История Иоана Собеского, короля в Польше», вышедшей в 1760 г. и уже через два года переведенной на немецкий язык⁹⁰. Перед читателями проходят события, потрясавшие Речь Посполитую и Украину во второй половине XVII в.: шведский «потоп» 1655 г., борьба различных кандидатов на польско-литовский трон⁹¹, сложное внутреннее положение на Украине после смерти Хмельницкого, соперничество между пропольски и проосмански настроенными группировками украинской старшины и реакция Варшавы на это соперничество, бурные сеймы шляхты — вот весьма неполный перечень вопросов, выяснить которые по своему пытался автор. Книга не лишена тенденциозности. Симпатии Койе на стороне Яна Собеского, Яна Казимира и других польских магнатов, сторонников сближения Речи Посполитой с Францией и Османской империей.

Слабее отражены в книге отношения Речи Посполитой с Турцией, причем никакой разницы внешней политики Турции и внешней политики Крыма автор не замечает. Койе характеризует Османскую империю как государство, сходящее с исторической сцены. Явно приуменьшая степень опасности османов для Европы, он говорит, что Турция уже в 60—70-х гг. XVII в. превратилась в «государство-слугу» Франции⁹². Отношения Осман-

ской империи с Россией и Украиной в книге Кюйе не рассматривались вовсе, если не считать кратких упоминаний действий татарских отрядов вместе с польскими войсками против Хмельницкого в 1654—1655 гг.⁹³

Наиболее крупным исследованием по истории Османской империи, в том числе и по истории внешней политики османов, была работа Хаммера «История Турции», из которой в 1856 г. были сделаны и опубликованы отдельной книгой извлечения по истории Крымского ханства («История крымских ханов под османским господством») ⁹⁴. Но упоминание в этой книге русско-крымских отношений весьма разрозненно, слишком коротко и не дает связного представления о процессе их развития.

Краткие и компилятивные очерки истории Крыма имеются в работах Г. Говарда «История монголов» (Лондон, 1880), Л. Лангле «Краткая хронология крымских ханов» (Париж, 1802), Н. Йорга «История Османского государства» (т. III, 1910) ⁹⁵.

Капитальных исследований по истории Османской империи в XVII в. после работы Хаммера не появлялось. Выходили книги популярного характера, в которых внешняя политика Турции рассматривалась исключительно в ее европейском аспекте. Вопросы внешней политики Крымского ханства полностью выпали из поля зрения авторов ⁹⁶.

В какой-то мере этот пробел восполнялся работами по истории Австрии, среди которых наиболее известна книга Х. Хантша «История Австрии» ⁹⁷. Автор справедливо отмечает, что во внешней политике Священной Римской империи времен Леопольда I господствовали две проблемы: 1) отделение Испанской короны от влияния австрийских Габсбургов, которую Хантш считает чисто династической, 2) давление османской военной силы, угрожающей безопасности земельных владений Австрии ⁹⁸. Последнюю проблему Хантш считает главной, ибо она создавала непосредственную опасность для земельной базы императорской власти. В середине XVII в., а точнее, в 1657 г., угроза земельным владениям императора возросла вследствие попытки трансильванского князя Дьердя II Ракоци объединить под своей властью Трансильванию, венгерские владения Габсбургов, Речь Посполитую. Противодействуя османскому давлению с востока и замыслам Ракоци, Австрия будто бы вступила в войну со Швецией и настаивала на перемирии России и Речи Посполитой ⁹⁹.

В такой трактовке политика австрийских императоров выглядит исключительно как политика защиты своих владений, политика миротворцев.

Имперских замыслов правительства Леопольда I автор, как правило, не замечает.

Даже вмешательство во внутренние дела Речи Посполитой и введение австрийских войск в район Кракова в 1657 г. автор рассматривает не как акт агрессии, направленный на захват исконно польских земель, а как противодействие нападению Ракоци и Карла X, как помощь Речи Посполитой ¹⁰⁰.

России и Украине в работе почти не отводится места, лишь глухо упоминается о том, что Россия интересовала императоров Священной Римской империи германской нации как возможный союзник в борьбе против Турции, что, собственно говоря, уже давно стало хрестоматийной истиной.

Вопросы внешней политики России XVII в. отражены в работе современного западногерманского историка Гюнтера Штекля «Русская история от начала до современности»¹⁰¹. Своей задачей автор считает изучение политической истории России и СССР. По мнению Штекля, характерной чертой русской истории с самого ее начала является экспансия, захват чужих земель¹⁰².

Вместе с тем нельзя не отметить, что Г. Штекль говорит о добровольном стремлении к воссоединению украинского народа, что гетмана Хмельницкого он считает до конца преданным идее единства с Москвой¹⁰³. Интересующие нас события освещены автором в разделе «Продолжение собирания русских земель и полное вступление России в европейскую политику». «Полное вступление в европейскую политику» России произошло, как полагает автор, во второй половине XVII в. Как понять выражение «полное вступление» — остается неясным. Россия всегда была связана с Европой, а со второй половины XVII в. эти связи лишь заметно усилились.

Автор излишне преувеличивает заслуги Австрии в этом «вступлении», приписывая только стараниям австрийских дипломатов заключение Виленского перемирия 1656 г. и Андрусовского перемирия с Речью Посполитой в 1667 г. Отношения с Турцией и Крымом рассмотрены только с 60-х годов, причем сопровождаются голословным утверждением о «склонности всех украинских характеров к собственной власти на основе турецкого протектората и военной помощи от крымских татар»¹⁰⁴. Это может быть верным в отношении некоторых гетманов Украины, пришедших к власти после смерти Б. Хмельницкого, но не в отношении «всех украинских характеров». Политические отношения России с Крымом и Турцией середины XVII в. остались практически без внимания автора.

На развитие польской исторической науки конца XIX и начала XX в., помимо специальных исследований (см. ниже), большое влияние оказали исторические романы Г. Сенкевича, особенно его известная трилогия «Огнем и мечом», «Потоп», «Пан Володыевский». На этих романах с детских лет воспитывалось целое поколение историков. Романы эти написаны в духе польского буржуазного национализма, восхваления доблестей и идеализации магнатов и шляхты Речи Посполитой XVII в. Один из постулатов Сенкевича был постулат о том, что украинские земли — это земли, по праву принадлежащие только Речи Посполитой: «Земля эта принадлежала Речи Посполитой, которая позволила татарам пасти в ней стада, а так как казаки не пускали татар, то это пастбище превращалось в поле сражения»¹⁰⁵.

Отсюда резко негативное отношение Сенкевича к Освободитель-

ной войне 1648—1654 гг., к повстанцам, которые в его описаний предстают «похожими более на демонов, чем на людей»¹⁰⁶, и, наконец, к самому Хмельницкому, в котором «гетманская важность соединялась с татарской хитростью и добродушие с суровостью»¹⁰⁷. Сенкевич утверждает, что гетман будто бы являлся фактически вассалом крымского хана¹⁰⁸.

С позиций польского буржуазно-шляхетского национализма оценивает Г. Сенкевич и последствия освободительной борьбы украинского народа: «Исчезли города, местечки и деревни, край превращался в одну пустыню, в руину, в рану, которую не могли излечить целые века ... Хмельницкий ... рос, питался огнем и мечом, в чудовищном своем самолюбии он топил собственный народ и край»¹⁰⁹.

Исторические и методологические построения Сенкевича были подвергнуты критике в марксистской историографии Польской Народной Республики¹¹⁰.

Одним из самых крупных польских историков конца XIX и начала XX в., изучавших внешнюю политику Речи Посполитой и ее войны, был Тадеуш Корзон, примыкавший к варшавской исторической школе. Представители этой школы стояли на позициях позитивизма, противопоставляли себя клерикальным тенденциям краковской исторической школы. На рубеже XIX и XX вв. варшавская историческая школа занимает позиции, близкие к националистам, начинает восхвалять феодальную Речь Посполитую¹¹¹.

Первое издание его многотомной «Истории войн и военного дела в Польше» начало выходить с 1910 г. Причины поражений Речи Посполитой в войнах 1648—1656 гг. Корзон усматривает исключительно в том, что «Речь Посполитая Польско-Литовская не имела ни великого вождя, ни великого духом обывателя»¹¹². Но Корзон забывает, что отсутствие «великого духом обывателя» является показателем глубокого кризиса общества.

Рассматривая вопросы внешней политики середины XVII в., Корзон совершенно не упоминает заключенного польско-крымского союза и что в военных действиях на Украине в 1654—1655 гг. принимали участие татары. Итоги военных действий на Украине в 1655 г. преподносятся как победа войск Речи Посполитой под Ахматовым (на Дрижиполе), тогда как это был разгром польской армии.

Дипломатических акций Речи Посполитой, России, Украины Корзон почти не рассматривает, за исключением переговоров Хмельницкого со Швецией, которые в традиции польских националистов трактует как переговоры не о союзе, а о подданстве шведскому королю, акцентирует внимание на тактических спорах русского воеводы Бутурлина и Хмельницкого по мелким военным вопросам и т. п.

Тем более в работе нет оценок отношений с Крымским ханством России и Украины. Общая оценка внешнеполитической и военной деятельности Хмельницкого дана резко отрицательная.

Предвзятость автора настолько сильна, что он называет гетмана Бату-ханом, Тамерланом и даже «поганым Змеем-Горынычем», рисует его недалёковидным политическим интриганом, вероотступником»¹¹³.

Весьма коротко отношения Речи Посполитой с Крымом и Турцией освещены и в тогдашних обещающих работах по истории Польши¹¹⁴.

В исторической науке Польской Народной Республики большое внимание уделяется изучению международного положения Речи Посполитой середины XVII в., ее внешней политики, и в частности отношениям с Россией, Крымским ханством, Османской империей.

Взяв лучшее, что было создано польской домарксистской историографией, современная историческая наука по-своему взглянула на проблемы экспансии польских феодалов на восток, подвергла критике искаженные толкования освободительной войны украинского и белорусского народов и польско-русских отношений в работах Г. Коллонтай, К. Шайнохи, Л. Кубалы и др.¹¹⁵

Исследователи отмечают неразрывную связь польско-турецких отношений с борьбой между Австрией и Францией за влияние в Речи Посполитой, что способствовало постепенному падению международного значения польско-литовского государства.

В небольшой по объему, но очень интересной и ценной работе К. Пиварского рассмотрены основные моменты международного положения Речи Посполитой во второй половине XVII в.¹¹⁶ Падение влияния Речи Посполитой в Европе Пиварский ставит в непосредственную зависимость от общего процесса упадка и ослабления Польши, наиболее отчетливо проявившегося в кризисе середины XVII в.

Признаки слабости государства историк видит в обострении классовой борьбы и национальных конфликтов, в децентрализации и растущем влиянии магнатов, которые, отстаивая свои латифундии на белорусских и украинских землях, не желали обогатить польские владения на Балтике, так как крупных магнатских вотчин здесь почти не было. Немецкой и шведской экспансии фактически была открыта широкая дорога. Попутно исследователь пишет, что и украинские земли магнатство и шляхта не сумели защитить от агрессии Османской империи, что привело в 70-х гг. XVII в. к утрате значительной части Правобережной Украины¹¹⁷.

За последнее время появились новые труды, показывающие единство исторических судеб славянских народов, их совместную борьбу против агрессии Османской империи¹¹⁸.

Особый интерес представляет сборник статей «Польша в период второй Северной войны 1655—1660», раскрывающий историю военных действий, главным образом против Швеции, дипломатической борьбы Речи Посполитой, ее сношений с Россией, Крымским ханством и Оттоманской Портой, вопросы экономического и социального положения в польско-литовском государст-

ве ¹¹⁹. Ссылки на соответствующие статьи из этого сборника см. ниже.

В результате рассмотрения основных работ, связанных с проблемой отношений России и Украины в середине XVII в. с Крымским ханством, напрашивается вывод о том, что отношения эти и в дореволюционной, и в марксистской историографии рассматривались главным образом попутно, в связи с исследованием истории Украины, воссоединения ее с Россией, внешней политики России середины и второй половины XVII в. Фундаментальное исследование А. А. Новосельского охватывает лишь первую половину века, его наблюдения над связью военной активности татар с внутренним положением в ханстве, с золотоордынскими тенденциями крымчаков, наконец, ход вооруженной борьбы и борьбы дипломатической против татар пужно продолжить. Сделать это необходимо с учетом других внешнеполитических проблем, стоявших перед Россией и Украиной. Учитывая, что Хмельницкий поддерживал самостоятельные дипломатические контакты с Крымом, Турцией и другими соседними странами, следует рассмотреть и эту сторону, определить соответствие внешнеполитической линии гетмана политике русского правительства.

* * *

В работе использованы источники русского, украинского, польского, шведского, крымского, турецкого происхождения, а также источники, составленные в Дунайских княжествах, материалы дипломатической службы Австрии и других стран Европы.

Основной материал для работы дали дела Посольского приказа в фондах 123 «Сношения России с Крымом», 119 «Калмыцкие дела», 96 «Сношения со Швецией», 93 «Сношения с Францией» и 32 «Сношения с Австрией»; были привлечены фонды Разрядного приказа: Белгородский и Севский столы.

Из публикаций в первую очередь следует назвать «Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России» ¹²⁰ — много-томное издание, выпускавшееся в 60—80-е гг. XIX в. Археографической комиссией в Петербурге под редакцией Н. И. Костомарова, Г. Ф. Карпова. В основу публикации положен актовый материал Малороссийского и Посольского приказов, который дает возможность проследить дипломатические действия России и Украины: их переговоры с Крымом, Речью Посполитой, Швецией, Дунайскими княжествами и Трансильванией, действия русских представителей на Украине, совместную борьбу русского и украинского народов против агрессии Крымского ханства и Речи Посполитой.

Внешнеполитические акции Украины более подробно освещены в подготовленной уже в советское время публикации «Документы Богдана Хмельницкого», содержащей переписку гетмана, отложившуюся в архиве гетманской канцелярии, в архивах Москвы, Кишинева, Варшавы, Стокгольма, Будапешта и Буха-

реста. Это полная публикация всех сохранившихся писем гетмана и ответной корреспонденции. Подлинники зарубежных писем, как правило, на латинском или польском языках, сопровождаются переводами, сделанными в XVII в. либо при подготовке публикации¹²¹. Материалы публикации показывают широкую деятельность гетмана, направленную на создание коалиции соседних государств против Речи Посполитой, дипломатические и военные аспекты борьбы России и Украины с Крымским ханством.

Обращает на себя внимание тот факт, что ни в одном из документов нет сведений, подтверждающих мнение дореволюционных и ряда современных зарубежных историков о том, что Хмельницкий предпринимал попытки выйти из подданства России и признать протекторат других стран.

Вопросы отношений России и Украины с Молдавией, Валахией, Трансильванией, Швецией и Крымом нашли отражение в публикации «Исторические связи народов СССР и Румынии в XV — начале XVIII в.»¹²², основу которой составляет делопроизводственный материал архивов СССР и Румынии. Публикация раскрывает подготовку и ход совместной вооруженной борьбы народов Трансильвании, Молдавии, Валахии, Украины и России против Османской империи и Речи Посполитой. Документы позволяют проследить, как после Переяславской рады 1654 г. растет в Дунайских княжествах тяготение к России и падает влияние Польши в этих землях вследствие того, что польские магнаты активно опирались на помощь Османской империи. Документы представляют собой главным образом переписку молдавского и валашского господарей с Хмельницким и царем Алексеем Михайловичем и двусторонние переговоры этих стран с Москвой в связи с попытками перехода Молдавии и Валахии в русское подданство.

При освещении отношений России и Украины со Швецией использовались материалы публикации «Архив Южной и Западной России»¹²³, которые дают сведения о ходе переговоров Хмельницкого со Швецией относительно общих военных действий сил России, Украины и Швеции против Речи Посполитой. Материалы эти раскрывают и отношение Швеции к воссоединению Украины с Россией, отношение в целом довольно спокойное, если не сказать благожелательное. Стремясь к союзу с Россией, Карл X не высказывал намерений принять под свой протекторат Украину, в письмах к гетману заявлял о своем признании воссоединения Украины с Россией, и лишь в 1657 г., когда союз с Россией окончательно разладился, появляется предложение гетману перейти под протекторат шведского короля, но и здесь подчеркивается, что Карл X не будет иметь ничего против, если Хмельницкий сохранит верность Москве¹²⁴. Публикация содержит сведения об отношениях России и Украины с Крымом, проекты Хмельницкого об организации совместного русско-украинско-шведского похода против Османской империи и пр. (см. ниже). Публикация составлена по материалам шведских архивов,

содержит источники на шведском, латинском, немецком и польском языках, частично переведенные.

Материал о борьбе России и Украины с Крымским ханством дают нам донесения австрийских и польских послов в Бахчисарае и Стамбуле, опубликованные в «Источниках к истории Украины — Руси»¹²⁵.

Почти не нашли отражения вопросы внешней политики России и Украины 1654—1657 гг. в сборнике документов «Воссоединение Украины с Россией». Но материалы этой публикации позволяют раскрыть юридический статут Украины в составе России. В ходе переговоров представителей Хмельницкого в Москве в марте 1654 г. были разработаны статьи, на условиях которых Украина вошла в состав России, и которые предусматривали широкую автономию Украины в вопросах внешней политики. Гетману предоставлялась возможность осуществлять самостоятельные дипломатические контакты практически со всеми государствами, информируя русское правительство лишь в том случае, если цели этих государств будут носить враждебный России характер¹²⁶.

Дело здесь не только в высокой степени доверия к Хмельницкому. В Москве отлично понимали, что на Украине складывается свой государственный аппарат, своя власть. Подавить эту власть и содержать в украинских землях царское войско, равное казацкому, дорогостоящий собственный административный аппарат было практически невозможно в условиях только что осуществившегося воссоединения и войны с Речью Посполитой. И, по меньшей мере, неразумно после.

Публикация материалов фонда «Донских дел», предпринятая в соответствующих томах «Русской Исторической библиотеки»¹²⁷, дает исследователю обширный материал о политике русского правительства на Дону, отношениях его с народами Поволжья и Северного Кавказа. Здесь можно почерпнуть сведения по организации обороны южнорусских и украинских земель от татар, сведения о набегах татар в пограничных районах, наиболее подробные и достоверные данные о походах донских казаков против крымских татар.

Значительно облегчил работу «Обзор внешних сношений России по 1800 год», подготовленный Н. Н. Бантыш-Каменским. Связи России с Нидерландами, Данией, Венецией описаны на основании этой публикации¹²⁸. Впрочем, публикацией труд Н. Н. Бантыш-Каменского можно назвать с определенными оговорками: это скорее полная опись всех документов Коллегии Иностранных Дел с подробным и очень близким к тексту изложением содержания каждого документа. Пересказ документов достаточно точный и подробный.

Все отмеченные выше публикации освещают в основном вопросы дипломатии, освещают их с взаимно противоположных политических позиций, что позволяет провести сопоставления и проверку данных. Вопросы чисто военные отражены в этих пуб-

ликациях слабее, материал разрозненный, часто это всего лишь случайные упоминания боевых действий в ходе каких-либо переговоров, переписки и т. д. Вместе с тем этот материал достаточно обширен и при пополнении его из архивных фондов, прежде всего Разрядного приказа, может дать достаточно полное представление не только о крупных сражениях, но и часто о мелких, повседневных боевых действиях.

Компактный, цельный и логически связанный материал о военных действиях можно почерпнуть из всевозможных «дпарнушей», «мемуаров» и реляций польских шляхтичей, сражавшихся против Украины и России¹²⁹. Шляхетский гонор, похвальба несуществовавшими победами, а также склонность к преувеличению разорений Украины от татар и в первую очередь якобы от самих казаков — все это делает совершенно необходимой проверку этой группы источников, сопоставление их с письмами Хмельницкого, отписками русских воевод, дающими более объективную оценку, но распыленными в массе документации другого рода.

Значительный фактический материал, связанный с военными действиями и дипломатией Речи Посполитой, отложившийся в польских архивах, имеется в работе М. С. Грушевского¹³⁰. Это главным образом письма коронного гетмана Потоцкого и польского гетмана Лянцкоронского к Яну Казимиру, королеве и канцлеру Корецкьскому, сохранившиеся в копиях и подлинниках в фондах «Портфели Нарушевича» и «Библиотека Оссолинских». Грушевский, как правило, приводит эти документы полностью, либо с незначительными сокращениями, что позволяет использовать его книгу как своего рода публикацию документов¹³¹.

Документы русского и украинского происхождения делятся на следующие основные группы: указы и инструкции послам, статейные списки, грамоты или письма главам государств, отписки русских дипломатических представителей в Москву, отписки русских воевод и указы воеводам из центра, письма Хмельницкого к царю и ответы на них, записи посольских переговоров.

Круг вопросов, которые рассматривают указы русским послам, необъятно широк. Это и отношения России с государством, куда направляется посольство, и непосредственные задачи послов, тактические приемы, с помощью которых эти задачи могут быть решены, и вопросы дипломатического протокола, образа жизни и многое другое.

Указы послам дают представление о целях внешней политики России вообще. Указы многочисленным посольствам, отправленным из России в 1653—1654 гг., показывают, что целью России была либо заручиться благожелательным нейтралитетом в войне с Речью Посполитой (посольства в Австрию, Венецию, Нидерланды, Францию), либо вести переговоры о военном союзе (посольства в Крым, Молдавию, Валахию). В соответствии с этими задачами строились и тактические приемы. Для Крымского хана, например, везли несколько большие, чем раньше, поминки¹³².

Уже по тексту наказов можно составить представление об уровне развития дипломатических контактов с той или иной страной. Наказы русским посланникам в Крым содержат детальные указания по совершенно конкретным вопросам: требовать от хана признания новых титулов царя, не нападать на русские и украинские земли, в случае согласия хана заключить союз против Польши договориться о численности помощи, месте и времени соединения сил и т. д.¹³³ Если же связи со страной были слабыми, как, например, с Францией, указы касались в основном ритуала дипломатического приема и содержали указания о сборе всех заслуживающих внимания сведений¹³⁴.

Более интересный материал дают нам статейные списки послов. Они показывают, как практически осуществлялась политика России, вводят исследователя в повседневную жизнь посольства и страны, где это посольство пребывает. Рассмотренные статейные списки русских послов в Крымском ханстве показывают, что Россия не только ставила вопрос о признании воссоединения Украины с Россией, о союзе (позднее о нейтралитете) ханства, но активно пыталась оградить украинские земли от грабительских вторжений татар. Нападения татар на Украину русские представители трактовали как нарушение договоров с Россией. Примечательно, что в этих статейных списках имеются сведения о стремлении русских и украинских дипломатов координировать свои действия, поддерживать постоянные контакты друг с другом во время пребывания в Бахчисарае. Списки дают яркий материал, подтверждающий общность внешнеполитических целей русских и украинских представителей при ханском дворе. Вместе с тем не трудно заметить, как упорно придворные хана стремились не допустить объединения усилий русских и украинских посланцев¹³⁵.

Сведения русских посланников подтверждаются отчетами представителей Хмельницкого¹³⁶.

Довольно подробно в статейных списках русских послов и в отчетах послов Хмельницкого отражена внешняя политика Крымского ханства. В них сообщается о дипломатических и военных контактах хана с Речью Посполитой, с молдавским и валашским господарями, с трансильванским князем Дьердем II Ракоци. Широкую картину международных отношений в Европе раскрывают статейные списки послов во Франции и Австрии¹³⁷.

Ценный материал дают статейные списки русских посланников в Бахчисарае и о внутренней экономической и политической жизни Крымского ханства. Т. Г. Хатунский довольно подробно пишет о междоусобной борьбе за власть, усилившейся в ханстве после смерти Ислам-Гирея¹³⁸, Р. В. Жуков — о бедственном положении кочевников-скотоводов, о падеже скота из-за сильных морозов, о постоянной опасности восстания угнанных в Крым полоняников¹³⁹. В совокупности статейные списки дают исследователю основной материал, позволяющий вскрыть истоки постоянной агрессивности татарских феодалов.

Из рассмотренных статейных списков особый интерес представляет список Р. В. Жукова, сообщающий некоторые сведения о природе, нравах жителей полуострова, исторических достопримечательностях Крыма. Русские дипломаты предстают перед нами любознательными и зоркими людьми. 16 марта 1657 г., посетив по посольским делам Инкерман, они записали: «А по гречески град Керсон, стоит на берегу Черного моря, на речке Казыклы. И полоненики-черкасы старые сказывали посланникам, что в том граде обещание святому крещению принял благоверный князь Владимир Киевский. Да как были посланники у нурядына-царевича на посольстве и они в городе Инкермане видели в горе церковь великую и стенное письмо на паперти. И полонеников старых черкас спрашивали, что они сказывают им, что град старый, древней Керсон и в церкви стенное письмо и образы есть ли? И полоненики сказывали, что в церкви образов нет, а стенное письмо есть. И в ней де лежит человек во плоти, невидим ничем, в священнических одеждах и до днесь. А лежит в гробе каменном не покрыт и всем видим. Только де татаровя не смеют прикоснуться к нему. А лежит он в той церкви из давних лет, и татар старых никто не помнит. Да и татаровя им про того человека сказывали, что лежит из давних лет и влас на главе и на бrade иво и он весь бел. И то де знают они, что по нашей вере тот человек свят.

А другую церковь посланники видели в горе и кельи, и то де в прежние лета был монастырь. ... Да посланники ж видели град Инкерман, а по-гречески Керсон, велик. Переднюю стену видели, на ней 6 башен, 7-я отводная. Да на градской же стене палата великая столовая. И полоненики сказывали, что в той палате стенное письмо есть»¹⁴⁰.

А вот описание города Шел-Керменя, запиравшего устье Днепра и прикрывавшего подступы к Крыму: «...город каменной, в нем 4 башни. Около иво ров глубок — 3 сажени глубина, а через ров мост. Посередь стоит башня о трех верхах, в ней проезжие ворота. А стоит на Днепре на берегу, от моря один день, а от волоские границы два дни езды. А посаду около иво нет»¹⁴¹. Перед нами картина чисто военного поселения, по-видимому, неплохо устроенной крепости, жители которой добывают средства к существованию грабежом соседей и где уровень развития ремесла настолько низок, что если ремесленники и имеются, заняты они мелким ремонтом и изготовлением простейшего оружия и утвари, необходимой воину, да и живут бок о бок с воинами, ремесленного посада в городке нет.

Описывает Жуков и выступление в поход крымского хана. Присутствовать на этой церемонии посланникам не разрешили, тогда они «случайно» проехали мимо первого привала хана: «А как посланники приехали в Яшлово, и царев стан был на поле, от Яшлово в полуверсте. И на стану посланники видели: поставлен шатер червчат, суконной, царегородской работы, да три шатра, да две полатки белых полотняных, да телег з десять.

А больши того в стану ничего нет»¹⁴². Нужно было подойти очень близко, чтобы определить, что шатер именно из сукна и именно царегородской работы. Острая наблюдательность русских дипломатов делает этот статейный список не только ценным источником, но и увлекательным литературным произведением о путешествии-хождении в Крым.

Исключительно редким явлением были поездки царских гонцов и послов во Францию (с 1654 по 1686 г. в Париже приняли только три посольства). Тем свежее и интереснее для исследователя знакомство с путевыми записями этих путешественников, с уникальными сведениями о первых морских плаваниях русских дипломатов.

Гонцу во Францию Константину Мачехнину пришлось вступить на зыбкую палубу купеческого корабля 20 марта 1654 г. в порту Нарва. Едва только на рассвете 21 апреля небольшая шкута миновала Эмден, в устье реки Эмс и вышла в район мелководья у Западных Фризских островов, как в море послышались раскаты артиллерийской канонады. Встревоженный гонец поспешил к шкиперу Вахтмайстеру и тот пояснил: «То де ездят на море аглинские воинские и воровские карабли», которым на этот раз повезло взять 4 нидерландских и гамбургских буера¹⁴³.

Мелководье не позволяло английским каперам подойти к берегу, чем и воспользовался Вахтмайстер. Может быть, сам шкипер изрядно перетрусил и от страха стал хвастать, может быть захотел успокоить своих пассажиров, так или иначе, далее последовало любознательное признание: «А который де корабль воровской взял теперь четыре буерки, ныне де на том корабле шипер брат газваной. И яз бы де к ним теперво и сам пошол, а для де вас не пойду, чтоб государеву делу какая поруха не учинилась и вас не побили»¹⁴⁴.

Ночью шкута держалась так близко к берегу, что села на мель и оказалась совершенно беспомощной, только утром удалось сняться с мели.

И на следующий день в море с утра до вечера гремели артиллерийские залпы. «И Константин Мачехнин спрашивал у шипора для чего опять на море учинилась стрельба? И шипор сказывал, которые де вчера аглинские воровские люди взяли четыре буерки, а теперво они ж розбивают торговые корабли многие. Да и многие де аглинские и воровские корабли теперво на море ходят и многие корабли розбивают. Только де я чаю милости божией, что от таких воровских людей вас провезу до галанские земли здорово морскою приливою»¹⁴⁵.

В тот же день шкута благополучно прибыла в нидерландский порт Харлинген, где Мачехнин поспешил рассчитаться с воинственным шкипером, собиравшимся попытать счастье на «воровских кораблях» под пиратским флагом «Веселого Роджера» и нанял другую шкуту до Гааги. В Гааге пришлось задержаться из-за английских «воинских и воровских кораблей» до 27 июня

1654 г. После многих приключений, лишь 10 октября он смог подняться на борт военного корабля в Амстердаме и вскоре прибыл к берегам Франции.

Более подробный источниковедческий анализ русских и зарубежных документов о внешней политике середины XVII в. имеется в работах ряда отечественных и зарубежных исследователей¹⁴⁶, здесь же необходимо отметить определенную ценность таких источников, как украинские старшинские летописи, составленные в конце XVII — начале XVIII в.¹⁴⁷

Как произведение мемуарной литературы можно рассматривать записки Эвлия Челеби. Записки эти могут представлять несомненную ценность для этнографов, для изучающих историческую географию, но как материал по истории внешней политики и войны 1654—1657 гг. они практически непригодны. Челеби писал записки уже к концу своего жизненного пути, писал по памяти, отсюда величайшее множество фактических ошибок, смесь событий 1656—1657 гг. с последующими, полная путаница во внутренней и внешней политике Крыма, Речи Посполитой и Османской империи (достаточно указать только на то, что Челеби пишет, будто бы войска Хмельницкого сражались против Ракоци, тогда как они сражались именно в союзе с Ракоци)¹⁴⁸.

Таким образом, в работе использованы различные типы источников актового, летописного и эпистолярного характера, исходящих не только из России или Украины, но и из других стран, что дает возможность сопоставления, уточнения и пополнения материала предлагаемого исследования.

ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА РОССИИ
И РУССКО-КРЫМСКИЕ ОТНОШЕНИЯ
НАКАНУНЕ ВОЙНЫ С РЕЧЬЮ ПОСПОЛИТОЙ.
ПОДГОТОВКА И ХОД
ВОЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ НА УКРАИНЕ
ВЕСНОЙ И ЛЕТОМ 1654 г.

РУССКАЯ ДИПЛОМАТИЯ
В БОРЬБЕ ЗА ЕВРОПЕЙСКОЕ ПРИЗНАНИЕ
ВОССОЕДИНЕНИЯ УКРАИНЫ С РОССИЕЙ.
ПОИСКИ СОЮЗНИКОВ

Определяющим моментом международного положения в Европе в середине XVII в. была давняя вражда между Францией и Священной Римской империей, в первую очередь Австрией, между габсбургским и антигабсбургским блоками европейских держав.

Каждая из соперничающих сторон пыталась диктовать или хотя бы иметь преобладающее влияние в европейской внешней политике. И Франция и Империя спорили из-за некоторых пиренейских и рейнских земель, полагая, что обладание этими землями позволяет направлять ход европейских дел по своему усмотрению.

1618—1648 гг. шла изматывающая Тридцатилетняя война, в которую были втянуты прямо или косвенно все европейские государства — от Англии до России. В середине и второй половине XVII в. конфликт вылился в локальные войны между Францией, Нидерландами, Испанией и Австрией. Наконец, уже в начале следующего столетия разразилась новая общеевропейская война — война за испанское наследство.

Этот европейский конфликт осложнялся и был тесно связан с продолжающимся наступлением на Европу Османской империи, направленном в середине XVII столетия прежде всего против владений австрийских габсбургов и подвластных Венеции земель. Естественно, что Франция была заинтересована в усилении турецкого натиска на Австрию, ибо этот натиск отвлекал внимание австрийских габсбургов на восток от мелких имперских княжеств по Рейну, которые Франция небезуспешно стремилась подчинить своему влиянию.

Упорная дипломатическая борьба шла и на севере Европы. Еще в ходе Тридцатилетней войны Швеция захватила Западную и часть Восточной Померании, о-в Рюген, Висмар, Бремен и ряд

других земель, закрепив за собой устья трех крупных рек: Одера, Эльбы, Везера. Оставалось завладеть последними прибалтийскими территориями Речи Посполитой и Бранденбурга, чтобы превратить Балтийское море во внутреннее «шведское озеро» и тем самым поставить под свой контроль торговлю прилегающих стран, окончательно подорвать мореплавание конкурирующих Дании и Голландии. Это вело к заметной напряженности отношений Швеции с Данией, Нидерландами, Бранденбургом и Речью Посполитой. Относительно России перед Швецией стояла задача вынудить восточного соседа повернуть свою морскую торговлю из Архангельска к балтийским шведским портам. Тем самым вся внешняя торговля России была бы под контролем Швеции¹.

Впрочем, остроту имеющихся споров с Россией не следует преувеличивать. После Столбовского мира отношения оставались вполне спокойными. Более того: в 20-х — начале 50-х гг. XVII в. наблюдается заметное сближение внешнеполитических интересов на основе временного отказа России от борьбы за Балтику и возможного заключения шведско-русского союза против Речи Посполитой. Цели этого союза со стороны Швеции — захват польских прибалтийских земель, цель союза со стороны России — возвращение утраченных в 1618 г. по Деулинскому договору русских земель и воссоединение Украины и Белорусии².

Шведско-польские отношения осложнялись династическими притязаниями польского короля Яна Казимира на шведский трон. В Швеции и Польше правила одна королевская династия — Вазы. Ян Казимир требовал возвращения земель восточной Прибалтики (Лифляндии и Инфляндии), захваченных Швецией у Польши в первой трети XVII в.³

В результате польско-шведской интервенции начала XVII в. Россия утратила последний клочок побережья Финского залива в районе устья Невы, который по Столбовскому миру 1617 г. перешел к Швеции. Деулинское перемирие 1618 г. передавало под власть Речи Посполитой русские земли в районе Северной Украины, Смоленск и Чернигов. Кроме того, в XVII в. стала традиционной постоянной помощью и поддержка Россией борьбы украинского и белорусского народов против национального и религиозного порабощения шляхетской Речью Посполитой, за воссоединение с Россией.

Начиная с 30-х гг. XVII в., когда возводятся первые оборонительные сооружения Белгородской черты, наблюдается особенно активный процесс продвижения южных русских границ в сторону Черного моря, хозяйственное и административное освоение Россией пустынных районов лесостепи и степи Дикого Поля, обеспечение безопасности русских границ от набегов крымских татар, а примерно с начала 70-х гг. и от агрессии султанской Турции.

Следовательно, в XVII в. перед Россией стояли три основные внешнеполитические задачи: воссоединение русских, украинских

и белорусских земель с Россией; обеспечение безопасности границ со стороны Крымского ханства и Османской империи; освоение южных районов; возвращение выхода в Балтийское море. Решение этих проблем неизбежно сталкивало Россию с Речью Посполитой, Османской империей или Швецией, которые в свою очередь играли довольно ответственные роли на европейской сцене.

Уже по этой причине ни Россия, ни национально-освободительное движение на Украине, направленное на воссоединение с Россией, не могли быть изолированными от общеевропейской ситуации. Эту связь отметил еще в первом издании «Истории дипломатии» С. В. Бахрушин⁴. Одновременное решение этих трех внешнеполитических задач было не под силу России не только в XVII в., но и на протяжении всего XVIII в., когда Россия превратилась в могучее государство, вошедшее в ранг великих европейских держав⁵.

Внешнеполитические интересы Речи Посполитой были связаны прежде всего с борьбой за сохранение под своей властью украинских и белорусских земель. Стремление решить украинский вопрос силой оружия характерно для политики польских магнатов и королевской власти с самого момента начала освободительной войны в 1648 г. Попытки некоторых оппозиционно настроенных магнатов (в первую очередь Радзивиллов) решить проблему путем частных уступок казацкой старшине не имели в ходе этой войны серьезного значения.

Вооруженная борьба против украинского и белорусского народов в 1648—1654 гг., как и интервенция начала XVII в. против русских земель,— все это звенья одной политики, политики агрессии на восток, политики, которая привела в конечном итоге к постепенному забвению подлинных национальных интересов польского народа, к потере исконно польских территорий в Поморье (южный берег Балтики) и западных польских земель. К моменту начала польско-шведской войны 1655—1660 гг. Речь Посполитая не имела на Балтике ни одного военного корабля, тогда как шведский флот насчитывал 40 вымпелов⁶.

Политика агрессии на восток имела совершенно четко выраженную классовую направленность. Заинтересованы в ней были прежде всего польские и литовские магнаты, основные земельные владения которых до 1648 г. находились на Украине и в Белоруссии. Нет ничего удивительного, что так называемая «угроза от стены восточной», как говорила шляхта и магнатория в XVII в. (т. е. боязнь потерять Украину и Белоруссию), была для магнатов гораздо болезненнее, чем угроза потери западных территорий страны и даже Балтийского побережья. Никаких реальных мер по обеспечению безопасности исконно польских земель предпринято не было.

Воссоединение Украины с Россией резко изменило отношения Речи Посполитой с Османской империей и Крымским ханством. Надеясь со временем захватить украинские земли, Крымское

ханство в годы Освободительной войны поддерживало Б. Хмельницкого, а после перехода Украины в состав России заключило антирусский союз с Речью Посполитой.

Решение Земского собора, принятое 1 октября 1653 г. на его последнем заседании, и исторической Переяславской рады 8 января 1654 г. о воссоединении Украины с Россией делали неизбежной войну против Речи Посполитой. Война не могла не повлиять на позиции стран, связанных с Речью Посполитой дружественными или враждебными отношениями⁷. Поэтому и для московского правительства, и для гетмана необходимо было в благоприятном для себя смысле объяснить в Европе причины воссоединения, добиться благосклонного отношения и по возможности привлечь на свою сторону не только симпатии правительств, но и вооруженные силы соседних стран либо обеспечить их нейтралитет в предстоящей войне. Поэтому обсуждая вопрос о воссоединении, еще на заседании 25 мая 1653 г. Земский собор решил «писать во все окрестные государства» о том, что «неправды» польского короля вынудили начать против него войну⁸.

Осенью 1653 — весной 1654 г. в Европу отправляется несколько посольств. Уже одно только перечисление стран, куда были направлены русские посольства, свидетельствует о широком размахе предпринятой дипломатической акции: Австрия, Франция, Швеция, Дания, Нидерланды, вассалы Речи Посполитой Курляндия и Бранденбург, входившие в состав Османской империи Молдавия, Валахия и Крымское ханство принимали у себя русских дипломатов.

Посольскому приказу пришлось быстро провести громадную работу, готовя сразу столько посольств. Трудно было действовать и дипломатам. Предвидеть ход той или иной миссии оказалось практически невозможно, ибо ни с одной из этих стран, за исключением Швеции, не поддерживались постоянные связи через находившихся в России дипломатических чиновников-резидентов.

Много неприятностей ожидало дипломатов и на европейских сухопутных и морских дорогах: еще не закончилась англо-голландская война за преобладание на море, а Франция и Испания воевали за право владеть фландрскими и бельгийскими землями.

Во Францию с царской грамотой о воссоединении и предстоящей России войне был направлен Константин Мачехнин. 6 декабря 1653 г. посольство покинуло златоглавую Москву, русско-шведскую границу пересекло вблизи крепости Ям и было вынуждено задержаться в Нарве до 20 марта 1654 г. в ожидании, когда Финский залив освободится ото льда. 6 апреля Мачехнин на купеческом корабле прибыл в Любек, далее сухим путем добирался до Бремена, где снова вверил свою судьбу морским волнам и, наняв шкату, направился к Амстердаму⁹.

10 октября предоставленный гонцу военный корабль покинул амстердамский рейд и вскоре прибыл к берегам Франции. По прибытии в Париж Мачехнину порекомендовали побывать на приеме прежде всего у первого министра Людовика XIV — Коль-

бера (в статейном списке Мачехнина — Кондебриема. — Г. С.) и у королевы-матери, так как сам король мал и посольские дела поручены Кольберу¹⁰.

Мачехнин отказался, сославшись на нормы русского дипломатического протокола, по которым первый визит официальных представителей допускался только к королю¹¹.

И вот 30 октября за русским дипломатом прибыла королевская карета, которая доставила его в Лувр. 16-летний король поднялся с трона и, сняв шляпу, спрашивал о государевом здоровье царя Алексея Михайловича, но для соблюдения нудной и длинной процедуры приема посольства у него явно не хватало терпения. Приняв лично грамоту и передав ее Кольберу, король не стал выслушивать речи послов и покинул тронный зал.

С решением московских дел парижские дипломаты долго не возились. Уже 1 ноября 1654 г. Мачехнину с подьячим и переводчиком надлежало прибыть в «Посольский приказ» Франции, захватив с собой польские книги, в которых, как уверяла царская грамота, умалялся царский титул и содержались прочие оскорбительные для царя «лжи и вымыслы», что и послужило якобы основной причиной объявления войны Речи Посполитой.

Ход встречи записан в статейном списке Мачехнина очень кратко. По-видимому, ранг гонца не позволял русскому представителю вступать в переговоры, и он мог только выслушать ответ на царскую грамоту. Ответ был дан в довольно благожелательном тоне, хотя из него можно было сделать и не совсем благоприятный для русского правительства вывод: во Франции не одобряли начавшуюся войну России и Польши. «Король... его царского величества грамоте обрадовался и рад быть с великим государем в дружбе вечно. А что слышал про польских королей неправды, что у великого государя и великого князя Алексея Михайловича *вселя Руси самодержца* (курсив мой. — Г. С.) с польским королем межусобие, и королевское величество хочет, чтобы царское величество с польским королем были в мирном постановлении потому, что у царского величества с польским королем государства смежны»¹².

Объяснить эту реакцию французского правительства можно следующими соображениями. Франко-австрийское соперничество из-за влияния на дела европейских государств охватывало не только германские княжества, шла борьба и за влияние на политику Речи Посполитой. При дворе Анны Австрийской и юного Людовика XIV не желали ослабления Яна Казимира, который вплоть до вторжения Швеции высказывал открыто свои про-французские симпатии.

Добиться более четкой формулировки отношения к войне правящих кругов Франции Мачехнину не удалось. 15 ноября 1654 г. он был на отпуске у короля, где о делах, согласно тогдашнему этикету, не говорили. Гонцу вручили королевский подарок: золотую цепь и золотой медальон с королевским портретом, подьячий и переводчик получили в подарок по золотой цепи¹³.

19 ноября Матехнии и его спутники прибыли в Руан. Выделять в их распоряжение военный корабль не стали, так как судно под французским флагом могло быть захвачено английскими или испанскими кораблями, которые «грабят французов, где и ни встретят». Пришлось нанимать нейтральное судно¹⁴. 6 декабря 1654 г. они были в Амстердаме, 13 декабря — в Бремене, затем в Любеке, Нарве, и, наконец, в начале 1655 г. гонцы вернулись в Москву.

Более ощутимых результатов удалось достичь в Нидерландах и Дании.

Окончательное решение о воссоединении Украины с Россией было принято на земском соборе 1 октября 1653 г. 17 октября подьячий Герасим Головнин и толмач Дрябин были отправлены в Нидерланды с грамотой о присылке 20 тыс. мушкетов и 20 тыс. пудов пороха и свища. Ответ был более чем обнадеживающий: 20 тыс. мушкетов высылалось в Россию, а вместо 20 тыс. пудов пороха и свища отправили 30 тыс. пудов¹⁵. В свою очередь Россия поставила в Нидерланды значительно большую, чем обычно, партию хлеба, поташа, ревеня и прочих товаров¹⁶. Английским и шведским конкурентам пришлось потесниться на русском рынке.

Итак, во Франции и Нидерландах, противодействовавших Габсбургам, воссоединение Украины с Россией было воспринято в общем благожелательно. Во Франции хотя и отговаривали от войны с Польшей, но протестов не высказывали. Государства, поддерживавшие Австрию, встретили это событие весьма настороженно. Предстоящая война России и Польши могла привести (и вскоре привела) к союзу Речи Посполитой с противником Австрии — крымским ханом.

Вероятно, по этим причинам дипломатические миссии в Венецию и к императору отправлены были лишь летом 1654 г., когда сообщение о начавшейся войне можно было подкрепить заметными военными успехами. Однако рассмотреть эти посольства более целесообразно в данном месте работы, так как фактической целью их было уточнить отношение к вопросу о воссоединении Украины с Россией и русско-польской войне¹⁷.

6 июня из Москвы в Вену отбыли в ранге посланников дворянин Иван Иванович Баклановский и дьяк Иван Михайлов. Официально главной целью посольства было уведомление о вступлении на престол Алексея Михайловича¹⁸ (начал царствовать 9 лет назад, в 1645 г.).

Переговоры состоялись 9 октября. Русские дипломаты изложили мотивы войны и потребовали нейтралитета империи. Особый упор был сделан на то, чтобы Речи Посполитой не оказывать финансовой и военной помощи. Канцлер заявил, что император желает «крестьянскую кровь успокоить» и предлагает свое третейское посредничество в мирных переговорах¹⁹.

Предложения Фердинанда III были изложены и в ответной грамоте, предъявленной послам 16 октября, но этот текст был от-

клонен русской стороной, так как в грамоте не упоминались новые царские титулы ²⁰.

Только после того как грамота была переписана, в титулатуру включили «Малую Россию», после того как было дано обещание в ходе будущих русско-польских переговоров содействовать «приращению» новых земель, русские послы покинули царский двор ²¹.

* * *

Миссии дипломатов в Австрию, Францию, Нидерланды и Данию, как видно из приведенного выше материала, имели целью не просто информацию о начавшейся войне с Речью Посполитой, но и сохранение нейтралитета ведущими европейскими державами.

Для Западной Европы этот конфликт был побочным явлением, хотя и связанным с основными противоречиями того времени.

Россия и Польша пока еще оставались «периферией» европейской политики.

Иной характер носили дипломатические отношения со странами, которые были более тесно втянуты в орбиту восточноевропейских политических интересов: Швецией, Молдавией, Валахией, Трансильванией и Крымским ханством. Широкая дипломатическая деятельность, развернутая представителями России и Украины в этих странах весной 1654 г., была направлена уже не на сохранение их нейтралитета, а на формирование коалиции государств против Речи Посполитой. Принципы взаимодействия русской и украинской дипломатии были разработаны в ходе переговоров в Москве с представителями Украины и закреплены Мартовскими статьями 1654 г., определявшими статут Украины в составе России. Эти статьи предусматривали широкую автономию Украины в вопросах внешней политики. Гетману, как уже отмечалось, была предоставлена возможность осуществлять широкие дипломатические контакты практически со всеми государствами. Особо ценными были прочные связи гетмана со Швецией, Турцией и Крымом.

В планах создания коалиции первостепенную роль играли отношения России и Украины со Швецией. Во внешней политике Швеции прежде всего отмечается стремление укрепить свою торговлю на Балтике за счет ослабления Нидерландов и Дании, захвата той части побережья, которая принадлежала Речи Посполитой. Швеция настаивала на отказе польских Вазов от претензий на шведский королевский трон.

На протяжении 1652—1654 гг. и со шведской, и с польской стороны предпринимались шаги к мирному урегулированию споров, но переговоры отличались нестабильностью, нервозностью главным образом из-за претензий Яна Казимира на шведский трон и территориальных требований Швеции ²². С начала 1654 г. усиливается подготовка Швеции к войне, но окончательно вопрос о войне решен не был. Тем не менее предложение

личного представителя Яна Казимира Г. Каназиля о союзе против России было категорически отклонено: «...союз против России несвоевременен, т. к. отношения между ней и Швецией нормальны...»²³.

Разработку идеи русско-шведско-украинского союза, сочетающегося с союзом с Крымом, необходимо осветить подробнее. Вполне понятно, что основой совместных военных действий должно было стать признание Швецией акта воссоединения Украины с Россией. Уже вскоре после решения земского собора о принятии Украины «под высокую государеву руку» об этом было сообщено шведской королеве Христине, а 16 октября 1653 г. московское правительство обратилось с просьбой послать 20 тыс. славящихся в Европе шведских мушкетов по цене, которую платили ремесленникам шведская казна²⁴.

Ответ последовал вполне благожелательный, мушкеты были предоставлены России²⁵. Это оказалось весьма ощутимой помощью в предстоящей войне. Общая численность русских войск, действовавших против Польши в 1654 г. и охранявших русские южные границы от набегов татар, составляла не менее 63 тыс. человек²⁶. Следовательно, примерно, $\frac{1}{3}$ часть русской армии была вооружена шведскими мушкетами. Внушительность такого рода помощи несомненна, как несомненна и заинтересованность Швеции в успешной войне потенциального союзника против Речи Посполитой.

20 марта 1654 г. шведский резидент в Москве Яган Деродес был официально уведомлен о включении в титул царя «Малой России». Деродес воспринял это совершенно спокойно, пообещал немедленно уведомить королеву Христину. О том, что отношения не ухудшались, показывает любопытный факт, случившийся буквально на другой день. 21 марта Деродес обратился с просьбой разрешить ему построить новый двор в Москве. Безусловно, подобная просьба свидетельствовала о том, что встреча 20 марта проходила при полном взаимопонимании сторон. В декабре 1654 г. ему разрешили строить «новый свейский двор в Белом каменном городе меж Тверской и Неглинной на Успенском вражке». На строительство отпустили 300 тыс. штук кирпича, 400 бочек извести и на 5 тыс. руб. камня²⁷.

Ответ королевы Христины на грамоту, от 13 февраля был наполнен уверениями в дружбе и приязни, но царские титулы написали «по старому образцу», без упоминания Малой России²⁸.

Более подробно можно проследить отношение Швеции к вопросу о воссоединении Украины с Россией в переписке с гетманом Хмельницким, которая поддерживалась через православного греческого монаха Даниила. Переписка была организована бывшим подканцлером Речи Посполитой, перебежавшим в Швецию, И. Радзейевским.

От имени королевы Даниил предложил Хмельницкому план совместного удара Швеции и Украины на Речь Посполитую. Силами 80-тысячного корпуса шведские войска действуют через

Лифляндию и Пруссию, а гетман наносит удар по противнику с юга²⁹. В ответном листе к королеве Христине Хмельницкий выражает удовлетворение восстановившимися связями, а в письме к И. Радзейевскому пишет достаточно прямо: «Не мешкая, со своими войсками оттуда наступать, а мы уже готовы»³⁰.

Оба эти письма были отправлены из табора под Белой Церковью, где вместе с украинскими войсками находился и русский отряд под командой окольного А. В. Бутурлина. Следовательно, переговоры проходили явно с его ведома. В Швецию письма должен был доставить все тот же Даниил, которому Хмельницкий приказал добираться через Москву и, будучи в Москве, подробно информировать русское правительство о целях своей поездки к стокгольмскому королевскому двору. Даниил вез лист и к Алексею Михайловичу, в котором гетман писал, что шведское правительство, «узнав, что мы пришли под высокую государеву руку», прислало к нам отца Даниила, «хотячи с нами в совете жити», Хмельницкий просил верить всему, что Даниил передаст устно, и по возможности быстрее отпустить его в Стокгольм, «чтоб рати шведской яко наипрудче поспешались... что нам лишней будет неприятелей»³¹.

В письме Хмельницкого к царю от 28 июня идея союза против Речи Посполитой получает новое развитие: он предлагает не ограничиваться вовлечением в союз Швеции, а значительно расширить число участников будущего соглашения: «Да и тебе б, великому государю нашему, и нам всем тех посторонних земли, которые помочи дать, их от себя не откидать...»³²

Шведская королева Христина заявила о желании отречься от трона 15 февраля 1654 г. Даниил начал действовать позже, в мае 1654 г. Следовательно, грамота к Хмельницкому, хотя и была направлена от имени королевы, фактически отражала внешнеполитический курс ее преемника, Карла X Густава, и шведского правительства. 6 июня короновали Карла X Густава. Смена власти не означала резкой перемены политики. В придворных кругах по инициативе Радзейевского выдвинули следующий проект: вместе со шведским посланцем он поедет в Москву, чтобы добиться у царя субсидий для комплектования армии в 6—7 тыс. человек. С этими силами Радзейевский хотел осуществить вторжение через Силезию или иным путем для борьбы с Яном Казимиром и его сторонниками. «...Изгнанный подканцлер намеревался также привлечь к делу Украину, Крым, Порту, Молдавию...»³³.

Планы создания коалиции поддерживало и русское правительство. В октябре 1653 г. правительство России официально уведомило Швецию о своем намерении выступить против Речи Посполитой, а «в декабре русский посол предложил ей даже совместное выступление. Это предложение сразу поддержали шведские военные круги»³⁴. О заинтересованности России в планах создания коалиции свидетельствует и то, что Даниила быстро отпустили из Москвы. В сентябре он был в Швеции и 30 октября 1654 г. вручил новому шведскому королю лист Хмельницкого³⁵.

Несомненно, союз со Швецией предполагал временный отказ России от возвращения выхода в Балтийское море. Конечно же, Россия болезненно переживала утрату последнего участка побережья по Столбовскому миру 1617 г. Но менее ли важными для существования России были вопросы о воссоединении с Украиной и Белоруссией, о возвращении Смоленска? Польско-литовские магнаты создавали здесь плацдарм для удара по русским землям. Менее ли важным было для России спасение украинского и белорусского народов от религиозного угнетения, политики колонизации?!

В целом можно констатировать, что воссоединение Украины с Россией могло способствовать дальнейшему сближению России и Швеции, что и в русских, и в шведских дипломатических кругах благосклонно встретили идею Хмельницкого о союзе против Речи Посполитой.

Решение Переяславской рады оказало самое благоприятное воздействие на ход национально-освободительной борьбы народов Дунайских княжеств Молдавии, Валахии, Трансильвании.

В годы Освободительной войны 1648—1654 гг. Б. Хмельницкий делает все возможное для того, чтобы втянуть эти княжества в борьбу против Польши. Однако в 1653 г. по планам Хмельницкого был нанесен удар. В сражении у села Финта войска союзника Хмельницкого Василия Лупу были разгромлены поляками, а в июле 1653 г. осажден под Сучавами и потерпел поражение казацкий отряд под командой сына гетмана — Тимофея Хмельницкого. Тимофей был опасно ранен и умер.

Враг Василия Лупу Георгий Стефан в союзе с Речью Посполитой, с валашским господарем Матеем Басарабом и трансильванским князем Дьердем II Ракоци захватил престол Молдавии. Поскольку еще в первой половине XVII в. Речь Посполитая чаще выступала как противник Османской империи, народы Дунайских княжеств возлагали свои основные надежды на помощь в борьбе за национальную независимость именно на нее и в меньшей степени на Россию. Ситуация резко изменилась после Переяславской рады, когда Речь Посполитая в 1654 г. заключает союз с Крымом, а Россия и Украина все более втягиваются в антиосманскую борьбу. Опорой в борьбе против османов могла быть теперь только Россия. Пример Украины еще более воодушевлял и давал уверенность в победоносном исходе этой борьбы, рада в Переяславле подсказывала новые возможности решения задачи национального освобождения³⁶.

В свою очередь, и в Москве и в Чигирине ввиду предстоящей войны с Речью Посполитой готовили почву для установления дружественных отношений с соседями. В Москве, несомненно, учитывали, что захват молдавского престола Георгием Стефаном и смерть старшего сына Хмельницкого Тимофея обуславливали чрезвычайную осторожность первых шагов. Пока было преждевременным говорить о союзе сил против Польши. В первых числах февраля в Посольском приказе написали две аналогичные гра-

моты к Г. Стефану и к М. Басарабу. В них объясняли, что решение принять Украину в состав России вызвано во многом стремлением защитить ее «от гонения... и от насилования» со стороны католиков, предлагали установить постоянные дипломатические контакты. Что же касается Речи Посполитой, то здесь проявлялась сугубая осторожность — Молдавии и Валахии пока что предлагали придерживаться нейтралитета: «А буде Ян Казимир, король полской и великий князь литовской учнет к тебе присылати просить помочи на наших царского величества подданных на гетмана Богдана Хмельницкого и на все Войско Запорожское... и ты б ... ничем не помогал»³⁷.

Эти грамоты должен был доставить в Молдавию и Валахию дворянин Гавриил Федорович Самарин. Однако еще до его приезда молдавский господарь Георгий Стефан принимает решение использовать помощь России и Украины в предполагавшейся борьбе против Турции. 18 февраля 1654 г. он отправляет в Чигирин и в Москву своего посланца Ивана Григорьева (Иоана Григоре) с грамотой, в которой извещает о вступлении на господарский престол и просит принять Молдавию «под честную ти царскую десницу, яко же нижайших и всяких благ желатели к пресветлому и великому ти царству»³⁸. Таким образом, фактически речь сразу пошла не о нейтралитете Молдавии в войне, а о ее подданстве России и участии в общих военных действиях. Говоря о подданстве Молдавии и других Дунайских княжеств России, необходимо помнить, что и реальные возможности подданства, и само понимание сущности этого акта складывались и развивались постепенно на протяжении 2-й пол. XVII — начала XIX в. (Молдавия вошла в состав России по Бухарестскому миру 1812 г.). Это был длительный процесс, связанный с постепенным ослаблением Османской империи, подъемом международного влияния и силы России, усилением освободительного движения народов Дунайских княжеств и пр. Что касается Валахии, то она с помощью России получила национальную независимость.

В XVII в., как представляется автору, идея подданства России была провозглашена в самой общей форме. Само же подданство понималось и в Москве, и в Дунайских княжествах скорее всего как своеобразный союз под протекторатом России против общих врагов. Переговоры велись и в Москве и в Яссах³⁹.

Вероятно, на переговорах шла речь и об активном участии Молдавии в войне против Речи Посполитой и ее союзников. В противном случае трудно объяснить специальную оговорку, сделанную в ответной грамоте Г. Стефана к царю о том, что помощь эту он оказать не может, так как военная сила татар от них очень близко и татары могут в 2—3 дня разорить страну⁴⁰.

Нет ничего в ответной грамоте и о подданстве Молдавии, хотя в устной форме господарь заявил Самарину, что Молдавия стремится войти в состав России. В тексте грамоты лишь осторожно упомянуто о большой радости молдавского господаря в связи с принятием Украины в русское подданство. В самых общих чер-

тах писалось о том, что господарь желает наладить с гетманом постоянные дипломатические связи⁴¹.

Впрочем, пышный прием русского представителя не помешал Стефану тут же направить своих гонцов в Варшаву, Бахчисарай и Трансильванию с сообщением о том, что к нему прибыло посольство из России и предлагает ему принести присягу подданства царю⁴², тогда как в действительности инициатива перехода в русское подданство исходила от самого Стефана. Стремление на всякий случай выгородить себя в глазах хана, короля и трансильванского князя несомненно. Посланец от Г. Стефана в Бахчисарае даже передал копию с царской грамоты и по поручению господаря всячески убеждал хана не давать военной помощи казакам потому, что те присягнули на верность России⁴³.

Сношения с Матеем Басарабом — господарем Валахии — в 1654 г. установить вообще не удалось. От него были, правда, посланцы у Хмельницкого с предложением перейти в подданство России⁴⁴, но как только они покинули лагерь гетмана, так сразу же на Брацлавский полк напали валашские и польские войска⁴⁵. К тому же и сам Матей Басараб последовал примеру Г. Стефана и переслал копии царских грамот к хану. То же сделал и Д. Ракоци. Все они клялись хану, что давно соединились с польскими войсками.

Общий итог своей миссии Самарин оценивал отрицательно: в Валахию его даже не пропустили, а клятвы Г. Стефана в верности ненадежны, союз с ним против Речи Посполитой весьма сомнителен, так как молдавский господарь «в большой дружбе» с Яном Казимиром, именно он посадил Стефана на престол⁴⁶.

Тем более проблематичным в представлении Самарина был вопрос о подданстве Молдавии России. Здесь все упиралось в опасную близость татар и турок: «земля его от войны заустела», турецкие и татарские отряды непрерывно находятся в Яссах, ежегодно Стефан посылает султану большую дань⁴⁷.

Резкие колебания Г. Стефана и отказ его продолжить переговоры с Россией были вызваны еще и тем, что в феврале 1654 г. Речь Посполитая предприняла попытку наступления против Украины. Между тем переговоры о подданстве Молдавии только начинались и не принесли пока никаких результатов, позиция Хмельницкого в вопросе о Молдавии, Валахии, Трансильвании оставалась для господарей неясной. Наконец, нельзя не учитывать внутренние, социально-экономические причины колебаний молдавского, валашского и трансильванского владетелей. По мнению Л. В. Власовой, основным источником материального благополучия господарей была так называемая централизованная рента — часть дани с их земель в Стамбул, которую правительство султана отчисляло господарям и наиболее крупным должностным лицам. Боязнь потерять этот источник дохода делала внешнеполитические позиции господарей очень нестабильными⁴⁸. Все это заставило Стефана, Басараба и Ракоци прервать начавшиеся контакты и выступить под знаменами прежних

своих союзников против России и Украины. Но оставался османский гнет, оставалось сближение Речи Посполитой с Крымом, что делало неизбежным возобновление переговоров Дунайских княжеств с Россией и Украиной.

Естественно, что колебания Дунайских княжеств между Россией и ее противниками вызывали большую настороженность в Москве и в Чигирине. Московское правительство сочло за лучшее в вопросе о продолжении переговоров с Дунайскими княжествами положиться на Б. Хмельницкого. Стефану была лишь послана грамота с его послом И. Григоре о том, что царь согласен принять Молдавию в подданство⁴⁹, а направленному в апреле 1654 г. в Яссы дьяку Томиле Перфирьеву предписывалось ехать в Молдавию лишь в том случае, если это сочтет возможным гетман: «Будет гетман Богдан Хмельницкий скажет что он, Стефан, бьет челом великому государю в подданство правдою»⁵⁰. Хмельницкий решил временно прервать переговоры ввиду возобновившихся военных действий и отправил Перфирьева в Москву.

Однако, как только выявилась неудача весеннего наступления польских войск на Украину, эти переговоры возобновились по инициативе Б. Хмельницкого, стремившегося, как и русское правительство, объединить в борьбе против Речи Посполитой силы Молдавии, Валахии, Трансильвании, Швеции и, если удастся, Турции и Крыма.

Воссоединение Украины с Россией усилило национально-освободительную борьбу народов Балканского полуострова. Народы, которые находились под игом Османской империи, с нетерпением ожидали наступления на турок и татар российских и казацких войск. Прибывший в Москву в мае 1654 г. гонец от константинопольского патриарха Паисия «греченин Иван Николаев» рассказывал в Посольском приказе: «...как государевы ратные люди Дунай-реку перейдут, или Хмельницкий с черкасы выступит, и они де тотчас на турков сами восстанут и над ними учнут промышлять сообча»⁵¹.

По поручению Паисия посланец предложил создать государство, объединяющее все православные земли и народы под эгидой московского царя: «А гречане де о том бога молят, чтоб бог совокупил христианство воедино и быти б им под благочестивым христианским государем»⁵².

После воссоединения Украины с Россией борьба за выход к Черному морю приобретает все более и более важное значение. Россия начинает все более активно противодействовать турецко-татарской агрессии на своих границах. «Все это усилило интерес Русского государства к угнетенным южнославянским народам, способствовало установлению более тесных связей с сербами, болгарами»⁵³.

«В 60-х гг. в Сербии и Болгарии готовился заговор против Турции, в котором участвовал и печский патриарх Гавриил (глава югославянской православной церкви.— Г. С.). Заговорщики

ставили целью заинтересовать европейские государства судьбой балканских народов, побудить их вступить в войну против Турции. По-видимому, в связи с этим заговором стоит поездка в Москву в 1654 г. патриарха Гавриила, который в пути встретился с Хмельницким и получил от него письма к московскому патриарху. По возвращении в Сербию в 1656 г. патриарх был казнен турецкими властями якобы за то, что он советовал московскому царю начать войну против Порты»⁵⁴.

Нет смысла преувеличивать влияния воссоединения Украины с Россией на ход антитурецкой борьбы балканских народов, но не нужно и преуменьшать воздействие этого акта.

РУССКО-УКРАИНСКО-КРЫМСКО-ТУРЕЦКИЕ ОТНОШЕНИЯ. КРЫМСКОЕ ХАНСТВО И РЕЧЬ ПОСПОЛИТАЯ НА ПУТИ К СОЮЗУ

Воссоединение Украины с Россией изменило отношения с Крымским ханством, с ногаями и прочими, по выражению А. А. Новосельского, многочисленными «осколками Золотой Орды», которые все еще приносили массу хлопот русской дипломатии и требовали неусыпного, пристального наблюдения.

Существенная оценка влияния воссоединения Украины с Россией на отношения с Крымом требует уточнения. В статье А. А. Новосельского говорится о резко обострении русско-крымских отношений, сразу же переросшем в военные действия против Крыма⁵⁵. О крайней напряженности в русско-крымских отношениях писал и А. Н. Мальцев⁵⁶. И. В. Галактионов считает, что Россия пыталась вначале нейтрализовать Крымское ханство⁵⁷.

В предшествующий период, в годы Освободительной войны 1648—1654 гг., интенсивность набегов крымских татар на Россию резко упала. Отношения оставались довольно спокойными, если не считать типичных мелких набегов своевольных татарских мурз. Немалая заслуга в этом Хмельницкого, который сумел отвести от России удары своего тогдашнего союзника⁵⁸.

По-видимому, сложившиеся в ходе Освободительной войны отношения с Крымом породили определенные надежды у русских дипломатов. В Посольском приказе считали вполне возможным не только поставить вопрос о нейтралитете татар, как это пишет И. В. Галактионов, но даже использовать их силы в предстоящей войне, заключить с Крымом союз. Рассмотрим этот вопрос подробнее.

Надвигающаяся война с Польшей требовала быстрых и решительных мер. Мысль о союзе была подсказана, по всей вероятности, Б. Хмельницким. Осенью 1653 г., после сражения с поляками под Жванцем, заблокированные казацкими и татарскими от-

рядами войска Яна Казимира вынуждены были вступить в переговоры с ханом. В ходе этих переговоров Хмельницкий имел немало возможностей убедить, что противоречий между королем и ханом довольно много. Хотя был заключен мир между ними, не было никакой гарантии, что этот мир окажется прочным. Заключенные в 1649 и 1651 гг. мирные договоры под Зборовом и Белой Церковью обе стороны легко нарушали.

Мысль о привлечении хана к союзу против Речи Посполитой была высказана Хмельницким еще во время встречи с Василием Васильевичем Бутурлиным, в Переяславле, на другой день после знаменитой исторической рады. В беседе с Бутурлиным гетман коснулся вопроса и о Жванецком договоре, оценив его как очень непрочный и несовершенный акт. Во-первых, не было никакого письменного текста соглашения, «а был де у них договор на словах». Во-вторых, заложники, которыми обменялись стороны, были слишком неравноценными: татары оставили «Мамбет-мурзу и тот обычный человек, да с ним 6 человек нагайских худых татар»⁵⁹. По мнению Хмельницкого, это были не столько заложники, сколько обычный конвой для охраны отправляемых в Крым подарков. С польской стороны в заложниках оставляли отпрысков знатных родов: сына коронного маршала Любомирского и племянника польного гетмана Лянцкоронского⁶⁰.

В беседе с В. В. Бутурлиным Хмельницкий предложил использовать существовавшие между ним и ханом отношения военного союза и закрепить их. Для этого, как полагал гетман, Войско Запорожское должно послать к хану письмо, в котором будет сообщено о присяге русскому царю. В письме необходимо сослаться, полагал Хмельницкий, на заключенные ранее украинско-крымские договоры, по которым «кто ему, гетману, друг, то и ему, хану, друг, а кто ему, гетману, недруг, то и ему, хану, недруг». Необходимо, говорил Хмельницкий, предложить хану «стоять по прежнему своему договору на польского короля с ним, гетманом, заодно»⁶¹.

На вопрос Бутурлина, как поступить, если «крымский хан по его письму не учинит», Хмельницкий предложил нанести удар по Крыму русскими отрядами из Астрахани и силами донских казаков⁶². В последующем эта линия поведения по отношению к Крыму получила дальнейшее развитие на переговорах украинского посольства в Москве, в наказе русским послам к хану и в грамотах Хмельницкого и царя на Дон.

В Переяславле обсуждать этот вопрос не стали: Хмельницкий торопился в свою столицу Чигирин, откуда удобнее было руководить организацией обороны границ от набегов польских отрядов. Да и крымские дела могли повернуться по-всякому⁶³.

Пока это еще были самые общие наброски будущего плана совместных дипломатических действий России и Украины, но уже в этих набросках содержались основные элементы: союз с Крымом, а в случае, если такой союз не удастся заключить, — походы донских (и конечно же, запорожских) казаков.

Ни на Украине, ни в Москве не могли с уверенностью определить, по какому пути будут развиваться отношения с Крымом: будет ли это военный союз против Речи Посполитой, либо Крым предпочтет войну с Россией и Украиной в союзе с польским королем. Нужно было разрабатывать оба возможных варианта.

Сразу же после Переяславской рады гетман начинает готовить посольство в Москву для выработки условий автономии Украины в составе России. Среди прочих дел более подробно разрабатывался и предложенный гетманом принцип отношений с Крымским ханством. В середине февраля 1654 г. закончили составление челобитной, в которой под 22 пунктом значилось: «Орда, если бы имела ввинуться, тогда от Астрахани и от Казани надобно на них наступати. Также и донским казакам готовым быть. А нынче ещо в братстве — дать сроку, их не задирать»⁶⁴.

Предложенная В. В. Бутурлину в Переяславле идея использовать прежний союз гетмана с крымским ханом нашла в Москве полную поддержку. Еще до прибытия гетманских посланцев, едва только В. В. Бутурлин привез в столицу весть о Переяславской раде, как в Москве в середине февраля состоялось заседание Боярской Думы, на котором приняли решение «послать к Ислам-Гирею-царю ... Тимофея Хатунского да подьячего Ивана Фомина. А в своих государевых грамотах указал государь к царю, и к калге, и к нурадыну с ним, Тимофеем писать о помощи на польского Яна Казимира короля... чтоб царь, и калга, и нурадын ... со своими ратными людьми шли»⁶⁵. То же самое было записано и в наказе Т. Хатунскому: напомнить о походах татар против Речи Посполитой и предложить переговоры о совместной борьбе⁶⁶.

Линия на развитие мирных и даже союзнических отношений с Крымом получила дальнейшее развитие на мартовских переговорах в Москве с представителями Украины Самойлом Богдановым и Павлом Тетерей. По поручению Хмельницкого на этот раз обсуждался вопрос о временном запрещении походов донских казаков на Турцию и Крым. Тетеря и Богданов еще раз напомнили о том, что у Хмельницкого с ханом союз, и предложили: «...будет де крымской хан в дружбе с нами будет, и государь бы де указал послать свое государево повеление к донским казакам, чтобы они в то время, пока крымской с ними будет в дружбе, на крымские улусы не ходили и задоров никаких не чинили. А будет де крымской хан в дружбе с ними по прежнему не будет, и в то время указал государь воевати крымские улусы донским казакам, и астраханским татаром, и калмыком»⁶⁷.

Против этой записи на полях документа сделана помета, вероятно, главой Посольского приказа дьяком Алмазом Ивановым: «Сказать: на Дон к казакам государево повеление послано. Будет крымские люди задору никакого не учинят, и на них не ходить. А будет задор учинят, и в то время государь укажет над ними промысл чинить»⁶⁸. Действительно, не прошло и двух дней

после обсуждения вопроса в Посольском приказе, как на Дон была отправлена 15 марта грамота с Пармоном Золоторевым, в которой извещалось о принятии в подданство Украины, подчеркивалось, что хан с Хмельницким заключил союз и категорически запрещались всякие военные действия против Крыма до тех пор, пока татары сами не нападут на украинские или русские земли⁶⁹. Повторная грамота с такими же предписаниями последовала 11 апреля⁷⁰.

Как видно из приведенного материала, перспектива отношений с Крымским ханством весной 1654 г. оставалась неясной как московскому правительству, так и Хмельницкому, допускалась возможность и союза, и войны с Крымом. Поэтому, используя маломальскую возможность для заключения союза, нельзя было забывать и о другом пути развития отношений — войне с ханством.

В феврале из Москвы в Крым отправилось посольство Т. Хатунского с задачей выяснить отношение крымских властей к вопросу о воссоединении Украины с Россией, продолжению совместной борьбы с Речью Посполитой. Те же цели ставил перед собой и украинский дипломат Семен Савченко, прибывший к хану почти одновременно с московским посольством.

А. А. Новосельский писал, что «первое официальное сообщение о воссоединении Украины с Россией было получено в Крыму через посланцев гетмана, по-видимому, в марте 1654 г.»⁷¹. Источники позволяют уточнить эту дату. 10 апреля русские посланники в Крыму Хатунский и Фомин узнали от подкупленного ими Сулешь-кегьи (дворецкий ханского визиря), что 4 дня назад прибыли послы от Богдана Хмельницкого Семен Савченко «с товарищи семь человек»⁷². Следовательно, официальное сообщение могло быть сделано, скорее всего, 6 апреля. Русские представители сообщили о воссоединении 9 апреля, во время аудиенции у визиря⁷³.

Что же касается неофициальных сведений, то они были получены в Крыму значительно раньше. Еще в январе первым, по-видимому, привез весть гонец от ногайского Указ-мурзы, кочевавшего «под черкасскими городками»⁷⁴. Известие о воссоединении вызвало в Крымском ханстве бешеную ярость, опасались, что ускользнет из рук Украина, которую хан надеялся, если не поставить полностью под свой контроль, то, по меньшей мере, превратить в постоянный источник обогащения и, прежде всего, полона⁷⁵.

Еще А. А. Новосельский писал о «несомненной связи военной активности татар с их внутренним строем»⁷⁶. Он отмечал, что по своей социально-экономической природе Крымское ханство являлось хищническим государственным образованием, паразитировавшим за счет грабежа соседних народов. Слабое развитие земледелия привело к тому, что Крым не мог прокормить своего населения, несмотря на чрезвычайно благоприятные природные условия. Частые недороды и голодовки вели к вымиранию

и передвижению больших масс татар. Что же касается кочевого скотоводства — основной отрасли хозяйства ханства, оно не могло обеспечить всем необходимым в условиях ограниченных земельных площадей Крыма.

«Практика извлечения средств из соседних стран имела за собой вековую традицию, она приобрела значение влиятельного фактора во всей экономике Крыма, дополняя его скудный экономический быт». Уничтожение и захват материальных ценностей в соседних странах, угон в полон людей и работорговля были основными «статьями дохода» крымских феодалов⁷⁷.

Но в основе политики Крыма лежал не только грабеж соседних земель.

В блестящей монографии А. А. Новосельского справедливо отмечено, что определять ориентацию Крыма на союз с Россией или Польшей исключительно суммой поминок (и возможностями грабежа. — Г. С.) — значит исходить из признания такой степени примитивности, которая исключает совершенно политические мотивы⁷⁸. А такие мотивы были: это и стремление отстоять пережитки давних, золотоордынских традиций (что выражалось в трактовке крымцами поминок как дани), утверждение ими своего права войны, грубое, жестокое третирование московских посланников, бесцеремонное поведение крымских послов в Москве, претензии на захват украинских земель, на «покровительство» мусульманам Поволжья и Северного Кавказа и пр.⁷⁹

Тактический прием, с помощью которого Крымское ханство проводило свою политику грабежа, крупнейший русский дореволюционный востоковед В. Д. Смирнов характеризовал как поддержание «системы политического равновесия». Ханы предпочитали оказывать помощь тому противнику, которого они считали более слабым⁸⁰.

В дополнение к этим четким и ясным положениям можно сказать, что со второй половины XVII в., после воссоединения Украины с Россией, прибавился страх татарской знати перед возросшей силой северного соседа, чьи территориальные владения теперь вплотную соприкасались с границами ханства. Воссоединение Украины с Россией воспринималось в Крыму как страшная угроза, избавиться от которой одни группировки феодалов (главным образом придворные) старались путем союза с Речью Посполитой, другие — путем союза с Украиной и Россией.

Действительность открывала для ханства два пути. Первый путь традиционный, основанный на союзе с Хмельницким, уже опробованный и принесший немалый эффект. Теперь к этому союзу добавились бы военные силы России. Несомненно, подданство России затрудняло грабеж украинских территорий, но оставались земли Польши и Литвы. Уменьшалась и эффективность обогащения из-за большей удаленности собственно польских земель, трудностей доставки награбленного и полона. Этот путь был, образно говоря, «синицей в руке», в то время как смена ориентации и союз с Речью Посполитой, создававшей предпосыл-

ки для более близких походов на украинские и русские земли, пока еще оставался «журавлем в небе».

Второй путь — путь смены ориентации, союза с Речью Посполитой против России и Украины. Он создавал предпосылки для более эффективного грабежа коренных украинских земель, близость которых к Крыму облегчала и грабеж богатств, и захват полона. Но многое зависело от того, как сложатся военные действия против Польши русских и украинских войск, не было известно, как удастся урегулировать отношения Крымского ханства с восточными соседями, и прежде всего с калмыками, угрожавшими Крыму, как удастся защитить земли от походов донских и запорожских казаков, да и присутствие русских войск на Украине вызывало серьезное беспокойство.

Традиционный путь союза с Хмельницким давал более надежный, хотя, может быть, и не столь доходный источник обогащения.

В ханстве началась упорная борьба за выбор того или иного пути внешней политики⁸¹. Вместе с тем «это была борьба за власть и влияние внутри Крыма..., а также за раздел добычи и пользование источниками других крымских доходов»⁸². Исход борьбы известен — Крым примкнул к Речи Посполитой, но остроту соперничества нельзя приуменьшать. Весьма многие мурзы были противниками разрыва с Хмельницким, в основном это были мурзы ногайских улусов, которые тяготились излишне жесткой «опекой» других татарских владетелей и соперничество которых стало, по наблюдениям А. А. Новосельского, весьма заметным уже к середине XVII в.⁸³

На созванной весной 1654 г. большом курултае татарской знати противники придворной группировки прямо заявили: «Пока у нас было побратимство с казаками, мы наполняли Крым польскими невольниками, а теперь что возьмем, воюя против казаков за поляков? Казаки бились за свободу, а нам доставался ясырь. Не будет нам такой выгоды, когда будем сражаться за поляков. Поляки люди гордые, ходят в богатых одеждах, в дорогих шубах, в турецких сапогах: не станут они биться для нашей выгоды»⁸⁴.

Почти с первых же шагов в борьбу включились дипломатические представители соседних с Крымом государств и земель. 29 марта в Крым прибыл посол от Яна Казимира Ян Яскульский, а следом за ним появился гонец короля Веприк. 3 и 4 апреля прибыли гонцы: из Трансильвании — капитан Савва Васильев и от Г. Стефана — некий Антон. Требование их было общее: «чтоб хан сам шол, или бы которого царевича с воинскими людьми послал польскому королю на помощь против восточного царя, московского государя»⁸⁵. Наконец, 6 апреля в Крым прибыл посланец Хмельницкого Семен Савченко с сообщением о Переяславской раде и с предложением Ислам-Гирею по прежнему вместе воевать Речь Посполитую⁸⁶. Весной 1654 г. ни одному из посольств не удалось достичь заметного успеха. Оппозиционные хану круги требовали возобновления союза с Украиной, а теперь

и с Россией, о чем и говорилось на курултае. Придворная среда была настроена в пользу Речи Посполитой. Еще во время Жванецких переговоров ханский визирь Сефергазы-ага договаривался с коронным канцлером Корецыньским «итти на Московское государство на весну»⁸⁷.

Переговоры с Хатунским и Фоминым тоже не внесли ясности в политику Крыма. На первой официальной встрече 9 апреля посланники предложили, «чтобы царь, и калга, и нурадын с своими ратными людьми пошли войною на иво государева недруга за многие ево неправды и грубости, на польского Яна Казимира короля»⁸⁸.

Ответ визиря Сефергазы-аги русским посланникам был достаточно расплывчатым: «Чаю де, хан, и калга, и нурадын такова дела не учинят, с своими ратными людьми на польского короля нынешнего году не пойдут потому, что хан с польским королем нынешнюю зиму будучи в войну, учинил мирной договор, что ему, хану, вперед на короля войною не ходить»⁸⁹. В этом ответе визирь совершенно обошел вопрос о нападении на Украину. Отказ идти походом именно «нынешнего году», конечно же, еще не означал отказа от набегов на Польшу вообще. Крым еще не определил внешнеполитический курс, и потому ответ визиря был неясным.

Еще более туманными оказались итоги визитов русских посланников к хану Ислам-Гирею, калге и нуретдину. В условиях обостренной борьбы среди крымской знати хан стремился по возможности избежать огласки переговоров. На приеме Хатунского 11 апреля у хана присутствовал необычайно узкий круг приближенных: визирь, помощник визиря казнадар Субханкази-ага и диванный китаяп. (Келейный характер аудиенции не преминули отметить в статейном списке русские посланники.) Хан вообще отказался давать какой-либо ответ, сославшись на то, что он еще не прочитал царскую грамоту. Таков же результат приемов был у калги и нуретдина⁹⁰. Хатунский и Фомин попытались мотивировать свои требования ссылкой на традиционную формулу шертной грамоты: «другу твоему друг, а недругу твоему недруг», но ответа так и не получили⁹¹.

Сведения, полученные русскими дипломатами по нелегальным каналам, подтверждали колеблющуюся позицию хана. 12 апреля, на другой день после приема у хана, на дворе у посланников появился дворецкий визирь Суляш-кегья якобы для того, чтобы посмотреть великошного коня, на котором Хатунский ехал на прием к хану. Естественно, что тут же он получил этого коня «в подарок», а за «подарок» расплатился сведениями, которые очень интересовали посланников. Выяснилось, что хан весьма недоволен Переяславской радой, но как хан «впредь хочет быть с гетманом — того он не ведает»⁹².

Ислам-Гирей продолжал колебаться между противоположными партиями крымской знати до тех пор, пока не уяснил для себя окончательно позицию Хмельницкого. И Хатунскому,

и польскому дипломату Яскульскому прямо объявили только о том, что решение откладывается до окончания переговоров представителей хана с гетманом Украины⁹³.

О переговорах гетманских послов в Крыму мы узнаем со слов Семена Савченко и генерального писаря И. Выговского, встречавшихся с Томилой Перфирьевым, который остановился в Чигирине по пути из Москвы в Яссы. Достоверность записи этой беседы не вызывает сомнений. Савченко не скрывал, что на переговорах с ханом он не стремился подчеркнуть важность решений Переяславской рады, но, напротив, старался представить ее как обычный, вполне заурядный эпизод в борьбе с Речью Посполитой, делал все возможное, чтобы завуалировать решающее значение акта воссоединения с Россией. Это было необходимо для сохранения союза с Крымом, такая линия поведения отвечала общим интересам России и Украины. Перфирьев не только не возражал против такой тактики, но даже считал возможным одобрить ее, наградив украинского дипломата парой отличных и очень дорогих соболей⁹⁴.

Отсутствие четкой внешнеполитической линии Крымского ханства сказалось и в ходе переговоров с Семеном Савченко. На аудиенции Ислам-Гирей воздержался от оценки воссоединения Украины с Россией и высказал довольно резко недовольство лишь тем, что решение Переяславской рады было принято без предварительного совета с ним: «Для чего без ведома хана оставили короля и поддались царю?» Савченко в ответ ссылаясь на утеснения православной веры, грабежи и разбой шляхты. Недоволен был хан и появлением в Киеве русского гарнизона. Особо беспокоили его слухи о взятии Смоленска.

Савченко отвечал, что о взятии Смоленска он ничего не слышал, а что касается воевод, то это не должно тревожить хана — воеводы только в одном Киеве⁹⁵. Такой ответ скорее всего должен был несколько снизить в глазах хана прочность русско-украинских связей, создать впечатление, будто бы на Украине не произошло никаких принципиальных перемен, а следовательно, возможно сохранение прежних отношений с ханством.

Те же цели имела и гетманская грамота к Ислам-Гирею, направленная 16 апреля из Чигирина. Стремясь сгладить углы, смягчить неизбежное недовольство в Бахчисарае решением Переяславской рады, Хмельницкий пишет в этой грамоте, что к присяге России его толкнули сами поляки, нарушившие Жванецкий мир и начавшие наступление на Украину. (В действительности дело было совсем наоборот: посольство В. В. Бутурлина ждало у границ Украины заключения Жванецкого мира.) Сама же присяга царю, уверял Хмельницкий, отнюдь не противоречит сущности украинско-крымского союза и даже принесена якобы по совету самого Ислам-Гирея. В действительности хан ничего не знал о предстоящей раде. (В. В. Бутурлин пересек границу после того, как мир был заключен и основные силы татар ушли в Крым.) Хмельницкий заканчивает свою грамоту просьбой о при-

сылке военной помощи против Речи Посполитой. Аналогичное письмо было направлено в тот же день и к визирю Сефергазы-аге⁹⁶.

Еще в ходе переговоров под Жванцем осенью 1653 г. Речь Посполитая и Крымское ханство в общих чертах решили вопрос о совместном походе на Россию. Для реализации этих планов нужно было заставить украинское казачество не только признать власть Яна Казимира, но и принудить казаков участвовать в этом походе, ни коим образом не допустить воссоединения Украины с Россией.

Поэтому, если Хатунскому и Яскульскому не давали определенного ответа, то с С. Савченко в Крыму церемониться не стали. Сефергазы потребовал не только вновь признать власть короля, но и примкнуть к польско-крымскому походу на Россию. Савченко протестовал против возвращения под власть короля, что же касается похода на Россию, то он не ответил решительным отказом⁹⁷. Однако в переговорах с С. Савченко ханский двор тоже не рискнул обострять отношения с Украиной и Россией прямым отказом от союза против короля, но и согласия на союз не давал: «Хан де крымской ему, Семену, ни на что не отказал, только де в великом сумнении стал»⁹⁸.

Ничего не добившись от Савченко, правительство хана направляет своего представителя к Хмельницкому (Алкаса Кегито) с теми же предложениями.

Теперь выбор внешнеполитического курса Крыма зависел во многом от исхода переговоров в Чигирине. До возвращения Кегито переговоры с русскими и польскими представителями в Бахчисарае фактически замерли.

Переговоры Алкаса Кегито с Хмельницким и Выгодским начались 9 мая. Авантюристические по существу требования хана о возвращении под власть Польши и о походе на Россию подкреплялись обвинениями в том, что гетман «ломает присягу» с ханом (хотя никакого обязательства перед ханом относительно того, чтобы не переходить в подданство России никогда не давалось), в том, что татары целых 7 лет «обороняли» Украину от Речи Посполитой, а гетман даже не посоветовался с ханом, когда приносил присягу России. В дело были пущены все средства, вплоть до грубой дезинформации: Кегито утверждал, что к королю уже посланы представители хана с требованием, чтобы король «на нас всеми своими ратями не наступал». (В Варшаву с Яскульским действительно отправились послы от хана, но целью их было получение поминок, а вовсе не защита Украины.) Вскоре Алкас Кегито перешел к прямым угрозам: если Украина останется верной решениям Переяславской рады, ей придется защищать себя от крымской орды⁹⁹.

Во всех этих выпадах примечательно, пожалуй, одно: требование признать власть не крымского хана, хотя намеки такого рода заметить нетрудно, а Речи Посполитой. В Крыму еще не решались прямо высказать свои претензии на Украину.

Ответ Хмельницкого — это ответ спокойного и уверенного в своих силах государственного деятеля: «Как хан на нас с ляхами пойдет, или людей прищлет — и мы как не с другими будем биться полем и водами, сколько бог помочи и ума даст»¹⁰⁰. (Не здесь ли корни знаменитого ответа запорожцев турецкому султану: «Землею и водою будем биться с тобою?»)

Для Хмельницкого не было секретом, что переговоры в Варшаве идут вовсе не о защите Украины: хан «для денежные казны, что ляхи дают и хана прелцают, от нас, от Войска Запорожского хочет отступить»¹⁰¹.

Присяга Москве, говорил Хмельницкий, была вызвана еще и тем, что король и шляхта не выполнили условий Жванецкого договора 1653 г. «и с войной на города наши напали». Украине пришлось выдержать войну против целой коалиции: осенью 1653 г. и весной 1654 г. Речь Посполитая воевала вместе с правителями Молдавии, Трансильвании, Валахии «и вас еще прелцают, что и вы на своей присяге не стоите»¹⁰². Сущность же ваших переговоров в Варшаве, заявил гетман, это захват Украины. От совместного похода против России Хмельницкий безусловно и категорически отказался¹⁰³.

В тот же день состоялась встреча Выговского с ханским посланцем. Продолжалось обсуждение тех же вопросов, но встреча с генеральным писарем носила полуофициальный характер, что позволило расширить круг проблем. Выговский высказал недовольство намечавшимся союзом Крыма с Речью Посполитой, Трансильванией, Валахией и Молдавией, которые «хану очи золотом залепили, и для того вы забыли приязнь нашу, что мы вас богатыми учинили, а теперь от нас отступаете и с нами бранитца хотите»¹⁰⁴.

В ответ генеральный писарь выслушал от взбешенного мурзы не менее резкие слова, из которых становилось ясно, что воссоединение Украины с Россией вызвало опасения за судьбу самого ханства: «А про твою де думу как нам в Крым слышать было, что вы под царского величества поддались и на нас промышлять хотите, и для де того мы приятелей забегаем, как бы нам из других земель помоч была»¹⁰⁵.

Выговский не стал опровергать этих опасений, а заговорил о разбоях и грабежах татар. Желание хана сколотить союз против России, говорил он, вызвано вовсе не стремлением обеспечить себе помощь в борьбе с противником, а «только для одного лакомства: с нами на присяге не стоите, только поворотными обещаниями присягу уводите»¹⁰⁶.

Далее последовал прелюбопытный диалог. Разведчики Хмельницкого в Крыму донесли, что султан послал хану кафтан и саблю — символический подарок, означавший приказ выступить в набег. «Для чего султан послал этот подарок?» — спрашивал Выговский. Алкас Кегито ответил, что подарок означает поход против России. Выговский сказал, что в таком случае татарам

придется прежде всего столкнуться с украинскими казаками, стоящими уже в боевой готовности под Полтавой¹⁰⁷.

Видя, что заставить Украину участвовать в походе на Россию не удастся, Алкас предложил хотя бы соблюдать нейтралитет и предоставить татарам сражаться с русскими: «Вы де себе сидите дома да от ляхов обороняйтесь, а мы де свое дело будем делать»¹⁰⁸. «За счастьем великого государя, его царского величества... большая рать от полтавских городов вас, что гостей ожидати будет», — отвечал Выговский¹⁰⁹.

Встреча закончилась категорическим требованием генерально-го писаря сохранить союз против Речи Посполитой, не задерживать в Крыму царских посланников Хатунского и Фомина и через 12 дней прислать в Чигирин положительный ответ хана. Задержка ответа будет расцениваться как отказ. В заключение Выговский еще раз заявил, что Украина сохраняет верность решениям Переяславской рады¹¹⁰.

Общий итог переговоров в Чигирине не вызвал сомнений ни у Хмельницкого, ни у московского правительства: придворная группировка в Крыму склонялась на сторону союза с Речью Посполитой, требовала возвращения Украины под власть польского короля. В противном случае хан угрожал походом и разорением¹¹¹.

В то время как русские представители в Крыму безрезультатно дожидались решения хана, упорная дипломатическая борьба шла в Константинополе, где в апреле—мае состоялись переговоры с украинской дипломатической миссией. Украинские представители «добивались, чтобы султан велел хану сохранить прежние связи с Войском Запорожским»¹¹². Результат этих переговоров оказался таким же, что и в Бахчисарае: «Османские власти, сосредоточившие внимание на подготовке к новой пробе сил в войне с Венецией, фактически не взяли на себя реальных обязательств ни перед одной из сторон и передали решение на усмотрение крымского хана, требуя от него только помешать опустошительным набегам донских казаков на черноморское побережье Турции»¹¹³.

Положение на театре турецко-венецианской войны складывалось для султана весьма неблагоприятное: противник захватил ключевую крепость на о-ве Крите Кандию, обеспечив тем самым господство на Эгейском море. Венецианцы высадили десант под Константинополем и блокировали столицу с юга гребным флотом. В этой обстановке естественно было переложить на плечи крымского хана решение второстепенных для султанского дивана вопросов.

В самом же Бахчисарае решение оттягивали до прибытия известий о ходе переговоров в Чигирине. Наконец, 16 июня, после того как в Крым вернулся Алкас Кегито и получили согласие польского короля на ежегодную выплату 40 тыс. злотых, Хатунскому и Фомину было решительно заявлено, что татары не будут воевать против Речи Посполитой, но и теперь о военных дей-

ствиях против России и Украины ничего сказано не было. На 22 июня был назначен отпуск русского посольства¹¹⁴. К этому времени за «Перекопом, у Волчьих вод» было сосредоточено более 40 тыс. всадников, готовых к набегу либо на Россию, либо на Украину¹¹⁵.

Казалось, можно было оставить все надежды на союз с Крымским ханством, но обстоятельства неожиданно меняются. На конец июня хан Ислам-Гирей назначил праздник по случаю обрезания своих малолетних сыновей. Во время пиршества у него на теле появились какие-то гнойные струпия, которые лечили старинным способом: выдавливали. Болезнь обострилась, и 30 июня Ислам-Гирей умер. Ходили слухи, что он был отравлен какой-то украинской полонянкой¹¹⁶. Смерть хана повела к новому обострению борьбы между группировками за власть и к некоторому оживлению надежд Хмельницкого на возобновление союза с Крымом.

* * *

Вскоре после того как в 1566 г. русский гарнизон занял Астрахань, князь Ногайской орды Исмаил вынужден был признать зависимость от Москвы. Взятие Астрахани значительно укрепило экономическое и политическое влияние России на Северном Кавказе и прокладывало пути и в Среднюю Азию. «На почве обоюдной экономической заинтересованности возникали общие военно-политические связи, направленные к охране степных торговых путей от нападений кочевников»¹¹⁷. Вместе с тем подданство Большого ногай вызвало целый комплекс противоречий и осложнений, с которыми приходилось считаться московскому правительству не только в конце XVI, но и на протяжении едва ли не всего XVII в.¹¹⁸

Дети и внуки враждовавших с Исмаилом князей были, по выражению летописи, «выбиты» из орды и во главе с Казы-мурзой из рода Шейдяковых откочевали к Азову, где и основали новую орду Малого ногай. Малые ногаи признали власть султана и крымского хана, расселились к северу от Перекопа и под Азовом. «Малая ногайская (орда.— Г. С.) ... сделалась пристанищем для многих мурз, покидавших Большую ногайскую орду»¹¹⁹. В первые годы подданства ногайцев встречали в Крыму лаской и приветом, и это вполне понятно: русские дипломаты еще в XVI в. сравнивали Малый ногай с каменной стеной, прикрывающей Крым. Отношение к ним изменилось после того, как переселившиеся ногаи достаточно прочно вошли в государственную систему Крымского ханства.

Несмотря на присягу крымскому хану, желание вернуться в русское подданство, на прежние кочевья не исчезало и в XVI и в XVII вв. Объясняется эта тенденция постоянными противоречиями между ногайскими, белгородскими и крымскими татарами. Корень этих противоречий в экстенсивном характере кочевого скотоводства, в острой нехватке участков для кочевья. Стис-

нутые небольшими пределами степей от устья Буга и Днепра до Дона, ногайцы постоянно конфликтовали с Крымом и Белгородской ордой, кочевавшей южнее, из-за пастбищ. Находясь в зависимом положении от крымских мурз, ногайцы вынуждены были спосить от крымчаков всевозможные оскорбления и надругательства. Крымские ханы стравливали ногайских мурз между собой, запрещали крымскому населению оказывать ногайцам какую-либо помощь, а то и прямо грабили их кочевья. Приезжая в усулы, ханские чиновники «берут с ногаев кормы, а иным временем, выбив ногайских мужиков из дворов, емлют жен их к себе на постелю и позорят... И турецкие де и крымские люди скот наш весь переели, если бы де не наш скот, им бы всем с голоду умереть»¹²⁰.

Потому-то едва ли не каждому русскому посольству в Крым пришлось выслушивать проходящих тайком посланцев ногайских мурз, заверявших, что их воины готовы уйти на привольные дедовские кочевья к Волге и признать власть русского царя. Прислали только простить их «вины» и защитить от кочевавших у Волги калмыков. Чаще всего с такими просьбами обращались мурзы из рода Урмаметевых, ушедшие в Малый ногай в 1634 г. под натиском калмыков.

Осуществить все эти планы было, конечно, невозможно по многим причинам. Далеко не все ногаи стремились вернуться на прежние места кочевок, среди ногайских мурз не было в этом вопросе единства. От уверений в готовности принести присягу России ногайцы очень быстро переходили к набегам на русские земли. Обострять из-за них отношения с калмыками, которые достаточно прочно обосновались на Волге и готовы были двинуть свои отряды на Крым, было совершенно неоправданным риском.

Тем не менее и порывать с Малым ногаем полностью тоже не следовало. Их разногласия с ханом могли создать благоприятную почву для заключения союза России и Украины с ногайскими ордами. Русские послы раздавали ногайским мурзам щедрые, но практически невыполнимые обещания царской милости и прежних кочевий, и дальше этого дело не шло. Ненадежность Малого ногая была слишком очевидной: все их недоразумения с крымскими татарами моментально забывались, стоило хану выступить в поход, который сулил богатую добычу.

Более прочные и постоянные контакты с ведома и согласия русского правительства поддерживал Хмельницкий. Прибывший на Украину в мае 1654 г. подьячий Григорий Старков писал в Посольский приказ: «А нагайские де, государь, мурзы Калембет-мурза с товарищами и с татарами Большого улусу с гетманом па ляхов итти готовы вместе по-прежнему»¹²¹. Это был довольно внушительный отряд, в котором, кроме улусных татар Калембета, были еще 9 мурз со своими людьми. Располагался отряд несколько южнее Чигирина, примерно в дне пути¹²².

Уже неоднократно упоминавшийся посланец к гетману Т. Перфирьев на встрече с Хмельницким рекомендовал ему ис-

пользовать свою «дружбу» с ногаями для привлечения их к антипольскому союзу и для разведки положения в Крымском ханстве¹²³. Беседа Т. Перфирьева с гетманом проходила 6 мая 1654 г. В ответ гетман и писарь подтвердили: ногайские мурзы «в дружбе с ним, гетманом, были и верились, что им быть с ним заодно», однако в клятве ногайцы не надежны и уже теперь «откочевали к Днепру в дальние места и чаять де, что они в правде своей не устояли»¹²⁴.

Буквально на другой день Выговский уточнил сообщение: ногайцы уже довольно далеко откочевали от Чигириша — переправляются через Днепр в четырех днях пути от города, под Таванью и Ислам-Керменем¹²⁵. 9 мая Перфирьев имел возможность беседовать со свидетелем этой откочевки и переправы казаком Дмитрием Матвеевко. Дмитрий был на рыбном промысле, когда увидел переправляющихся через Днепр ногайцев. Его пригласил к себе в шатер ногайский Серклан-мурза и, угощая обедом, сказал, что «как де перейдут через Днепр и им де итти в войну в Московское государство по повеленью крымского хана»¹²⁶.

И все же Хмельницкий не терял надежды. 10 июня, встретившись с Г. Старковым, посланным в Молдавию и Валахию, но задержанным гетманом в Чигирине, Хмельницкий говорил, что «хотя нагайских и степных татар никаво в послушанье у гетмана нет, а покорения от нагайских татар ждуть»¹²⁷. Далее гетман говорил, что к ногайцам посланы казаки с ультиматумом: если в течение месяца те не согласятся на союз с гетманом, то гетман будет считать их отказ как знак окончательного разрыва всяких отношений¹²⁸.

Если учесть, что все эти сведения сообщил русскому дипломату в основном сам гетман или генеральный писарь, то можно с уверенностью считать, что контакты с ногаями поддерживались и с ведома, и с согласия России.

ОТНОШЕНИЯ РОССИИ И УКРАИНЫ С КАЛМЫКАМИ

На отношения России с Крымом заметно влияли племена калмыков-торгоутов и дербетов, кочевавшие в 50-х гг. XVII в. в между-речье Волги и Яика.

По мнению Н. В. Устюгова, первые десятилетия после появления калмыков в Поволжье отношения с ними, несмотря на добровольно принятое в 1608—1609 гг. подданство России, были довольно натянутыми. Сказывались споры из-за кочевий между калмыками и подвластными России башкирами и Большими ногаями. Подданство калмыков рассматривалось русским правительством главным образом как средство обеспечения мира на границе. Сами же калмыцкие тайши видели в подданстве своего рода военный союз. Новую стадию вхождения калмыков в состав России Н. В. Устюгов связывал с войной 1654—1667 гг., когда у России появилась нужда в дополнительных военных силах¹²⁹.

«Присоединение калмыков к России,— подчеркивает П. С. Преображенская,— это сложный и длительный процесс, затянувшийся почти на столетия»¹³⁰. По мнению П. С. Преображенской, в 50—60-е гг. XVII в. русское правительство было заинтересовано в калмыках как в военной силе и намеревалось использовать их прежде всего против Крымского ханства и Речи Посполитой. Правительство «все решительнее настаивает на подданстве, гарантируя расширение торговли и защиту кочевий»¹³¹. Все решительнее выдвигается требование, чтобы шерты не носили формальный характер, подтверждались выдачей заложников. Калмыки все более склоняются к решению действительно войти в состав России, и в результате шертей 1655, 1657, 1661 гг. вопрос этот решается окончательно¹³².

В первые месяцы после начала русско-польской войны в отношениях с калмыками заметных изменений не прослеживается. Сказывались надежды на привлечение к войне против Речи Посполитой Крымского ханства, а в этом случае беспокойных калмыков следовало держать подалеже от крымских границ. Наконец, необходимы были определенные усилия и время для преодоления своеобразной политической инерции и традиций.

В те самые дни, когда из Москвы отъезжало в Крым посольство Т. Хатунского с предложением о союзе, из Астрахани 22 февраля был направлен толмач астраханской приказной избы Афонасий Борисов. По приказанию воеводы Ивана Петровича Пронского он должен был предстать перед Дайчином, Лаузаном и Мончаком тайшами, самыми влиятельными из калмыцких тайшей, и потребовать неукоснительного выполнения принятой ранее шерты: «Из ближних мест ис под государевой отчины Астрахани шли бы за Яик в дальни свои кочевья, а блиско б государевой отчины Астрахани не приходили и осоры и задору с государевыми людьми никакова не чинили»¹³³. Это были традиционные требования, выдвигавшиеся русским правительством уже после откочевки торгоутов и дербетов из Сибири к Волге.

В середине 1654 г., когда общий враг России и Калмыкии — Крымское ханство нападает на Украину, становится неизбежным дальнейшее русско-калмыцкое сближение, одной из целей которого была организация совместного нападения на Крым силами донских казаков и калмыков. Не случайно выше приведенные строчки наказа З. Волкову и И. Горохову о нападениях на русские поселения были зачеркнуты и не вошли в окончательный вариант: с Дайчином и Лаузаном нужно было искать общий язык, а не обострять отношения упоминанием прежних разногласий.

О совместных военных действиях против крымских татар с калмыками в 1654 г. не говорили, но в русских дипломатических кругах этот вопрос, по-видимому, обсуждался. Возможность выступления калмыков против Крымского ханства рассматривалась еще в Переяславле, когда туда прибыл для принятия присяги украинского народа боярин В. В. Бутурлин. Этот факт упоминается в письме генерального писаря И. Выговского к В. В. Бутур-

лину от 21 марта 1654 г.: «Ино надобно из Дону на Крым ударить и помешать им, и калмыков наговорить на них, как с тобою был в Переяславле разговор»¹³⁴. Первыми попытались начать переговоры с калмыцкими тайшами о совместном походе на Крым донские казаки. Возглавил их первое посольство весной 1655 г. старший брат С. Т. Разина — Иван Разин.

* * *

Итак, готовясь к войне против Речи Посполитой, Россия и Украина искали союзников, вели переговоры либо готовили почву для этих переговоров в сопредельных землях и государствах: в Швеции, Молдавии, Валахии, в Крымском ханстве, Турции.

Не претендуя на полное исследование вопроса внешней политики Речи Посполитой, очень коротко отметим меры польского правительства, направленные на поиски союзников в войне против России.

Попытки такого рода были предприняты при шведском дворе, но они не увенчались успехом¹³⁵, так как Карл X сам готовился к нападению на Речь Посполитую и искал союза с Россией.

Поиски союзников Речь Посполитая вела и в другом направлении. В январе—феврале 1654 г. были организованы посольства в Трансильванию (Я. Шумовского) и Молдавию (П. Беневского), в задачу которых входило заручиться помощью войсками в предстоящем походе на Украину. Кроме того, от молдавского господаря и трансильванского князя настоятельно требовали помочь в Стамбуле польскому послу Бегановскому, отправленному туда в январе 1654 г., еще до получения известий о воссоединении Украины с Россией¹³⁶. В инструкциях Бегановскому, Шумовскому, Беневскому говорилось о необходимости добиваться помощи крымских татар против России и о желательности широкого союза против нее¹³⁷.

Особое значение придавалось поездке в Крым коронного стражника Яскульского. Яскульский прибыл в Бахчисарай почти одновременно с русскими посланниками Т. Хатунским и И. Фоминым. В инструкции М. Яскульскому говорилось об усиленных военных приготовлениях России, о возможном нападении на Речь Посполитую. В этом случае надлежало добиваться от хана военной помощи при условии выплаты «подарков». Другой целью было разорвать союз Хмельницкого с ханом. Посланец Речи Посполитой должен был сделать все возможное для того, чтобы Ислам-Гирей предложил Хмельницкому присоединиться к антирусской коалиции. В инструкции прямо писали, что Хмельницкий, несомненно, откажется от этого предложения и тем самым вынудит хана к разрыву союза¹³⁸.

Вначале переговоры не приносили результатов. Крымский хан выжидал возвращения от Хмельницкого Алкаса Кегито, и только во второй половине мая условия польско-татарского союза были определены. Направленный в Варшаву вместе с Яскульским Сулейман-ага вез «союзный лист», в котором содержался

план будущего союза против России и Украины: общими силами надлежало принудить Украину к возвращению под власть Речи Посполитой, а затем вместе ударить на Москву. В составленном Яскульским и ханскими представителями проекте союзного договора предусматривалось возвращение Речи Посполитой украинских земель и Смоленска, Крымское ханство должно было получить Казань и Астрахань.

В конце июня Сулейман-ага и Яскульский прибыли в Варшаву. Потребовались считанные дни для того, чтобы проходивший в Варшаве сейм утвердил этот проект. Теперь в качестве союзников упоминались в нем и Дунайские княжества¹³⁹.

Еще не пришли в Варшаву известия о смерти Ислам-Гирея, как Яскульский и Сулейман-ага вновь отправились в Бахчисарай, чтобы окончательно решить вопрос о поминок хану¹⁴⁰. В Варшаве предлагали 40 тыс. злотых. Смерть хана перепутала все карты, многое приходилось начинать с самого начала, так как борьба группировок в Крыму за власть вспыхнула с новой силой.

Деятельность Яна Бегановского в Стамбуле не привела, как отмечалось выше, к заметным результатам: султанский диван не стал вмешиваться в польско-крымские дела. Что же касается поездки Я. Шумовского в Трансильванию и П. Беневского в Молдавию, они имели определенные результаты — отряды Молдавии, Валахии и Трансильвании соединились с войсками Речи Посполитой и воевали на Украине, но уже к осени 1654 г. этот союз распался. Фактически, если не учитывать Крыма, к началу 1655 г. Речь Посполитая осталась в изоляции перед лицом шведского «потопа».

ПОДГОТОВКА И ХОД ВОЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ НА УКРАИНЕ ВЕСНОЙ И ЛЕТОМ 1654 г.

Одновременно с дипломатическими акциями русским правительством и гетманской властью на Украине велась подготовка к военным действиям. По замыслу командования русской армии основной удар наносился в направлении Смоленска и далее на Белоруссию и Литву. Военные действия на юге, в районе Украины должны были носить вспомогательный характер. В соответствии с этими общими замыслами располагались и военные силы. На центральном участке, в районе Вязьмы и Смоленска, было сосредоточено до 40—41 тыс. войск. На направлении северного вспомогательного удара из Великих Лук сосредоточили около 15 тыс. Кроме того, по Белгородской черте был расположен корпус боярина Василия Борисовича Шереметьева численностью до 7 тыс., в задачу которого входило прикрытие тылов русской армии в случае нападения Крыма и помощь Б. Хмельницкому¹⁴¹.

Первоначально корпус Шереметьева правительство намеревалось целиком отправить на Украину¹⁴², рассчитывая, вероятно, на то, что с Крымом удастся сохранить союзнические отношения

и втянуть хана в войну против Речи Посполитой, но когда выяснилась полная невозможность миром решить дело с Крымом, корпус оставили на Белгородской черте. Ограничились отправкой на Украину 4 тыс. полка окольного Андрея Васильевича Бутурлина¹⁴³. Полк представлял собой формирование из детей боярских Стародуба и Рославля, ратных людей Севска и комарицких драгун. Он был предназначен не для гарнизонной службы, а для действий в полевых условиях вместе с полками Хмельницкого.

Но полк А. В. Бутурлина был лишь частью прочих русских войск, направленных в помощь Украине по просьбе гетмана. Поскольку в Москве театр военных действий на Украине расценивался как второстепенный, основные силы русских войск использовались здесь для обеспечения безопасности Киева на случай неожиданного прорыва неприятеля¹⁴⁴. Русский гарнизон Киева мог быть использован как резерв в экстренных ситуациях. Командование гарнизоном возлагалось на Федора Семеновича Куракина и Федора Федоровича Волконского.

В наказе воеводам, составленном не позднее 13 января, гарнизон Киева должен был состоять из служилых людей Путивля, Карпова и Москвы. Из Путивля направлялись 100 человек детей боярских и 5 пушкарей, из Москвы — стрелецкий полк Алексея Мещеринова в 500 человек, из Карпова — солдатский полк Юрия Гутцына численностью в 2000 человек. Артиллерийское обеспечение гарнизона осуществлялось в основном за счет имевшихся в городе орудий и припасов. Дополнительно Ю. Гутцын должен был взять с собой 10 медных пищалей, а Мещеринову предписывалось захватить из Путивля 2 медных и 8 железных пищалей. К каждой пищали полагалось по 100 ядер весом в 6 гривенок¹⁴⁵, запас пороха. Таким образом, всего в Киев предполагалось послать 100 человек дворянской конницы и около 2500 человек пехоты, 20 медных и железных пищалей с 700 пудами пороха и 50 пудами свинца¹⁴⁶.

С Куракиным и Волконским отправили в Киев «на корм солдатов да на всякие расходы» 1500 руб., на такую же сумму — собольих мехов и востовой колокол весом в 37,5 пудов¹⁴⁷.

В наказе предусматривались меры по обеспечению безопасности населения. На случай возникновения угрозы нападения жители должны были заранее запастись продовольствием и при необходимости население Киева и прилежащих сел укрывалось за стенами крепости. Воеводы должны были немедленно принять в этом плане все надлежащие меры и составить «боевое расписание» для гарнизона и жителей, возглавить оборону города и окрестностей¹⁴⁸.

В случае необходимости воеводам надлежало немедленно писать Хмельницкому и требовать высылки в город трех казацких полков: Переяславского, Киевского и Белоцерковского. Помощь обязаны были предоставить и русские войска, расположенные по Белгородской черте¹⁴⁹.

В действительности киевский гарнизон оказался несколько

меньшим. Местом сбора гарнизона был назначен г. Путивль, откуда предстояло двигаться к Киеву. Еще 29 января В. Б. Шереметьев приказал выслать из Яблонова в Путивль и передать там Куракину и Волконскому 10 пушкарей¹⁵⁰. В январе же крапивенский воевода Роман Сатин сообщил Куракину о высылке в Путивль какого-то отряда стрельцов¹⁵¹. По-видимому, это были те самые 110 человек калужских и ливинских стрельцов, о прибытии которых в Путивль и соединении с отрядами Волконского и Куракина упомянуто в отписке воевод от 14 января 1654 г.¹⁵² Почти одновременно с этим отрядом в Путивль прибыл и стрелецкий голова Алексей Мещеринов с 5 сотниками и 200 стрельцами московскими. Вместе с ним из Москвы прибыли 2 стольника и 3 дворянина; приготовлены были пищали и припасы к ним, правда, в меньшем количестве¹⁵³. Ф. С. Куракин, Ф. Ф. Волконский и дьяк Андрей Немиров прибыли в Киев 23 февраля. Таким образом, к моменту вступления в Киев воеводы располагали конницей 103 человека, 316 человек стрельцов, 20 пищалами (из них 2 железных), причем половина пищалей была меньшего калибра, не в 6 гривенок, а в 2. Вместо предписанных 700 пудов пороха имелось лишь 500, но свинца было отпущено много больше: 320 пудов вместо 50¹⁵⁴.

Вместе с воеводами в Киев прибыл в полном составе солдатский полк Ю. Гутцына численностью в 2000 человек¹⁵⁵. Дальнейших пополнений киевского гарнизона на протяжении 1654 и 1655 гг. по источникам проследить не удалось. Таким образом, общая численность киевского гарнизона составляла около 2500 человек, т. е. примерно столько, сколько просил Б. Хмельницкий¹⁵⁶. Следовательно, военные действия на Украине в основном должны были вестись силами украинского казачества и крестьянства, в то время как на плечи русской армии ложилась тяжесть основного театра военных действий в Белоруссии и Литве и оборона Белгородской черты. В военных действиях в Белоруссии участвовали украинские казаки.

Установить точно численность украинского войска источники не позволяют, но, несомненно, оно превосходило цифру в 60 тыс. казацкого реестра, предусмотренную Мартовскими статьями 1654 г.

Ход военных действий на Украине требует специального уточнения. Еще 7 января, за день до знаменитой Переяславской рады, Б. Хмельницкий обратился к народу Украины с универсалом, в котором призывал готовиться к боям с Речью Посполитой: запасать порох, свинец, продовольствие¹⁵⁷. О возможных боях с Крымом в универсале даже не упоминалось. Это замалчивание очень показательно. Если сопоставить его с попытками Хмельницкого и России сохранить союзнические отношения с татарами, то универсал гетмана может еще раз подтвердить, что крымский хан не рассматривался как непосредственный противник и население Украины пока не ориентировалось на борьбу против хана.

Январь и февраль почти целиком ушли на заготовку боеприпасов, фуража и продовольствия, на сосредоточение сил. Хмельницкий, вероятно, излишне надеялся на сохранение союзнических отношений с татарами. Эта предпосылка и легла в основу плана военных действий. Гетмана особенно беспокоила северная граница. В дополнение к исторически сложившейся административно-территориальной полковой системе, при которой в наиболее крупных городах располагались казачьи полки, Хмельницкий намеревался особо усилить северные и западные рубежи.

14 марта посланные от гетмана в Москву С. Богданов и П. Тетеря подали челобитную о правах и привилегиях Войска Запорожского, в которой в общих чертах излагался план расположения военных сил на Украине. Для укрепления северной и западной границы Хмельницкий просил 3000 русских воинов, в то время как южная граница обеспечивалась лишь гарнизоном Кодака в 400 человек и запорожскими казаками численностью в 10—12 тыс.¹⁵⁸ В том случае, если не удастся привлечь татар на свою сторону, Хмельницкий предлагал направить на Крым отряды донских и запорожских казаков¹⁵⁹. Что касается казачьих украинских полков, то по существовавшей в то время традиции они на зиму расходились по домам.

Предложения С. Богданова и П. Тетери к 14 марта уже устарели. В Киев был введен гарнизон, насчитывающий 2500 человек еще в конце февраля. В то время Киев находился вблизи северной границы подвластных гетману территорий, прикрывал их от вторжения литовских войск. К самому гетману был направлен отряд А. В. Бутурлина (см. выше). Поэтому в Мартовских статьях лишь констатировали, что ратные люди «для обереганья Украины есть и впредь стоять учнут»¹⁶⁰. Русские войска должны были с установлением летнего пути наступать на Смоленск¹⁶¹. Довольно умеренные запросы Хмельницкого доказывают, что и гетман был согласен с общим планом ведения войны: основной удар наносить не на Украине, а севернее, в районе Смоленска.

Речь Посполитая еще с осени 1653 г. начала сосредоточение своих сил. Это были три группировки, одна из которых стягивалась в Карпатском Подгорье, другая — на Волыни и третья (литовцы Радзивилла) — к северу от Киева, в Полесье¹⁶². Русское правительство и гетман, основываясь на прежнем опыте, не без основания полагали, что, как и всегда, по Украине будет нанесен неприятелем комбинированный удар: с севера на Киев силами Радзивилла, и из Подгорья и Волыни на восток и юго-восток в направлении Шаргорода и Буши.

Направленному к Хмельницкому в феврале 1654 г. стольнику Полтову предписывалось не только сообщить радостную весть о рождении у царя Алексея первенца, но и всякими мерами узнавать, где сосредоточиваются польско-литовские войска, были ли бои, кто одержал победу. Особенно нужно было выяснить, состоялось ли нападение на Шаргород, и если нападали, то каким

образом: «изгоном» (т. е. набегом) или «обозом» (т. е. правильным походом). Ответ на этот вопрос помог бы выяснить: где намереваются поляки нанести главный удар. Если нападение было или будет совершено «обозом», то это может означать, что, как и раньше, главный удар будет планироваться неприятелем на Украине, тогда как основные силы России нанесут удар севернее¹⁶³. Интерес противника к Буше и Шаргороду был не случаен: овладение этими крепостями открывало дорогу в центральные части Украины: Фастов, Умашь, Чигирин.

Особое беспокойство вызывала судьба Киева. По прибытии в город русский гарнизон немедленно начал фортификационные работы и ремонт крепости, которая находилась в столь плачевном состоянии, что значительные участки стен приходилось возводить заново, строить новые укрепления «на горе близ Софийского монастыря». Крепость успели поставить вовремя¹⁶⁴.

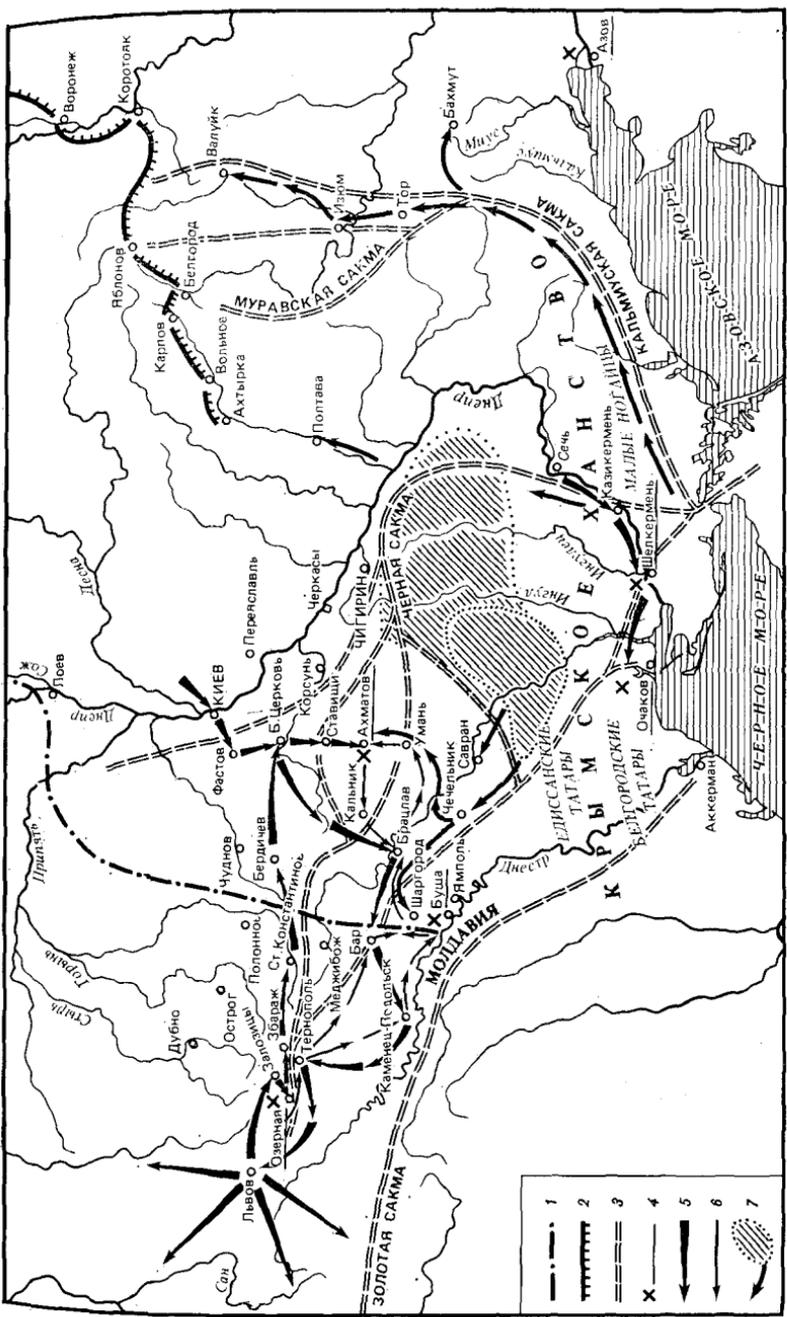
Относительно военных действий на Украине весной 1654 г. нет единого мнения. Еще Н. И. Костомаров расценивал эти военные действия как вялые и нерешительные с обеих сторон. Объясняет эту нерешительность Н. И. Костомаров тем, что Речь Посполитая искала союзников, а Хмельницкий опасался нападения Крыма¹⁶⁵. Противоположная оценка содержится в работах А. Н. Мальцева. По его мнению, польско-шляхетское войско предприняло ряд крупных наступательных операций весной 1654 г.¹⁶⁶ До настоящего времени военные операции на Украине весной и летом 1654 г. подробно не исследованы. Н. И. Костомаров пытался это сделать, но его выводы базируются только на воспоминаниях польских шляхтичей, участвовавших в сражениях. В работах Заборовского и Мальцева военные действия рассматриваются лишь попутно.

Военные действия начали польские войска традиционным ударом с запада и с севера в феврале 1654 г. Основной удар наносился с запада. Около 25 февраля генеральный писарь И. Выговский доносил царю, что поляки собираются на Волыни и в Подгорье и идут к границам освобожденной части Украины: «Ратные люди, что розно были на зимовке, розошлися на Подгорье и на Волынь, грамотою гетмана коронного еще совокупаются и к городом украиным к нам близатся¹⁶⁷ (см. рис. 1).

Крупный отряд полковника Окуня, в состав которого входили 6 полков, появился под Каменец-Подольским, «изгоном» напал на Бушу, но взять город не смог, ограничившись тем, что перебил под Бушей отряд в 200 казаков, оттуда направился к Шаргороду и захватил его¹⁶⁸.

Одновременно с севера из района Гомеля-Любеча-Мозыря нанес удары Я. Радзивилл в направлении на Стародуб и Киев. Но 6 марта у Стародуба казаки Стародубского полка под командой полковника Веремеенко отбили нападение¹⁶⁹.

Поход на Киев тоже закончился неудачей: Радзивилл дошел лишь до местечка Бороденки в 30 верстах от Киева и вынужден был повернуть обратно¹⁷⁰.

Военные действия на Украине в 1655 — 1657 гг .

- 1 — граница вассалинивших в 1654 г. с Россией украинских и белорусских земель;
- 2 — Белгородская оборонительная черта;
- 3 — основные сакмы (пути набегов);
- 4 — места крупных боев;
- 5 — основные походы русских и украинских войск;
- 6 — основные походы Речи Посполитой;
- 7 — основные районы сосредоточения и походы татарских войск

Немедленно наказкой киевский полковник Павел Яненко выслал сторожевые подьезды. Гарнизон и жители спешно укрепляли Киев¹⁷¹. В город прибыл Киевский полк, окрестные жители начали собираться за городскими стенами, в прилежащие монастыри послано тревожное сообщение о походе литовских отрядов и о необходимости оборонять подступы к Киеву¹⁷².

Продолжить поход на Киев Радзивилл не решился, так как из района Стародуба ему угрожал Стародубский полк Веремеенко, а Севске и Брянске стояли отряды В. Б. Шереметьева и А. В. Бутурлина.

Действия польских войск на западе были решительнее. В конце февраля — начале марта отряд шляхты численностью в 200 человек препринял разведывательный поход под Немиров и неожиданно ворвался в Кошиевку. Казаки вначале были охвачены паникой, но оправившись, разгромили отряд, отбили знамя и сами захватили в плен несколько «языков»¹⁷³.

Вскоре последовал удар главными силами, которыми командовал коронный гетман Потоцкий. Еще в начале марта киевские воеводы получили сообщение о том, что в Полонном и Меджибоже собирается 20-тысячное неприятельское войско, что уже пали Любар, Чуднов, Костельня и отряды поляков подходят к Белой Церкви. В последних числах марта из польского лагеря под Меджибожем выступил брацлавский воевода с 12 хоругвями наемников валахов и неожиданно захватил Немиров¹⁷⁴.

Улицы города были покрыты трупами. Несколько сот жителей укрывлось в громадном каменном погребе, их выкуривали оттуда дымом.

От Немирова путь лежал на местечко Якубец. 3000 жителей и воинов решили лучше умереть, чем сдать врагу. В начале апреля почти все они пали на поле боя. Вскоре настала очередь местечка Мушировка. Не поддавшись на увещевания сложить оружие, жители вступили в бой, «наделавши нам вреда,— пишет поляк-очевидец,— тому из нас пронизали щеку стрелой, другого задела косою, а больше всего допекли нам дубьем да колодами»¹⁷⁵. Используя перевес в огнестрельном оружии, поляки вломились в «замок», «Тут,— пишет тот же автор,— у нас просто руки утомились от рубки их. Погибло там тысяч до пяти русского народа обоего пола и всякого возраста»¹⁷⁶.

Таким образом, противник действовал по двум направлениям: севернее из Полонного на Чуднов и Костельную и южнее из Меджибожа на Немиров. Развить первые успехи Потоцкому не удалось. Правда, где-то между Немировом и Уманью северный и южный отряды противника объединились и силами до 20 тыс. осадили Умань, но полковники Носач и Золоторенко удерживали Брацлав, а под стенами Умани Потоцкого ждал полный разгром. Оборону города возглавил талантливый военачальник, непримиримый враг польских магнатов Иван Богун. Предпринятый коронным гетманом Потоцким штурм крепости не увенчался успехом. В первых числах апреля осаждавшие потерпели поражение. Каза-

ки преследовали их вплоть до Шаргорода, заняли город, но так и не смогли настичь отступавшего неприятеля. Потоцкий спешно отвел свои войска к Каменец-Подольскому¹⁷⁷.

Войско Потоцкого разбегалось, спасаясь кто как может. О его потерях можно судить хотя бы по состоянию отряда полковника Окуня. В феврале Окунь штурмовал Бушу и Шаргород силами 6 полков, теперь, когда, спасаясь от наступающего украинского войска, он откололся от Потоцкого, под тем же самым Шаргородом Окунь принял последний бой со своим отрядом, который насчитывал всего 60 человек. Отряд был перебит, сам Окунь попал в плен и умер от ран¹⁷⁸.

Отбив нападение на Умань, Хмельницкий переносит центр военных действий севернее — в район Фастова и Белой Церкви. Положение на Украине складывается настолько благоприятное, что гетман уже может послать на помощь русским войскам в Белоруссию три казацких полка: Черниговский, Нежинский и Стародубский, присоединив к ним отряд «охочих» казаков общей численностью до 20 тыс.¹⁷⁹

Активные военные действия на Украине в феврале—апреле 1654 г. велись только силами украинских войска. Отряд А. В. Бутурлина, предназначенный для участия в походах вместе с гетманом и насчитывающий 4 тыс. человек при артиллерии, только 1 июня выступил из Путивля и 19 июня вошел в Киев. Не прошло и недели как А. В. Бутурлин двинулся дальше к Фастову, где и соединился с полками Хмельницкого. Во второй половине июня русско-украинское войско готово было выступить из Фастова к Белой Церкви и далее на запад¹⁸⁰.

Успешное начало боевых действий в Белоруссии оказало огромную помощь Украине. В мае русскими войсками были освобождены верховья Днепра и вся восточная Белоруссия. Это снимало окончательно угрозу удара Я. Радзивилла на Киев с севера.

После того как в Белоруссии был взят в августе 1654 г. Мстиславль, появилась возможность усилить армию Хмельницкого. К Луцку на соединение с гетманом спешил отряд А. Н. Трубецкого. Гетман тоже поспешил вместе с А. В. Бутурлиным к Луцку¹⁸¹, но вынужден был прервать марш, так как в первых числах сентября окончательно выяснилась враждебная позиция Крымского ханства и необходимо было принять экстренные меры по обеспечению безопасности южных границ.

Татарские отряды активного участия в военных действиях на стороне Речи Посполитой не принимали. В значительной степени это объясняется тем, что союз Крыма с Речью Посполитой еще не был юридически оформлен, хотя в принципе вопрос решили уже к 16 июня, после возвращения из Чигирина Алкаса Кегито и из Варшавы Яскульского и Сулеймана-аги с обещанием выплатить хану поминки на сумму 40 тыс. злотых.

Другая, и едва ли не главная причина пассивности татар, была в том, что после смерти хана началась внутренняя распря

между группировками знати. Ко всем этим сложностям добавилось неожиданное нападение донских казаков.

На вопросе о том, самовольно ли был предпринят казацкий поход или его санкционировало московское правительство, следует остановиться подробнее. Грамота о запрещении походов на Крым в связи с намерениями правительства и Хмельницкого использовать силы татар в борьбе против Речи Посполитой была доставлена в Черкасск 12 мая. Ровно через месяц, 12 июня, прибыла вторая грамота, подтверждающая запрет походов на Крым¹⁸². Тем не менее в промежуток времени между получением этих двух грамот 39 казацких стругов уже вышли в Азовское море. Следовательно, поход начался вопреки прямому указанию правительства. Казакам разрешалось идти в поход и без санкции царя, в том случае, если этого потребует Хмельницкий, но и от гетмана таких требований не было.

Войсковому атаману Осину Петрову предстояло иметь весьма неприятные объяснения, если бы 12 июля на Дону не получили грамоту от гетмана, в которой сообщалось о том, что крымский хан действует сообща с Речью Посполитой, готовит поход на Украину и Россию и что казаки должны немедленно выступить в поход степью и морем¹⁸³. Впоследствии Осип Петров уверял, что только после получения этой грамоты казаки и отправились против Крыма. Однако у него явно не сходятся концы с концами. В его отписке сообщается, что поход длился 2 месяца и что 18 августа казаки вернулись на Дон¹⁸⁴. Следовательно, простым подсчетом можно установить, что выступление состоялось примерно в середине июня и никак не после получения гетманской грамоты.

В ночь с 16 на 17 июня в Бахчисарае поднялась паника. Смешавшись с толпой, переводчики русского посольства Абдул Байцын и Иван Собакин узнали, что из Кафы пришло письмо от начальника турецкого гарнизона Мустафы-паша, в котором говорилось, что под Кафой и Керчью замечены 38 казачьих стругов. В страхе Мустафе-паше померещились и новые струги, спешащие на помощь первым, и столь многочисленные, что их невозможно схватить взглядом¹⁸⁵.

18 июня на подходах к Кафе казаки заметили шесть кораблей с хлебом и товарами, следовавших из Стамбула в Кафу. Два корабля (один с хлебом и один с товарами) взяли на абордаж, судьба остальных четырех неизвестна.

Два дня спустя, 20 июня, казаки высадились в Кафе и после жесточайшего боя овладели посадом, освободили многих невольников, зажгли город, но были выбиты, потеряв пленными трех человек. Блокада побережья Крыма и Тамани продолжалась. Лишь в середине августа струги оставили за кормой Черное и Азовское моря и вместе с 120 освобожденными невольниками вошли в устье Дона¹⁸⁶.

Произведенное выше описание морского похода донских казаков сделано на основании войсковых отписок с Дона и свиде-

тельств русских дипломатов в Крыму. В работах Хаммера («История Турции») и Грушевского, составленных на основании польских и трансильванских источников, поход рисуется как весьма широкая морская акция. Во-первых, значительно смещены хронологические рамки похода — с июня—августа поход переносится на август—сентябрь. В сентябре предпринимать морские походы казаки не решались из-за начинающихся осенних штормов. Далее приводятся совершенно фантастические слухи о том, что казаки подходили под самый Царьград, взяли Варну, разгромили отряд силестрийского паши Сияуша, который пришел было спасать город. Казацкие струги не дошли до Константинополя всего каких-нибудь 4 мили, разграбили северное и южное побережье Черного моря от Эрегли до Балчика, под Балчиком Сияушу удалось захватить один струг¹⁸⁷. Источник сведений Хаммера и Грушевского — слухи среди населения причерноморских областей, как всегда в подобных случаях, значительно преувеличивающие и раскрашивающие реальный факт совершенно невероятными «подробностями». Официальный отчет войскового атамана, проверенный показаниями русских дипломатов, находившихся в Бахчисарае, дает истинную картину похода. Казаки действовали в районе Таманского и Крымского полуостровов. Что касается слухов, то они могут свидетельствовать лишь о необычайно сильной реакции среди населения Османской империи на казацкие походы, об эффективности этой меры, направленной на сдерживание агрессии против украинских и русских земель. Поход донских казаков способствовал тому, что в течение всего лета 1654 г. крымские татары не появлялись за пределами полуострова.

* * *

Подводя итоги главы, нужно отметить следующие основные моменты. Воссоединение Украины с Россией самым тесным образом вписывалось в сложный комплекс международных отношений Европы середины XVII в. Особенно заметно это событие воздействовало на внешнюю политику стран Центральной и Северной Европы, которые упорно противостояли натиску османов и соперничали на Балтике.

Осенью 1653 — весной 1654 г. меняется направление внешней политики России. Если после Смоленской войны 1632—1634 гг. центр внешнеполитической активности был направлен на юг, на борьбу против набегов крымских татар, то теперь, в январе 1654 г., появилась реальная возможность решить проблему воссоединения западнорусских, украинских и белорусских земель, которая и выдвигается на главное место.

Внешняя политика России и Украины была направлена на закрепление акта воссоединения. Общность внешнеполитических целей привела к единству действий российской и украинской дипломатии. Первые же шаги были направлены на создание блока государств против Речи Посполитой. Но мысли украинских и

русских дипломатов, в этот блок должны были войти Швеция, Крымское ханство, Дунайские княжества при нейтралитете других европейских стран и помощи оружием и деньгами со стороны Нидерландов.

Под влиянием решения Земского собора 1653 г. и Переяславской рады 1654 г. о воссоединении Украины с Россией усилилась национально-освободительная борьба народов, поработенных Османской империей. В Дунайских княжествах начинает складываться (пусть медленно и противоречиво) ориентация на Россию, а не на Речь Посполитую, в борьбе за национальное освобождение.

Воссоединение Украины с Россией резко изменило отношения с Крымским ханством. Относительно спокойные в годы Освободительной войны украинского народа, они начинают постепенно накаляться. Попытка русской и украинской дипломатии заключить союз с ханом не увенчалась успехом. Крым начинает сближаться с Речью Посполитой, но вместе с тем это сближение происходило далеко не гладко и ровно.

Отмеченная еще А. А. Новосельским борьба за власть между различными группировками татарских феодалов придавала политике Крыма нестабильный, противоречивый характер, делала его ненадежным внешнеполитическим партнером, всегда склонным к перемене курса в зависимости от внутренней конъюнктуры, а часто и от чисто субъективных факторов. Пример тому и измены хана в ходе Освободительной войны, и отказ от возобновления союза с Хмельницким, а следовательно, и с Россией в 1654 г. Вместе с тем теперь этой нестабильностью и борьбой между группировками пытаются воспользоваться русские и украинские дипломаты для привлечения Крыма на свою сторону.

Не только интересы грабежа определяли внешнюю политику Крыма. Воссоединение Украины с Россией создавало угрозу безопасности Крыма, что в значительной степени способствовало активизации его борьбы против России.

Воссоединение Украины с Россией и война против Польши и Крыма, в которой русское правительство использовало калмыков, способствовали более тесному вхождению последних в состав России, в 1654 г. создаются предпосылки для дальнейшего сближения русско-калмыцких интересов. Укрепляется положение России и на ее юго-восточных рубежах.

Поиски союзников вела и Речь Посполитая.

К лету 1654 г. ни Россия, ни Речь Посполитая не сумели создать таких союзов. Дунайские княжества занимали весьма колеблющуюся позицию. В Швеции с большим сочувствием относились к идее союза с Россией, но имелась и определенная настороженность ввиду того, что еще не были исчерпаны все возможности мирным путем осуществить свои притязания к Речи Посполитой.

Одновременно с дипломатической подготовкой готовились и к военным действиям. Целью Речи Посполитой было восстановление

ние господства на Украине, против которой и были сосредоточены силы польских войск. Русское правительство намеревалось нанести главный удар в Белоруссии, военные действия на Украине носили вспомогательный характер, задача Хмельницкого и находившихся здесь русских частей сводилась в основном к обеспечению безопасности южного фланга наступающих главных сил. На случай военных действий татар усиливалась оборона Белгородской засечной черты.

Итог весеннего наступления на Украине оказался для Речи Посполитой плачевным. На Украине не только не удалось добиться решающего изменения положения, но польские войска были отброшены дальше на запад от той линии, на которой находились они до начала военных действий. Теперь рубеж освобожденных земель проходил примерно по течению р. Стырь. Это были уже подступы к Львову и Карпатскому Подгорью. Но одна из основных баз польских войск — Каменец-Подольский — оставалась в руках противника.

Успешный поход донских казаков на Крым, распри в ханстве и нерешенность вопроса о польско-крымском союзе помешали татарам вмешаться в военные действия.

ОТНОШЕНИЯ РОССИИ И УКРАИНЫ
С КРЫМСКИМ ХАНСТВОМ И ТУРЦИЕЙ
ОСЕНЬЮ 1654 — ВЕСНОЙ 1656 г.

(До начала русско-шведской войны)

Задача настоящей главы — рассмотреть отношения России и Украины с Крымским ханством в тот период, когда проходила переориентация внешней политики России от войны против Речи Посполитой к войне против Швеции.

МЕЖДУНАРОДНАЯ СИТУАЦИЯ
В ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЕ В СВЯЗИ
С ОБОСТРЕНИЕМ БАЛТИЙСКОЙ ПРОБЛЕМЫ.
ИЗМЕНЕНИЕ ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКОГО КУРСА РОССИИ

Решающими моментами в развитии международных отношений в Восточной Европе осенью 1654—весной 1656 г. были: война России и Речи Посполитой, война Швеции и Речи Посполитой, известная в историографии под именем «потопа». Эта война началась 8 июля 1655 г.

По мнению исследователей, занимавшихся русско-шведскими отношениями середины XVII в., военные успехи русской и украинской армии летом 1654 г. вызвали серьезные опасения в Швеции, так как армия восточного соседа приближалась к границам шведских владений и возникла опасность прорыва России к Балтике¹.

Насколько сильными были опасения такого рода у шведского правительства, сказать трудно (беспорных фактов исследователи не приводят), но несомненно, что выход русских войск к Курляндии и в Западную Белоруссию заслуживал самого пристального внимания со стороны Карла X Густава.

В середине августа — начале сентября 1654 г. намечалось начать переброску шведских воинских формирований из Финляндии в Эстляндию и шведскую Лифляндию. Л. В. Заборовский рассматривает это как оборонительную меру на случай продвижения русских войск², но нельзя забывать, что именно из шведской Лифляндии был нанесен в 1655 г. удар по Речи Посполитой. Следовательно, группировку отрядов шведских войск можно расценивать и как сосредоточение сил ввиду приближающейся войны с Польшей.

Тем временем со своим восточным соседом Швеция старалась поддерживать самые дружественные отношения. С этой целью Карл X послал к Алексею Михайловичу своего асессора Удде Эдлу. 3 января 1655 г. Эдла прибыл в Вязьму, где тогда находился царь. Задачей посланника были переговоры по поводу соблюдения Россией статей Столбовского договора 1617 г. Эдла должен был потребовать строжайшего соблюдения нейтралитета Курляндии, к границам которой все ближе подходили русские войска. Посланнику предстояло выяснить в неофициальном порядке перспективы возможного заключения русско-шведского союза против Речи Посполитой. Окончательно решить эти вопросы Эдла предлагал во время переговоров с «великим посольством», которое будет прислано позднее. (Послали его из Швеции в июле 1655 г.)³

Предложения шведского посланника о союзе не вызвали возражений, хотя и не было сказано ничего конкретного, за исключением уверений в нерушимости Столбовского мира.

Русских воевод смущало и настораживало сосредоточение шведских войск в Эстляндии и Лифляндии, вблизи русской и литовской границы. Местное население объясняло это тем, что готовится война с Россией⁴.

Исчерпывающий ответ относительно истинных целей Швеции на восточных рубежах дает нам инструкция шведскому генерал-губернатору Лифляндии Густаву Горну. 3 января Густав Горн получил инструкцию от канцлера Оксеншерны. В ней излагались основные внешнеполитические задачи Швеции и особое внимание уделялось отношениям с Россией. Это был секретный документ, ориентирующий главу порубежной губернии во внешнеполитическом курсе правительства. В такого рода документах не допускалось нечеткости или тем более искажения целей внешней политики государства, методов и приемов, с помощью которых эти цели намеревались осуществлять.

Оксеншерна писал, что главная задача — добиться нужного решения в спорах с Речью Посполитой. (Отказа Яна Казимира от претензий на Шведскую корону и признание прав Швеции на захваченные ранее Инфляндские и Лифляндские земли, передача Швеции некоторых владений в Померании и Пруссии. Не исключалась возможность мирного решения споров с Речью Посполитой.) Что же касается России, писал Оксеншерна, то наша задача не допустить ее к Балтике и не дать возможности усилиться в Курляндии, откуда Россия могла бы грозить шведскому судоходству по морю. В том случае, если Россия ограничится взятием Белоруссии и не устремится в Курляндию, Горн должен был держаться нейтрально, заботясь только об усилении шведского влияния в Курляндии.

В том случае, если русские войска возьмут Динабург, открывающий дорогу на Ригу и Курляндское побережье, и начнут действия в самой Курляндии, Горну надлежало не отказывать жителям Курляндии и Литвы в принятии шведского подданства

и помогать вооружением в борьбе с царскими войсками, не вступая в открытый военный конфликт с Россией. В заключение Оксеншерна подчеркивал, что надежд на мирное разрешение споров с Речью Посполитой мало, что правительство готовится к войне с Яном Казимиром и вербует наемников в германских землях.

Окончательно курс на войну с Речью Посполитой был принят Карлом X в начале ноября 1654 г., когда в Стокгольме убедились во внутренней непрочности Речи Посполитой, в готовности магнатов и шляхты изменить Яну Казимиру и в случае войны поддержать шведского короля.

Речь Посполитая явно недооценивала опасность нападения с севера. Надеясь на успех предпринятого осенью 1654 г. нового наступления на Украину и Белоруссию, Ян Казимир отверг предложения Д. Ракоци и Г. Стефана о посредничестве в переговорах с Украиной. Не встретили поддержки при дворе короля и аналогичные предложения австрийского императора и курфюрста Бранденбурга относительно России. Королевская власть и магнатство сосредоточивали все силы на борьбе за украинские и белорусские земли. «Забвение вековых проблем польских национальных территорий на западе, дела Силезии и Поморья были заглушены жизненно необходимым для олигархии делом удержания своих латифундий (на Украине.— Г. С.). Это была фактически политика олигархии, не считающаяся с интересами государства и народов. ...Это относится и к династической политике Вазов и к обеим главным партиям — „французской“ и „австрийской“⁵. Магнаты «цинично продавали Речь Посполитую кому угодно: бранденбуржцам, шведам, Ракоци. Церковная олигархия проявляла равную со светской активность в этом вопросе»⁶.

С сообщением о скорой войне против Речи Посполитой было отправлено в Москву посольство Яна Розенлинда. Он был послан в апреле 1655 г. с уведомлением о том, что якобы исключительно ради сохранения дружбы и приязни с царем Карл X Густав разорвал мирные переговоры с Яном Казимиром и готов напасть на его земли в Лифляндии и Польском Поморье. Поставить вопрос о заключении русско-шведского союза против Речи Посполитой должны были послы Белке, Эссен и Крузенштерн, выехавшие в июле вслед за Розенлиндом. В инструкции им предполагалось несколько вариантов раздела белорусской и литовской территорий, при любом варианте балтийское побережье и собственно польские земли оставались в руках Швеции. Каждая армия должна была вести военные действия самостоятельно в предусмотренных демаркационной линией пределах, не заключать сепаратного мира, не предупредив союзника, при заключении договора «приимать во внимание интересы Украины»⁷.

Такой план обеспечивал безопасное, со шведской точки зрения, удаление России от Балтийского моря и использование ее армии на второстепенных для Швеции и важнейших для России направлениях.

В правительственных кругах России в мае—июне 1655 г. еще,

по-видимому, не выработали четкой перспективы дальнейших действий. Открывалась возможность устремиться в центральные и южные области Польши и тем самым способствовать полному разгрому западного соседа и воссоединению украинских и белорусских земель. Для этого необходимо было развивать наметившуюся еще в конце 1653 — начале 1654 г. идею союза со Швецией. Другой вариант развития событий — штурм балтийского побережья — требовал немедленного прекращения войны с Польшей и заключения союза с ней против Швеции. Вполне понятно, что «балтийский» вариант вовсе не означал для русского правительства отказа от уже присоединенных (как рассчитывали в Москве — прочно присоединенных) украинских и белорусских земель. Переход к этому варианту требовал времени и был бы оправдан при согласии Речи Посполитой отказаться от претензий на утраченные украинские и белорусские земли. Тем не менее Россия вступила в войну против Швеции в мае 1656 г. без предварительного закрепления воссоединившихся земель.

Война Швеции с Речью Посполитой началась 8 июля 1655 г., а 9 июля шведы уже взяли Динабург и приблизились к району действий русской армии. На этот раз прямого военного столкновения России со Швецией не произошло. Более того, 12 июля, т. е. спустя 4 дня после начала польско-шведской войны, царь объявил войскам, что поведет их на Вильно и Варшаву⁸. На протяжении мая, июня и июля 1655 г. русскими войсками были отвоеваны у Речи Посполитой Велиж, Витебск, Полоцк, Дисна, 3 июля взяли Минск. Войска Хмельницкого и Бутурлина в это время развивали наступление на Львов. Как видим, военные действия были направлены вовсе не в сторону Балтийского побережья.

Находившемуся в июле в царской ставке шведскому посланнику Розенлинду на сообщение о войне против общего неприятеля царь приказал ответить: «...дал бог нам взять всю Белую Русь и многие воеводства, города и места с уездами Великого княжества Литовского, да наш же боярин Бутурлип с гетманом Хмельницким в Короне Польской, на Волыни и в Подолии побрал многие воеводства, города и места, и мы учинились на всей Белой Руси и на Великом княжестве Литовском и на Волыни и на Подолии великим государем». Этим царь ясно показывал, чего Карл не должен был трогать, если хотел остаться в мире с Москвою»⁹.

Со своей стороны шведские послы Густав Белке, Александр фон Эссен и Филипп фон Крузенштерн должны были предложить России следующие территориальные условия союза против Речи Посполитой: к России отходила почти вся Украина в ее современных нам границах, значительная часть Белоруссии со средним течением Двины и низовьями Дисны, но города Резекне и Луцин, прикрывающие подступы к Лифляндии и взятые Росией, шведы хотели заполучить себе¹⁰.

О стремлении Карла X Густава установить союзнические от-

пошения с Россией в связи с начавшейся шведско-польской войной свидетельствует и инструкция королевскому свояку Магнусу Габриелю графу Делягарди. 12 июня 1655 г. Делягарди был назначен инфляндским наместником. В инструкции особенно подчеркивалась необходимость поддерживать постоянные контакты с посольством в Москву Белке, Эссена и Крузенштерна, немедленно информировать их в том случае, если русские военачальники согласятся соединить свои силы с Делягарди в общей борьбе. Предписывалось уверять пограничных русских воевод в том, что король не хочет с ними войны и начал войну исключительно против их общего врага¹¹.

Действия русских войск в общем и целом соответствовали предложенному шведскими послами варианту. Но уже в середине 1655 г. начались первые осложнения. В России недовольны были стремительным маршем Карла X Густава на Варшаву, к которой после взятия Минска, Вильно и Бреста готовы были выступить русские войска.

Обеспокоена была усилением позиций Швеции в Прибалтике и Австрия. 4 ноября 1654 г. Фердинанд III вручил русским послам И. И. Баклановскому и М. Михайлову грамоту с предложением посредничества в перемирии между Россией и Речью Посполитой (см. выше, гл. I). Такое перемирие развязало бы Речи Посполитой руки в войне со Швецией.

12 июля 1655 г. к послам, возвращавшимся в Москву и оставившимся в Новгороде, была направлена грамота с требованием спешить в столицу. Следовательно, уже летом 1655 г. в Москве решили внимательнее рассмотреть вопрос о возможности перемирия с Яном Казимиром. Вопрос о польско-русском перемирии начал обсуждаться в октябре 1655 г., когда в Москву прибыли специальные послы от императора Аллегрет де Аллегретис и Иоган Дидрих фон Лорбах. Австрийские послы предложили заключить мир с Речью Посполитой ценой отказа от украинских и белорусских земель и обратить оружие против Швеции¹².

Коснулись императорские послы и более далеких перспектив. Они повели речь о необходимости объединиться в борьбе против османов России, Польши и Австрии: «Мы надивиться не можем, как такие великие государи до сих пор терпят бусурманам?»¹³.

Уже на второй встрече, состоявшейся 20 декабря, вопрос о мире с Речью Посполитой был в принципе решен. Бояре заявили, что Алексей Михайлович «для братской дружбы» с цесарем соглашается на мир с Речью Посполитой и требует, чтобы ему немедленно было сообщено об условиях польской стороны¹⁴. Предложение австрийских послов отказаться от Украины и Белоруссии осталось без ответа.

Таким образом, материалы сношений с Австрией дают основание утверждать, что вопрос о мире с Речью Посполитой и войне со Швецией был решен не позднее 20 декабря 1655 г. На другой день, 21 декабря, на встрече со шведскими послами русская сторона отказалась вести переговоры о союзе¹⁵.

По мере того как обострялись отношения со Швецией, налаживались дела с Речью Посполитой. В итоге встреч с представителями литовского гетмана Павла Сапеги и польского короля в феврале—апреле 1656 г. было принято предварительное соглашение, по которому Ян Казимир обязывался не заключать мира со Швецией до завершения переговоров с Россией. Россия обязывалась давать отпор Карлу Густаву в случае его нападения на русские земли, между Россией и Речью Посполитой военные действия временно прекращались¹⁶.

15 мая 1656 г. началась война России против Швеции. Шведским послан объявили о воише только 21 января 1657 г.¹⁷

Таким образом можно сделать вывод, что к осени, а точнее, к середине декабря 1655 г. в Москве созревает решение повернуть оружие против Швеции, несмотря на то что Карл X Густав обращается с неоднократными предложениями о заключении русско-шведского союза против Речи Посполитой. Причины переориентации внешней политики России следующие: 1) уверенность в том, что Речь Посполитая достаточно обескровлена и не будет настаивать на возвращении Смоленска, украинских и белорусских земель; 2) шведское вторжение в польские и литовские земли препятствовало военным планам русского правительства, предполагавшего взятие Варшавы и Литвы и избрание на трон Речи Посполитой Алексея Михайловича; 3) по мнению московских придворных кругов, союз с ослабленной Речью Посполитой давал возможность решить проблему выхода к Балтийскому морю. Примечательно, что уже с первых шагов по реализации этого нового плана начали выявляться его недостатки: не принималась во внимание традиционная направленность внешней политики польско-литовских магнатов: ценой уступок шведским или немецким феодалам национальных территорий в Прибалтике поддерживать экспансию на восток и господство на украинских и белорусских землях. Уже на предварительных переговорах представители короля заявили претензии на восстановление русско-польских границ 1634 г.¹⁸

Вместе с тем необходимо отметить, что в русских правительственных кругах окончательно не отказались и от прежней идеи коалиции против Речи Посполитой, но теперь эта идея отходит на второй план и становится своего рода «запасным вариантом» внешнеполитического курса. Разрабатывает этот вариант с ведома русского правительства Богдан Хмельницкий.

* * *

Необходимо рассмотреть, как воспринял гетман Хмельницкий перемену правительственного курса России от союза со Швецией к войне против нее. Сделать это тем более важно, что историки-националисты высказывали и высказывают до сих пор мысль о том, что Хмельницкий якобы намеревался пересмотреть решение Переяславской рады и передать Украину под власть шведского короля¹⁹.

Возвращающийся к Хмельницкому из Швеции Даниил предпочел держать путь через Москву, куда и прибыл в марте 1655 г., где он был радушно принят в июле прошлого года, когда направлялся с листами от Хмельницкого к королеве Христине.

Однако на этот раз в Москве обстановка была несколько другая, может быть более настороженная. Даниила долго не отпускали на Украину, пока не было получено специальное письмо от гетмана с просьбой не задерживать монаха.

Задержка посланца чрезвычайно встревожила гетмана. Он понимал, что истинной причиной задержки могут быть появившиеся у правительства сомнения в целесообразности заключения военного союза со Швецией. В листе царю он еще раз подчеркивает необходимость союза против Речи Посполитой для «помешки» неприятелю, что борьба за Украину еще далеко не завершена, а посредничество Священной Римской империи в примирении с Речью Посполитой будет направлено на отторжение Украины от России. Хмельницкий утверждал, что, заключив союз со Швецией, уже в 1655 г. можно окончательно разгромить Речь Посполитую²⁰.

На Украине знали, что отношения между Москвой и Стокгольмом начинают обостряться из-за опасного приближения русских войск к побережью Балтики. Необходимо было доказать не только царю, но и другим, наиболее влиятельным при дворе лицам целесообразность поддержания мирных отношений со Швецией и заключения с ней союза. Об этом гетман писал царю, боярину И. Б. Милославскому и думному дьяку Лариону Лопухину 18 мая 1655 г.²¹

В конце августа 1655 г., когда войска Карла X Густава почти без боя овладели едва ли не всей Польшей и Ян Казимир отступил к Кракову, шведский король устанавливает непосредственные контакты с Хмельницким, минуя Москву. Но целью этих контактов отнюдь не было подчинение Украины власти Карла X.

В ходе переговоров Хмельницкого с Карлом X Густавом летом и осенью 1655 г. обсуждались вопросы военного союза, координации боевых действий против Речи Посполитой. Хмельницкий призывал приложить максимум усилий к заключению союза между Швецией и Россией. Переговоры велись как через представителей короля в лагере Хмельницкого, так и через отправленных в покоренную шведами Варшаву монаха Даниила и полковника Ивана Петровича Тафрала²².

После отхода Хмельницкого от Львова 28 октября 1655 г. в переговорах его с Карлом X наступил перерыв до марта 1656 г. В письме к шведскому королю от 22 марта Б. Хмельницкий объясняет этот перерыв тем, что было неизвестно местонахождение короля до тех пор, пока не получили его грамоту от 11 февраля из Лостувиц. Зима и весенняя распутица, уверял гетман, тоже мешали проведению переговоров, к тому же весной и зимой трудно было обеспечить посольские свиты провиантом²³. Вряд ли эти аргументы Хмельницкого заслуживают серьезного

внимания. Они относятся скорее всего к разряду так называемой «дипломатической болезни».

Причина здесь скорее всего в том, что зимой 1656 г. Карл X начинает терпеть первые неудачи в войне против Речи Посполитой (снятие осады с Ченстохова, возвращение в Польшу Яна Казимира, создание Тишовецкой конференции с целью изгнания шведов, освобождение некоторых городов). Нужно было время, чтобы выяснить: не закатилась ли звезда Карла X окончательно? Гетман выжидает и временно прекращает контакты со шведским королем.

Не мог Хмельницкий оставить без внимания и явную перемену внешнеполитического курса России в сторону сближения с Речью Посполитой. В то время как в Москве с октября 1655 г. по апрель 1656 г. шли переговоры с послами Фердинанда III и Яна Казимира, Хмельницкий со своей стороны тоже предпринимает попытки мирного решения вопроса об Украине. В октябре 1655 г. и в июле 1656 г. он принимает польских послов.

Наше условие одно, требует гетман: «Пусть знает Польша, что мы не войдем с нею в дружеские договоры, пока она не откажется от целой Руси (т. е. от всех земель, входивших ранее в Древнерусское государство.— Г. С.)»²⁴. Переговоры окончились безрезультатно.

Перетянуть на свою сторону Хмельницкого, уговорить его начать войну со Швецией дипломатам Яна Казимира не удалось.

Итак, с осени 1655 г. постепенно меняется внешнеполитический курс России, что приводит и к осложнению отношений со Швецией, и к отказу от идеи русско-шведско-украинского союза. Что мог дать этот новый курс — определить сразу было невозможно, но тревожные симптомы появились очень быстро. Уже через год после начала русско-шведской войны ковенский воевода М. Шеховской доносил, что имеются известия о мирных переговорах Карла X и Яна Казимира²⁵. Полковник Юрий Инглис из шведской армии пишет генералу на русской службе Авраму Лесли в июле 1656 г., через месяц с небольшим после начала войны: «И пришла вновь до нас грамотка от короля швейского, чтоб граф Магнус не воевал против польских людей для того, что он чаёт, что будет меж им и меж королем польским мир»²⁶.

Следовательно, сразу же после того как Россия вступила в войну против Швеции, Ян Казимир начал подготовку к заключению сепаратного мира.

* * *

Отношения России и Украины с Дунайскими княжествами являлись своего рода индикатором, показывающим состояние отношений с Крымским ханством, Турцией и Речью Посполитой. Повышение военной активности крымских татар на украинских землях немедленно вынуждало эти княжества к ухудшению отношений с Россией, напротив, спад военной агрессии знаменовался возобновлением переговоров о подданстве этих княжеств России.

В конце июля 1654 г., когда стал очевидным провал весенне-летнего наступления войск Речи Посполитой на Украину, к Хмельницкому вновь прибывают послы молдавского и валашского господарей для возобновления переговоров о подданстве России и совместных действиях против Речи Посполитой и Османской империи. Посольства от них направляются и в Москву²⁷.

Однако уже в августе—сентябре 1654 г. на южных рубежах Украины вновь стали собираться татарские орды, а в Зборове и под Каменец-Подольским собиравлись войска Речи Посполитой.

Георгий Стефан и новый валашский господарь Константин Шербан прерывают переговоры с Россией о подданстве и союзе²⁸. В Яссах задержали Ковалевского и Кроховецкого, побывавших с письмами Хмельницкого у валашского господаря и трансильванского князя. Не отпускали и русского посла Демьяна Михайлова. Хмельницкий был этим чрезвычайно встревожен, дважды писал к Стефану. Перед угрозой нового польско-татарского нападения враждебные России тенденции в политике Дунайских княжеств вновь берут верх.

В начале сентября Стефан скрылся из Ясс в горы. Разведчик Хмельницкого Остафей Остматенко доносил, что господарь укрывается у венгерской границы, опасаясь прихода татар. С ним в горах польский и татарский послы, посол от Ракоци, митрополит, посланцы силистрийского паши, 500 человек татар²⁹. Безусловно, трудно было угадать, куда направляют свой бег стремительные татарские кони и не промчатся ли они через Яссы. Опасность для Стефана была велика. Тем не менее такой съезд послов враждебно настроенных стран не мог не вызвать подозрений Хмельницкого. К тому же сам Остматенко доносил, что Стефан советует наступать повсюду, где появятся войска гетмана. Он устанавливает контакты и с новым крымским ханом Магомет-Гиреем, который в начале сентября находился в едиссанской и белгородской орде. Стефан обещал хану: «Как есть я сына гетманского до смерти привел, так же и самого гетмана от меня встретит»³⁰.

Тревожные вести о соединении Стефана и Шербана с татарами приходили и от казаков Уманьского и Брацлавского полков, ближе всего расположенных к владениям молдавского и валашского господарей³¹.

Хмельницкий и московский посланник в Чигирине Д. П. Тургенев были весьма насторожены. На отпуске Тургенева у гетмана 6 ноября прямо говорилось, что Стефан «учинился им неприятелем»³², а в листе царю от 10 ноября 1654 г. Хмельницкий обвинял Стефана в том, что вместо набатного звона господарь встретил татар переговорами. «Там же постановили и усоветовали, чтобы всеми ордами крымскими, ногайскими, черкесскими, белгородскими, очаковскими, венграми, волохами, ляхами, снявсь, со всех сторон на города наши, твоего царского величества украинные, ударити»³³.

Объективность этих сведений, поступающих в Москву с

Украины, подтверждались и другими источниками. Шотландец Юрий Кит, направленный в Ригу с разведывательными целями, в разговоре с лифляндским генерал-губернатором Г. Горном выяснил, что Дьердь Ракоци готов предоставить польскому королю 500 человек для войны против России³⁴.

Впрочем, Хмельницкий и русские воеводы отлично понимали, что выступление молдавских, валашских и трансильванских отрядов против Украины и России продиктовано не чем иным, как военным давлением со стороны Крымского хана и силистрийского паша Сияуша, которые могли в любой момент ворваться в их земли с опустошительным набегом. Гарантией их верности союза с Россией могли быть боевые успехи в отражении турецко-татарской опасности. Хмельницкий об этом заявил прямо. 5 января 1655 г. на встрече посольства А. С. Матвеева гетман подчеркнул, что хотя сейчас дунайские княжества выступают в союзе с противником, но это вынужденная политическая комбинация с их стороны, и как только они почувствуют силу русско-украинских войск, «увидят царского величества рать многую», так сразу же будут помогать России и Украине³⁵.

Войска дунайских княжеств не приняли активного участия в военных действиях против России осенью 1654 — весной 1655 г. Помешало соперничество за власть в княжествах и восстание наемников-солдат (сейменов), недовольных задержкой выплаты жалования. Восстание вскоре приобрело заметные антифеодальные черты и национально-освободительный характер³⁶.

Как и предполагал Хмельницкий, после поражения польских войск в январе 1655 г. под Ахматовым, после изгнания их с территории междуречья Днепра и Буга и выхода русско-украинских отрядов в район Львова, Замостья, Каменец-Подольского вновь возобновились переговоры о подданстве Дунайских княжеств. 15 июля Хмельницкий пишет К. Шербану о том, что к нему и к молдавскому воеводе выслан капитан Матиас Поковник и просит выслать посланца к нему³⁷. В письме к царю от 26 июля Б. Хмельницкий пишет, что молдавский господарь, «ныне изново живучи с нами в приязни», сообщил гетману о передвижении татарских отрядов из Крыма к Очакову³⁸.

28 августа 1655 г. было отправлено письмо гетмана с предложением возобновить переговоры о союзе против Речи Посполитой и о подданстве России и к советнику трансильванского князя Иоану Кемени. Выражалась благодарность за присылку посла Стефана Луча (Луца)³⁹. Отношения быстро налаживаются со всеми дунайскими княжествами. Обмен посланцами привел к тому, что были заключены соглашения о непападении друг на друга⁴⁰. Конечно, важное значение для заключения подобных соглашений имел тот факт, что войска шведского короля Карла X Густава стояли уже в Кракове.

Карл X тоже вел переговоры с целью втянуть Дунайские княжества в антипольскую войну. Особенно его интересовала помощь трансильванского князя Дьердя II Ракоци. Правда, здесь

были определенные нюансы, связанные с претензиями Ракоци на овладение польским тронem. Фактически Ракоци к осени 1655 г. уже стал союзником русско-украинских войск — он выступил против Яна Казимира⁴¹.

Оживлению национально-освободительных тенденций в Молдавии и Валахии способствовало поражение татарских войск на Украине в сражении под Озерной в середине ноября 1655 г. Сразу же после битвы эти тенденции не проявились, так как татарские отряды отошли в Молдавию и Валахию, но стоило только Магомет-Гирею в декабре 1655 г. уйти из Молдавии в Крым, стоило только буджацким и белгородским татарам уйти в свои степи, как возобновляются переговоры о подданстве Молдавии царю.

В феврале 1656 г. Хмельницкий писал Дьердю Ракоци о желании сохранить с ним дружбу и о скорой отправке посольства.

Заметно потеплели отношения и с Молдавией. 15 марта Г. Стефан направил в Москву посольство во главе с сучавским митрополитом Гедеоном и боярином логофетом Григорием Нянулом для переговоров о переходе Молдавии в русское подданство. Посольство имело и проездный лист от Хмельницкого к путивльскому воеводе с просьбой не задерживать послов⁴². Условия подданства, выдвинутые Молдавией, сводились в основном к помощи России в борьбе против Османской империи и Речи Посполитой⁴³.

29 июня 1656 г. последовало решение царского правительства о принятии Молдавии в русское подданство, «не помятуя ваших прежних досадительств и с неприятелями нашими, с польскими людьми соединения...». Внешнеполитические аспекты подданства Молдавии отражены в этом решении в довольно общей форме: «А кто нам, великому государю, учинится недруг, и того недруга людьми и казною не подмогали и совету с ними никакова не имели... и где нашего царского величества повеление будет на которого неприятеля итти, и вам туды ходити, и с нашими царского величества ратными людьми на всякого неприятеля стоять собча безо всякие измены»⁴⁴. Поворот штурвала внешней политики России в мае 1656 г. столь круто положил русский государственный корабль на другой галс, что многое на его борту сместилось, и теперь самим московским политикам нелегко было разобратся, кто есть друг, а кто — враг. Поэтому в ответе и не называли прямо врагами Речь Посполитую и Крымское ханство. «Польских людей» помянули как врагов лишь в прошедшем времени.

Весна 1656 г. была временем заметного улучшения отношений этих княжеств с Украиной и Россией. Отношения с Дунайскими княжествами строились прежде всего на заинтересованности, с одной стороны, в помощи от России в борьбе против османского владычества, с другой — в привлечении Дунайских княжеств в качестве фактических союзников против Речи Посполитой и Крыма.

Из материалов I главы видно, что еще с весны 1654 г. проходившие при посредничестве Б. Хмельницкого переговоры с княжествами фактически были переданы в полное его ведение, вплоть до того, что окончательное решение вопроса посылать или не посылать дипломатических представителей России в княжества передавалось на усмотрение украинского гетмана. Создание вооруженной антипольской коалиции в составе России с Украиной, Швеции и Дунайских княжеств (к чему еще со времен Освободительной войны и вплоть до смерти стремился Хмельницкий) теперь становилось вполне реальным делом. Все эти страны уже вели войну с Речью Посполитой (кроме Молдавии и Валахии). Итак, резкое ухудшение внутреннего и международного положения Речи Посполитой к зиме 1655 — весне 1656 г. еще более повышало шансы на заключение такого союза. Валахия и Молдавия не могли больше рассчитывать на помощь Яна Казимира в борьбе против Турции, а трансильванский князь Дьердь Ракоци надеялся захватить часть территорий в районе Кракова и получить польскую корону.

Осенью 1655 г. с предложением союза обращается к России Швеция, в это же время устанавливаются непосредственные контакты Карла X Густава с Б. Хмельницким, вновь заявляют о своей готовности вступить в русское подданство Молдавия, Валахия, начинаются переговоры Хмельницкого с Трансильванией.

Дело шло явно к заключению союза, но резкая перемена правительственного курса России все поставила с ног на голову. Теперь невозможно было понять, какого противника имеет в виду русско-молдавское соглашение в Москве в 1656 г. и не приведет ли это к изменениям в отношениях между Украиной и Трансильванией. Перенесение центра политической тяжести на войну против Швеции поставило Хмельницкого в трудное положение, но с ведома московского правительства он продолжал поиски союзников против Речи Посполитой.

ОТНОШЕНИЯ РОССИИ И УКРАИНЫ С КРЫМСКИМ ХАНСТВОМ И ТУРЦИЕЙ. ОТ ВООРУЖЕННОЙ БОРЬБЫ К ВРАЖДЕБНОМУ НЕЙТРАЛИТЕТУ

Союз Речи Посполитой с Крымским ханством складывался постепенно на протяжении 1654 г. Неожиданная смерть хана Ислам-Гирея 30 июня 1654 г. затянула решение о союзе против Украины и России, несмотря на то что в Бахчисарай уже вернулся королевский посол Яскульский (с сообщением, что Варшава согласна выплатить 40 тыс. червонных злотых — поминки крымскому хану), а крымский посол в Чигирине Алкас Кегито убедился в нерушимости решения Переяславской рады о воссоединении Украины с Россией.

Как всегда, смерть хана привела к вспышке междоусобной борьбы за власть. На этот раз распря началась между родичами Бегадыр-Гирея (был ханом в 1637—1641 гг.), его братом Магомет-Гиреем и сыном Бегадыра Селимом. В соперничество включился и представитель боковой линии рода Гиреев, ведущий свою родословную от хана Чобан-Гирея, Мубарак-Гирей.

Магомет-Гирей и Селим-Гирей пытались найти поддержку у визиря Сефергазы-аги и в Стамбуле, Мубарак-Гирей искал популярности у крымской знати, прежде всего у мансуровских князей. Селим-Гирея, кроме того, поддерживали князья ширвинские и магницкие⁴⁵.

Во время распри едва не погиб Селим-Гирей. Он жил в деревне Айлан у своего воспитателя-аталыка, когда на деревню врасплох напал сын Мубарак-Гирея Адиль с 1600 воинами. Селим вовремя бежал и скрылся у ширинских князей⁴⁶.

Буквально на третий день после смерти хана в Бахчисарае появились князья Мелди-Гирей-Ширинский и Артемир Магницкий, настаивавшие на кандидатуре Селима⁴⁷. Но Сефергазы-ага, не возражая в принципе против Селим-Гирея, больше был склонен отдать предпочтение Магомет-Гирею, ибо последний имел поддержку в Стамбуле, да к тому же уже правил крымским юртом в 1641—1644 гг. Кандидатура Магомет-Гирея была для визиря более удобной еще и потому, что это был безвольный человек, неумный политик, пытавшийся в свое время лавировать между своевольными крымскими феодалами и султаном, но на деле «ни в чем не выходявший из воли турецкого правительства»⁴⁸.

Если вспомнить, что за годы своего первого правления Магомет-Гирей не сумел отличиться и на военном поприще (допустил усиление влияния России в Черкессии⁴⁹, то причины непопулярности его среди татарских мурз и беев будут ясны.

Но Стамбулу на крымском троне был нужен именно такой, не имеющий реальной опоры среди местных феодалов правитель. Визирь Сефергазы все это отлично понимал и, чтобы удержаться на прежнем своем месте, поспешил предвосхитить решение султанского дивана. Он послал экстренное уведомление о смерти прежнего хана и просил назначить новым ханом Магомет-Гирея⁵⁰.

Противники Сефергазы стремились к ослаблению зависимости Крымского ханства от Османской Порты, желали видеть на бахчисарайском троне послушного их воле человека. Мелди-Гирей Ширинский и Артемир Магницкий, прибыв в Бахчисарай, потребовали провозгласить ханом бывшего калгу (военачальника) Казы-Гирея. Дождаться согласия султана они не намеревались, вопрос о приемнике Ислам-Гирея надеялись решить без вмешательства Стамбула⁵¹.

Протурецкая ориентация Сефергазы противоречила их планам и вскоре стала просто опасной для жизни визиря. 14 июля он был вынужден бежать из Бахчисарая в свои кочевья у Черекоба⁵². На короткое время власть в Бахчисарае оказалась

в руках противников визиря. Возможность заключения русско-украинско-крымского союза возрождается. 17 июля Мелди-Гирей и Артемир узнали о том, что перекопский Карач-бей вместе с ногайцами хочет идти набегом на русские города. Карач-бей был немедленно вызван в Бахчисарай и ему приказали оставить всякую мысль о набеге до тех пор, пока не решится вопрос о новом хане⁵³.

Борьба за ханский престол и упомянутый выше поход донских казаков летом 1654 г. на Крым усилили тенденцию к заключению русско-украинско-крымского союза. В июле к Хмельницкому прибыл новый крымский представитель Камматбет-мурза «хотячи сызнова с нами в братстве по-прежнему против ляхов нам помочь давать»⁵⁴. Хмельницкий немедленно уведомил об этом царя и тотчас же направил своих послов для продолжения переговоров в Крым и к ногайским мурзам, кочующим под Чигириным⁵⁵.

Какое-то время гетман, вероятно, был даже уверен в близком и благополучном решении вопроса. 16 августа 1654 г. он писал нежинскому полковнику В. Золоторенко: «Мы же, взяв бога на помочь, учиняся изнову в неотменной приязни с татары по смерти ханской, из-под Фастова (где тогда находились русско-украинские отряды.— Г. С.) вместе с ордою дале в Польшу до ляхов рушаемся»⁵⁶.

Впрочем, вопреки надеждам Хмельницкого тенденции к союзу против Речи Посполитой так и не возобладали. В августе — начале сентября вернулись послы к ногайцам и сообщили, что те отказываются помогать гетману⁵⁷. Партия сторонников Сефергазы, склонных к поддержке Речи Посполитой, брала верх.

В Стамбуле твердо решили остановить свой выбор на Магомет-Гирее. Счастливого претендента вызвали с о-ва Родоса в столицу. Родос был местом своего рода домашнего ареста всех крымских ханов, лишившихся по каким-либо причинам прежней власти. 30 августа новый хан пировал в Стамбуле по случаю восшествия на престол. В тот же день он должен был отправиться на галере в Крым, но получено было известие, что Москва захватила множество городов у Речи Посполитой, а побережье Крыма блокируют казацкие струги, которые намерены захватить Магомет-Гирея. (В действительности казаки уже в середине августа вернулись на Дон.) Хан немедленно покинул галеру и в тот же день, 30 августа, двинулся в Крым сухим путем⁵⁸.

В начале октября Магомет-Гирей остановился во владениях Карач-бея Перекопского, в Кыл-Буруне, куда прибыли представители враждующих группировок знати для встречи с ханом. Состоялось формальное примирение, но вражда между ними не прекратилась⁵⁹. Тем не менее визирь Сефергазы сумел укрепить свое влияние среди крымских феодалов.

Не подлежит сомнению, что на этом съезде (курултае) крымской знати обсуждались наиболее важные вопросы, в том числе и вопрос о выборе между союзом с Речью Посполитой или с

Москвой и Хмельницким. Было принято решение пообещать Хмельницкому союз против Речи Посполитой, но при условии, что он откажется от решения Переяславской рады. Этот вывод подтверждается двумя грамотами, написанными 5 и 8 октября. Обе грамоты были адресованы Б. Хмельницкому. В грамоте от 5 октября Карач-бей писал: «...как были мы братьями и приятелями вашими, так и теперь того не изменим. Только твоя милость знаешь, что Москва мой неприятель, а ты теперь с Москвой побратался. Я тебя как добрый приятель остерегаю и потом посылаю братское письмо — твоя милость не слушаешь! Какая тебе от Москвы будет корысть? Они в лаптях ходят. А вы с ними живете, и мы всегда готовы до приятельства с вами. Из-за вас и с поляками побратались. Если с королевской стороны будет какая-либо причина, мы с королем братство разорвем и к вам на помощь придем. Если у вас есть такое сильное войско и хан вам помогает — чего вам бояться?.. Ты слушай хана, а больше не слушай никого. Если же тебе была какая кривда, мы все готовы однокорно идти. Брось! Я твой милый добрый брат и злого тебе не желаю. Что я тебе желаю, пусть будет на мою голову, только отступи от Москвы»⁶⁰.

То же писал и Магомет-Гирей в грамоте от 8 октября: «...на всякого неприятеля вместе готовы есмя итти, только с тем лядаяким москвитином не хотите случится, но во всем осмотритесь сами, что не доброе дело с ними Польшу воевать, откиньте Москву от себя, а с нами в приятстве будте... И то ведайте, что когда с нами присягу сломите, то вскоре неприятелей много будете имети, а именно: венгрове, мутьяне и волохи готовы тотчас против вас итти»⁶¹.

Смысл этих посланий — вернуть положение, которое существовало в годы Освободительной войны 1648—1654 гг., когда крымские татары имели широкую возможность грабить украинские земли и в критические минуты предавать Украину польским магнатам, не опасаясь быстрого и решительного вмешательства России.

В совещании принимал участие, по-видимому, и Сефергазы, который 5 октября еще находился поблизости Перекопа. В этот день он писал Хмельницкому, что вынужден был отпустить казацких послов, прибывших к нему в июле, прервать переговоры до прибытия хана в Бахчисарай. Визирь советовал принять предложение Магомет-Гирея о разрыве с Москвой, которая якобы мало что может сделать для гетмана, возобновить союз с ханом⁶².

9 октября новый хан въехал в столицу, вероятно, в сопровождении Сефергазы-аги, во всяком случае визирь появился в Бахчисарае где-то между 5 октября, когда он отправил из Перекопа письмо Хмельницкому, и 16 октября, когда состоялись заключительные переговоры визиря с русскими посланниками Т. Хатунским и И. Фоминым. Весь июль, август и сентябрь они вынуждены были прожить на посольском стане на р. Алме в ожидании решения вопроса о новом хане и официального отпуски.

Сефергазы-ага, которому удалось и на этот раз сохранить за собой место визиря, сказал, что новый хан не пойдет войной ни на Россию, ни на Польшу, что с царем он намерен жить в дружбе. Немного поворчав по поводу воссоединения Украины с Россией («Можно было бы и не принимать», так как хан защищает Украину уже 7 лет), Сефергазы твердо пообещал от имени хана сохранение мира, конечно, при условии полной и своевременной выплаты поминков⁶³.

За этими успокаивающими заверениями вполне можно было рассмотреть и претензии ханства на «покровительство» Украине и прямую угрозу вторжения на украинские земли. Крымский хан отказался признать воссоединение Украины с Россией. Отсюда, утверждал Сефергазы, военные действия татар на территории Украины не могут считаться враждебным России актом. И все же даже такие, чисто формальные заверения визиря о нейтралитете Хатунский и Фомин расценивали как заметный успех. 27 октября посольство покинуло свой стан на Алме и вместе с новыми крымскими послами направились к месту традиционной размены неподалеку от самой южной русской крепости — Валулки.

Планы заключения русско-крымского союза полностью провалились, но еще оставалась надежда хотя бы нейтрализовать дипломатическим путем военную активность татар, сохранить мирные отношения с ханом, что было возможно лишь при условии признания акта воссоединения, т. е. признания новых царских титулов. Удобный повод для продолжения такого рода переговоров давала смена ханов в Бахчисарае. По традиции, установившейся еще со времени Ивана III и Менгли-Гирея, каждый новый хан заключал шертъ с Москвой.

Осенью 1654 г. в Посольском приказе был составлен образец шертной записи для Магомет-Гирея, на полном соблюдении которого должны были настаивать очередные московские посланники к хану. На этот раз в титулатуру царя включалась Малая Россия и хан должен был принять обязательство не нападать на южнорусские и украинские земли. Идею союза с ханом сменила идея нейтралитета крымских и иных подвластных хану татарских орд⁶⁴.

В Москве отлично понимали, что такого рода «худой мир» не может гарантировать полного спокойствия на рубежах. Молниеносные схватки со стремительными отрядами кочевников постоянно вспыхивали по всей линии засечной оборонительной черты в XVI и XVII вв. Нейтралитет Крыма был пужен скорее для того, чтобы разрушить союз хана и польско-литовского короля.

С проектом новой шертной грамоты в Бахчисарай направился осенью 1654 г. С. Лодыженский. Но тщательно продуманный в Москве проект в основных своих пунктах был отвергнут. Шертная грамота, доставленная в Москву С. Лодыженским, не упоминала в царском титуле «Малую Россию». Хан решительно отказался давать какие бы то ни было обязательства относительно непапа-

дения на украинские земли. Магомет-Гирей, правда, обещал «жить в мире и дружбе», но это распространялось только на собственно русские земли, признавать же за Россией права на украинские территории хан не намеревался. Перед русским правительством, как и прежде, выдвигались категорические требования высылать в прежнем размере поминки и запретить походы казаков на море⁶⁵.

30 декабря С. Лодыженский и А. Агарков, так ничего и не добившись в Бахчисарае, вернулись к месту размены посольств, в 5 верстах к югу от Валук. Здесь на берегу степной речки Ураевы уже должен был стоять шатер «разменного воеводы» И. И. Ромодановского, а с ним новое русское посольство в Крым во главе с Дмитрием Жеребцовым и Семеном Титовым, а также и возвращавшиеся из Москвы ханские послы и гонцы.

«Постоянным уполномоченным» всех крымских ханов на размене оставался, как и в 40-х годах, Маметша Сулешев. По дорогам Крыма из Бахчисарая к р. Ураеве двигался длинный обоз: посланники С. Лодыженский и А. Агарков со своей свитой, новые крымские послы в Москву и их свита, около сотни полоняников, за которых татары надеялись получить выкуп, 450 человек свиты и конвоя Сулешева⁶⁶.

Однако на этот раз на берегах Ураевы русского посольского стана не было. Обычно размена посольствами происходила довольно быстро и больших запасов продовольствия с собой не везли, но теперь день тянулся за днем, недели за неделями, а новых русских послов в Крым и «разменного воеводы» окольничего И. И. Ромодановского все не было. Ожидание затягивалось и незначительные запасы продовольствия быстро таяли. Ничем не мог помочь и валуйский воевода Василий Григорьевич Фефилатьев: крепость сама терпела хронический недостаток в продовольствии из-за своего удаленного положения от хлебных районов страны (на Дону хлеб не выращивали). Коренные валуйские жители сеяли хлеба мало, да и тот часто поедала саранча. В довершении всех бед осенью под Валуйки «подбегал» самовольный татарский отряд, отогнал скотину, пограбил и полонил людей, выжег посад⁶⁷.

Среди прибывших на размену послов и полоняников начался голод. Некоторые татарские мурзы из конвоя Сулешева уже хотели самовольно уйти в Крым, да и сам М. Сулешев угрожал С. Лодыженскому и А. Агаркову, что покинет разменное место и откочует в Бахчисарай. Позднее С. Лодыженский и А. Агарков говорили И. И. Ромодановскому, что они «на степи помирают голодом», а татары хотят идти в Крым и Сулешев с мурзами «однова татар за саблями держат»⁶⁸.

Особенно тяжело было, конечно, полоняникам. Их кормили в последнюю очередь. В основном это были люди пожилые, прожившие в плену 20—25 лет⁶⁹, и для них возвращение в Крым означало смерть в неволе. Чтобы освободить хоть часть полопя-

ников, С. Лодыженский некоторых из них взял на поруки и тут же отправил в Валуйки (кстати, теперь татары волей-неволей должны были дожидаться прибытия И. И. Ромодановского и уплаты выкупа за полоняников)⁷⁰.

Ожидание затягивалось. Только 15 февраля 1655 г. И. И. Ромодановский и дьяк С. Звягин прибыли в Валуйки и в тот же день послали уведомление М. Сулешеву о своем прибытии, а вскоре направили в татарский стан и продовольственные запасы⁷¹. Еще дольше задержались новые посланники в Крым Дмитрий Жеребцов и Семен Титов: лишь 9 марта они прибыли на разменное место вместе с прежними крымскими послами в Москву Айвас-агой «с товарищи», а через два дня состоялась размена⁷².

Чем объяснить столь длительную задержку? Во-первых, слишком долго готовились материалы посольства в Посольском приказе: только 28 января последовал указ об отправлении И. И. Ромодановского⁷³. Все это время тщательно продумывался проект шертной грамоты нового крымского хана. Задержали размену и татарские гонцы в Москве «потому, что татаровя покупили на Москве многие, и возы у них тяжелые, и дорогою идут мешкотно»⁷⁴.

Сам окольныйчий и князь И. И. Ромодановский действовал весьма энергично: за 2 с небольшим недели он сумел собрать и обеспечить всем необходимым на дорогу отряд в 600 человек и прибыть в Валуйки⁷⁵.

С. Лодыженский поспешил встретиться с И. И. Ромодановским еще до начала переговоров Ромодановского с Сулешевым о размене посольств. Необходимо было поделиться хотя бы краткими сведениями о положении в ханстве и возможных перспективах русско-крымских отношений. Миссия Лодыженского явно не удалась. Магомет-Гирей категорически отказался вписать в шерт новые царские титулы, отказался от сохранения нейтралитета в войне России и Речи Посполитой⁷⁶. Ханский двор совершенно не смущало, что совсем недавно Хатунскому и Фомину было твердо обещано не ввязываться в эту войну. Такая «забывчивость» являлась одной из характерных черт крымской дипломатии и, конечно же, весьма затрудняла нормальные дипломатические контакты.

Тем не менее сам С. Лодыженский расценивал перспективы развития отношений с Крымом весьма оптимистически. Он полагал, что есть все основания ожидать от Магомет-Гирея, калги и цуретдина «к доброму делу сходства и правды», что дружественную России позицию занимает Сефергазы-ага⁷⁷. Лодыженский уверял, что с посольством при ханском дворе обращались сравнительно хорошо, и «бесчестья и тесноты никакого не было»⁷⁸. Последнее вообще заставляет усомниться в искренности и объективности оценок С. Лодыженского. Оскорбление чести и достоинства посла было в Крыму обычным делом, и буквально каждое русское посольство сталкивалось с этим. Скорее всего

посланник приукрасил факты, преувеличил степень своего успеха, а то и просто выдал желаемое за действительное.

11 марта И. И. Ромодановский приказал взять в Валуяхках посольский шатер, 4 крепостные пищаля, порох, свинец, построил обоз и конвой и двинулся «на разменное место на реку Ураеву». Переход в 5 верст занял не много времени. Остаток дня потратили на устройство лагеря: разбили шатер, огородились возами, подновили старые земляные укрепления (построенные на случай нападения другой «договаривающейся стороны»), назначили внутренние и отъезжие караулы. Особо строго наблюдали за крымским посольством: его поставили в обозе поближе к яблоновским детям боярским. И. И. Ромодановский был воеводой в Яблони на Белгородской черте и взял с собой наиболее известных ему и надежных местных дворян, на которых он мог рассчитывать в любую минуту. Приставленному к крымскому посольству Т. Владычину не разрешалось оставлять татар без надзора ни на одну минуту вплоть до окончания переговоров с М. Сулешевым.

Вечером состоялась размена посольствами и переговоры с М. Сулешевым. Основные требования русской стороны были прежними: «...на его царского величества Украины и на запорожских черкас войною не ходили (бы) и князем и мурзам и всяким воинским людям никому ходить не велели». «На послах сверх положенного ничего не имать». Посланникам стоять во дворе в Яшлове, держать их «в чести и береженье», давать корм не скудно, хану в шертной грамоте писать именование — титул Алексея Михайловича по образцовому письму, «как он сам себя именует», т. е. с упоминанием «самодержца» и «Малой России».

Сулешев в ожидании предстоящей церемонии раздачи жалования готов был пообещать все, что угодно. Он не только клятвенно подтвердил, что будет «приводить» хана к благосклонному для России решению, но от имени хана поклялся на Коране в том, что хан не нападет на русские и украинские земли, даже если побуждать хана будет сам султан. От имени хана Сулешев обещал, что отныне с послами в Бахчисарае будут поступать достойно, без унижений и оскорблений, лишних соболей «справить» на них не будут. Обещания от имени хана Сулешев давал самые щедрые, обещал все, что угодно было русским представителям. Согласился Сулешев даже на то, что в шертной грамоте будут написаны полные тогдашние царские титулы, с «Малой Россией» и с «самодержцем», от себя по собственной инициативе добавил даже, что хан разорвет союз с польским королем. В чем секрет столь необычной покладистости Сулешева? В обмен на все эти обещания, от которых в Бахчисарае имели обыкновение очень легко отказываться, Сулешев требовал дополнительного жалования на четырех крымских «царевичей» и на 5 человек ханских придворных. В посольских документах эти придворные назывались «вужетершцами»⁷⁹.

Таким образом, во время церемонии размены посольства но-

вые посланники в Крым Д. Жеребцов и С. Титов оказались попросту дезинформированы своими предшественниками, толи не разобравшимися в сложной внутренней обстановке в ханстве, толи без лишней скромности преувеличившими свои «успехи».

14 марта 1655 г. состоялась церемония замены посольствами и посланники Жеребцов и Титов двинулись в путь. После тяжелого дневного перехода по раскисшей весенней степи подошли к бурно разлившейся речушке Чернавке. Чтобы утром не тратить время на переправу, решили преодолеть Чернавку с вечера, а за ночь отдохнуть и обсушиться на другом берегу. На середине реки поток подхватил телегу с государевыми грамотами, перевернул ее, «и государевы грамоты слегка помокли». К счастью, соболиные и прочие меха, денежную казну «переправили совсем вцеле, не подмочили»⁸⁰. Порча мехов имела бы для посланников гораздо более неприятные последствия в Крыму, чем порча царских грамот.

20 марта «перешли по льду с большою нужею» Северный Донец, за которым начинались ногайские кочевья. Теперь невзгоды распутицы усугубились опасностью нападения нагайских мурз, не очень склонных считаться с обычаями посольской неприкосновенности. На горизонте постоянно маячили ногайские всадники, наблюдавшие за движением большого посольского каравана. Жеребцов и Титов даже не рискнули отпустить с дороги казаков с отписками, боясь, что их перехватят в ногайских кочевьях по Молочным Водам.

Очередная дневка была сделана после переправы через р. Тор. По старым обычаям у берегов этой реки посланники должны были дарить соболя и лисьи шапки Маметше Сулешеву и его свите. Однако на этот раз посланники нарушили обычай: свита подарков не получила, так как охрана посольства казалась Жеребцову и Титову совершенно недостаточной. «Почесть» согласились дать только самому Сулешеву, да и то лишь в том случае, если он усилит конвой и будет «радеть» государеву делу.

Сулешев был взбешен, когда почувствовал, что соболи могут не попасть к нему в руки. По его приказу к подводам были приставлены татары «и велел арбачейские лошади бить безпрестани». По степным хлябям посольский обоз «пошел скорым обычаем». Лошади выбивались из сил и уже к вечеру того дня две пали от бешеной гоньбы (посланники непременно отметили в статейном списке: цена тем лошадям 24 руб.). Вскоре бросили еще четырех лошадей, несколько украли сопровождавшие посольство татары.

Посланники потребовали от Сулешева прекратить эти скачки «и шол бы он дорогою мерною ездою, чтоб им достальных лошадей по степи не розметать». Вместо иавших лошадей потребовали «наимываться татаром мерною ценою как бы мошно наняти». Татарский пристав Сулешев вновь потребовал «почести» для себя и своей свиты и «по самой конечной неволе почесть ему чинили», его сыну, 7 мурзам и 20 татарам. Покраденных коней, несмотря на самые горячие заверения Сулешева, конечно, не нашли⁸¹.

4 апреля 1655 г. посольский обоз остановился под Перекопом, а 13-го прибыл на традиционный стан к р. Алме. Аудиенция у хана была назначена на 20 апреля. Накануне вечером состоялся предварительный разговор с визирем Сефергазы-агой. Уже на этой первой беседе сложилась чрезвычайно напряженная обстановка.

Визирь отказался встать при чтении «государевого милостивого слова» к нему, «а что оне, посланники, называют государя своего великим и велик де один бог, а он де государь Московский и делает не так, как при отце иво было»⁸². Именованье царя просто «государем Московским» не могло не насторожить посланников. Не придется ли вновь вести споры о праве царя на титул «всёа Русии самодержец», не говоря уже о включении в этот титул Малой России? «И тебе было, Сефергазы-ага, таких непристойных слов не уметь и мыслить, не токмо про великого государя нашего, про его царское величество такие непристойные слова говорить и называть его, великого государя, одним государем Московским»⁸³.

Резкая отповедь и упоминание о предстоящей выдаче визирю «государева жалования»⁸⁴ несколько его успокоили. Визирь, правда, поворчал еще на тему: «всякий государь велик в своем государстве», но все же заверил посланников, что будет радеть о русских делах и приводить Магомет-Гирея «на добро»⁸⁵.

Но этих заверений визиря хватило ненадолго. Едва только он получил «государево жалование», как попытался сделать все для того, чтобы максимально затруднить действия посольства. Сефергазы-ага был сторонником союза с Речью Посполитой. Для начала он настаивал на том, чтобы много о государевых делах с ханом не говорили, изложили дело «короткими словами». Жеребцов оставил это требование без внимания. Аудиенция у хана состоялась на другой день и по традиции началась с вручения подарков. Причем на этот раз подарки и жалование ханским придворным были увеличены против прежнего. Сверх обычного прислали подарки на пять царевичей и жалование на четырех придворных «нужетерпцов»⁸⁶. Увеличенный размер подарков и жалования свидетельствовал об особой важности посольства Д. Жеребцова и С. Титова, об особой заинтересованности России в поддержании мирных отношений с Крымским ханством.

На этот раз увеличение подарков не помогло. Едва Жеребцов начал посольскую речь, как Сефергазы прервал его. Посланник успел сказать только о подарках и жаловании и о стремлении России жить в мире с ханством. По наказу дальше Жеребцов должен был говорить о положении на Украине и о нейтралитете Крыма в русско-польской войне. Сефергазы уже знал содержание царской грамоты из беседы с посланниками накануне и явно стремился не допустить упоминания этих вопросов на аудиенции. Сведя аудиенцию к проведению передачи подарков, визирь сознательно, как бы исключал всякий политический характер посольства и делал его главной целью вручение мехов. Тем самым

крымский двор лишний раз подчеркивал, что это не столько подарки, сколько дань вассала. На политические темы с вассалом говорить самому хану нет нужды. Кроме того, визирь тщательно оберегал свою монополию на решение внешнеполитических вопросов и не очень доверял хану. Косвенно это подтверждает последовавший на встрече диалог: «Та де речь вся, что оне, посланники, говорят, написана от государя в царева грамоте.— Наставвал Сефергазы-ага.— И то де делов двое говорить им перед царем непригоже, а предние де посланники перед царем на посольстве столько не говоривали»⁸⁷.

Жеребцов попробовал протестовать, но теперь вмешался сам хан: «О которых делах с ними, посланники, к нему, Магомет-Гирею, наказано, и они б де, посланники, про те дела говорили с ближним ево человеком Сефергазы-агою потому, что те дела у него, Магомет-Гирея царя, ведать ему, Сефергазы-аге. А больше того царь посланников речей слушать не учал»⁸⁸.

Хан устранился от решения вопросов внешней политики, опасаясь обострения отношений с визирем. В руках визиря, опиравшегося на местную знать, по мнению А. А. Новосельского, сосредоточивалась действительная власть. Ханы все более и более превращались в марионеток⁸⁹.

Переговоры проходили в очень напряженной, если не враждебной для представителей России атмосфере. Едва только посланники переступили порог Золотого кабинета ханского дворца в Бахчисарае, где обычно проходили приемы иностранных послов, как сопровождавший их Маметша Сулешев «взял Дмитрия Жеребцова и привелчи перед царя наклонил вневолю с большою силою. А после того взял и подьячего Семена и наклонил вневолю з большою силою. А переводчику Араслану Култумышеву велел Маметша царю проклонитьца в землю»⁹⁰. До этого подобной унижительной процедуре русские посланники подвергались только один раз, в 1649 г. Столь же оскорбительный прием ожидал посланников и на аудиенции у калги и нуретдина.

Поскольку деловые вопросы на официальных аудиенциях не рассматривались, кульминацией каждого посольства в Крым были встречи с визирем, на которых выяснилась позиция сторон и обсуждались интересующие стороны проблемы.

После более чем прохладной аудиенции у хана трудно было рассчитывать на сердечность визиря. В назначенный для переговоров с Сефергазы день, 2 мая, посланники покинули посольский стан на Алме и прибыли в Бахчисарай. В городе они остановились у какого-то «белорусца», вероятно, полоняника, осевшего в Крыму.

Почти полдня Сефергазы заставил их ожидать приема, велел сказать, что он выехал с ханом на охоту. Такой ответ был оскорблением уже сам по себе. Лишь к вечеру Жеребцова и Титова допустили в покой визиря. Споры начались уже по первому пункту переговоров — о признании ханом воссоединения Украины с Россией. Посланники потребовали переписать

шертную грамоту хана с упоминанием в царском титуле «Великие и Малые России самодержца».

«Если прежняя грамота, — отвечал Сефергазы, — нелюба, то хан ее перепишет, а писать будет во всем против прежних обычаев, как было исстари при прежних крымских царях, а с образа царицы шертной грамоты писать им негодитца и николи того не бывало»⁹¹. Итак, Сефергазы ссылался на историю. Ссылки эти довольно любопытны и заслуживают более пристального внимания.

Запорожские казаки, продолжал Сефергазы, были в подданстве у польских королей с 800 лет. «А после у них (у хана. — Г. С.) были в подданстве лет с семь, и оне, крымские люди, проча их, черкас, себе и чая от них впредь правды и постоянства, за них стояли и с польскими и литовскими людьми бились и многие неповинные крови проливали, и в обиду их никому не давали. ...А гетман де Богдан Хмельницкий ...хотел быть за ними в подданстве и до веку. А ныне де те запорожские черкасы им солгали и воровством своим от них отложились и доброту их забыли, а называются государевыми»⁹².

Утверждение, что Украина была 800 лет в подданстве у польских королей, противоречило уже тогда хорошо известным фактам. Тем не менее скидывать его со счетов не следует. Несомненно стремление доказать, что воссоединение лишено исторической основы и исторических прав.

Следующие утверждения Сефергазы касаются прав Крыма на Украину (помощь в 1648—1653 г.). Ненадежность такой помощи хорошо известна. Татары изменяли неоднократно: и под Зборовым в 1649 г., и под Берестечком в 1651, и под Жванцем в 1653 г. Эти примеры можно умножить.

Наконец, отношения Хмельницкого с ханством никогда не были отношениями подданства. Это был военный союз, за который Украина платила дорогой ценой многочисленного полона и опустошительных грабежей⁹³. В реплике Сефергазы еще раз проявились давние экспансионистские тенденции политики Крыма, пытавшегося закрепить за собой роль наследника Золотой Орды. Любое обращение к хану по дипломатическим каналам, любой договорный акт трактовался в Крымском ханстве как признание вассальной зависимости того или иного народа и государства.

Примечательно, что до переговоров 2 мая 1655 г. Крым не выдвигал открыто претензий на обладание Украиной. Даже когда осенью 1654 г. был заключен польско-татарский союз, и в то время хан предпочитал рядиться в одежды благородного рыцаря, борца за «справедливость», бескорыстного защитника невинно пострадавшего Яна Казимира. Теперь же придворные ханские круги открыто заявили о своих претензиях, что свидетельствовало о дальнейшем обострении отношений с Россией. Претензии на Украину и союз с Польшей могли означать одно: помогая более слабому противнику, не допустить чрезмерного усиления России

и тем самым сохранить возможность реализации своих территориальных и политических притязаний.

Последовала резкая отповедь русских посланников, что такие речи ведут «меж государств на розврат, а не к тишине и покою. И царского величества подданных гетмана Богдана Хмельницкого со всем Войском Запорожским называет ворами неделом, а воровства их нигде не бывало и в подданстве оне у крымских царей никою не бывали, и впредь не будут». Были они в подданстве у польских королей, но не вытерпев неправд и надругательств, «учинилися в вечном холопстве у великого государя нашего, у его царского величества... . А Магомет-Гирею царю, и калге, и нурадыну царевичам, и им, ближним людям, в досаду гово ставить нечево, да и за чужое стоять непригоже»⁹⁴.

О заключении русско-крымского союза против Речи Посполитой уже не упоминали. При решении же вопроса о ненападении Крыма на украинские и русские земли, дипломаты Посольского приказа исходили из следующего постулата: после воссоединения украинские земли считаются составной частью России, и нападение татар на них приравнивается к нападению на собственно русские территории. В «образцовой» шертной грамоте, составленной в Москве, писалось, что хан не будет нападать сам и посылать своих подданных на «украинные» (т. е. крайние русские) земли и на запорожских черкас. То же требование изложили посланники и на переговорах с визирем⁹⁵.

Сефергазы выдвигал противоположный постулат: поскольку воссоединение незаконно, украинские земли не могут считаться частью территории России, и нападение на них не может расцениваться как нападение на русские земли и нарушение шерти. Он прямо заявил на встрече 2 мая, что нападать татары на запорожских черкас будут, мстя за «измену» казаков. «А Магомет-Гирею де царю того учинить не уметь, что на таких воров войною не ходить и не разорять, разве у всех крымских и нагайских татар не будет на руках ногтей, или глаза их землю загребут, тогда де оне тем ворам запорожским черкасам воровство их и измену мстить не будут»⁹⁶.

Такое поведение визиря находилось в явном противоречии с обещаниями, которые дали в Москве в ожидании щедрых поминок ханские послы «Айвас-ага с товариши», а на разменном месте — Маметша Сулешев. Эту противоречивость непременно отметили Жеребцов и Титов: «Айвас-ага и... Маметша Сулешев... договорились на том, что Магмет-Гирею царю прежняя своя шертная грамота переменить, а писать вновь по образцовому письму с полным царского величества именованьем...»⁹⁷.

Давняя дипломатическая практика свидетельствовала о том, что в Бахчисарае не придавали никакого значения договорам, заключенным от имени хана его представителями в Москве или под Валулками. Это позволяло «дипломатам» типа Айвас-аги или М. Сулешева давать заведомо неприемлемые для хана посулы. Да и сам Сулешев, «забыв» обещания, данные под Валулками, не

только не помогал русским, но даже и не пробовал воздействовать на ход переговоров. «Помочи от него в государевых делах и впредь не чаять потому, что человек непостоянный, только большой охотник ко взяткам. А что возьмет, и того не помнит»⁹⁸.

Несогласованность между действиями татарских послов и действиями центра только кажущаяся. В центре отлично знали, что послы в Москву практически ничего не могут решить, что любое их действие может быть не подтверждено в Бахчисарае. По существу представители хана в Москве не несли никакой ответственности за принятие решений и единственную цель своей поездки видели в получении мехов и выгодной торговле на московском базаре. В литературе уже отмечалось, что такого рода «несогласованность действий» была одним из принципов политики Крыма, что это давало возможность хану в любой момент отказаться от принятых обязательств. Дипломатия становилась нестабильной, вносился элемент первозности и неопределенности⁹⁹.

Возможно, крымские дипломаты не всегда посвящали свое правительство в такого рода торгово-политические операции в Москве.

Переговоры с визирем уже подходили к концу, когда Титов дал понять, что от нейтралитета хана в украинских делах зависит размер поминок. В этот раз, заявил посланник, дали дополнительные поминки на четырех царевичей и жалование на пять «нужетерпцов» — придворных только потому, что Айвас-ага пообещал, что хан не пойдет на Украину. В противном случае размер поминок будет сокращен. Однако на этот раз старое средство нажима на Крым оказалось неэффективным. Сефергазы заявил, что осенью и зимой 1655 г. татарских отрядов на Украине не было (здесь визирь явно солгал), но если бы калга с войском успел подойти, «и он бы де всех государевых людей и с черкасы побилю наголову»¹⁰⁰.

Посольство у нуретдина 4 мая тоже прошло с большими трудностями. Подарки, посланные нуретдину, его матери, дочерям и женам, показались слишком малыми. Дело дошло до того, что у Жеребцова силой забрали коня, на котором он прибыл с посольского стана в Бахчисарай, шарили по посольским телегам, разыскивая спрятанные меха, ничего не нашли и отпустили посланников с миром на их стан к Алме, но лошади Жеребцову так и не вернули¹⁰¹.

Столь же безрезультатно закончилось и посольство у калги 17 мая. 20 мая Сефергазы сообщил окончательный ответ хана, который, конечно же, ничем не отличался от ответа визиря 2 мая¹⁰².

27 августа хан призвал русских посланников на отпуск и объявил им, что вскоре идет походом на своих неприятелей, «а на кого имянем про то не сказал, а молил глухо»¹⁰³. Еще раньше от придворных посланники узнали, что это будет поход на Украину. 30 августа 1655 г. Магомет-Гирей выступил из Бахчисарая,

оставив вместо себя в столице калгу¹⁰⁴. Обычно татары выступали в поход весной, по свежей траве, когда в изобилии был подюжный корм для конницы. Столь длительная задержка на этот раз объясняется поражением польско-татарских войск на Украине в кампании 1654—1655 гг. и походе донских казаков, опустошавших побережье Крыма в течение всего лета 1655 г.

Несмотря на отпуск у хана, покинуть Бахчисарай Жеребцов и Титов не могли, так как дипломатический ритуал предусматривал вручение так называемых «легких поминок», направляемых из Москвы в дополнение к тем, которые были вручены хану во время первой аудиенции посланников. Нарушение этой статьи дипломатического протокола могло привести к нежелательным осложнениям и без того весьма натянутых отношений с Крымским ханством.

После отправления в набег хана и нуретдина, которых сопровождал и визирь Сефергазы-ага, дипломатическая жизнь в Крыму замерла. Русские посланники вынуждены были дожидаться ханского возвращения, ограничиваясь сбором информации о внутреннем и международном положении ханства. 28 ноября 1655 г. «легкие поминки» и новая грамота к хану были доставлены на посольский стан донскими казаками¹⁰⁵. К этому времени обстановка на театре русско-польской войны еще более изменилась в благоприятную для России сторону. На Украине военные действия шли под Львовом, почти вся Белоруссия и Литва были пройдены русской армией.

Русское правительство считало новые земли достаточно прочным приобретением и включило их в царский титул. Теперь задача, стоявшая перед Д. Жеребцовым и С. Титовым, стала еще более сложной. Им предстояло добиться признания ханом нового царского титула: «...всеа Великия и Малыя и Белья Русии самодержец и многих государств восточных, и западных, и северных отчич, и дедич, и наследник, и государь, и обладатель». Когда оставшийся в Бахчисарае Маметпа Сулешев спросил, чем вызвано появление новых титулов, ему ответили: «А ныне ему, великому государю, бог поручил и сверх того Великое княжество Литовское, всей Коруны Польской многие города, а Малая и Белая России, и Вольнь, и Подолье все за ним, великим государем, и что ему, великому государю, бог дал, и тем за што не писатца?»¹⁰⁶. Конечно же, ни калга, ни тем более М. Сулешев не имели полномочий решать вопрос о признании новых царских титулов. Необходимо было дождаться возвращения хана.

31 декабря 1655 г. хан и визирь вернулись в Бахчисарай, «а полону татаря с собою не привели ни одного человека»¹⁰⁷. Простые татары утверждали, что хан потерял 10 тыс. всадников.

Переговоры с Д. Жеребцовым и С. Титовым возобновились, несмотря на их полную бесперспективность. По требованию русских состоялось заседание ханского дивана, на котором стоял вопрос о признании новых царских титулов. Решение дивана гласило: «Хотя б де царское величество для тех титл и сверх ны-

нешнее казны прислал к ним казну или две нарошно, и царь бы де, и калга, и нурадын с таким титулом к государю писать не велели потому, что де та речь пристойна одному богу, а ко государю де так писать негодитца. Писать будут как писывали к прежним государям и к отцу ево государеву»¹⁰⁸.

Не договорившись ни по одному пункту, посланники 2 марта 1656 г. покинули посольский стан на Алме и в сопровождении нового татарского посольства и М. Сулешева двинулись к Валуямкам, где предстояла размена с новым посольством — Андрея Акинфова и Григория Жданова. Ввиду явно неудачного похода на Украину хан запретил в этом году проводить размен и выкуп пленных¹⁰⁹ и лишь после самых настоятельных требований придворной знати разрешил выкупить и обменять 20 человек¹¹⁰.

Выше говорилось о предпринятых дипломатами Хмельницкого и им самим шагах, направленных на заключение нового союза с Крымским ханством летом—осенью 1654 г. Вступление на Крымский юрт Магомет-Гирея означало неудачу этих дипломатических контактов, а в уже приведенных письмах Карач-бея, Сефергазы-аги и самого хана от 5—9 октября 1654 г. от Хмельницкого еще раз потребовали разрыва с Россией.

Эти письма не были для гетмана неожиданностью. Еще в конце сентября 1654 г. гетман писал Алексею Михайловичу, что посланные за помощью к едиссанским, белгородским и ногайским татарам представители гетмана вернулись «ни с чем».

Татары начали военные действия против Украины, но попытки оторвать Хмельницкого от России путем дипломатического нажима не прекращались. 12 октября 1654 г. гетман писал Алексею Михайловичу, что к нему прислан некий «очаковский бей», который от имени крымских и других орд потребовал «отлучитца от царского величества», а с ними «попрежнему быть в братстве». Но мы, писал гетман, «прелестям их не верим и о том тшцатися будем, чтоб они радости не восприняли»¹¹¹. «Очаковский бей» был не одинок. В наказе Б. Кондратенко, направленному 24 октября в Москву с просьбой о помощи, Хмельницкий писал, что приходят листы и от других татарских беев и мурз, «из которых видна великая неприязнь к ним». В случае сохранения верности России они угрожали «всеми силами снявися, с венграми, мунтянами и прочими на нас наступать»¹¹².

Еще в августе в Крым был отправлен на переговоры о союзе сотник Брацлавского полка Михаил Бегаченок. В конце октября он был отпущен из Бахчисарая, не продвинув ни на шаг дело заключения союза. Как и в переговорах с русскими посланниками, хан настаивал на незаконности акта воссоединения и всеми военными и дипломатическими мерами стремился расторгнуть опасное для Крыма решение Переяславской рады и Земского собора.

Вместе с Бегаченком в ставку гетмана направился новый татарский посол — Тохтамыш-ага. 24 октября 1654 г. Хмельницкий писал царю из лагеря под Корсунем, откуда он руководил отра-

жением татарских набегов: цель Тохтамыш-аги, «чтоб есмь твоего царского величества отлучившись, с ним на братство присягли, в купе по-прежнему пребывали. А когда того не учиним и от твоего царского величества не отлучимся, тогда сам с ордами крымскими, нагайскими, так же венграми, мутьянами, волохами и с ляхами снявся, на нас наступать обещаецца»¹¹³. В конце письма гетман сообщал, что Тохтамыш был «отпущен ни с чем». В беседе с посланным в Киев дворянином Д. П. Тургеневым И. Выговский упомянул еще одно требование Тохтамыш-аги — «с полским бы королем быть в миру»¹¹⁴.

В Москву передавали абсолютно точную и полную информацию. Это подтверждается ответной грамотой Б. Хмельницкого к Магомет-Гирею, текст которой не отложился в московских архивах. В обеих грамотах цели гетмана изложены одинаково: «Только то нам в удивление, что наша ханская милость пишешь, дабы мы от царя московского отступили. Это дело невозможное, ибо понимаем, что и ваша ханская милость цезарю турецкому ничего плохого не мыслишь»¹¹⁵. И если хан пишет, что в противном случае обрубит на нас силы Трансильвании, Валахии, Молдавии, соединившись с Польшей, то Войско Запорожское уже стоит по границам и там «дружеского письма от вашей ханской милости ожидаем, не давая наименьшей причины для разорвания дружбы, помня великолепно то, что каждого пан бог за нарушение присяги строго наказывает»¹¹⁶. Мы готовы умереть на границах, но не допустить врага к себе. В заключение Хмельницкий напоминал, что ожидает к себе нового посла, но такого, который бы подтвердил прежнюю присягу¹¹⁷.

Стремление отождествить отношения Украины с Москвой и приравнять их в определенном смысле к отношениям между Крымом и Турцией в тексте этой грамоты не вызывает сомнения. Таким образом здесь совершенно четко говорится именно о подданстве Украины России.

Дипломатические связи Хмельницкого с Крымом продолжались и в то время, когда татарские отряды соединились с войсками Речи Посполитой и действовали на украинских землях. Убедившись на собственном горьком опыте в ненадежности военного союза с Крымом, Хмельницкий стремился использовать теперь это качество крымской политики в интересах России и Украины, разорвать союз Магомет-Гирея и Яна Казимира. Эти же цели были и у России. Специфика украинско-крымских отношений заключалась в том, что сохраняющаяся сила традиций и намерения Крыма создать польско-украинско-татарский союз против России позволяли Хмельницкому вести речь не только о нейтралитете, но и о возрождении союза. Союза не против России, а против Речи Посполитой. Это было возможно в случае переориентации внешней политики ханства. Надежды на переориентацию сохранялись до тех пор, пока существовала оппозиция Магомет-Гирею и Сефергазы-аге, стремившаяся возобновить войну против Польши и установить более или менее спокойные отноше-

ния с Россией (в первую очередь ногайские и прочие подвластные Крыму орды).

Гетман старался использовать любую возможность для возобновления антипольского союза. В конце октября — начале ноября 1654 г. через Украину в Крым с новыми царскими грамотами к хану и к русским посланникам проезжал царский гонец Устоса-симов, он вез известие о взятии Смоленска. Под видом проводника Хмельницкий направил своего представителя с письмами, в которых предлагал хану, калге и нуретдину, «чтоб с нами в братстве жили»¹¹⁸. (О чем немедленно уведомил Посольский приказ.)

Грек Юрий Константинов, прибывший в Москву из Константинополя, сообщал в Посольском приказе 12 ноября: «А мурзы и татарова на нового хана приходили неодинажды с шумом, что он их нынешнее лето зделал без добычи. Как они хаживали в Польшу с Хмельницким им даывал от себя сукна и кафтаны, и иное, что у неголучилось, да они ж с ним в Польше добывалися; а ныне де они того ничего не видали. А Хмельницкий их к себе презывал и против прежнего им во всем обещал, и добыча у них нынешнего лета вся пропала от него, хана. И конечно, мурзы хотя быть с Хмельницким в дружбе по прежнему, а посланец Хмельницкого в Крым ныне есть»¹¹⁹. Приведенный выше отрывок интересен еще и тем, что сведения исходят от лица, не заинтересованного в каком-либо искажении позиции Хмельницкого и объективно рисующего как цели гетмана, так и внутренние силы Крымского ханства, поддержку которых гетман мог использовать.

В январе—марте 1655 г. отряды крымских татар вели активные военные действия на Украине. Никаких сведений о дипломатических акциях Хмельницкого в Крыму за это время не найдено, да, по-видимому, до конца марта они и не предпринимались. Только в конце марта, когда крымским татарам было нанесено несколько чувствительных ударов, Карач-бей перекопский вновь направил письмо с предложением возобновить переговоры о союзе против России. Предложение делалось от имени хана¹²⁰.

Все это время Хмельницкий пытался воздействовать на хана через Стамбул. В Стамбуле ситуация тоже оставалась достаточно сложной и переменчивой. 28 сентября 1654 г. в письме к царю гетман высказывал опасения по поводу того, что война Османской империи с Венецией подходит к концу, турки с татарами думают «никуда, только на нас все силы свои обратить»¹²¹. Спасение от этой опасности было только в организации морского похода казаков Дона и Запорожья к турецким и крымским берегам, о чем и просил Хмельницкий¹²².

От Силистрийского пашы Сияуша, писал Хмельницкий в Москву еще 24 октября, прибыл к нему посол, но этого посла «не задержав, ни с чем отпустили есмь»¹²³. По-видимому, неудача, постигшая посла от Сияуша, вынудила силистрийского пашу действовать более активно: в тот же день в инструкции отправ-

дьяввшегося в Москву с листом к царю Б. Кондратенко записали: «Турки подлинно на войну готовятца»¹²⁴. В листе царю от 10 ноября гетман уже сообщал, что «Сияуш, паша силистрийский, через Дунай до нас перешол»¹²⁵.

Впрочем, для Хмельницкого вскоре стало ясным, что нападения Турции не произойдет. А. С. Матвееву, прибывшему в лагерь гетмана под Корсунь 5 января 1655 г., Хмельницкий говорил: «Туецкий султан на Украину царскую (южнорусские города.— Г. С.) и на запорожские города наступать не может. Во-первых, дорога дальняя, не только что зимою, но и летом пройти ее невозможно, ибо эти края, которыми идти, все опустошены, а турки нежные, без провианта никогда не ходят. Во-вторых, турецкий султан разругался с венецианами и с сербами, и сербы Венеции помогают, и туретчина терпит от них великие беды»¹²⁶.

Угроза казачьего похода и неудача с Венецией, как и рост национально-освободительной борьбы на Балканах, на время сдержали агрессивные намерения Турции против России и Украины. В конце марта Сияуш-паша направил к Хмельницкому письмо, в котором вину за временное обострение отношений и агрессивные акции сваливал на прежнего визиря, который теперь устранен, а при новом визире Аземе «всякое ваше дело будет совершенно по вашему желанию, по прежним вашим присылкам, чаем, желание ваше исполнено будет»¹²⁷. Для ведения переговоров Сияуш-паша прислал некоего Шагин-агу и предлагал вместе с Шагин (Шаин, Шагал)-агой отправить в Стамбул украинских представителей. Хмельницкого больше всего волновал вопрос о запрещении татарам нападать на Украину и о возобновлении казачко-татарского договора против Речи Посполитой. Силистрийский паша многозначительно намекал, что султану известно о «недружбе» казаков и татар.

Почти в тот же день, если не одновременно с Шагин-агой, прислал свои письма к гетману и перекопский Карач-бей. О турецких и татарских письмах, о прибытии посла Хмельницкий немедленно сообщил киевским воеводам, а Выговский — воеводе русского отряда В. В. Бутурлину. Выговский дополняет, что получены письма и от Криштофа Тышкевича, Шагин-ага и Карач-бей «ирельщали» Хмельницкого, «чтоб мы отступили от его царского величества и султану турецкому поддались»¹²⁸.

Письма Сияуша, Карач-бея и Тышкевича были пересланы в Москву со специальным гонцом сотником Осипом Томиленко. С ним же было направлено и письмо гетмана к Алексею Михайловичу, в котором среди прочего писалось и о возобновлении дипломатических контактов с Турцией и Крымом и о целях Османской империи. Азем-паша «имянем цесаря турецкого прелестными листами прельщаючи нас и изводячи, чтоб есмь цесарю турецкому подавались, чего не дай боже, ...Сызнова сими же времени Карач-бей перскопский ханским и всех салтанов и беев имянем листы прелестные прислал, ...чтоб: ...от вашего царского величест-

ва отступили, а они нам обещают помочи на ляхов. Мы, однако, их прелестям не верим и помочи от них не желаем»¹²⁹.

И все же возобновление переговоров пужно было использовать в своих целях. В Стамбул были направлены два посланника, некие Роман и Яков, с грамотой, содержание которой можно установить на основании ответной грамоты Магомета IV¹³⁰. Хмельницкий писал султану, что Магомет-Гирей соединился с Речью Посполитой, Трансильванией и прочими противниками, воевал украинские земли, что и вынудило *заключить с Москвой союз* (такая трактовка воссоединения — уступка амбициям султана. — Г. С.). Тем не менее Хмельницкий просит принять Украину под султанскую руку и под оборону и не разрешать крымским татарам и другим подвластным султану народам нападать на Украину¹³¹.

Послы от гетмана были направлены и в Крым. 4 апреля 1655 г. в обоз русских посланников Д. Жеребцова и С. Титова под Перекопом приходил из деревни Акалта-баши татарин Баамет и в расспросе сказал: «От черкас гонцы приезжают неединожды и будут приезжать для того, чтоб царь воевать не велел. И царь де им в том отказал, и войною на них идти хочет с поляки заодно, за то, что черкасы от них отложились»¹³². Основные цели крымско-казацких переговоров схвачены здесь верно. Даже простой улусный татарин знал о том, что Хмельницкий хочет всего лишь избавиться от нападения хана. Сообщал Баамет и о переговорах Хмельницкого с Шагин-агой: «Да от турецкого де салтана проехал в Запорог чеуш з грамотою, а писал де турецкой к черкасом о том: будет оне от московского государя не отложаться и с крымским не помирятся, и он на них пошел войною многие земли турков и крымцов, ногайцов, мутьянцов, терских, горских черкес, волохов, венгров, ляхов и велит их разорить»¹³³.

Выше уже приводилось содержание грамоты Сияуша-паши. В ней ничего не говорится об «отложении» от Москвы, но и тут Баамет верно уловил существо дела: помириться с ханом. Что же касается угроз, то их в письме Сияуша не содержалось, это добавление в духе крымских татар. Примечательно и другое. Баамет говорит лишь об отделении от Москвы, но не о признании Хмельницким власти хана или султана. Следовательно, перекопские татары, встречавшиеся с ханскими и султанскими гонцами чаще других, не воспринимали переговоры гетмана как подданство Крыму.

Посольство Романа и Якова в Стамбуле закончилось успешно. Д. Жеребцов и С. Титов узнали об этом 18 июля 1655 г. В тот день для сбора вестей послали они на Бахчисарайский базар толмача Филиппа Немичева и вожа Кондрата Кожухова. Повезло им необычайно: буквально на их глазах в столицу въехал чеуш султана Магомета IV, который вез в подарок хану кафтан и саблю. Обычно такой подарок означал приказ выступать в поход. На этот раз подарок султана означал мир. На торгу Ними-

чев и Кожухов слышали разговоры, что в новой грамоте к хану султан повелевает войной на Украину не ходить, «а жил бы де с ними (казаками.— Г. С.) в миру и дружбе против прежнего для того, что посылал де гетман Богдан Хмельницкой во Царь-Город к турецкому салтану от себя посланцов жаловатца на крымских и ногайских татар в том, что крымские и ногайские татаровя, забыв их дружбу и любовь и всякое добро, сложася с поляки заодно их, черкас, побивают, городы и места их жгут и пустошат, и разоряют, и чтоб турецкой салтан тех крымских и нагайских татар велел унять. А только де он унять их не велит, и он бы в том на них, черкас, не пенял, что оне, черкасы, за те свои обиды над Крымом и над нагаем учинят. И турецкой де салтан тех Хмельницкого посланцов подаря большими подарками отпустил в Запороги, а в Крым чеуша с тем и прислал, чтоб войною на черкас не ходить...»¹³⁴.

Слухи о запрещении хану набегов на Украину подтвердил и М. Сулешев, сославшись на «подданство» Хмельницкого султану.

Реакция русских посланников на сообщение о «подданстве» Хмельницкого султану показывает, что серьезного значения этому сообщению не придавали, но, не раскрывая всех карт перед Крымом, просто указывали на его недостоверность: «...что ...запорожские черкасы гетман Богдан Хмельницкой и все Запорожское Войско подданные великого государя... и ис под его государские высокие руки отступны быть не похотят... А у турецкого салтана оне, черкасы, в подданстве не будут, да и быть им у турецкого салтана в подданстве негодитца. И он бы, розменной князь, впредь таких речей не говорил и такова нечистойного дела не затевал, и тем меж государств ссоры и нелюбья не чинил»¹³⁵.

На основании вышеизложенного становится очевидным, что успех посольства Романа и Якова в Стамбул объясняется страхом перед походами запорожских и донских казаков и дипломатическим маневром с мнимым «подданством», предпринятым гетманом с ведома и согласия русской дипломатии. Но была еще одна причина благосклонности султана: незадолго до отправки чеуша в Крым флот султана потерпел новое поражение от Венеции. В Мраморном море турки потеряли более 10 судов, погиб сам капудан-паша, и Стамбул был прочно блокирован с моря «и никого не пропускают на Белое море из Царь-Града и с Белого моря в Царь-Град»¹³⁶. В этой обстановке появление враждебных Турции казацких отрядов на черноморском побережье было весьма нежелательно.

В нашей литературе уже долгое время идет полемика по вопросу о степени самостоятельности внешней политики Крымского ханства. Вопрос этот до настоящего времени остается дискуссионным. Автор оставляет в стороне тему отношений Турции и Крыма в XV—XVI вв. Иное дело — середина XVII в. В это время Османскую империю раздирали острые социальные и национальные конфликты, вражда придворных группировок. Постоянные дворцовые перевороты, устраиваемые янычарами, привели к

ослаблению власти султана. Новые тяготы добавила затяжная война с Венецией. Реакция Крыма на распоряжение султана о сохранении мирных отношений с Украиной и Россией еще раз доказывает, что внешняя политика ханства шла часто вразрез с курсом Стамбула. Сулешев не считал нужным скрывать перед Д. Жеребцовым и С. Титовым: «Только де однако ж Магомет-Гирей царь, соединясь с польским королем, на них черкас, войною пойдет...»¹³⁷.

Магомет-Гирей выступил в поход 30 августа 1655 г., но некоторое время еще не решался углубляться в пределы украинских земель и ограничивался нападениями на крайние села и городки. Эти нападения успешно отражали казачьи отряды, в то время как основные силы Хмельницкого и В. В. Бутурлина вели успешные боевые действия и 18 сентября осадили Львов.

Несмотря на выступление татарских сил к границам Украины, Хмельницкий упорно стремился предотвратить их вторжение. Это было нужно для обеспечения безопасности тыла. Вскоре после выхода хана в Крым прибывают послы от гетмана с целью если и не помириться, то по крайней мере сдержать агрессивность татар. «Да и с черкасы де,— писали в статейном списке Д. Жеребцов и С. Титов,— чають помирятца, потому что после царева походу (из Крыма.— Г. С.) вскоре приезжали в Перекоп от Хмельницкого гонцы, а в гонцах приезжал полковник, а с ним рядовых черкас человек с пятьдесят»¹³⁸. Эти сведения сообщил 23 сентября М. Сулешев. Вряд ли это был простой гонец с письмами. Высокий чин и большая свита говорят о более значительном ранге.

Между тем с Турцией отношения оставались достаточно благоприятными для Хмельницкого. Шагин-ага в сопровождении казачьих посланников уже возвращался из Стамбула и остановился в Силистрии, выжидая только того времени, когда степные дороги очистятся от татарских отрядов¹³⁹. В сентябре 1655 г. Шагин-ага вручил Хмельницкому грамоту, в которой султан соглашался принять Украину «под руку нашу и под оборону», держать Хмельницкого и казаков «яко верных и доброжелательных слуг» и помогать им против неприятелей. И главное, к чему так упорно стремилась русская и украинская дипломатия: «...Послали мы во все земли наши, дабы все о том знали и, никакой причины к несогласию вашей милости не давая, жили с вами в дружелюбии и рук против вас не поднимали»¹⁴⁰.

В свою очередь Хмельницкий был обязан не допускать нападений запорожских, а особенно «московских» казаков, «помня, что и мы всем землям нашим повелели пребывать с вами в приязни»¹⁴¹.

Особенно подчеркивалось, что султан обязуется запретить крымским и прочим подвластным ему татарским ордам нападение на Украину¹⁴². Вместе с грамотой, подтверждавшей запрет хану нападать на Украину, Шагин-ага вез 6 дорогих восточных халатов в подарок гетману.

Крымская знать не стала считаться с заверениями султана и вопреки решению Стамбула в сентябре 1655 г. войска хана устремились ко Львову, осажденному тогда русско-украинскими отрядами. 28 сентября, получив контрибуцию, Хмельницкий снял осаду и выступил против татар. 1 октября ушли из-под Львова и русские войска В. В. Бутурлина. В трехдневном бою, продолжавшемся 8—10 октября, силам Крыма было нанесено жесточайшее поражение у местечка Озерная.

Это поражение наглядно показало крымскому хану силу совместных действий русских и украинских отрядов и эффективность воссоединения Украины с Россией. Реальных возможностей противодействовать воссоединению и продолжать агрессивную политику на Украине в 1655 г. не было ни у Речи Посполитой, ни у ханства. Они могли появиться только позднее, в результате каких-либо политических перемен, связанных в первую очередь с укреплением положения Польши, стабилизацией внутреннего положения в Крымском ханстве. Теперь же речь могла идти только о переговорах, которые и начались 11 ноября. Отчет об этих переговорах мы находим в отписке В. В. Бутурлина в Разрядный приказ, составленный, видимо, по горячим следам и полученной в Разряде 26 декабря 1655 г.¹⁴³

Перечисление представителей татар, участвовавших в переговорах, доказывает, что во встречах участвовали не только крымские, но и ногайские татары, по-видимому, и белгородские, а следовательно, заключенный договор должен был стать обязательным для всех татарских орд. С ханской стороны переговоры вел визирь Сефергазы-ага, со стороны Украины вел переговоры Самойло Богданов — войсковой судья.

Переговоры открыл Сефергазы-ага, обвинив казаков в измене Крымскому ханству. Сефергазы говорил, что в «прошлых годах» казаки присягали, «что быть в приязни с крымским ханом», а ныне они «присягу свою сломали и от крымского хана отстали, а учинились в подданстве у царского величества», и города польского короля отдали царскому величеству, и в Киев пустили русских ратных людей¹⁴⁴.

Речь визиря отличается традиционнo золотоордынским пониманием союзного договора. Факт союза с крымскими татарами в 1648—1654 гг. Сефергазы-ага трактует как признание Хмельницким вассальной зависимости от Крыма. Естественно в таком случае трактовать переход в подданство Москве как «измену» хану. Не очень беспокоясь о логичности суждений, Сефергазы тут же упрекает украинских казаков и в измене королю, в передаче королевских городов и даже Киева русскому царю.

Богданов сразу же возразил, что присяга московскому царю вовсе не означает измену предшествующим договорам с Крымом, что присяги хану они не ломали, «а хотят де они и ныне с ними быть в приязни». Следовательно, Богданов сразу же дал понять, что и предшествующие договоры, и тот договор, который они хотят заключить с ханом, это договоры не о подданстве Украины,

не о разрыве с Россией, но лишь договоры о союзе. В подданстве же России они останутся «вовеки неотступно», а Киев и другие города отдали они царю потому, что это древняя царская отчина¹⁴⁵.

Сефергазы продолжал требовать «отступить» от Москвы, «чтоб гетман Богдан Хмельницкой и писарь и он бы, судья, и полковники от царского величества отступили и были б с ними по-прежнему в любви. А царского величества воевод с ратными людьми им выдали б»¹⁴⁶.

Ответ Богданова исполнен достоинства и мужества: Россия и Украина неразрывны вовеки, «а царского величества воевод и ратных людей они не выдадут и хотят за них все головы свои положить»¹⁴⁷.

Татары попытались уговорить представителей Хмельницкого хотя бы идти разной дорогой с русскими войсками и не вмешиваться в бой, если ханские отряды нападут на русских ратных людей, но и на этот раз Богданов проявил достойную твердость: в походе казаки будут двигаться только вместе с русскими войсками¹⁴⁸. Запла речь и о польско-шведской войне. Богданов в ответ на предложение Сефергазы оказать королю помощь заявил, что помощь будет оказана, если царское величество «пожалует короля» и велит казакам и Хмельницкому помочь ему отвоевать свой престол¹⁴⁹.

В первый день переговоры не принесли никаких результатов. В основном вопросе, в вопросе сохранения единства Украины и России позиции сторон оставались неизменными и взаимоисключающими. На следующий день, 12 ноября, обсуждался вопрос о сохранении Крымским ханством нейтралитета в русско-польской войне. «И ноября в 12 день гетман Богдан Хмельницкий с ханом крымским помирился на то, что хану с татары царского величества на украинные и на черкасские городы войною не ходить и поляком на них помочи не давать, и царского величества с воеводы и ратными людьми не битца, и царского величества людей и черкас, которые взяты в полон, отдать. И на том на всем мурзы и хан шертовали и клялись на коране»¹⁵⁰.

Для принятия ханской шерты Хмельницкий лично прибыл в лагерь татар. Со своей стороны гетман обещал не посылать на Крым казаков. На другой день в знак заключения мира татары отпустили захваченных макануне в плен трех человек: стольника И. А. Бутурлина (сына А. В. Бутурлина), стольника И. Ярыжкена и капитана А. Колычова¹⁵¹.

Таким образом, в ноябре усилия русской и украинской дипломатии, направленные в одну точку, принесли первые ощутимые результаты. Русским послам в Бахчисарае удалось заручиться согласием хана не нападать на русские земли, а Богданову и Хмельницкому под Озерной на короткое время удалось нейтрализовать Крым и получить согласие крымских татар воздержаться от нападения не только на Россию, но и на Украину.

Имеется несколько редакций договора Б. Хмельницкого с

Магомет-Гиреем 12 ноября 1655 г. Все они приведены в работе М. С. Грушевского, но без достаточного критического анализа. Грушевский с полным основанием отбрасывает самую недостоверную редакцию, отложившуюся в бумагах Яна Лешиньского, в копии, озаглавленной «Пункты между Магомет-Гиреем, ханом крымским и между Б. Хмельницким, старшим войска запорожского 1655 г.». В виде копии эти пункты отложились и в архиве короля Станислава Августа, откуда они попали в портфели Нарушевича¹⁵². Другие редакции исходят от турецкого чеуша Шагин-аги, присутствовавшего на переговорах, от крымских татар (в изложении волошского воеводы Стефана), наконец, от посла Стефана к Хмельницкому.

Интересно проследить, как искажается смысл заключенного с ханом договора по мере роста заинтересованности авторов этих редакций, а порой и просто слухов в разрыве Хмельницкого с Россией и возвращении Украины под власть Речи Посполитой или принятии им подданства хану либо султану (См. таблицу стр. 110).

Как видно из приведенного выше, наиболее полным источником о переговорах Хмельницкого с представителями хана и о заключении под Озерной договора является отписка В. В. Бутурлина. В ней, правда, не упомянута клятва в соблюдении верности договору, но логично предположить, что эту формальную часть Бутурлин просто опустил. (Напомним, что правители ханства отнюдь не отличались излишней щепетильностью в соблюдении клятв не нападать на соседей и формальности такого рода стоили немного.)

При анализе вышеприведенных документов и определении достоверности их сведений необходимо учитывать, что Шагин-ага присутствовал на переговорах (как об этом пишет сам Хмельницкий)¹⁵³, а В. В. Бутурлин, если и не присутствовал на переговорах лично, то во всяком случае был хорошо информирован об их ходе от С. Богданова и гетмана.

По основному вопросу — вопросу воссоединения Украины с Россией — русский, турецкий и украинский источники не противоречат один другому. В. В. Бутурлин пишет, что на требование разорвать с Россией представители Хмельницкого ответили категорическим отказом. Шагин-ага лишь дополняет эту мысль: хан не настаивал упорно на том, чтобы казаки разорвали с Москвой, ибо сам надеется поддерживать с нею дружеские отношения.

Со слов Шагин-аги в Стамбуле, несомненно, знали о том, что Хмельницкий отказался аннулировать решения Переяславской рады, но относились к этому до поры до времени спокойно. В листе к султану Магомету IV гетман, правда, называет себя слугой, подданным и даже рабом султана, но вместе с тем не опровергает факта присяги русскому царю. Между тем бесспорно, что присутствующий на переговорах Шагин-ага знал о спорах по поводу воссоединения Украины с Россией (об этом свидетельствует его беседа с господарем Стефаном), а через чеуша Шагин-

агу и в Турции знали о желании гетмана сохранить воссоединение Украины с Россией.

В том случае, если бы Хмельницкий согласился на разрыв с Россией, пусть и в «секретной статье» (как об этом писал Стефан), об этом несомненно упомянуто было бы либо в листе гетмана к Магомету IV, либо чеушем Шагин-агой. Между тем Шагин-ага говорит как раз обратное.

Учитывая крупное поражение, нанесенное татарам в бою под Озерной, вполне можно предположить, что хан признал воссоединение Украины с Россией и обязался не нападать на русские и украинские земли. (Об этом упоминает и В. В. Бутурлин, и Шагин-ага, и Б. Хмельницкий.) Утверждение крымских послов в Яссах, будто бы Хмельницкий «отстал» от России,— типичный пример крымской дипломатии, склонной буквально на другой день после подписания любого договора «забывать» о невыгодных для хана условиях и утверждать обратное зафиксированному в тексте. Массу примеров тому приводит упоминавшаяся уже выше монография А. А. Новосельского.

Вызывают сомнения в достоверности и сведения валашского посла к Хмельницкому: источник этих сведений очень тенденциозен — переводчик крымских татар. Тем более сомнительно происхождение копии Лещиньского. В тексте этой копии включены явно вымышленные «статьи», в которых Хмельницкий именуется всего лишь «старшим на тот час Войска Запорожского», а не гетманом, нет нужды говорить о баснословии «статьи» относительно 6000 реестра. Даже по Белоцерковскому договору 1651 г., заключенному после тяжелого поражения украинских казаков и крестьян под Берестечком, реестр уменьшался с 40 тыс. до 20 тыс. Появление статьи о 6000 реестре после крупной победы в тот момент, когда сам король бежал из Польши под натиском шведской армии, совершенно исключено.

Согласно копии Лещиньского, Хмельницкий обязывался вернуть Украину под власть короля, причем, как явствует из вышеприведенного, на условиях, примерно совпадающих с печально известной Ординацией 1638 г. Эта Ординация была заключена после разгрома казацко-крестьянских восстаний Гуни, Павлюка, Острияницы, Сулимы. Копия настолько соответствует несбыточным чаяниям польской шляхты, что невольно возникает вопрос, не является ли она одним из подложных документов, часто появлявшихся в шляхетской среде в период «потопа» и предназначенных для поднятия духа шляхты, ожидавшей «чуда» для «спасения отчизны»¹⁵⁴.

Обращает на себя внимание и то, что в официальных документах Речи Посполитой о разрыве Хмельницкого с Россией говорится значительно осторожнее. Посол Речи Посполитой при ханском дворе Яскульский писал в листе к Гродзицкому (королевский представитель у Хмельницкого): «После таких разговоров разошлись. Орда снова до герцов (мелких стычек.— Г. С.), а хан на переговоры, которые закончились следующим: заключить с каза-

ками дружбу, от пункта о выдаче Москвы (т. е. московских ратных людей.— *Г. С.*) отказаться, но только для того, чтобы на будущее не отказывались от братства с ней»¹⁵⁵. На следующий день Хмельницкий приехал лично, чтобы обменяться присягами с ханом. Хан «согласился на вечную дружбу при том условии, что он будет верным подданным его королевской милости и вместе с ними (татарами.— *М. С. Грушевский*) стоять на стороне Яна Казимира. Он (Хмельницкий) то все пообещал, поклявшись женой и детьми»¹⁵⁶. Как видим, Яскульский противоречит сам себе, утверждая, с одной стороны, что в договоре подчеркнута необходимость сохранения дружбы казаков с Россией и буквально рядом, что хан потребовал вернуться в подданство короля. Одно положение исключает другое.

В инструкции Яну Шумовскому, направленной в апреле 1656 г. в Крым, упоминается лишь о том, что хан потребовал у Хмельницкого разорвать отношения с Москвой («Что сам хан его милость королю его милости через лист оповестил»¹⁵⁷), но не упомянуто, принял ли гетман это условие мира.

На степени достоверности польских и татарских источников о переговорах под Озерной отразилась и заинтересованность Речи Посполитой и Крыма определенными аспектами этих переговоров. В изложении их выпадают те статьи, в которых были больше всего заинтересованы Украина и Россия, и искажаются либо появляются новые «статьи», во включении которых в договор была больше всего заинтересована крымская или польская сторона. В отписке В. В. Бутурлина и в листе Хмельницкого к султану упомянуто о том, что хан обязуется не нападать на русские и украинские земли. Это упоминание отсутствует во всех других текстах. Что касается помощи Яну Казимиру, то в отписке Бутурлина мы читаем: помощь будет оказана только с согласия царя. Шагин-ага говорит примерно то же, не уточняя относительно согласия русских властей. Так же говорят и ханские послы в Яссах. В копии Лещиньского тема эта звучит гораздо более категорично: гетман признает своим государем польского короля и вместе с татарами оказывает ему помощь. Еще более категоричны слухи в шляхетской среде, записанные И. Х. Фрайштайном: казаки посылают 20 тыс. и татары 5 тыс. войска. Постепенно все с большими и большими «подробностями» желаемое выдается за действительное. В польских и татарских источниках совершенно выпадает вопрос об обмене пленными, что оставляло совершенно равнодушными шляхтичей и татарских мурз: их полон был мал.

Источники о переговорах Хмельницкого с ханом в ноябре 1655 г. требуют дополнительного специального исследования, но уже сейчас можно сказать, что наиболее полным и объективным источником является отписка В. В. Бутурлина, написанная по горячим следам событий и во многом подтверждаемая листом Хмельницкого к Магомету IV и информацией чеуша Шагин-аги.

О том, что договор с ханом носил характер только военного союза, свидетельствуют и письма Хмельницкого к калге 22 янва-

ря 1656 г. и к хану 31 января 1656 г., в которых речь идет о сохранении «присяги на братство» и об обмене пленными¹⁵⁸.

20 декабря 1655 г. московские посланники в Крыму узнали, что хан вместе с ордой возвращается из похода и уже остановился у белгородских татар. Дошли до них вести и о договоре под Озерной. Сведения эти собрали русские толмачи, потолкавшись на Бахчисарайском базаре, и они как бы дают оценку простых, «черных» татар: «А полону и никакие здобычи татарова с собою не везут ничего. А с московским де войском и с запорожскими черкасы царь и нурадын, сказывают, помирились»¹⁵⁹. Сулешев, правда, попытался дезинформировать посольство и повернуть все с ног на голову: «А мир меж ими утвердился на том, что им, черкасам, от царского величества отступить и быть у крымского царя в послушанье»¹⁶⁰. Дезинформация оторванных от России представителей строилась по классической форме: ложь в основных вопросах в смеси с правдой или полуправдой во всем другом. Сулешев почти не лгал, когда говорил, что по договору украинцы и донские казаки не могут ходить в набеги на Крым, а если донцы пойдут в поход, то запорожцы вместе с татарами должны сдерживать их вооруженной рукой (на счет татар Сулешев сочинил сам). О перемирии хана с русскими войсками Сулешев вообще не упоминал. Направленность подобной дезинформации совершенно очевидна — затруднить положение русского посольства и оказать на него давление.

Впрочем, истинное положение выяснили, хотя и в общих чертах, русские послы довольно скоро. 1 января 1656 г. переводчик Араслан Култумышев и толмач Филипп Немичев узнали от «торгового армянина» Мурата и от некоего «волошенина» о том, что казаки и не думали переходить в «послушание» к хану, а по-прежнему остаются «в воле великого государя царя и великого князя»¹⁶¹.

Масса татарского населения, жившего грабежом русских, украинских и польских земель, встретила известие о перемирии недовольством. «Многие татарова на торгу и по деревням то говорят, что им на лето на государевы украинные города войною итти», — записали в статейном списке Д. Жеребцов и С. Титов¹⁶². Под стать этим настроениям были и слухи, которые с охотой передавали и оснащали все большими и большими подробностями. Толмач Никон Понарьин ездил в Бахчисарай купить хлеба к столу посланников и их свиты. По дороге ему встретился татарин Супи из деревни Булганак. Со знанием дела Супи утверждал, что поход будет даже не летом, а очень скоро, что султан послал указ хану немедленно идти ни мало, ни много как на Москву и хан выступит в поход сразу же, как только прибудет к нему новое посольство русских с ежегодными подарками. Аджибаки — челеби уверял Араслана Култумышева, что поход начнется «с Егорьева дня» (23 апреля)¹⁶³.

Впрочем, слухи имели под собой определенное основание, как будет видно ниже, такие планы у крымцев были. (Кстати, Ан-

жибаки-челеби был ханским золотописцем, переписывавшим грамоты к соседним государям, человеком довольно осведомленным во внешнеполитической ситуации.)

19 ноября в Крым прибыло посольство от Хмельницкого. На дороге под Бахчисараем его встретили русские толмачи Араслан Култумышев и Г. Угримов. Казаки пояснили, что прибыли они в Крым с гетманским листом для размена полонем. По договору весь полон, что ныне в Крыму хан должен отпустить на Украину, а запорожцы не должны ходить походами на Крымское ханство¹⁶⁴

На другой день посланники отправили в Бахчисарай Култумышева и Угримова с заданием встретиться с гетманскими посланцами и предупредить их, что Жеребцов и Титов уже требовали у хана отпустить на откуп украинский полон, но им ответили, что пленных украинцев будут обменивать на татар. Жеребцов и Титов предлагали общими усилиями добиваться, чтобы те казаки, кого не смогут обменять, были направлены на откуп и их выкупят наравне с русским полонем за счет государевой казны¹⁶⁵. «И запорожские де посланцы тому обрадовались и на милости великого государя били челом», обещали сообщить об этом гетману, а ответ крымского визиря сообщить посланщикам¹⁶⁶.

Необходимо подчеркнуть еще один аспект казачьего посольства; послано оно было в Крым «с ведома великого государя»¹⁶⁷. Вряд ли вопрос о посылке представителей в Крым в данном случае согласовывали с правительством, для этого просто не хватило бы времени: договор был заключен 13 ноября, а уже 19 послы Махаринский и Андреев были в Крыму. По-видимому, гетман согласовывал свое решение с В. В. Бутурлиным, командовавшим русскими отрядами. Во всяком случае, и об этой дипломатической акции гетмана, как и о всех других, русское правительство и его представитель на Украине были информированы.

Обмен пленными шел сразу с двух сторон. К Хмельницкому с этой же целью был направлен Тохтамыш-ага, ранее уже побывавший в Чигирине в октябре 1654 г. О результатах его второго посольства можно узнать из реляции польского посла в Крым Яна Шумовского, который почти одновременно с Тохтамышем прибыл в Бахчисарай. 1 февраля 1656 г. неподалеку от Бахчисарая Тохтамыш нагнал обоз Шумовского. Беседа проходила в присутствии только переводчика, а затем встречу отпраздновали. Пьяный Тохтамыш уснул, а благородный Шумовский вытащил у него из сумки письма гетмана к хану и калге и скопировал их¹⁶⁸.

Письма касаются исключительно вопроса обмена пленными. Обе стороны должны были вернуть всех, захваченных в полон осенью 1655 г.¹⁶⁹

Речь Посполитая и Крымское ханство упорно пытались навязать обсуждение и другого вопроса — вооруженной помощи Яну Казимиру против шведов в борьбе за возвращение трона. Уже Тохтамыш-ага сразу же после окончания переговоров под Озер-

ной вновь поднял этот вопрос. Хмельницкий отказался его обсуждать, сославшись на то, что королю он не верит и не будет верить до тех пор, пока не получит от него писем или не придут королевские послы¹⁷⁰. В письме к хану Хмельницкий пишет о том же: «Трудно нам помощь давать, когда пактов запряженных и слухных с нами не постановили»¹⁷¹. Трудно решиться на помощь еще и потому, пишет Хмельницкий, что на поляков надежда плоха и «рознь между ними великая». Явно затягивая решение вопроса о помощи польскому королю, Хмельницкий не оставляет попыток разорвать польско-татарский союз, предупреждая хана, что не нужно давать веры никаким их фальшивым уверениям, что истинная их позиция выяснится весной, когда наступит время, удобное для военных действий. Несомненно стремление Хмельницкого развить всеми мерами наметившееся в результате переговоров сближение Украины, России и Крымского ханства¹⁷².

В целом политика гетмана осенью 1655 — и в начале 1656 г. продолжала сохранять резкую антипольскую направленность: отказ вступить в союз против Швеции, переговоры с Дунайскими княжествами о подданстве царю и войне против Речи Посполитой, некоторое охлаждение отношений между Бахчисараем и Варшавой и нейтрализация ханства в русско-украинско-польском конфликте.

Разговоры о возможности помощи Яну Казимиру вносили несомненный диссонанс в этот четкий политический курс. В определенной мере они вызваны были, несомненно, стремлением к нейтрализации Крымского ханства, но нельзя не учитывать и то, что внешнеполитический курс России с осени 1655 г. начинает все более и более сближаться с антишведской борьбой в Польше. Это вынуждает и Хмельницкого вносить новые коррективы.

То, что в договор 12 ноября были включены пункты о ненападении татар на русские и украинские земли, означало усиление колебаний во внешней политике ханства, сомнений в целесообразности оказания Речи Посполитой вооруженной поддержки. Это означало обострение дипломатической борьбы России и Украины против Речи Посполитой при ханском дворе.

2 февраля 1656 г. в Бахчисарай прибыли «внове приезжие поляки» — посол Ян Шумовский со свитой¹⁷³. Еще в причерноморских степях он имел переговоры с какими-то татарскими мурзами, которые от имени хана обещали немедленную посылку в помощь Речи Посполитой 30 тыс. орды, а весной выступление и самого Магомет-Гирея с основными силами. Шумовский был настроен весьма оптимистично¹⁷⁴.

Д. Жеребцов и С. Титов узнали о приезде Шумовского 6 февраля и в тот же день послали А. Култумышева и Г. Угримова тайно выяснить цели польских послов. Дело, скорее всего, не обошлось без соболиных шкурок, перекочевавших из посольских сундуков в сундук Аджибаки-челеби, ханского золотописца, «который золотом пишет во все страны». Таким образом,

удалось узнать, что Шумовский привез королевские грамоты, в которых просят прислать на помощь войска «против свейского короля». Об этом вскоре будет у хана «съезд и дума с агами и черными татарами»¹⁷⁵.

Уже первая аудиенция у визиря поубавила оптимизм Шумовского. Шумовский поднял вопрос о посредничестве татар в предполагавшихся переговорах с казаками, просил заверить, что король будет «содержать Хмельницкого и все Войско Запорожское в своей ласке», если гетман признает власть польского короля и окажет ему в это трудное время помощь¹⁷⁶. Сефергазы-ага отказался обсуждать этот вопрос и (как просил Хмельницкий в письме к хану от 21 января — см. выше) отправил Шумовского с этим к казачьим послам. Шумовский попытался было заговорить о посредничестве прямо с ханом на первой же аудиенции у Магомет-Гирея, но хан вообще отказался его выслушать.

Аудиенция Шумовского у визиря и хана состоялась где-то между 2 и 6 февраля, так как 6 февраля Д. Жеребцов и С. Титов записали в статейном списке: «Да переводчик же и толмач посланникам сказывали, что у Хмельницкого посланцов с нынешними польскими послы советно, друг к другу ходят и меж себя пьют и банкетуют. Да польские же де послы Ян Шумовский с товарищи Хмельницково посланцов сотникам Михаила Махаринсково дарили парюю оправную пистолей»¹⁷⁷.

Если даже встречи украинских и польских послов проходили действительно в обстановке «дружеских» банкетов (что вызывает определенные сомнения, ибо Култумышев и Угримов слышали об этом от ханского придворного Аджибаки-челебея, который мог в определенных целях и преувеличить «дружбу» представителей Хмельницкого и Яна Казимира), все равно практических результатов эти банкеты не имели, во всяком случае таких, какие ожидал Шумовский.

В это же время, со 2 по 6 февраля, после аудиенции Шумовского у визиря и хана, к польскому послу прибыл доверенный визиря Сулейман-ага с предложением, сделанным якобы от имени Хмельницкого: гетман будто бы прислал к хану письмо, в котором обещал быть верным польскому королю, если «король придет под Каменец и хан також, и я також приду, там короля переспрошу с полковниками и одержу его ласку, и ты, хан, своею склонностью у короля его милости поможешь мне в этом — иначе не доверяю»¹⁷⁸. В случае несогласия гетман угрожал войной.

Хмельницкий ставил явно невыполнимые условия переговоров: «Король имеет войну шведскую и московскую, как же ему ийти под Каменец, если у него неприятель в доме?» — возражал Шумовский.

На следующей аудиенции у визиря Шумовский настаивал на том, чтобы татары, не дожидаясь решения Хмельницкого, немедленно оказали помощь королю и отправились в поход против шведов (фактически этот поход был бы направлен и против Ук-

раины), но и визирь и хан ответили, что выйдут в поход они только тогда, когда Хмельницкий выступит с казацкими отрядами в поддержку Речи Посполитой¹⁷⁹. Таким образом, затягивание гетманом переговоров с Яном Казимиром не только лишало последнего помощи со стороны татар, но и способствовало сохранению, пусть и не прочного, нейтралитета Крымского ханства.

Между тем дела посланников М. Махаринского и М. Андреева успешно продвигались вперед и были близки к завершению. 6 февраля русские посланники Д. Жеребцов и С. Титов записали в статейном списке, что хан приказал собирать «черкасской полон», «и отпуску де Хмельницкого посланцом ис Крыму чаять вскоре ...А с полоном де к гетману ис Крыму посылают перекопьского осадного воеводу Пириш-агу»¹⁸⁰.

Единственное, что твердо обещал визирь Шумовскому, — это поручить Пириш-аге добиться от Хмельницкого согласия на совместную с Крымом помощь Яну Казимиру. В листе гетману, который должен был отдать Пириш-ага, хан писал, что невольники будут освобождены, как это и предусмотрено договором под Озерной и уже часть невольников отправлена с Пириш-агой. Пириш-ага вез и королевские листы к хану, с которыми гетману надлежало ознакомиться и сообщить свое мнение. На просьбы короля о помощи, писал Магомет-Гирей к гетману, мы не будем давать ответа до тех пор, пока не узнаем ваши замыслы. Пириш-ага поручалось договориться о совместных польско-крымско-украинских переговорах¹⁸¹. В письме визиря более откровенно высказывалось отношение Крыма к вопросу о помощи Речи Посполитой. Сефергазы советовал немедленно оказать ему помощь¹⁸².

Но советы визиря были напрасны. Хмельницкий не намеревался помогать польской шляхте вновь утвердиться на Украине и тем более поддерживать Яна Казимира в борьбе со Швецией, а в будущем (как намеревались магнатские круги в Речи Посполитой) и с Россией. Прямым следствием посольства Пириш-аги было письмо Хмельницкого к Яну Казимиру от 7 марта 1656 г., в котором он фактически отказывался выслать поддержку, ссылаясь и на плохие погодные условия и на то, что Карл X не нарушил соглашения с казаками и не перешел Вислу, наконец, на то, что такой вопрос может решить только войсковая старшинская рада, а универсалы на созыв ее еще не рассылались¹⁸³. Как видим, гетман не особенно старался даже подобрать более убедительные аргументы затяжки решения.

Иное дело — вопрос об обмене пленными. В письме к Пириш-аге от 10 апреля (Пириш-ага к этому времени уже покинул ставку гетмана и двинулся в Бахчисарай, а возможно, уже и прибыл туда) гетман просил быть перед ханом ходатаем в делах Украины и особо стараться ускорить обмен невольниками. Со своей стороны он обещал немедленно отправить в Крым весь татарский ясырь, какой удалось собрать, а остальных сыскать и доставить позднее¹⁸⁴.

Между тем в придворных кругах Бахчисарая были уверены в полном успехе посольства Пириш-аги, и хан уже намеревался направить орду к Каменец-Подольскому. «Но переменчивые практики Хмельницкого все перемешали,— писал Ян Шумовский к С. Корецыньскому 19 апреля,— пропозиции ханские у всех радных агов и беев отменились»¹⁸⁵. «Приязнь орды с нами на тонкой нити тогда уже висела и уже шло к тому, что меня хотели отправить ни с чем, но я... напоминал, что слова у послов как присяга, убеждал до оскомны в зубах визиря, бая, агов, напоследок сказал: „Почему я должен к его королевской милости, пану моему милостивому вернуться? Пусть хан прикажет взять мою жизнь, или кандалы на ноги одеть, ибо то же ждет меня от моего милостивого господина, если вернусь ни с чем“»¹⁸⁶.

Далее Шумовский сообщает, что состоялось специальное заседание ханского дивана, «споры были в консилии сильные», «одни говорили, что боятся казаков так, что и сказать невозможно, другие — что король имеет многих неприятелей». Спорили весь день и отложили решение на завтра. Шумовский поспешил не упустить момента и подкупить членов дивана: «Всем баям, агам и мурзам я обещал что сумел. На завтра по божьей милости так решили, что держать с королем его милостью польским, а к казакам послать с последней декларацией. Об этом совете дал мне знать сам хан»¹⁸⁷.

Новый посол к Хмельницкому, второй человек в ханстве после визиря, как уверяет Шумовский, Субхангази-ага должен был категорически заявить гетману, что татары короля не покинут независимо от того, будет ли гетман помогать им или нет. Конфиденциально Шумовского предупредили, что «если Хмельницкий одно с ними понимать не будет, мы вам большое войско против шведов дать не сможем, ибо на ту сторону (против Хмельницкого.— Г. С.) все силы наши обратить должны. Быстро дадим белгородскую орду и Суфангази-ага с нею пойдет, потому что он тамошний воевода ныне»¹⁸⁸.

«Что поделаешь,— сетует в своем письме Шумовский,— стену головой не прошибешь, потому что татары в нас так не влюблены, как мой милостивый пан думает. Им порой ни просьбой, ни золотом не докажешь. И та стода с Хмельницким, которая под Озерной, не из склонности к нам, но из-за реального положения их состоялась. Сами же они такие прирожденные актеры, что и в Париже таких нет»¹⁸⁹.

В Крыму весной 1656 г. сильно сомневались в возможности расторгнуть воссоединение Украины с Россией. Визирь в одной из бесед прямо сказал Шумовскому, что «Хмельницкий Москву бить не захочет...», а потому «пусть король его милость мир с Москвой хинит: отдать что-нибудь, вытеснить шведа из Польши и так землю успокоить»,— писал Шумовский, добавив, что это мнение возобладало на обсуждении в ханском диване¹⁹⁰.

Субхангази-ага выехал на Украину 1 апреля, а уже в начале мая состоялся отпуск Шумовского, которому удалось добиться

лишь отправки на помощь небольшого татарского отряда, участвовавшего в неудачной битве под Варшавой 18—20 июля 1656 г. При возвращении в Крым этот отряд был разгромлен казаками.

Крупные силы хан высылать не рисковал, опасаясь нападения казаков. В конце мая примас Пражмовский писал С. Корецкыньскому о неутешительных вестях из Крыма: хотя хан и приказал ногайским и буджакским татарам быть готовыми к походу, но выступать им только тогда, когда Хмельницкий пошлет на помощь королю своих казаков: Хмельницкий будто бы через Москву пытается повлиять на калмыков, чтобы те напали на Крым¹⁹¹.

Неудачными оказались и другие акции Крыма, предпринятые с целью помощи Яну Казимиру. В марте—апреле были высланы ханские посольства в Бранденбург и Трансильванию с предостережением, чтобы те под страхом татарского вторжения не помогали Швеции. Обе эти миссии окончились разговорами¹⁹².

17 мая 1656 г. Россия объявила войну Швеции, вскоре после чего военные действия в Литве и Белоруссии против Речи Посполитой были фактически прекращены, если не учитывать стычек под Слуцком и осады Старого Быхова, который сдался казакам лишь в 1657 г.

Крутой поворот внешней политики России повлиял и на дипломатию Хмельницкого. Он вынужден был поддерживать внешне миролюбивые отношения с Яном Казимиром (в письме к нему от 7 июня гетман благодарил всемогущего бога за прекращение «разлития крови между христианами», когда бог склонил московского царя «к поразумению с вашей милостью»)¹⁹³. От прежних своих целей — активной вооруженной борьбы с Речью Посполитой — гетман не отказался и не скрывал этого перед правительством России. 7 июня в наказе своим представителям в Москве он предписывал уведомить царя, что король предлагает крымскому хану совместно напасть на Россию в тот момент, когда начнутся русско-польские переговоры о мире, что эти планы поддерживают представитель папы при польском короле и турецкий султан¹⁹⁴.

Воссоединение Украины с Россией вплотную приблизило границы централизованного Российского государства к степям Малого ногай. Нет сомнения в том, что в перспективе это должно было привести «к конечному торжеству над исконными врагами Руси»¹⁹⁵, а в ближайшем будущем к усилению связей Малой ногайской орды с Россией и Украиной. Трезвые московские дипломаты не преувеличивали значения этих связей, но и не отказывались от их использования. Для приобретения союзников против Речи Посполитой приходилось использовать каждый шанс.

Выше писалось о том, что переговоры с Малой ногайской ордой шли главным образом через Хмельницкого, который подробно информировал московских представителей о их результатах (см. гл. I). Ногайцы уже готовы были заключить союз, но под

нажимом Бахчисарая прервали переговоры и в июле 1654 г. откочевали из Черного Леса под Чигирином. Но уже в начале августа вновь начался процесс «потепления» отношений ногайцев с Украиной. В ставку гетмана и А. В. Бутурлина под Фастов вернулся полковник Павел Тетеря, направленный к ногайским мурзам для переговоров о союзе. Вместе с ним прибыл к гетману Караш-мурза. Переговоры о союзе шли в стремительном темпе: тут же дали клятву вместе выступить походом против коронных войск¹⁹⁶. Из разговора П. Тетери с А. В. Бутурлиным мы узнаем дополнительные подробности встречи с Караш-мурзой: «А сказывал ему полковник Тетеря, что ногайские мурзы с татары под его царского величества высокою рукою быти хотят и на польского короля с гетманом и с ними идти войною готовы, и прикочевали они з женами и з детьми к Черкасским городом»¹⁹⁷. Следовательно, речь шла не только о союзе, но и о подданстве Малого ногай России. Договор, вероятно, был заключен в устной форме, но на этот раз Хмельницкий надеялся, что он будет иметь вполне реальные последствия. В письме царю от 25 августа 1654 г. гетман, сообщив о договоре, добавлял: «...яко же чаем, что пойдут»¹⁹⁸.

Хмельницкий делал все возможное для привлечения малых ногайцев в подданство России, не жалея для этого не только сил, но и своих личных средств, умело используя их неутолимую жажду к русским мехам и деньгам. 21 августа на приеме царских представителей дворянина И. И. Ржевского и подьячего Г. Богданова он рассказывал: «...были у него гонцы от ногайских и от многих мурз с тем, что они со всеми своими улусными людьми к нему, гетману, против польского короля на помощь будут и хотят великому государю служить и быть под его государскою высокою рукою в вечном холопстве. И будут де те нагайские мурзы с воинскими людьми к нему вскоре. И он, гетман, служба великому государю, те соболи, что к нему прислано от него, великого государя, на жалование роздаст мурзам и татарам для его государского дела и учнет при них тем его государским жалованьем хвалитца и имя его государское славить, чтобы татароя великому государю служили безо всякие шатости, так же, как и он, гетман, служит и во всяких мерах радееет»¹⁹⁹.

По другому относился к пожалованным соболям генеральный писарь И. О. Выговский. Посланники сказали ему: за верную службу государь жалует, дает ему сорок соболей. «И ты то государеву жалование при гетмане ль возьмешь, или иным временем?» Выговский отвечал: «Без гетмана, иным временем». Комментария в данном случае не требуется, можно только добавить, что Хмельницкому на аудиенции было вручено тоже сорок соболей²⁰⁰.

С Караш-мурзой гетман отправил лист к главным ногайским мурзам Кельмамету, Юсупу, Урусу и Нафату, призывая их служить великому государю и немедленно выступить вместе с каза-

ками против Речи Посполитой. В случае согласия ногайцы получали для кочевья обширные районы у Черного Леса. (В условиях острой нехватки пастбищ в Крыму это был довольно весомый аргумент.)

В ставке гетмана со дня на день ожидали подхода ногайцев (тот же П. Тетеря уверял И. И. Ржевского и Г. Богданова, что дней через 5 должны подойти более 20 тыс. ногайских татар²⁰¹, но этим надеждам не суждено было осуществиться). С прибытием в Бахчисарай нового хана Магомет-Гирея верх взяли сторонники союза с Речью Посполитой. В конце сентября — начале ноября А. В. Бутурлин писал: «А что де к нему, гетману, хотели быть на помочь ...Каймамет-мурза с товариши и итти против поляков, и те де татаровя ему, гетману, солгали, поворотясь назад, блюдясь крымского хана»²⁰². Осенью 1654 — зимой 1655 г. татары Малого погая вместе с крымскими участвовали в походе хана.

Когда после разгрома польских отрядов под Ахматовым в январе 1655 г. стала очевидной неудача нового похода против России и Украины, среди ногайцев, особенно выходцев из Большой орды, вновь усиливаются настроения в пользу перехода в русское подданство. Удобная возможность для возобновления переговоров представилась им 30 марта 1655 г., когда направлявшиеся в Бахчисарай русские посланники Д. Жеребцов и С. Титов остановились с обозом у Молочных Вод. В этот день к ним на стан прибыл Указ-мурза Урмаметев и, выбрав удобный момент, когда поблизости не было никого из крымских татар, завел речь о возвращении в русское подданство. Он говорил о том, что весь род Урмаметевых был под «высокою рукою великого государя» и кочевал близ Астрахани, что откочевали они в Крым, «убоясь калмыков», и от налоги воевод и приказных людей. «А впрядь де им у крымского в повеленье жить отнюдь нелезе, потому что от крымских людей чинитца им и улусным их татаром налога и обиды болшие. Да и от калмыков де около Крыму и Азова кочевать они блюдутца потому, что у калмыков с Крымом ссора болшая, да и сами де крымцы калмыков блюдутца ж»²⁰³.

Посланники отвечали, что пусть ногайцы надеются на милость Алексея Михайловича, «и помня свою родину, где деды их, и отцы, и они народились в их государстве отчине под Астраханью на прежние свои кочевья под иво государеву высокую руку шли безо всякого опасенья, а великий государь ...тое их вину, что они из-под Астрахани откочевали, им отдаст»²⁰⁴. Калмыков же им опасаться нечего потому, что без веления царя «калмыки ни на ково не пойдут»²⁰⁵.

Указ-мурза Урмаметев запросил охранную грамоту для откочевки под Астрахань, но вручать такой документ в ненадежные руки ногайских мурз послы не решились, а предложили прежде написать челобитную о подданстве, заверить ее подписями и привезти на посольский стан. Эта челобитная будет на-

правлена в Москву, и тогда останется только ожидать царского указа²⁰⁶. Весной следующего года посланники покинули Крым, но никакой челобитной к царю ногайские мурзы и не вручили.

Как и прежде, основной причиной нерешительности ногайских мурз, в том числе и Урмаметевых, была нестабильность внутреннего положения в ханстве, соперничество, споры по основным для Крыма внешнеполитическим вопросам. 6 мая 1655 г. на посольский стан приходил украинский полоняник Михаил Данилов сын Попович, родом из Василькова под Киевом «и бил челом он, Мишка... пыне де запорожские черкасы и вся Малая Русь з городами и землями учинилась под высокою рукою великого государя... а он де, Мишка, черкашенин природной ...и чтоб великий государь ... иво, Мишку, пожаловал, велел иво ис Крыму ...окупить»²⁰⁷.

М. Д. Попович был рабом у старшей жены Ислам-Гирея и сообщил русским посланникам довольно ценные сведения, в том числе и о распрях между татарскими мурзами.

«В Крыму сейчас съезд и рада большая», — говорил он. Хан и думные люди хотят идти войной на Украину, «и ногайские мурзы царю в том отказывают и войною на черкас итить не хотят». Боятся они прихода калмыков и нападений украинских и запорожских казаков. Но споры идут уже не только об участии в набеге. Среди улусных ногайских татар растет недовольство властью хана. «Да и повеленье де у крымского из ногайских улусов многие мурзы быть не хотят, и от Крыму хотят откочевать прочь, потому что им от крымских людей чинятца налоги большие»²⁰⁸.

Магомет-Гирей не пользовался популярностью не только среди ногайских, но и среди крымских татар. Он не отвечал главному требованию татарских мурз — удача не сопутствовала ему в войне. «А Магомет-Гирей — царю в Крыме долго жить не чаять потому, что иво крымские и ногайские люди, и жидаы и арменья не любят за то, что он в Крыме перевел шарап²⁰⁹, и питье, и напиток, и завел вновь многие обрасцы»²¹⁰.

На верность ногаев рассчитывать Магомет-Гирею было особенно трудно. Поэтому летом 1655 г., когда возможность нападения калмыков и казаков на Крым стала особенно реальной (походы устраивались, как правило, в летние месяцы) Магомет-Гирей приказал силой загонять ногайские кочевья за Перекоп и Буг. Обычно эти меры хотя и усиливали оборону Крыма, но приводили к страшной бескормице и падежу ногайского скота. Об откочевке ногайских улусов за Буг сообщили пленные ногайцы в расспросных речах 18 июня В. В. Бутурлину, назначенному командиром русского корпуса у Хмельницкого. Почти 20 тыс. человек и громадное стадо ногайского скота загнали во владения Белгородской орды, где встречены они были далеко не радушно²¹¹.

Ту же картину наблюдал толмач Филипп Немичев, когда проезжал через Перекоп к русским посланникам: «Видел де он в

Перекопи многие ногайские татары разных улусов со своими женами и з детьми и со всеми своими животы идут с степи кочевать в Перекопъ. А говорят же, что будто их, нагайцов, с степи в Перекопъ забивают кочевать по цареву указу, боясь калмыков»²¹².

Сведения Филиппа Немичева записаны в статейном списке 18 июня (почти в тот же день, что и отписка В. В. Бутурлина), но еще в сентябре продолжали стогнать ногайцев в Крым, чтобы закупорить узкую горловину Перекопского перешейка²¹³. В таких условиях вести дальнейшие переговоры с ногайцами было весьма трудно: все это было бы почти на виду у ханских придворных.

Осенью 1655 г. хан вновь выступает в поход и вновь терпит поражение, приведшее к договору с Б. Хмельницким под Озерной, фактически ознаменовавшему временный отказ крымского хана от войны против Украины и переход на позиции нейтралитета.

Меняются и отношения между Малым ногаем и Украиной. Теперь центр тяжести переносится не на усиление соперничества ногаев с крымскими татарами, не на привлечение ногаев к вооруженной борьбе против Речи Посполитой, а прежде всего на сдерживание нападений самовольных ногайских орд на украинские земли. Хмельницкий действовал и силой оружия, и средствами дипломатии.

В ноябре—декабре 1655 г. запорожские казаки неподалеку от устьев Днепра и Буга разгромили улусы Урмаметевых, нападавших на окраинные земли Украины²¹⁴, а 22 января 1656 г. в листе к крымскому калге гетман требовал особенно внимательно следить за ногайцами²¹⁵, которые всегда давали поводы к нарушению заключенных договоров.

ОТНОШЕНИЯ РОССИИ И УКРАИНЫ С КАЛМЫКАМИ

В первой главе уже отмечалось, что с весны 1654 г. в русских дипломатических кругах обсуждался вопрос о более прочном вхождении калмыков в состав России и о использовании калмыцких отрядов в военных действиях против Крымского ханства. Переговоры с калмыцкими тайшами относительно совместных военных действий представители правительства не вели — они были возложены на посольство донских казаков к калмыкам, которое отправилось весной 1655 г. Возглавил это посольство Иван Тимофеевич Разин — старший брат знаменитого предводителя крестьянской войны. Сведения о посольстве к калмыкам Ивана Тимофеевича Разина интересны не только в плане истории внешней политики России, но они важны и для верного понимания процесса складывания личности вождя крестьянской войны, понимания той атмосферы и круга интересов семьи Разиных, в ко-

торой формировался характер Степана Тимофеевича. Сейчас общепринято считать, что большое влияние на формирование взглядов С. Т. Разина оказал его старший брат Иван, но почему-то историки крестьянской войны до настоящего времени упоминают лишь о казни И. Т. Разина в 1665 г., служба его на дипломатическом поприще Войску Донскому остается до сих пор неизвестной. Между тем отнюдь не случайно в начале 60-х гг. сам С. Т. Разин возглавлял некоторые посольства от казаков к калмыкам, участвовал в переговорах донских станиц в Москве²¹⁶. Можно предположить, что дипломатическая служба была своего рода традицией семьи Разиных, что, несомненно, способствовало расширению политического кругозора, умению С. Т. Разина разбираться не только во внутреннем, но и в международном положении России. Эта тема выходит за рамки настоящей работы, но важность обнаруженного документа требует процитировать его в той части, которая касается посольства И. Т. Разина.

«На Москве валуйской станичник Ивашко Савин с товарищи в распросе сказал: как он был на Дону и при нем де приехали на Дон донские казаки Иван Разин с товарищи четыре человека, которые посланы были к калмытцким тайшам призывать их на государеву службу на Крым, и сказывали атаману Осипу Петрову и казаком, что калмыков на крымской стороне по сю сторону Волги никою нет, а кочуют они за Волгою на нагайской стороне в дальних местех. А в которых местех, про то подлинно не ведают. И они де у калмыков не были и с ними не видались потому, что в Волге вода велика добре, перевестись им к ним через Волгу пельзе»²¹⁷.

На основании вышецитированного несомненно, что поездка И. Разина проходила ранней весной, в половодье, которое наступает на Нижней Волге в середине марта²¹⁸.

Следовательно, посольство И. Т. Разина по времени предшествовало отправке из Москвы к Дайчину и Лаузану — тайшам посольства Зимы Волкова и Ивана Горохова. 11 марта 1655 г. в Посольском приказе был составлен наказ Зиме Волкову, в котором цель посольства формулировалась следующим образом: «Наговаривать всеми мерами накрепко ... весной выступить в поход... а что в крымских улусех добычи будет — и то все им»²¹⁹.

Хронологическое совпадение посольств И. Т. Разина и З. Волкова, общность их целей не случайна. Организационно оба эти посольства являлись звеньями единого, общего плана вовлечения калмыков в вооруженную борьбу против Крымского ханства и Речи Посполитой. Это доказывается содержанием наказа З. Волкову и И. Горохову. В наказе упомянуто посольство донских казаков к калмыкам, чтобы те «шли с ними, донскими казаками, на крымские улусы за их, крымских людей многие неправды войною сопча»²²⁰.

Неудача посольства И. Т. Разина не прервала контактов с калмыками. 21 марта Б. Хмельницкий писал В. Б. Шереметьеву,

корпус которого располагался по Белгородской черте, что «калмыки с донскими казаками живут советно» и только ожидают царского указа, чтобы идти на Крым, что в походе под Терки калмыки захватили кочевья 28 мурз Больших ногаев, которые намеревались идти на помощь полякам. Было бы неплохо, пишет Хмельницкий, если бы калмыки полем, а донцы морем ударили на Крым, тогда татары бы оберегали свои города, а не шли на помощь Яну Казимиру²²¹.

Зима Волков и Иван Горохов уже выехали из Москвы, когда 27 марта 1655 г. в царской ставке под Смоленском была получена отписка астраханского воеводы И. П. Пронского, которая содержала столь важные новости, что потребовалось внести в наказ существенные дополнения, а позднее и вообще отменить поездку Волкова и Горохова. Пронский писал, что 4 февраля Дайчин и Лаузан-тайши шертовали в Астрахани. Этой шертью 1655 г., отмечает П. С. Преображенская, началось окончательное вхождение калмыков в состав Русского государства²²². По условиям шерти калмыки обязывались «от неправд своих отстать», не совершать набеги на русские поселения, ногайских и едиссанских татар «не принимать и не призывать», и, самое главное, участвовать в русско-польской войне, и нести прочую военную службу²²³.

В свою очередь правительство запретило нападать на калмыцкие улусы. Потребности войны с Речью Посполитой и Крымом требовали более прочного подданства а следовательно, и передачи калмыцким тайшам кочевий на окраинах европейской части России. Запрещение воеводам нападать на калмыцкие улусы фактически уже как бы признавало право калмыков кочевать по берегам Волги. В грамоте Г. С. Куракину от 6 апреля об этом говорилось уже прямо: Кочевья по Волге на Ногайской стороне, по Ахтубе и по Белой, или «под городами, где они кочевать похотят», предоставить тайшам, а воеводы должны защищать их улусы от вторжения противников. «Если же воевода ... такое воровство сам учинит ... или кого пощадит (не повесит.— Г. С.)... и ему самому потому ж быть кажнени, а бояром нашим за то быть в нашей опале и разорень»²²⁴.

Вполне понятно, что после шерти тайшей 4 февраля необходимость в поездке З. Волкова и И. Горохова отпала и Куракину предписывалось вернуть их обратно в Москву.

Донские казаки вместе с запорожцами вышли в море 6 июля и лишь 17 сентября вернулись в Черкасск. Тотчас по возвращении из похода были направлены к Дайчину и Лаузану тайшам новые послы с предложением совместного выступления на Крым. Те отвечали, что непременно отправятся на набег, как только станет Волга²²⁵.

Калмыки начали переправляться на правый берег Волги лишь в конце ноября или в начале декабря 1655 г. Причина задержки в документах не раскрывается, можно лишь предположить, что им помешала эпидемия чумы. 8 декабря 1655 г. сообщил об этой

переправе валуйскому воеводе вернувшийся с Дона купец Федор Крашенинников. Крашенинников говорил и о том, что татары весьма встревожены переправой калмыков и «татарские сторожи по Крымской стороне по Дону переезжают»²²⁶.

Т. И. Беликов пишет, что «в документах 1655—1656 гг. мы не нашли упоминания о посылке тайшами войск в русскую армию для похода против Крыма»²²⁷. Между тем сведения эти имеются, правда, речь идет не о совместных военных операциях, но о самостоятельном походе калмыцкого отряда на Крым зимой 1656 г. 5 января приходил в Валуйки атаман Семен Подшивалов и в расспросе перед воеводой В. Г. Фефиладельцевым сказал, что ездил он в Ойдарский юрт и там узнал, что «калмыки тотчас будут, как река Волга станет». Войсковой Круг приказал казакам «с Донца и с Запольных рек, как калмыки придут на Дон, и оне бы, казаки шли на Дон не мешкая ни часу, и задору б с калмыки и с их гулебщики не чинили, и сами б от них оберегались... Хотят де казаки с калмыки итти в Крым»²²⁸. О том же говорил Фефиладельцеву и игумен Святогорского монастыря Феофил²²⁹.

28 января 1656 г. из Валуек на Дон был послан станичный атаман валуйчанин Федор Зарубин. 6 марта он уже отчитывался перед В. Г. Фефиладельцевым о поездке. Из отписки валуйского воеводы мы и узнаем о набеге калмыков на Крым, что калмыцкий отряд в 1500 всадников был «под Крымом за Молошными водами, а взял и де улус Армаметя-мурзы, а как слово то мурза, того они не упомянут. А взяли де ево со всем улусом»²³⁰. Набег, возглавленный сыном Дейчина-тайши Мончаком, был весьма удачным. Калмыки захватили свыше 1000 пленных и около 15 тыс. лошадей²³¹.

Уже когда Зарубин был в Черкасске, 17 февраля прошел той же сакмой другой калмыцкий отряд численностью в 500 сабель. На этот раз удар был нанесен по азовскому взморью, южнее крепости Азов. О результатах набеге этого отряда Зарубину узнать не довелось²³². По-видимому, не случайно в тот же день 17 февраля азовские татары числом до 4000 человек напали на Черкасский городок. Возможно, это было сделано с целью предотвратить объединение сил казаков и калмыков.

Сложнее складывались отношения России с ордой Больших ногаев, кочевавшей в кубанских степях и под Астраханью. Укрепление связей с калмыками, теснившими Больших ногаев с востока, приводило к обострению в определенной степени русско-ногайских отношений, к откочевке части орды в пределы Крымского ханства. В середине июля 1655 г. от Астрахани откочевали 6 мурз, среди которых более заметное положение в орде Больших ногаев занимал Салтанаш-мурза Аксак Кельмаметев²³³.

Позднее в письме к астраханскому воеводе Салтанаш объяснял откочевку желанием спастись от чумы (см. ниже), но ссылка на чуму не может быть принята потому, что в подобных случаях, перед угрозой массового заболевания, бегство из зачумленного

района приняло бы заметный характер. Между тем откочевали в Крым, вероятно, не более 100—120 семей. С самим Салтанашем было «человек з двадцать», у каждого из других пяти мурз, вероятно, и того меньше ²³⁴.

Но крымский хан был рад и этому. Салтанаш получил в подарок кафтан, и хан милостиво разрешил ему участвовать в походе на Украину ²³⁵, но в целом отношение и к этим выходцам из Большого ногай было далеко не дружелюбным, и уже 23 августа 1656 г. астраханский воевода В. Ромодановский получил письмо Салтанаша, в котором все беды сваливал мурза на чуму и клялся вернуться на старые кочевья, если воевода не будет требовать заложников ²³⁶. От воеводы в улус Салтанаша был послан стрелецкий голова Алексей Дернов и толмач Петр Иванов. В. Г. Ромодановский требовал возвращения на старые свои кочевья, обещал жалование и оборону, уверял, что калмыки дали шерсть и нападать не будут ²³⁷.

Порой Большие ногаи вели себя и более враждебно: в 1656 и 1657 гг. их улусные люди «подбегали» под Астрахань, били на рыбных ловлях и забирали в полон русских и татар ²³⁸.

* * *

Отрезок времени с осени 1654 г. до начала русско-шведской войны в мае 1656 г. представляет собой определенный этап в развитии отношений России и Украины с Крымским ханством. Развитие этих отношений находилось в тесной связи с основными внешнеполитическими задачами, стоявшими перед Россией и Украиной после их воссоединения в 1654 г.

В связи с обострением польско-шведского соперничества на Балтике, а затем и начавшейся войной Речи Посполитой и Швеции усиливается стремление Швеции к заключению антипольского союза с Россией.

В то время как Шведское королевство все более и более склоняется к заключению союза с Россией, внешнеполитический курс России начинает меняться. По мере продвижения русской армии к землям Литвы и Курляндии, к собственно польским землям в русских правительственных кругах появляются планы прорыва к Балтийскому побережью. Планы эти с ростом успехов русской армии начинают преобладать, и к концу 1655 г. вопросы борьбы за воссоединение Украины и Белоруссии отходят на второе место.

Столь существенная перемена курса требовала сближения с Речью Посполитой. При этом само собой предполагалось согласие польско-литовской шляхты на сохранение украинских и белорусских земель в составе России. Польский королевский двор и магнаты идти на это не желали. Следовательно, по-прежнему стояла цель разорвать польско-крымский альянс.

Убедившись еще в 1654 г. в нежелании правящей верхушки Крыма возобновить антипольский союз, русское правительство в

переговорах с ханом ставит более скромную задачу: признание воссоединения Украины с Россией и согласие хана на нейтралитет.

Впрочем, внутриполитическое соперничество группировок татарских мурз и беев не исключало полностью возможности изменения внешней политики Крыма и возобновления совместных военных действий против Речи Посполитой. Предложения такого рода высказывались ногайскими мурзами, недовольными своим подчиненным положением в ханстве. Это была своеобразная побочная линия развития русско-украинско-крымских отношений, и осуществлялась она дипломатическим представителем Б. Хмельницкого, но с ведома русского правительства, посланцы которого на Украине систематически получали исчерпывающую информацию.

В руки Хмельницкого были переданы и дипломатические отношения с Османской Портой, которые шли целиком и полностью в русле внешней политики России и направлены были на нейтрализацию Крымского ханства.

Поражения польско-литовских войск в Белоруссии и на Украине, марш Карла X к Кракову, осада Бутурлиным и Хмельницким Львова, наконец, разгром татарских орд под Озерной заставили Крымское ханство временно отказаться от помощи Яну Казимиру. Договор Хмельницкого с Магомет-Гиреем 12 ноября 1655 г. явился несомненным успехом русско-украинской дипломатии: Крымское ханство заявило о своем нейтралитете.

Таким образом, мы видим, что поиск союзников в борьбе с Речью Посполитой, хотя и был отодвинут московским правительством на второй план, все же принес определенный успех. Дунайские княжества присягнули на подданство России. Крымское ханство согласилось на нейтралитет. Между тем успех новой генеральной линии на сближение с Речью Посполитой и войну против Швеции был более чем проблематичным. Все это побуждало Хмельницкого открыто, в письмах к царю, высказываться за продолжение войны против Речи Посполитой и продолжать переговоры со Швецией о союзе. В ходе этих переговоров вопрос о переходе Украины под протекторат Карла X Густава не ставился. Со своей стороны и правительство Алексея Михайловича не требовало от Хмельницкого прекратить эти контакты, что равносильно молчаливому согласию на их продолжение.

Поскольку переговоры со Швецией, Турцией, Дунайскими княжествами и Крымом о союзе в значительной степени проходили через Хмельницкого, можно предположить, что разработка «запасного варианта» внешней политики России была передана в его руки и шла под контролем и с согласия центрального правительства.

В вопросе о нейтралитете Крыма большую роль играли отношения России с калмыками. По наблюдениям Н. В. Устюгова и П. С. Преображенской общая заинтересованность русского, украинского и калмыцкого народов в борьбе с Крымским ханством

привела к более прочному, а затем и окончательному вхождению калмыков в состав России. Уже в 1656 г. резко меняется направление основных походов калмыцких отрядов. Объектами их нападений становятся не русские города Поволжья, а татарские степи под Перекопом и Азовом. Калмыцкие тайши дают шерть и соглашаются участвовать в походах на Крым.

Отношения России с ордой Больших ногаев оставались в достаточной степени напряженными. Сказывалось калмыцко-ногайское соперничество из-за кочевий, запрещение правительства нападать на калмыцкие улусы. Наблюдалась откочевка некоторых мурз Больших ногаев в пределы Крымского ханства. Русские дипломаты принимали все меры для возвращения их на прежние кочевья. В Крыму улусы Больших ногаев в большей мере, чем другие татарские орды, стояли за возобновление войны с Речью Посполитой.

Глава III

ВОЕННЫЕ ДЕЙСТВИЯ ОСЕНЬЮ 1654—1656 г.

ВОЕННЫЕ ДЕЙСТВИЯ ОСЕНЬЮ 1654 г. СРАЖЕНИЕ НА ДРИЖИПОЛЕ И ЕГО ИТОГИ. ПОСЛЕДСТВИЯ ТАТАРСКИХ НАБЕГОВ ЗИМОЙ И ВЕСНОЙ 1655 г.

К осени 1654 г. враждебность Крыма стала для русского правительства совершенно очевидной. Правда, Т. Хатунский в Бахчисарае и Хмельницкий в Чигирине еще пытались заключить военный союз с новым крымским ханом Магомет-Гиреем, или с Малым ногаем, но необходимо было ускорить подготовку военных действий на случай неудачи мирного решения.

Тревожные вести получал Хмельницкий от казацких разъездов, постоянно патрулировавших западные и южные границы подвластных ему земель. В июле 1654 г. из табора под Фастовым Хмельницкий писал царю, что казаки Брацлавского полка захватили в плен в 8 милях от Каменец-Подольского польского разведчика, жолнера Лукаша Збуйновского. Пленный показал, что Речь Посполитая вновь начала группировать военные силы на границе освобожденных земель. Местом сосредоточения назначен Зборов, куда и прибыло пока только 9 хоругвей сандомирского воеводы Владимира Мышковского, но ожидают подхода других сил. Из показаний Збуйновского выяснили, что, кроме армии, на Украину намечено отправить и посполитое рушение, сбор которого предполагается под Глинянами. В военных действиях примут участие войска Д. Ракоци, Г. Стефана и К. Шербана, в чем уверял сейм Речи Посполитой валашский господарь¹.

На допросе выяснилось, что вскоре нужно ожидать нападения на Брацлавский полк. Коронному обозному Чарнецкому и полковнику Себастьяну Маховскому поручено со своим полком, двигаясь по правому берегу Днестра, скрытно подойти к переправам и неожиданно ударить на Брацлавский полк. С 5000 отрядом рейтар и драгун Маховский действительно напал на Брацлавщину и вначале несколько потеснил казаков, но вскоре те под командой Михаила Зеленецкого оправались и, разгромив неприятеля, гнали его до Шаргорода, так что Маховский едва сумел вывести остатки своего полка за Днестр².

Поход Маховского — это разведка боем, принявшая, правда, довольно крупные размеры. Это подтверждает отписка посланно-

го к Хмельницкому П. Протасьева. В лагере гетмана под Фастовым Протасьеву рассказывали: узнав о готовящемся походе Маховского, брацлавский полковник Михаил Зеленецкий сам двинулся к Днестру, но в селе Мясковцы его окружили поляки вместе с валахами. Всего отряд Маховского насчитывал 6000 конницы и 2000 пехоты, разгромить Маховского удалось только после подхода подкрепления — Уманьского полка³.

Сведения о новой группировке сил Речи Посполитой под Зборовым и Глинянами заставили Хмельницкого и А. В. Бутурлина пересмотреть планы военных действий и отказаться от марша к Луцку на соединение с отрядом Трубецкого (тем более что и сам Трубецкой вынужден был задержать свой поход ввиду сопротивления польских войск в Белоруссии). 16 августа в письме к И. Золоторенко, наказному гетману отряда казаков, действовавших в составе главных русских сил в Белоруссии, Хмельницкий писал, что прямо из-под Фастова он выступит в Польшу⁴.

Царский указ, полученный гетманом 25 августа и предписывавший выступать в направлении Луцка, уже не соответствовал вновь сложившейся ситуации, и в тот же день гетман поспешил уведомить командование царской армии: «Только же нам не к Луцку итти надобно, но туда прямо, где гетманы польские с войсками стоят»⁵. В последующих письмах Хмельницкий уточнял, что польские отряды стоят под Зборовым. В том же письме от 25 августа сообщалось, что украинское войско уже выступило в поход из Фастова. По-видимому, гетман спешил не допустить концентрации польских сил. Вскоре и командование русской армии отказалось от похода на Луцк. В ответ на лист Хмельницкого от 15 сентября Алексей Михайлович уведомлял гетмана, что бои под Шкловом задержали марш Трубецкого на Луцк. «И тебе бы итти самому и стольнику нашему Андрею Васильевичу Бутурлину не мешкая, войска в войну распустити и, прося у бога милости, над польскими и литовскими городами промышляти»⁶. В черновике этого указа была вычеркнута фраза «Самому итти к Луцку однолично». Указ, таким образом, давал лишь самое общее предписание о походе, не ограничивая инициативы Хмельницкого и А. В. Бутурлина в выборе направления удара. На месте было виднее. Вычеркнутая фраза о походе на Луцк позволяет с определенной точностью утверждать, что в ставке царя отказались от идеи вспомогательного удара по основным силам Речи Посполитой с юга, из района Луцка в тот момент, когда составлялся указ Хмельницкому, т. е. в конце сентября 1654 г.

Впрочем, и это разрешение Хмельницкому и Трубецкому не идти под Луцк, а действовать против «польских и литовских городов» по своему усмотрению опоздало. Ситуация на Украине вновь меняется. Попытки Хмельницкого в июле—сентябре 1654 г. заключить союзный договор с крымскими мурзами и Малым ногаем (см. гл. II) не привели к успеху, и на южных границах встает грозная опасность татарского вторжения.

13 июля 1654 г. на аудиенции у Яна Казимира и у корон-

ного канцлера Корецкынского крымский посол обязался выставить 100 тыс. войско против России и Украины⁷. Хмельницкий и А. В. Бутурлин узнали об этом уже на марше, вблизи Дубно. В лагерь под Дубно было доставлено и письмо молдавского господаря, в котором сообщалось, что новый крымский хан Магомет-Гирей клянется двинуться походом против украинских городов, а силистрийский паша готовит на всякий случай переправы через Дунай. Тревожные вести шли со всех сторон: бежавшие из Крыма певольники-украинцы предупреждали, что ногайцы и крымские татары намерены идти под Чигирин и Корсунь, «а иные прямо итти имеют»⁸.

18 августа многочисленный отряд крымских татар приходил под Полтаву, через месяц, 28 сентября, полтавский полк подвергся новому нападению, на этот раз в районе Колонтаевки. Татары захватили большой полон, отогнали скот. Полтавский полковник Дементий Яковленко перехватил их на р. Коломке и отбил добычу⁹.

Едва ли не каждый день приносил новые сведения о замыслах противника. 18 сентября в бою под г. Острогом казаки сильно потрепали полк князя Доминика Заславского и захватили город. В плен попал судья того полка Николай Мирош. Из показаний Мироша стало ясным, что после сбора войска Речи Посполитой намерены идти к Животову, «через ляхи тою войной спустошенному», и здесь, под Животовым, соединиться с татарами «и города украинские пустошить». На соединение с татарами коронное войско двинется сразу же, как только вернется из Крыма посол Яскульский. Мирош подтвердил, что и на этот раз вместе с Речью Посполитой и Крымом будут воевать семиградский князь, молдавский, валашский и мутьянский госпдари¹⁰.

Несколько дней спустя вернулся в лагерь Хмельницкого посол к белгородскому бею сотник Брацлавского полка Михаил Бегаченок. Попытки его заключить союз с татарами кончились ничем, Бегаченок установил, что новый хан, еще не дойдя до Крыма, остановился у белгородских татар в Буджацких степях «и там войсками всеми: крымским, нагайским, очаковским и иным сходиться приказал». Вместе с силистрийским пашой Сияушем, который уже переправился через Дунай, хан готовился вступить в земли Украины. Из пограничных земель Чигиринского, Корсуньского, Уманьского и Брацлавского полков шли вести о непрерывных нападениях татарских отрядов, которые «в тех полках по городом пограничным много шкод починили»¹¹. По всей южной границе от Днепра и до Днестра шли бои.

Учитывая, что главная опасность переместилась на юг, Хмельницкий и Бутурлин решили оставить на западе против польских войск лишь заслон, а основные силы перебросить на юг и ударить на татар. Предупредив об этом главное командование русской армии, Хмельницкий еще раз подчеркнул необходимость такой меры¹².

Ожидать прорыва татарских орд на Украину можно было в любом месте: сказывалось отсутствие надежной системы укреплений (наследие польской тактики борьбы с Крымом). Польское правительство не сооружало сплошных засечных черт, подобных тем, какие издавна сооружало в пограничной полосе правительство России. Речь Посполитая не стремилась защитить всю территорию окраины, предпочитая держать войска не по всей границе, а концентрировать их в одном месте для крупного сражения с татарами. Иногда такое сражение заканчивалось внешне эффективной победой, неприятель рассеивался, что не мешало татарам сосредоточить войска в другом месте и вновь набрать десятки тысяч полона. Московская система была тяжеловесной, не приносила «блистательных» побед, но она лучше охраняла окраинное население и постепенно отодвигала линию обороны к югу. Построение городов и засечных черт, постоянный контроль всей южной границы способствовали укреплению и хозяйственному освоению территории. Такая система была под силу только централизованному государству¹³.

Воссоединение Украины с Россией способствовало тому, что русская система обороны от татар начинает распространяться и на Украину. Безусловно, сразу приступить к возведению засечных черт в украинских степях было невозможно — для этого требовалась значительная подготовка. Но первый шаг к налаживанию надежной системы обороны был сделан: под контроль взяли всю степную границу, а в Киеве имелся постоянный гарнизон.

Хмельницкий расположил свои полки на самых угрожаемых участках: на переправах через реки, на степных «шляхах», по которым чаще всего проходили татары. «А ныне полки, где не бесстрашно будет, там расправили для дания отпору тому неприятелю». Без опоры на вооруженные силы России такое рассредоточение сил украинских отрядов было бы чрезвычайно опасным, поэтому Хмельницкий экстренно направил письмо к В. Б. Шереметьеву, стоявшему на Белгородской черте, «чтобы он, блиско нас будучи, пособствовал» на случай нападения крупных татарских сил¹⁴.

Все эти планы должен был представить в Москве киевский полковник Антон Жданович. В наказе Ждановичу Хмельницкий подчеркивал, что в случае серьезного прорыва татар на Украину может возникнуть опасность для русских земель и для русской армии в Белоруссии¹⁵.

План Хмельницкого предусматривал не только оборонительные меры. Традиционные казацкие формы борьбы — сухопутные и морские походы на Крым и Турцию — тоже нашли в нем свое место: Жданович должен был получить санкцию на строительство морских челнов для похода запорожцев к турецким берегам. Что же касается донских казаков, то с ними Хмельницкий договорился еще в июне о совместном походе против татар (в случае необходимости). Соответствующие грамоты от царя были получены на Дону еще 2 и 8 мая. Упоминание в наказе Ждановичу Тур-

ции как возможного объекта похода запорожцев вызвано, вероятно, военными демонстрациями на Дунае силистрийского паши Сияуша.

Планы Хмельницкого полностью поддерживал находившийся на Украине с русским войском А. В. Бутурлин. В начале октября 1654 г. он докладывал в Москву о том, что опасность со стороны татар настоятельно требует сосредоточить все казачьи полки на южных границах. Отписка Бутурлина была немедленно доложена царю¹⁶.

Еще до получения этой отписки 4 октября на Украину направили дворянина Дениса Петровича Тургенева и подъячего Якова Портомоина, которые должны были предупредить гетмана о том, что на Украину приказано выступить полку Василия Борисовича Шереметьева, что весной 1655 г. князь Шереметьев будет на месте «и над неприятеля промышлять учнут с ним заодно»¹⁷. Такое промедление не могло удовлетворить Хмельницкого и Бутурлина. 12 октября Хмельницкий вновь напоминает о скором нападении на Украину «всех крымских и ногайских орд» совместно с «ляхами». Помощь нужна «большими ратми», подчеркивает гетман, и не весной, а в то время, «когда те неприятели на нас наступати будут»¹⁸.

Между тем татарские отряды уже сосредоточились в южном течении Буга и через Песчаный брод переправились на украинские земли, взяв с собой двухмесячные запасы продовольствия.

Вскоре в казачьем лагере оказался шляхтич Радул Властовецкий. Он добровольно перешел на сторону Хмельницкого и привел вместе с собой из польского плена «старинного» казака Велебневского. Властовецкий предупредил, что «на пришлое заговение ляхи с татары ударят на Украину»¹⁹. Заговение перед рождественским постом приходится на 18 ноября. Итак, не позднее 18 ноября можно было ожидать начала крупного наступления противника. Ожидать помощь до весны было слишком рискованно, поэтому Хмельницкий настаивал насылке В. Б. Шереметьеву указа о выступлении на Украину по первому требованию гетмана, а другие воеводы на Белгородской черте должны были всеми мерами помогать украинским войскам. Численность корпуса русских войск должна была составлять не менее 15—20 тыс.²⁰

Для обороны западной границы гетман оставил 5 казачьих полков, вероятно, располагавшихся поблизости: Уманьский, Брацлавский, Калницкий, Белоцерковский, Киевский. Это было совершенно необходимо, ибо вновь поступившие донесения разведчиков и перебежчиков из лагеря польских войск подтвердили, что намечается комбинированный встречный удар и соединение сил союзников на территории Брацлавского полка. Защита западных границ носила более активный характер, чем на юге, предпринимались наступательные операции тактического значения. Способствовало таким операциям и довольно тяжелое состояние польской армии. Валах Николай Габашескул, командо-

вавший артиллерией у валашского господаря, писал брацлавскому полковнику Михаилу Зеленецкому: «О войску полском извещаю вашей милости, что вельми мало и нужно есть: лошадейми опало, понеже вельми падут. А на остаток во всем им шкота чинитца, в чем ничего же начати успети не могут»²¹. 12 октября Хмельницкий писал в Москву о новом удачном рейде казацкого отряда под Луцк, в результате которого был разбит какой-то полк противника. По мнению гетмана, боеспособных польских войск в октябре 1654 г. не имелось, и он рекомендовал немедленно воспользоваться этим обстоятельством и нанести решительный удар из Белоруссии силами русской армии в глубь вражеской территории²².

Таким образом, план военных действий, разработанный Хмельницким осенью 1654 г., основывался на следующих соображениях: Речь Посполитая не в состоянии вести войну собственными силами и нуждается в поддержке Крымского ханства, Дунайских княжеств. Враждебность Крыма возрастает и ханство готовится к активным военным действиям. Исходя из сложившейся ситуации, Хмельницкий предлагает нанести удар по польским и литовским землям основными силами русской армии. Задача Украины — обеспечить заслон с юга от татар, не допустить соединения сил противника. С этой целью основные силы казацких войск сосредоточиваются на степной границе и при поддержке 15—20-тысячного корпуса русской армии отбивают нападение хана. Защита Украины от ослабленных польских и союзных им войск Дунайских княжеств осуществляется легким заслоном, состоящим из 5 прилегающих полков. Для отвлечения сил крымских татар намечалось использовать походы запорожских и донских казаков на море.

Опасность татарского вторжения росла день ото дня. Почти ежедневно татарские отряды «подбегали» под окрайные города и местечки. Обстановка вынуждала действовать решительно и быстро, не дожидаясь, когда предложенный Хмельницким план будет утвержден и принят верховной властью. Когда 27 октября Д. П. Тургенев и Я. Портомоин прибыли в Киев, они узнали от воеводы Козлова, что из-под Дубно Хмельницкий с А. В. Бутурлиным отошли к Бердичеву, оттуда русский отряд проследует на Белую Церковь, а ставка гетмана — на Корсунь и Чигирин. Находясь в непосредственной близости к району, которому угрожала наибольшая опасность, Хмельницкий мог оперативно руководить обороной. Отряд Бутурлина оставался как бы в резерве и одновременно защищал мощную белоцерковскую крепость — важнейший стратегический пункт в центре Правобережной Украины: крепость стояла на пересечении торговых путей, обладание ею давало возможность контролировать положение во всем междуречье Днепра и Южного Буга.

В Корсунь Тургенев и Портомоин прибыли 31 октября, но Хмельницкого там уже не застали: корсуньский полковник Семен Дубина сказал, что гетман, «оставая по границе войско,

поехал в Чигирин крепить осаду»²³. Чигирин был гетманской столицей, и подготовка его к обороне, несомненно, требовала самого пристального внимания. Не удалось застать гетмана и в Чигирине — Хмельницкий был болен и отбыл в свою резиденцию на хутор Суботов, в нескольких километрах от города. Только через два дня после прибытия посланцев в Суботов, 6 ноября, состоялась аудиенция, на которой обсуждался вопрос об экстренной помощи Украине и было вручено гетману царское жалование — 40 соболей. Приняв необходимые меры по обороне Чигирина, гетман вернулся в расположение своей ставки в Корсунь.

Встреча в Суботове, сам ход ее свидетельствовали о том, что план гетмана был принят московским правительством. 10 ноября, вскоре после переговоров с Тургеневым, Хмельницкий писал в Москву: «Для всякие подлинности и безстрашия все полки заднепрские на пограничью постановя от неприятелей, сами в Корсуне пребываем и листы наши до полковников посписали, чтобы готовы были» и по первым вестям о неприятеле готовы выступить на бой²⁴. Далее вновь следовала просьба выслать В. Б. Шереметьеву и воеводам на Белгородской черте указы о немедленной помощи войсками по первому требованию, не дожидаясь весеннего времени²⁵. Указы такие были тотчас разосланы из Москвы.

Просьбу гетмана поддержал и А. В. Бутурлин, 19 ноября он писал в Разрядный приказ о том, что татары переправились через Буг «и под Чечельник и под Савран подбегши много шкод починили», что польское войско под командой польного гетмана Станислава Лянкоронского сосредоточивается в районе Бара «и хотят приходить на твои государевы черкасские городы». Эти сведения доставил Бутурлину в Белую Церковь гонец от Хмельницкого вместе с письмом, в котором сообщалось, что сам гетман спешно отбыл из Чигирина в Корсунь к главным силам казачьих войск. Бутурлин писал, что пребывание в Корсуне обеспечивает украинскому войску значительные выгоды. Находясь «между гатарами и Лянкоронским», можно не допустить соединения сил противника²⁶.

В Москве в основном согласились с предложенным планом военных действий. 19 ноября из Разряда была направлена грамота к Хмельницкому: «И что ты поворотился назад для оберегання от приходу воинских людей, и то ты учинил добро. ...И тебе б нашего царского величества украинских черкасских городов от приходу крымских и ногайских людей и ляхов, прося у бога милости, оберегать»²⁷. Далее сообщалось о том, что Шереметьеву и порубежным белгородским воеводам посланы указы о немедленной помощи Украине: в случае прихода «больших вражеских людей» для выступления корпуса Шереметьева достаточно будет соответствующего письма от гетмана. Разрешалось приступить к постройке морских чаек. Что же касается удара русских сил из Белоруссии, то ввиду осеннего времени и необходимости отдыха армии русское командование не могло его осуществить.

Между тем военные действия не заставили себя ждать. 21 нояб-

ря Хмельницкий писал царю, что польские войска выступили в поход и в районе Шаргорода на Днестре соединились с частью сил белгородских и ногайских татар. Основные же силы Крымского ханства подойдут на соединение после ледостава²⁸. Фактически татарских войск еще не было. Один из польских шляхтичей, занимавший довольно видное место в свите коронного гетмана Потоцкого, в частном письме сообщал, что в конце ноября — начале декабря в польском войске «татар было плюс-минус 150 особ, коней 300. Взяли те, что пришли 100 червоных, кроме атласов, в штуках от его милости пана гетмана. Однако мурзы тем не удовольствовались и так говорили, что те упоминки слугам нашим, а нам, мурзам, нужны собольи ферязи, кони с уборами. А мурз, курвых сынов, два с теми татарами пришло, один в вывороченном кожухе, а другой в мусульбасе, подшитом баранами, а хотят соболей. Что же будет, когда сама старшина придет, которую ожидают в эту неделю?»²⁹. Далее в письме сообщалось, что в польском войске пока еще нет валашских отрядов, что пять татарских мурз и эти отряды подойдут после того, как замерзнут реки.

Что же касается собственно польских сил, то, по сведениям перебежчика, православного шляхтича Радула Властовецкого (или Ластовецкого), к середине октября по спискам значилось 20 тыс., а в действительности едва 4000, «и то рыцарского, боевого войска было небогато, решта люди плохи, не бойцы». (Вероятно, речь идет о военных слугах шляхты.) 15 октября Потоцкий и Лянцкоронский с этим ослабленным войском двинулись к украинским границам в район Тарнополя и Каменец-Подольского. Отсюда были разсланы универсалы о сборе войск³⁰. В письме Хмельницкого к В. Б. Шереметьеву от 6 декабря отмечено, что «ляхов» немного, а годных к бою всего около 8000, «только худых безчисла богато»³¹. По-видимому, наиболее близки к истинным данные В. Ластовецкого. Цифра 30 тыс. указывается только в работе Н. И. Костомарова³².

Перед русской и украинской армией встала задача выиграть время для завершения подготовки к отражению нападения, продержаться до подхода корпуса В. Б. Шереметьева, задержать неприятеля в приграничных сражениях и не допустить соединения его с татарами в Побужье. Самоотверженная оборона Бупши, Брацлава, Умани и действия многочисленных казачьих отрядов в ноябре—декабре 1654 г. выполнили эту задачу.

Тем временем Хмельницкий завершал последние приготовления к маршу и буквально засыпал В. Б. Шереметьева требованиями немедленно выступить против шляхетского войска, чтобы разгромить неприятеля до подхода татар. На всем маршруте движения русской армии были заготовлены корма и боеприпасы, выделены опытные проводники. Соответствующие письма шли и в Москву. Шереметьев выслал вперед отряд В. Ф. Бутурлина, а затем и сам, подстраховавшись новым указом из Москвы, выступил 18 декабря. До подхода свежих русских полков Хмель-

пичкий не рисковал вывести против шляхты главные силы своей армии.

Задержка татарских отрядов давала гетману некоторое время для сбора сил. В момент боев под Брацлавом в составе польского войска действовало всего 3—4 сотни татарских всадников. 8 декабря Потоцкий получил известие от посла в Бахчисарае Яскульского, что в помощь ему направлен сын умершего хана Ислам-Гирей 16-летнего Менгли-Гирей с 30-тысячной ордой, и в этот же день в ставке гетманов встречали какого-то знатного татарского мурзу, сообщившего, что 5 мурз с войском идут спешным порядком на соединение и, вероятно, уже на этой неделе будут на месте. Потоцкий вручил мурзе богатые поминки и устроил в его честь пир. Задерживала татар только пуга и тонкий лед на Днепре. Без татарской поддержки Потоцкий и польный гетман Лянцкоронский не рисковали углубляться в земли Украины. «По взятии Брацлава, е.м.п. гетман войску, которое голодало, отдых дал две недели, учитывая, что и орду нужно ждать»³³.

Подросток Менгли-Гирей не мог командовать 30 тыс. ордой, и поэтому фактическое руководство было поручено опытному в набегам Каммамбет-мурзе, придворному крымского хана. Как и в годы Освободительной войны, татары оставались верны своей тактике: грабить украинские и польские земли, не вмешиваясь в крупные сражения. 27 декабря Каммамбет-мурза и Менгли-Гирей уведомили Потоцкого о своем приходе и потребовали дать им время для отдыха³⁴. Такое положение вещей несомненно устраивало Хмельницкого, ожидавшего со дня на день прихода корпуса Шереметьева, и очень беспокоило польских гетманов Станислава Потоцкого и Станислава Лянцкоронского.

1 января 1655 г. Потоцкий в сопровождении пышной свиты направился в Ободовку под Брацлавом, где в миле от польского лагеря расположились татары. Коронного гетмана сопровождали 1000 шляхтичей. Султан Менгли-Гирей встретил их, сидя в своем шатре на груде мехов у огня. По стенам шатра на показ развесили роскошные праздничные одежды, рядом с юным султаном сидели наиболее знатные мурзы. «Орда чуть-ли не вся вышла смотреть на приезд е.м.п. гетмана, повлезали на дома и заборы, толкотня весьма сильная была перед ними, так что и коням было трудно проехать». Некоторые татары попытались протиснуться в султанский шатер, но телохранители выталкивали их взапей.

Хотя не прошло и пяти дней после объединения союзников, характер татарской помощи уже проявился со всей определенностью. Основные переговоры шли у Каммамбет-мурзы. Потоцкий настаивал на немедленном выступлении всеми силами, пока не подошел В. Б. Шереметьев. Каммамбет-мурза требовал двухнедельного отдыха для татар, предлагая полякам выступить вперед. То, что вы пройдете в несколько дней с обозами и артиллерией, уверял он, татары преодолеют за день. Потоцкий опасался, что, оторвавшись от основных польских сил, татары вообще не сое-

динятся и предпочтут грабить тылы, но не ввязываться в крупные бои. Основания для опасений подобного рода были: даже из польского лагеря начали уже пропадать челядь и кони. Каммамбет-мурза клятвенно заверял, что не будут «брать ясырь в польском войске, потому что через то наше войско убывает», нарушителей запрета, уверял мурза, ожидает смертная казнь, а тем, кто будет жечь села в тылу польской армии, станут обрезать уши. Остановились на том, что Потоцкий выступает на Умань 4 января, а татары — неделю спустя³⁵. Впрочем, и за это С. Потоцкому пришлось раскошелиться: «У е.м.п. гетмана много уходит средств на упоминки татарам, но те еще и остаются недовольными, очень себя любят, особенно простые татары»³⁶.

После соединения с Каммамбет-мурзой С. Потоцкий спешил пробиться к Днепру и у его берегов дать решительный бой Хмельницкому до подхода основных русских сил. Но прежде нужно было овладеть последним оплотом казацких войск в Побужье — Уманью, «ибо сверх меры она близко и сей край, с этой стороны Буга не может быть целиком успокоен. А если бог даст Умань уничтожить, тогда от Буга и до самого Днепра неприятель не имел бы больше на что опереться»³⁷.

Потоцкого и Каммамбет-мурзу тревожило почти полное отсутствие сведений о Хмельницком. Захваченные языки давали самые противоречивые показания. Одни говорили, что гетман уже выступил к Умани, другие — что «сидит тихо» возле Днепра. Это отсутствие точных сведений Потоцкий истолковал как признак пассивности Хмельницкого, в расчете на пассивность он и планировал поход в глубь украинских земель³⁸.

Между тем планы Хмельницкого претерпели значительные изменения по сравнению с осенью 1654 г. Воспрепятствовать соединению польских и татарских сил не удалось. Крымское ханство направило свои силы в набег на Украину, нужно было изгонять неприятеля из Подолии. 5 января 1655 г. под Корсунью Хмельницкий встречал гонца из Москвы Артамона Сергеевича Матвеева, который принес ему известия о выходе на Украину В. Б. Шереметьева. А. С. Матвееву предписывалось выяснить ситуацию на Украине и уточнить планы гетмана. Хмельницкий говорил, что сейчас главная цель — отбить нападение неприятеля, а весной, когда появится свежая трава, ударить на поляках через Константинов, Тарнополь на Львов, не отвлекаясь штурмом польского гарнизона в Каменец-Подольском. С дороги послать на Каменец-Подольский 5—6 тыс. для блокады и осады города.

Что же касается татар, то удара их с юга весной и летом 1655 г. на Левобережную Украину и Россию опасаться не следует, так как хан скорее всего сам выступит с польскими войсками. На случай же удара в тыл в Запорожье и в пограничных городах можно оставить небольшие гарнизоны. Матвеев предложил строительство чаек, но Хмельницкий считал это уже несвоевременным: быстро организовать морской подход можно только силами реестровых казаков, но реестровых отпускать на море сейчас

нельзя: это ослабит армию, на море нужно было идти раньше, а теперь время упущено в пустой переписке³⁹.

Как видим, соединение сил противника привело к фактическому пересмотру планов ведения войны. Промедление, допущенное Шереметьевым, не позволило нанести решительного удара по татарам. Определенное недоумение вызвало у А. С. Матвеева отступление и сдача врагу Буши и Шаргорода: «Под Бушу,— говорил А. С. Матвеев,— пришло всего 20 000 поляков, и город можно было бы отстоять и без помощи Шереметьева». Хмельницкий возражал: «А мне с нашим войском невозможно было идти: я не собравши всего войска никогда не ходил»⁴⁰. Такая осторожность А. С. Матвеева вполне удовлетворила.

Корпус В. Б. Шереметьева соединился с войсками Хмельницкого и А. В. Бутурлина под Белой Церковью 13 января⁴¹, тотчас же объединенное войско двинулось на юг, к Умани, куда спешил и Потоцкий с татарами. «Все наши труды относительно успокоения края между Бугом и Днестром были бы напрасны, если бы не приклонили Умани»,— докладывал С. Потоцкий королю⁴². Первыми 15 января 1655 г. под стенами Умани оказались польские и татарские отряды. Гарнизон Умани состоял в основном из частей, отошедших из Брацлава. Это были Уманский, Брацлавский, Корсуньский, Калницкий полки под командой И. Богуна и отряд Ференца Сербина, 15-тысячный казачий полк В. Томиленко, 6 рот комаирицких драгун из отряда А. В. Бутурлина, которыми командовали майор Х. Графт и капитан В. П. Колушаев⁴³. К ним присоединились многие партизанские отряды.

Сложность обороны была в том, что Умань условиями местности разделена на 5 частей: три городских поселения, замок и монастырь. Обороняться в таких условиях против почти 50 тыс. противника было сложно, и поэтому, укрывшись за стенами замка и прилегающей части города, осажденные спалили остальные кварталы и монастырь. Расположив на своем левом фланге полки Д. Вишневецкого, на правом фланге полки ловчего подольского Кароля Потоцкого, в центре свои силы, полк Чернецкого, пехоту и артиллерию, С. Потоцкий начал атаку укреплений. Особенно упорные бои разгорелись против центра и правого фланга поляков. Многочисленными вылазками казаки отбили все попытки 15 января захватить город, а поджечь деревянные строения раскаленными ядрами польской артиллерии не удалось: осажденные внимательно следили и быстро ликвидировали очаги пожара, крыши домов заранее покрыли мокрыми воловьими шкурами. Орда стояла в тылу и грабила близлежащие села.

О движении главных сил Хмельницкого и Шереметьева к Умани Потоцкий ничего не знал. На следующий день, 16 января, не прекращая осады города, коронный гетман отправил в набег на Киев татарский отряд, к которому присоединил часть своих драгун под командой Дашкевича и Гродзицкого. Отряду предстояло обойти лесами Белую Церковь, где был оставлен отряд А. В. Бутурлина, и неожиданно появиться в окрестностях Киева.

Однако уже вечером того же дня отряд спешно вернулся к Умани: он натолкнулся на авангард основных, русских и украинских сил, захватил несколько языков и отошел, но преследование оказалось столь стремительным, что с пленными было некогда возиться, наскоро допросив, их порубили. Опасаясь быть прижатым к уманским укреплениям и очутиться в положении «между молотом и наковальней», Потоцкий утром следующего дня прекратил осаду города. (В реляции королю Потоцкий глал, утверждая, что марш на Умань, поставивший его армию в критическое положение, был предпринят якобы с целью «выманить Хмельницкого»⁴⁴.) Польско-шляхетское войско спешно двинулось на север, к Ставищам, в нескольких десятках километров от Умани, где располагались Хмельницкий и Шереметьев.

Приближалось решительное сражение, а Потоцкий, Лянцконецкий и Каммамбет-мурза даже не располагали сколько-нибудь достоверными сведениями о численности неприятеля. С трудом доставленные в лагерь под Умань московские «языки» сообщали явно неверную цифру русских войск — 6 тыс.⁴⁵. В действительности корпус В. Б. Шереметьева насчитывал до 12 тыс.⁴⁶, а отряд А. В. Бутурлина — около 4 тыс. ратных людей (см. выше, гл. I).

Сражение, развернувшееся между городами Ахматовым и Ставищами, — одно из самых крупных сражений в ходе Освободительной войны 1648—1654 гг. и русско-польской войны 1654—1667 гг. Вместе с тем до настоящего времени многое остается неясным не только относительно результатов битвы, но и ее хода. Разнобой существует даже в определении продолжительности боя, даже в названии: битва под Ставищами, под Ахматовым, на Дрижиполе. (Последнее представляется наиболее правильным и точным, ибо после битвы, проходившей при сильном для Украины морозе, место сражения стали называть Дрижиполем, т. е. полем, где дрожали от холода.)

По мнению М. С. Грушевского, Н. И. Костомарова, Л. Кубалы, сражение продолжалось два дня: 19 и 20 января. А. Н. Мальцев пишет, что сражение продолжалось 4 дня⁴⁷. Последнее представляется наиболее справедливым. Даже польские источники свидетельствуют о почти непрерывном бое, гремевшем с 19 по 22 января⁴⁸.

В польской историографии еще со времен Л. Кубалы итог сражения расценивается как успех С. Потоцкого и поражение Хмельницкого и Шереметьева, на основе работы Кубалы оценивает итог сражения и Я. И. Дзыра. Неудачным для русско-украинской армии было оно и по мнению М. С. Грушевского⁴⁹. В работе А. Н. Мальцева мы читаем: «В результате боев под Ахматовым русские войска и казачьи полки остановили продвижение в глубь Украины польско-татарских сил, нанесли им поражение и отбросили их на запад»⁵⁰.

Отмеченный выше разнобой в оценках требует уточнения. Русских и украинских источников о сражении на Дрижиполе

чрезвычайно мало, поэтому в основном приходится пользоваться источниками польского происхождения.

Во-первых, марш от Умани в польском и татарском войске вовсе не воспринимали как успех тактики С. Потоцкого, как следствие «выманивания» противника из его «берлог» на Украине. Командовавший полком крупный польский магнат Ян Замойский писал коронному канцлеру Корецкскому: «От Умани мы *отступили* (курсив мой.—Г. С.), услышав, что приближается Хмельницкий. О силах его мы ничего не знали»⁵¹.

Сражение шло с переменным успехом. Вначале войско Хмельницкого и Шереметьева было вынуждено укрыться за кольцом соединенных возов и обороняться, но затем, отбив атаки противника, перешло в наступление и прижало шляхетские отряды к укреплениям г. Ахматова, где стоял полк М. Пушкаренко.

Татары держались в стороне, и хотя блокировали казацкий лагерь, тем не менее в сражение не вступали. Потоцкий, Лянцкоронский и командовавший авангардом Чарнецкий непрерывно слали гонцов к Каммамбет-мурзе и Менгли-Гирею, требуя немедленно двинуть орду на казацкий табор, но те отвечали вечером и ночью 19 января, что татары ночью биться непривычны, потом отговаривались тем, что орда пошла в набег на украинские села и города. Между тем, как видно из письма Яна Замойского, орда ушла в набег только к вечеру 21 января. Особенно негодовал на бездействие татар Чарнецкий: «Если бы татары нам хотя бы своим обычным алаканьем помогли, несомненно бы мы Украину успокоили вечным покоем. Я неоднократно посылал к татарам гонцов, затыгивая их к прислуге и помощи, пусть бы только гуком и криком работали»⁵².

Тактика татар напоминает события под Зборовом, Берестечком и Жванцем в 1649, 1651 и 1653 гг., когда Карачбей и Ислам-Гирей отказались поддержать своих союзников-казаков в решительные минуты боя. Это была обычная тактика выжидания исхода крупного сражения, рассчитанная на то, чтобы сберечь свои силы для грабежа мирного населения, но на этот раз ею с успехом воспользовались Хмельницкий и Шереметьев.

Под стенами Ахматова развернулся заключительный акт драмы. Польский историк XVII в. Коховский, раненный в плечо в этой битве, писал: «...печальный вид еще представлялся очам: пешаки и челядь, утратив дух от необычайного мороза, одни еще брели тяжелым шагом с обмороженными ногами, засыпанные снегом, другие лежали промеж войска то здесь, то там. От лютой погоды войско наше потерпело больше, чем от неприятеля»⁵³. (Оставим последнее утверждение на совести Коховского.) Польское войско явно потеряло боеспособность. Так завершилась битва на Дрижиполе.

Как восприняли ее результаты рядовые жолнеры — видно уже из приведенной выше цитаты. В реляциях предводителей польского войска тон тоже достаточно пессимистический. Никаких поздравлений короля с победой, достаточно широко практиковав-

шихся в то время, не последовало. Более того, в реляции Замойского (командовал частью сил в сражении) подчеркивается, что победа не была достигнута: если бы татары не покинули боя, писал он, победа была бы за нами. «Так он у нас из горсти выпал»⁵⁴. С. Чарнецкий докладывает о страшных потерях, Замойский вторит ему: «Нам нужна инфантерия и амуниция, ибо почти всего этого мы лишились: одних постреляло, другие вымерзли, третьи вымерли, четвертые поразбежались. Офицеров тоже немало погибло, и наших ротмистров, и поручиков, и товариства»⁵⁵. А вот мнение рядового шляхтича: поляки понесли очень большие потери, в полку одного только коронного гетмана убито 70 шляхтичей, не считая военных слуг. «В общем, нам этой зимой с татарами на Украине не бывать»⁵⁶.

Потоцкий отдал приказ отступать в район Брацлава, Хмельницкий начал наступление и стал с войском в районе Тетиева, а московские отряды базировались на Ставище и Белую Церковь. И все же активно преследовать отступающего противника Хмельницкий и Шереметьев не могли. Вероятно, для них самих первое время не было ясным, как расценивать сражение на Дрижиполе — победных донесений в Москву и поздравлений царя с дарованным богом успехом не последовало. Впрочем, возможна и другая причина молчания: татары, не участвовавшие в битве, перекрыли все дороги и даже в Киеве не могли узнать итогов сражения. 25 и 27 января киевские воеводы посылали за вестями в станицу черниговцев детей боярских Афанасия Бурцева с товарищами, но те вернулись в город, ничего не узнав, — татары зверствовали на дорогах⁵⁷.

В сражении с обеих сторон полегло примерно по 15 тыс. человек. Сведения эти сообщил захваченный в плен ротмистр Ян Песочинский, которого допрашивали В. Ф. Батурлин и Хмельницкий. Эти цифры, возможно преувеличенные, в сопроводительной отписке не уточняли и не оспаривали⁵⁸. Но необходимо учитывать и другие факторы: противник не имел сил двинуться дальше на Украину, вынужден был очистить часть занятой территории, стратегическая инициатива перешла в руки Хмельницкого и В. Б. Шереметьева, которые после краткой передышки возобновили наступательные действия. Все это дает основание утверждать, что под Ахматовым была одержана победа русскими и украинскими войсками. В армии ее восприняли как победу. После Дрижипольской битвы еще долгое время раздавались награды и пожалования⁵⁹.

С трудом оторвавшись от преследующего противника, Потоцкий отошел в район Брацлава, ближе к своим базам. Артиллерию и пехоту, особенно пострадавшие в битве на Дрижиполе, он отправил еще глубже в тыл, к Шаргороду, оставив при главных силах только легкие орудия⁶⁰.

Потоцкий был явно обескуражен крушением планов вторжения на Украину. Второго февраля он уведомлял канцлера Корецкынского о том, что покинул армию, ссылаясь на давнее рас-

поряжение короля и на необходимость более тесной связи с ним⁶¹.

Лянцкоронский тоже предпочел сослаться на болезни, бежать из войска и особенно не задерживался после отъезда Потоцкого. Намеревался удалиться на время из армии и Чернецкий для лечения ран (он был ранен под Бушей и, кажется, под Брацлавом), но по просьбе татар остался. Стремительный и энергичный, списавший славу удачливого полководца, Чернецкий пужен был татарами.

После отъезда Лянцкоронского во главе польских сил остались Тышкевич и С. Чернецкий. В письме к воеводе берестецкому Тышкевич так характеризовал состояние войска: «После чего пан гетман отъехал до Львова, взвалив на меня такую тяжесть своим горе-войском...»⁶².

Шляхетское войско как серьезная боевая сила перестало существовать. Теперь оно способно было лишь временно продержаться в Побужье, да и то не удаляясь от основных баз. Единственное, что мог еще предпринять Тышкевич,— это совместные с татарами рейды по Украине отдельных отрядов. После поражения шляхты на Дрижиполе татары становятся вновь основным противником России и Украины. В районе Ставищ и Белой Церкви во время сражения на Дрижиполе татарские отряды перерезали все дороги и плотным кольцом блокировали основные силы русской и украинской армии. Блокада была столь эффективной, что в течение всего того времени, пока шла битва, ни одному человеку не удалось проникнуть в казацкий табор. Начиная с 19 января оставленный в Ставищах заслон слышал шум битвы, но чем закончилось сражение, там не знали. Среди населения ходили слухи о том, что в Черкассах и Скробощах татары «людей нобили» и готовятся напасть на Киев и Васильков⁶³.

Только 27 января некоторым жителям Белой Церкви удалось добраться до Киева, и они подтвердили, что татарские отряды грабят население под Белой Церковью. Таким образом, говоря о том, что татары не участвовали в Дрижипольской битве, не следует забывать, что речь идет лишь о непосредственном участии: блокада русско-украинских войск, осуществленная силами татарских отрядов, усложнила положение войск Хмельницкого и Шереметьева.

После сражения на Дрижиполе активность татарских отрядов несколько упала. Об этом свидетельствует хотя бы тот факт, что белоцерковским посланцам удалось проехать в Киев. Замойский в своей реляции сообщает, что, захватив добычу, татары следом за польскими войсками отошли к Бугу через Корсунь. Теперь мурзы не рисковали вести войну, тем более что потерянные польские войска отступили. Планы «легкой войны» набегам, предложенные Потоцким, их уже не устраивали. Каммамбет-мурза и Менгли-Гирей опасались ввязываться в бой на Украине, имея 30-тысячную орду против противника, вооруженные силы которого даже после крупного сражения насчитывали не

менее 25—35 тыс. воинов. Накануне битвы у Хмельницкого и Шереметьева было 40—50 тыс., потери в сражении исчисляются 15 тыс. (см. выше).

25 января состоялась «консилия» Каммамбет-мурзы с польскими гетманами, на которой обсуждался план Потоцкого. Коронный гетман в это время еще находился в войске. Потоцкий требовал немедленно послать объединенные татарско-польские отряды на Украину, но татары отказались. Они заявили, что не тронутся с места до прихода новых сил Крымского ханства, которые якобы выступили под командой самого калги, пожгли на Запорожье пригтовленные казацкие чайки и со дня на день будут у Буга⁶⁴. Пришлось удовлетвориться этими объяснениями. «Все же лучше с ними при нас, чем иметь их против Речи Посполитой», — писал С. Чарнецкий⁶⁵.

Хмельницкий и Шереметьев тем временем, дав отдых основным силам, продолжали внимательно следить за противником. 27 и 28 января полторы тысячи всадников Брацлавского полка под командой Зеленецкого совершили дерзкий и удачный рейд на Животов, напали на главные силы шляхты и татар, захватили несколько языков и отошли⁶⁶. Польское войско попыталось было в последний раз предпринять набег под Умань и далее к Днепру, но из этого ничего не получилось, набег закончился неудачно. Правда, после ожесточенного трехчасового боя захватили местечко Кишенцы, в котором татары взяли довольно большой полон (по явно преувеличенным сведениям Тышкевича — до 10 тыс.), но идти дальше не рискнули и отступили за Буг. Частный успех под Кишенцами Тышкевич надеялся обратить в свою пользу: «Мы думали, что татары, разохотившись такой добычей и видя, как мы взяли такую фортецию (в другом месте сам Тышкевич называет ее просто «замочком»), без артиллерии пойдут с нами и далее до Днепра, но они пришли к нам и дали знать о своем решении такими словами: „...лучше бросьте войну и отправляйте нас за Буг, а в уплату дайте три местечка, чтоб мы могли их взять в плен без боя, одарите старшину, а сами на весну лучше готовьтесь“. Мы просили их, чтобы остались, но они упрямить себя не дали, и мы должны были идти с ними к Бугу»⁶⁷.

На перехват этого довольно крупного отряда вновь был отправлен Брацлавский полк. В Марковцах польско-татарский отряд попал в засаду. Бой продолжался три дня: «И через три дня бились, в котором бою добре много татар и ляхов набито»⁶⁸. Лишь с большим трудом, потеряв 100 возов, противнику удалось пробиться и через Христиновку уйти в Каменцу. По дороге уничтожили 5 небольших казацких отрядов, отосланных Хмельницким из табора скорее всего для короткого отдыха ввиду приближающейся распутицы, разгромили Лисянку и у Усть-Бершады перешли Буг. Здесь снова пришлось столкнуться с сопротивлением населения. Часть людей засела в небольшом замке, и татарам разрешили захватить их в полон. Тышкевич и Лянцкоронский на-

зывают цифру ясыря 10 тыс. — за стенами небольшого замка такая масса людей укрыться просто не имела возможности⁶⁹.

Ополовинившись и пресытившись грабежом, отряды Каммамбета-мурзы спешили уйти в Дикое Поле пока не пришел с новым войском калга и не вынудил их остаться на Украине. Уже в татарских степях лист калги догнал Каммамбет-мурзу. Это был приказ отправить ясырь в Крым с надежной охраной, а воинам идти на соединение с калгой. «Ага-мурза должен был со злостью вернуться», — пишет Тышкевич. Правда, вернулись только Каммамбет и Менгли-Гирей с небольшим отрядом, остальные татары, забыв про приказ, спешили добраться с добычей до дома.

Между тем калга с новым войском спешил к Умани, настойчиво требуя от Тышкевича идти туда на соединение, несмотря на распутицу и бедственное положение польского войска, терпящего неудачу за неудачей. Объединение татарских и польских отрядов под Уманью не произошло. 22 февраля Хмельницкий писал к царю, что отряды калги, Нуретдина и других татарских беев и мурз ударили на Торговицы в Уманьском полку, но были отбиты, затем последовало неудачное нападение татар на саму Умань. Город держался стойко и мужественно⁷⁰. Вновь прибывшие силы татар соединились с польскими отрядами 20 февраля где-то неподалеку от Усть-Бершад⁷¹.

В реляции Кристофа Тышкевича Радзивиллу сообщается, что силы калги насчитывали 120—150 тыс.⁷² Это были основные силы татар, задержавшиеся в Крымском ханстве по многим причинам, упоминавшимся и рассмотренным более подробно выше: междоусобная борьба внутри крымского юрта, колебания в выборе нового внешнеполитического курса, умелое использование этих колебаний и этой борьбы русской и украинской дипломатией, наконец, страх перед возможным вторжением на территорию ханства калмыцких отрядов и казаков, своевременные военные контрмеры Хмельницкого и русского правительства, вынудившие татар в разгар боев против польского войска и отрядов Каммамбет-мурзы ограничиться сожжением челнов на Запорожье.

К неудовольствию Тышкевича помощь татар явно запоздала: «Дал нам бог гостей постоянных. От одних избавились, воюя с ними целую зиму, а когда пришло время отдыхать от работы на стенах — пришел калга-султан со всеми ордами и захотел наново войну начинать в самую распутицу и злую пору», — писал он Радзивиллу⁷³.

Переговоры эти с калгой проводил 20 февраля польный гетман Лянцкоронский (после переговоров он и покинул армию). Требование калги немедленно возобновить (в условиях распутицы!) военные действия скорее всего были средством дипломатического нажима на союзника, желанием подчеркнуть зависимость его от татарской помощи — небоеспособность польской армии была очевидна. Во всяком случае, Лянцкоронский в тот же день договорился об отсрочке военных действий на 10 недель, до

июня 1655 г.⁷⁴ До этого времени татарские отряды должны были неотлучно находиться при польском лагере и «отдыхать», «кормясь» за счет украинских селений на правом берегу Буга.

Лянцкоронский согласился выделить татарам «для держания» (фактически для грабежа) 25 сел и небольших городков. Себе «на прокорм» поляки оставили 30 сел, из которых только 8 не были разорены. Названия этих сел и городков не упомянуты. 6 марта в сопровождении польских квартиреров отряды татар двинулись по отведенным им селам. Обнаружив, что часть уже основательно разграблена, о чем татар предусмотрительно не уведомили, калга потребовал дополнительно 10 «залиюдненных» сел. Тышкевич, командовавший войском после отъезда Лянцкоронского, по-видимому, ожидал этой неприятности и на всякий случай готовился отбыть «по делам» в Брацлав, но буквально в последнюю минуту его перехватили 5 мурз, посланных калгой. Пришлось упрашивать их, чтобы подождали ответа сутки, и подарить послу калги своего собственного коня, а самому «бежать к Брацлаву, где я гетмана (Лянцкоронского.— *Р. С.*) еще застал, когда тот уже садился на коня, чтобы ехать во Львов»⁷⁵. Пришлось задержаться и обсудить татарские претензии. В итоге еще 10 сел были переданы татарам, правда, 4 из них оказались «порожними». «Я должен был отдать 5 лучших мест из тех, которые были назначены на мой полк, пан обозный отказался от Рашкова, к ним добавили еще 4 порожних»^{75а}. По возвращении в лагерь Тышкевичу пришлось раскошелиться и подарить послу штуку атласа и штуку кармазина. «Мурзы за две ночи съели у меня 15 голов скота, 30 баранов и все, что я имел, по братски забрали. Такие это паны-братья!»⁷⁶. «Трудно удовлетворить такое множество: и просят, и грозятся, и насильно берут... Про славу сей народ не беспокоится, только про захват: что увидят, рад тебя со всего ободрать, так что, на мой взгляд, с них меньше помощи, а больше страху»⁷⁷. Таким образом, по сведениям из реляции Тышкевича, выясняется, что на грабеж татарам были отданы двадцать пять местечек, из которых пять были наполовину разорены. Эти сведения подтверждаются письмом к мечнику коронному Михаилу Зебжидовскому из Варшавы: «20 мест назначили в наипервейшем и паиобильнейшем крае на пржитие татарам, которые обычные дела чинят: обезлюдили всю Украину»⁷⁸.

Известие о передаче татарам украинских сел и городков подняло новую волну восстаний в тылу польско-татарских войск. «Холопы ходят толпами за нашим войском, оплакивая горе горькое»,— писал Тышкевич⁷⁹. Особенно упорное сопротивление встретили татары в Рашкове, Каменице, Змустрове, Юркацевке, Зарядье, Кузнице. Эти местечки пришлось добывать с боем, в помощь татарам Тышкевич направил отряды польских драгун. Жители Рашкова мужественно выдержали осаду. Под Зеркановку пришло более 15 тыс. татар, но взять это довольно крупное село не смогли. Тышкевичу пришлось выслать сотню драгун на завод-

ных конях. Тогда, покинув предместье, жители укрылись за стенами «замочка». Татары немедленно бросились грабить оставленные двory. Одного только скота захватили около 4 тыс. голов, не считая прочих пожитков. Взять «замочек» так и не смогли. Татарские мурзы держали себя с поляками как хозяева, а не союзники. Два дня под Зеркановской польские драгуны несли караулы, оберегая татар от вылазок осажденных и, вероятно, выполняя всевозможные вспомогательные работы, связанные с осадой. Когда же польский отряд вышел из лагеря, татары потребовали вернуть его, «чтоб я им на каждую ночь давал по несколько драгунов, дабы в ночи стерегли, чтобы холопы, выскочив ночью из замка, их сонных не порезали», — писал Тышкевич. Зеркановку осаждали целую неделю. Дольше держаться становилось невозможно, и осажденные отчаянной вылазкой попытались пробиться сквозь кольцо неприятельских войск. Многим из них это стоило свободы и жизни⁸⁰.

Очень скоро татары вообще потребовали, чтобы польские жолнеры сами завоевывали непокорные городки и отдавали их татарам для грабежа. Такая участь грозила Дмитрашевке и Рашкову. Калга самым беззастенчивым образом куражился над Тышкевичем. «Добудь Дмитрашевку и Рашков и тем нас удвольствуй». «Я обещаю взять Рашков, но они добивались Дмитрашевки. Калга меня вытацил-таки туда и сам пошел со мной добывать Дмитрашевку». Увидев польские отряды, некоторые из осажденных предпочли сдаться им, надеясь таким образом избежать рабства в Крыму, другие стояли насмерть с оружием в руках. Надеясь избежать боя, Тышкевич вступил в переговоры о капитуляции, «по такое множество холопов, которое увидели татары, вбило им в голову другой план: чтоб уже и до Рашкова не ходить, а взять тех холопов, что пришли с повинной. Холопы дали бы все, чтобы остаться па воле»⁸¹. Татары требовали грабежа и взятия крепости штурмом, пришлось подчиниться. Дважды жолнеры лезли на стены, но лишь недосчитались в своих рядах 100 человек. Только прибегнув к какой-то «хитрости», Тышкевич добился сдачи Дмитрашевки и отдал ее татарам в ясырь.

Тышкевич уже направился к Брацлаву, когда его вновь настиг татарский посол и потребовал, чтобы польские отряды двигались к Рашкову и Куницкому и весь полон, который им удастся захватить, отдали татарам. Город Куницкий был разграблен⁸².

Татары вовсе не намерены были ограничиваться теми местечками, грабить которые им было разрешено польским командованием. Уже 8 марта Тышкевич докладывал, что 270 мест пепелом сели от орды. «Если так будет продолжаться, — писал он, — то население покинет Подолию и уйдет на Волынь и Полесье, разве что Брацлав и Умаю отсидаются». За четыре месяца пребывания татар, считает Тышкевич, более 200 тысяч угнали в Крым. «Одних детей, задушеных па дорогах и в фортециях, считают около 10 000. Велел я попам их хоронить, и в одну только

яму набросали 270, а остальных и хоронить не стали. Меж ними не было старше одного года — старших орда забирала. ...Только церковей в руинах лежит до 1000»⁸³. Грабили татары даже польские войска, не говоря уже о населении. Лянцкоронский жаловался Карач-бею перекопскому: «...берут у них людей и коней в ясырь. А наш жолнер, коли лишит его коней и челяди, сам рассуди, ваша милость, мой милостивый пан, разве годен он будет к военному делу, если придет пора воевать?»⁸⁴. Попали к татарам даже артиллерийские и офицерские кони. «Сплошь берут, и до нас храдутся: наедут потихоньку на наше становище, берут ясырь, скот, коней, челядь грабят и убивают. Однажды взяли 20 коней из-под артиллерии и офицерских до 100. Такой это союз! Послал жалобу, посмотрю, какая будет расправа»⁸⁵. Впрочем, с подобным поведением союзников легко мириться, как с неизбежными издержками: «Все же лучше пусть она (Украина.— Г. С.) в прах обратится, чем будет отчизна, как прежде, оставаться в беде от тех мятежников»⁸⁶. «Несказанно трудно нашим с ними воевать, но нужно. Поэтому приходилось и старшего и каждого из них удовлетворять как можно: дарами, честью и почестями»⁸⁷. В борьбе за Украину Украиной же и расплачивались с татарами.

Стремление к наживе поистине не знало предела, как не знала предела и щедрость за счет Украины: «Где было известно о холопах — я им давал ассигнации на ясырь. Одни тем удовлетворились, другие взяли немного, третьи — ничего — снова с вымогательствами ко мне. Я отказывался, говорил, что нет ничего, а они: „Давай и все!“ Такую тягомотину завели. По султанским (калги.— Г. С.) ассигнациям силой где попало забирали»⁸⁸. Последнее упоминание особенно интересно: ассигнации на грабеж татары берут не только у польских гетманов, но у своего собственного калги, иными словами — чувствуют себя полновластными хозяевами.

Нет ничего удивительного в том, что при столь активных темпах грабежа уже к концу марта все те села и городки вокруг Брацлава, которые не сумели, подобно Рашкову, отбиться от татар, были выграблены до основания. Теперь единственной заботой татар было благополучно уйти в свои степи. В конце марта на переговорах с Тышкевичем калга пригрозил уходом в том случае, если тот не сможет еще чем-либо «удовлетворить»⁸⁹.

Впрочем, татары ушли уже в середине марта, насытившись полоном в украинских землях, которые еще находились под контролем войска Речи Посполитой. Первыми поднялись отряды Каммамбет-мурзы и Менгли-Гирея, затем в Аккерман (Белгород-Днестровский) отошел сам калга Казы-Гирей, а 18 марта снялись последние отряды цуредина Адиль-Гирея⁹⁰.

Сколь тяжким оказались последствия пребывания татар осенью 1654 — весной 1655 г. на Украине, можно представить лишь приблизительно. Количество людей и скота, угнанного в Буржак или Крым, нигде не фиксировалось, не говоря уже о поджогах,

потравах, захвате имущества и пр. Единственным источником, сообщающим хоть какие-то сведения о размерах опустошения, являются свидетельства очевидцев, фиксировавшие все это «на глазок», примерно и, конечно же, весьма недостоверно. Еще А. И. Баранович отмечал, что пораженные грабиднозностью опустошений, современники очень сгущали краски. Кроме того, в литературе того времени часто использовали прием гиперболы⁹¹. Поэтому приведенная выше цифра ясыря в 200—300 тыс. человек, сообщаемая в реляциях К. Тышкевича, несомненно преувеличена, и преувеличена, вероятно, весьма сильно. А. И. Баранович отметил, что буржуазные и дворянские историки исчисляли потери Правобережной Украины за всю вторую половину XVII в. в 500—700 тыс. человек, и, доказывая несостоятельность этой цифры, утверждал, что в таком случае невозможно было бы заселить вновь Правобережье к 1730 г.⁹² Данные Тышкевича о том, что за четыре месяца татары угнали 200—300 тыс., выглядят тем более сомнительно.

С большей степенью достоверности можно говорить о числе разграбленных сел и местечек. «На прокорм» татарам было отдано 25 местечек, польская армия «кормилась» в 30⁹³, некоторые места, правда, не впустили неприятеля. Данные эти, приведенные в реляции К. Тышкевича, подтверждаются письмом неизвестного из Варшавы к коронному мечнику Зебжидовскому, который тоже называет 20 селений, отданных «на прокорм» татарам, имея в виду, очевидно, не разоренные ранее украинские деревни⁹⁴. О 50 завоеванных на Брацлавщине и, следовательно, разоренных «мест и замков» говорит и Лянцкоронский в письме к Дьёрдю Ракоци⁹⁵. Тышкевич в реляции к воеводе берестецкому пишет: «Думаю, что ...здесь будет пустыня, к тому идет дело»⁹⁶. Прогноз достаточно пессимистичный и, как уже доказано современными работами, неверный: Правобережная Украина не превратилась в «руину» и пустыню⁹⁷. Тем не менее ущерб, причиненный Брацлавщине только на протяжении осени и зимы 1654—1655 гг., был очень и очень значительным.

Упомянутые выше 50 населенных пунктов можно скорее всего приравнять к небольшим городкам-местечкам, за исключением Брацлава, ибо, как видно из реляции Лянцкоронского, в них имелись какие-то укрепления, «замки». Если учесть, что в 1654 г. в Брацлавском воеводстве насчитывалось 500 таких городков⁹⁸, то видно, что более 10% городов и сел Брацлавщины подвергались значительному опустошению. Указанная выше цифра в 200—300 тыс. полона тем более звучит нереально, что общая численность населения в разграбленных местах была, вероятно, значительно ниже. Численность населения в брацлавских городках и селах колебалась в пределах 740—1040 человек в каждом⁹⁹, следовательно, в разграбленных городках могло проживать не более 52 тыс., из которых, безусловно, не все были перебиты или угнаны в плен. Некоторую часть населения, но значительно меньшую угнали из других мест. По-видимому, наиболее достоверной,

хотя и заниженной, является цифра в 50 тыс., которую сообщил В. Ф. Бутурлину пленный шляхтич¹⁰⁰.

По данным Е. С. Кампан, все население Брацлавщины составило 550 тыс. человек¹⁰¹. Таким образом, десятая часть его оказалась угнанной в рабство.

И все же уже то, что опустошение Брацлавщины поражало привычных современников, свидетельствует о весьма значительных его размерах. «Дал нам знати и полковник умонский, что татарове ясырю много в Бряславщине набрав, назад поуतेкали...» — писал Хмельницкий к В. Б. Шереметьеву¹⁰². Толпы невольников, которых гнали в Крым, заметили и русские посланники в Бахчисарае Д. Жеребцов и С. Титов. 2 мая 1655 г. на приеме у визиря Сефергазы-аги они протестовали против татарских грабежей Украины. «Как шли от Молошных вод к Перекопи, и от Перекопи шли деревнями и их, посланников, встречали на дороге многие крымские и ногайские татаровя, едут с полоном по улусам и по деревням. И оне, посланники, тех татар роспрашивали, какой у них тот полон и где оне иво брали. И татаровя многие им, посланникам, сказывали, что тот полон брали оне запорожских черкас... а ходили де оне на войну на черкас с царевичи: с калгою, и с курадыном, и с иными... И от Магомет-Гиреева царева и калгина и нурадына к его царскому величеству какая дружба?»¹⁰³.

ВОЕННЫЕ ДЕЙСТВИЯ ПРОТИВ ТАТАР

В АПРЕЛЕ — ОКТЯБРЕ 1655 г.

ПОХОД Б. ХМЕЛЬНИЦКОГО И В. В. БУТУРЛИНА НА ЛЬВОВ

Весенняя распутица и утомление обеих армий после битвы на Дрижишполе делали невозможным проведение крупных военных операций. В этих условиях военные действия сводятся либо к обороне отдельных мелких крепостей от татар и поляков, о чем уже писалось выше, либо к небольшим рейдам казацких отрядов. Конечно, борьба такого рода носила в основном партизанский, повстанческий характер, она не могла нанести противнику решительного поражения, но с успехом сковала все его силы. О том, чтобы «стоять на Днестре», Тышкевич с Чарнецким уже не мечтали. Единственное, что они смогли сделать, — это направить какой-то, очень незначительный отряд в разведывательный рейд в сторону Киева. Отряд быстро уничтожили, а семь человек шляхтичей попали в плен¹⁰⁴.

Еще со времен Освободительной войны Хмельницкий и его сподвижники научились активно использовать партизанскую борьбу и по возможности направлять ее. В тылы польско-татарских войск на этот раз были направлены с отрядами гетманского войска брацлавский полковник Зеленецкий и уманский полковник

Богун. Двухтысячный отряд под командой Богунa и Нестеренко действовал всего лишь в двух милях от Брацлава, где находилась ставка Тышкевича и Чарнецкого. С Богоном были и русские «ратные люди»¹⁰⁵. Отряд Зеленецкого снял осаду с Рапшова. К казачьим полковникам, чья слава давно уже гремела по Украине, собирались все новые и новые крестьянские отряды: «Холопы, те, что имели свои тайные сороны по непролазным лесам между Бугом и Днестром, слова готовят бунты и в толпы собираются», — писал С. Лянцкоронский к коронному канцлеру¹⁰⁶.

Вместо отдыха и пополнения в первую очередь пехотой, на чем настаивал, как уже писалось выше, Потоцкий, войско Речи Посполитой рассыпалось под ударами партизанских отрядов крестьян, незначительных отрядов русских и украинских войск, направлявших и поддерживавших повстанческое движение. Разгром, начатый поражением поляков на Дрижиполе от основных сил России и Украины, завершали эти отряды. Положение польских войск становилось еще более сложным и, можно сказать, безнадежным после ухода татар. Верные своей тактике, татары не вступали в крупные бои и в решительный момент оставили союзника на произвол судьбы.

К трудностям борьбы с партизанами, к трудностям пребывания на зимних квартирах в Украине прибавлялась задержка выплаты жалования жолнерам. Те, кто еще не сложил головы под казацкой саблей, спешили бежать из армии по примеру своих гетманов.

Уже в конце марта (после ухода татар) К. Тышкевич докладывал С. Потоцкому: «Все войско разъехалось, ротмистры, поручики, а товариства едва 5000 осталось. При артиллерии нет порядка: порохо, ядер едва на 100 выстрелов. Артиллеристы побегали потому, что не платят»¹⁰⁷.

Не было ни денег, ни войска. Предпринятая осенью 1654 и зимой 1655 г. попытка широкого контрнаступления на Украину явно провалилась. Закончилось неудачей контрнаступление польско-литовских войск и на главном театре военных действий — в Белоруссии¹⁰⁸. Между тем еще в ноябре 1654 г. шведский король Карл X Густав решительно поворачивает государственный корабль на курс войны с Речью Посполитой. 8 июля 1655 г. Швеция объявила войну Польше. Политика агрессии на восток, проводимая магнатскими кругами, поставила Речь Посполитую на грань катастрофы.

Поскольку вопреки обещаниям татары не начали войну против Украины весной 1655 г., в Бахчисарай прибыло новое посольство с просьбой о помощи. Переводчику русского посольства Араслану Култумышеву (из касимовских татар) и толмачу Филиппу Немичеву удалось выяснить, что в Бахчисарае временно воздержались от определенного ответа. Хан, правда, приказал калге Казы-Гирею выступить в поход, но «калга де в том царю (хану. — Г. С.) отказывает и итить против черкас с поляки не хочет, боиться того, что польских людей мочи не стало. А царю

де сказал, что будто он к полякам не идет за тем, что по степи везде залегли дороги черкасы и пройтись де ему к полякам буд-то нельзе»¹⁰⁹. (Последнее тоже вполне возможно.)

Хан пообещал польским дипломатам лично выступить в поход, но такие обещания ничего не стоили. Как удалось выяснить Култумышеву и Немичеву «походу ево вскоре не будет, разве де пойдет поразведав, что у черкас с поляки учинитца»¹¹⁰. Из разговора с ханским придворным, человеком, занимавшим высокий пост сокольничего, Каммамбет-мурзой, тем самым, который командовал татарскими отрядами у поляков осенью 1654 г. до подхода основных сил Казы-Гирея, Жеребцов и Титов, узнали, что крымская знать весьма скептически расценивает перспективы военной помощи королю: нечего им помогать потому, что казны и воинов у них нет¹¹¹. Он, Каммамбет, сам был в Польше недавно и «мочь их всю видел. ...Нарочитых и мочных панов у короля нет», сенаторы «все де ныне zostали ребята», крымцы рады, что хоть казну с поляков взяли, а «помогать им на черкас не хотят»¹¹².

Положение русского и украинского войска с каждым днем становилось все более и более прочным. Уже в середине апреля отряд Зеленецкого овладел Шаргородом и из Рашкова двинулся на Брацлав, надеясь захватить там остатки неприятеля, но противник бежал, не принимая боя. 15 апреля Богун вступил в Немиров и к этому времени, вероятно, объединил под своим командованием и отряд Зеленецкого: из Шаргорода он послал 3000 казаков под Константинов, где заметили несколько отступавших хоругвей противника. Несколько сотен пеших казаков Богун направил под командой сотника Розгина к Зинькову¹¹³. Военные действия переносятся на территорию, остававшуюся невоссоединенной с Россией в 1654 г. В освобожденных от неприятеля землях сразу же возрождается хозяйственная жизнь. Пленный казак Костя в ставке Тышкевича сообщил, что укравшиеся в лесах, отсидевшиеся в осажденных поляками «замочках» крестьяне выходят в поле и начинают пахать и сеять, несмотря на то что с появлением первой травы опасаются прихода татар¹¹⁴. Это свидетельство казака, дошедшее до нас из документов пленившего его противника, лишний раз доказывает, что Брацлавщина не превратилась в пустыню, в безжизненную «руину».

Угроза вторжения со стороны Речи Посполитой была снята, но татары по-прежнему держали в напряжении всю южную границу Украины. О попытках украинской и русской дипломатии летом 1655 г. ликвидировать эту опасность, о переговорах Хмельницкого с Карачь-баем, силистрийским пашой Сялушем и султанским визирем Аземом уже писалось в гл. II. Цель этих переговоров была не допустить вторжения татар. Но Россия и Украина не ограничивались дипломатическими мерами защиты границ.

В феврале Хмельницкого беспокоили тревожные известия о том, что летом на соединение с поляками пойдет сам хан и воз-

можно нападение венгров, валахов и мультаян. Уже тогда он просил усилить русскую армию на Украине¹¹⁵. «Русское правительство считало целесообразным главные военные силы сосредоточить в Белоруссии, чтобы быстрее осуществить свои стратегические планы, но борьбу за Белоруссию рассматривало в тесной связи с борьбой за Украину»¹¹⁶. Было принято решение послать на Украину новую армию, командовать которой назначили В. В. Бутурлина, помощниками его назначались стольник Г. Г. Ромодановский и окольный А. В. Бутурлин. В. Б. Шереметьев и В. Ф. Бутурлин отзывались.

В распоряжение В. В. Бутурлина передавалась вновь формируемая армия, состоявшая в основном из войск, которые действовали ранее в составе армии А. Н. Трубецкого на юге Белоруссии. Это были полки Г. С. Куракина и Ю. А. Долгорукова, рейторский полк из Брянска, полк московских стрельцов, полк мценских дворян. Из Киевского гарнизона в его распоряжение передавался солдатский полк Юрия Гутцына. 12-тысячный корпус Шереметьева, понесший довольно значительные потери в битве на Дрижиполе, и 4-тысячный отряд А. В. Бутурлина оставались на Украине и включились в армию А. В. Бутурлина¹¹⁷. Точно установить численность русских войск на Украине летом 1655 г. не удалось. Если принять во внимание средние цифры численности ратных людей в полках иноземного строя в 700 человек, в полках дворянского ополчения в 400 и в стрелецких полках в 500 человек¹¹⁸, то получается, что общая численность пополнения составила примерно 2600—2700, может быть, до 3000 человек. С учетом находившихся уже на Украине корпуса В. Б. Шереметьева, после Дрижипольской битвы насчитывавшего около 10 тыс., и гарнизона г. Киева общая численность русских войск вновь подходила к 15 тыс. человек. Таким образом, усиливая армию на Украине, правительство пошло на некоторое ослабление сил на главном театре военных действий. Частично это ослабление компенсировалось набором брянских дворян¹¹⁹.

3 мая 1655 г. В. В. Бутурлин и Г. Г. Ромодановский выступили из Севска на Украину, в середине июня они были в Киеве, а в конце июня соединились с главными силами на Украине в Белой Церкви¹²⁰. Армия В. В. Бутурлина прибыла, конечно же, не только и не столько для защиты Украины от татар, сколько для продолжения военных действий против Речи Посполитой, но успехи на западе стимулировали и борьбу против крымских татар.

Весной 1655 г. Хмельницкий и русское правительство возвращаются к идее организации нового нападения на Крым с целью удерживать татар в пределах полуострова. Уже 21 марта Хмельницкий писал В. Б. Шереметьеву, отозванному с Украины, о том, что донские казаки и калмыки «живут советно» и готовы идти на Крым, только ожидают указа царя¹²¹.

В Москве не только приняли план гетмана, но и значительно

расширили его, превратив по существу в новый план массивированного, крупного удара по ханству. В апреле боярину князю Федору Никитовичу Одоевскому и стольнику князю Василию Богдановичу Волконскому было приказано отправляться в Астрахань, собрать из южнорусских городов ратных людей и, соединившись с калмыками и донскими казаками, напасть на Крым¹²². Вскоре последовали грамоты валуйскому воеводе В. Г. Фефилатьеву и на Дон о подготовке этого похода и о соединении с А. Н. Одоевским. 3 мая эта грамота была получена на Дону.

Астраханскому воеводе И. П. Пронскому предписывалось срочно связаться с калмыцкими тайшами Дайчином и Лаузаном и сообщить им царский указ о походе на Крым, подкрепив этот указ щедрым жалованием за службу. Царский двор стремился сразу же поставить дело на практическую основу: И. П. Пронский должен был договориться о времени и месте сосредоточения сил. Костяк корпуса Ф. Н. Одоевского предполагали сформировать из служилых людей Астрахани. Пронскому предписывалось направить 50 детей боярских, 50 годовальщиков, 2000 конных стрельцов. 1000 солдат выставлял Терской городок, «а под солдат купить лошади», по 100 стрельцов нужно было взять из Царицына, Черного Яра и Саратова. Таким образом, только русских ратных людей намечали отправить 3100 человек копейцы и 300 пехоты¹²³.

Два казачьих полка должен был направить в распоряжение Ф. Н. Одоевского Богдан Хмельницкий¹²⁴. Задуманное военное предприятие далеко выходило за рамки традиционных казачьих походов и, конечно же, вызвало самые серьезные опасения в Стамбуле. Дипломатический представитель Вены в Стамбуле С. Редигер сообщал о панике, охватившей город, при известии о возможном появлении в море 100 казачьих чаек. При султанском дворе были очень недовольны тем, что хан держит сторону Речи Посполитой и тем самым дает повод для казачьих набегов на Турцию¹²⁵.

Казачи начали действовать, не дожидаясь сбора сил Одоевским. Объединенный отряд запорожских и донских казаков в конце апреля — начале мая численностью до 10 тыс. напал в районе Азова на улусы Урмаметевых, отогнал много скота, набрал пленных и вышел в Азовское море¹²⁶. И здесь казакам сопутствовала удача: «... на море турецких и крымских, и других государств торговых людей грабят и каторги разбивают», — жаловался русским посланникам визирь Сефергазы-ага¹²⁷. Против казаков принимались экстренные меры: из Стамбула намеревались выслать специальные галеры, в устье Днепра приступили к строительству еще двух каких-то крепостей¹²⁸.

Этот поход казаков носил как бы разведывательный характер. Главные действия должны были развернуться в тот момент, когда выступит в поход армия В. В. Бутурлина и Хмельницкого. Посланники в Крымском ханстве наблюдали тревожные симпто-

мы готовящегося нападения: на карасукском базаре татары покупали у приезжих черкесов коней, «а говорят де меж собою, что бутто итить им в войну на запорожских черкас вскоре»¹²⁹. В Бахчисарае появилось новое посольство от Речи Посполитой, которое требовало немедленного выступления в поход. Хан намерен был вновь выслать калгу Казы-Гирея, но тот отказался, сославшись на блокаду полуострова запорожскими и донскими казаками: «И о том же ныне в Круме у царя дума: ково б с ратными людьми на помочь королю послати. И сам де царь штить па черкас с поляки заодно помышляет...»¹³⁰.

В предвидении нового похода и для обороны полуострова хан стягивал к Перекопу все силы. Выходцы из крымского полона, захваченные в плен крымские и ногайские языки утверждали, что в Крым собрались едва ли не все татарские орды, ногайцы, темрюцкие и горские черкесы, прибыли даже янычары. В Крым стягивались отряды из Кабарды (той ее части, которая была в подчинении у хана). Магомет-Гирею удалось переманить на свою сторону 6 мурз Больших ногаев, кочевавших под Астраханью (см. выше). Казаки Кузьма Дмитриев и Василий Никитин наблюдали, как через Дон два дня переправлялись отряды кабардинцев и темрюцких черкес, «а промыслу де над ними им, донским казакам учинить было немочно потому, что войско ушло на море (поход на 40 стругах начался 6-го июля.— Г. С.), а на Дону де остались немногие люди»¹³¹. Азовский бей тоже готовился к набегу, но его намерения пресек отряд в 400 казаков, перекрывший подступы к Черкасску¹³². Всего донскую столицу оберегали 700 человек. Гарнизон Азова насчитывал 4000¹³³.

В донских степях стали появляться новые сакмы, которые протаптывали в траве небольшие татарские разведывательные отряды.

Вести о растущей активности татар шли с Украины. Захваченные в плен языки сообщали брацлавскому полковнику Зеленецкому, что весной хан намерен напасть на Украину. Из Паволоцкого полка предупреждали В. Б. Шереметьева, что со дня на день можно ожидать нападения. В конце мая Брацлавский полк три дня бился с татарами на переправе через Днепр.

Русско-украинская армия уже выступила в поход на западную Украину, а угроза тылу со стороны крымских татар так до конца ликвидирована и не была. Ф. Н. Одоевский безнадежно опаздывал. Казаки уже давно готовы были выйти в море на своих легких стругах и чайках, на Дон прибыл отряд запорожцев, дело стало за князем, которого ожидали со дня на день. Донской станичник Василий Никитин-Гладкий рассказывал позднее в Яблонове воеводе И. И. Ромодановскому: «Посылали де иво, Василья, з Дону донские атаманы и казаки к боярину и воеводе ко князю Федору Никитичю Одоевскому для проводывания вестей, для того, что по твоему государеву указу велено им, донским казаком, итти на твою государеву службу на Крым с ним ...и он де, Василей, был в Царицыне. И в Царицыне ска-

звали ему, Василью, что боярин и воевода князь Федор Никитич Одоевский стоит на Саратове, а в Астрахань не идет за моровым поветрием, а к ним де он, боярин, не идет для того, что калмыцкие мурзы не идут»¹³⁴. Появившаяся в Астрахани летом 1655 г. эпидемия чумы сделала невозможным поход Одоевского. Все дороги на Волгу и Дон были перекрыты кордонами, жизнь в степи замерла. Отдельные вспышки эпидемии наблюдались на Украине (в Умани), куда болезнь проникла скорее всего от татар. К счастью, на Дон и южнорусские уезды эпидемия не распространилась¹³⁵.

Хмельницкий и А. В. Бутурлин выехали из Чигирина 18 мая. Они направлялись через Киев к Белой Церкви, где стояли лагерем главные силы. 12 июня в Киев прибыли новые части русской армии и состоялась встреча В. В. Бутурлина и Г. Г. Ромодановского с Б. Хмельницким и А. В. Бутурлиным. 17 июня все силы уже были сосредоточены под Белой Церковью и В. В. Бутурлин принял полки у В. Б. Шереметьева. На другой день, 18 июня, у В. В. Бутурлина были гетман и писарь И. Выговский, чтобы в общих чертах наметить план похода. Для этого нужно было знать расположение сил неприятеля, но точных данных после отступления польских войск из Брацлава не поступало, лишь в самых общих чертах знали, что коронный гетман С. Потоцкий находится где-то в районе Львова, а польный гетман С. Лянцкоронский за Каменец-Подольским. От пленных татар стало известно, что в Крыму опасаются нападения казаков и калмыков и все силы по приказу хана стягивают к Перекопу, что в ближайшее время татары не предпримут нападения, а потому можно быть спокойным за свои тылы, оставив на границах небольшие заслоны¹³⁶. Точность этих сведений подтверждает статейный список Д. Жеребцова и С. Титова. 19 июня от Перекопа прибыл на посольский стан толмач Филипп Немичев. «Видел он в Перекопи: многие ногайские татары разных улусов с женами и с детьми и со всеми своими животы идут с степи кочевать в Перекопъ. Забивают татары по цареву указу, боясь калмыков»¹³⁷. Об этом же писали на Валуйки и в Москву донские казаки. 24 июня в Москве получили отписку валуйского воеводы Фефилатьева, в которой писалось, что все татарские орды в сборе в Крыму, но нападения не будет, хан опасается калмыков и казаков и отдал приказ засыпать степные колодцы у Перекопа. В степи можно видеть только многочисленные татарские дозоры¹³⁸.

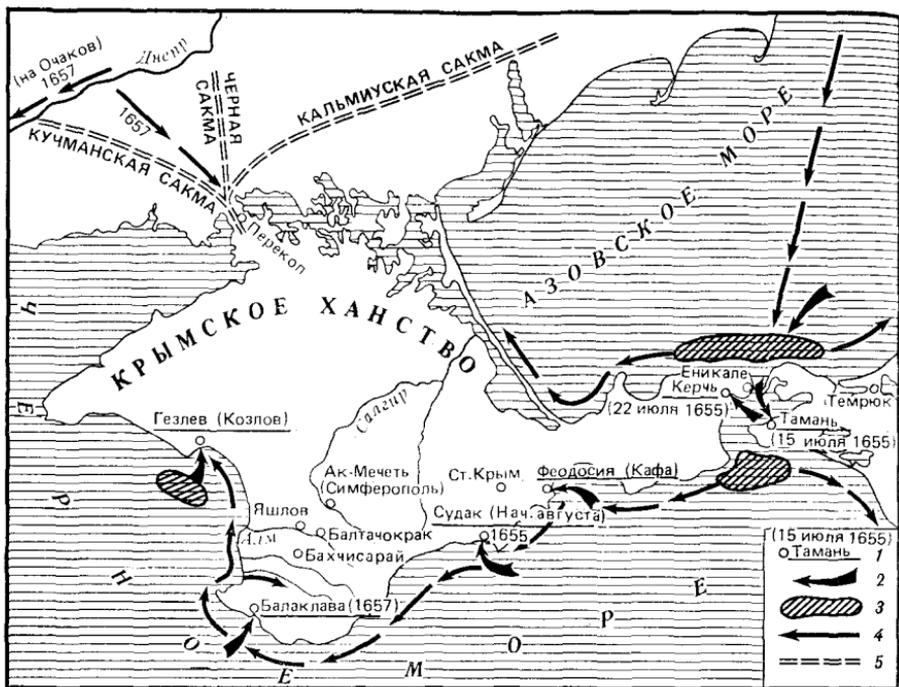
1 июля из Белой Церкви выступили Хмельницкий и Г. Г. Ромодановский, а на другой день В. В. Бутурлин и А. В. Бутурлин. Спешили так, что русские воеводы даже не стали делать смотр войскам, решив проводить его в походе, на стоянках¹³⁹.

Не прошло и недели, как 6 июля 34 казацких струга вошли в Керченский пролив «и на крымских селах имали языков, крымских мужиков»¹⁴⁰. Поход имел целью задержать основные силы татар от выступления на помощь королевской армии Яна Казимира, и эту задачу казаки выполнили успешно. Впрочем, заслуга

здесь не только казачества: сказывались дипломатические акции России и Украины, боязнь вторжения калмыков, наконец, неудача зимнего наступления поляков и недоверие хана к военным возможностям своего союзника. Сил одного казачества для такого дела попросту не хватило бы. Еще с зимы казаки начали готовить 40 стругов для похода. Это были довольно большие парусно-весельные суда, вмещавшие по 80 человек (струг средних размеров мог поднять 60—70 человек), два малых струга, на банках которых могли разместиться по 50 гребцов¹⁴¹. Вероятно, 6 стругов не успели достроить, чем и объясняется разночтение в войсковой отписке и расспросных речах И. Савина. Как всегда в подобных случаях, панические слухи поползли по Крыму, до русских посланников в Бахчисарае доходили совершенно неправдоподобные известия о выходе в море 50 и даже 60 стругов¹⁴². Станичники Кузьма Дмитриев и Василий Никитин говорили в Москве, что в отряде около 3000 казаков, в том числе 700 запорожцев, на бахчисарайском базаре татары называли цифру 2500 человек, И. Савин упоминает о приходе на Дон 1000 запорожских казаков для участия в походе. Командовал донцами опытный и известный предводитель Павел Чесночихин, запорожцев вел за собой атаман Дергун¹⁴³. Наиболее вероятную цифру называли в Москве участники похода К. Яковлев и П. Федоров: 34 струга, 2030 человек¹⁴⁴.

Десять дней казаки блокировали Керченский пролив, наводя страх на Керчь и Тамань, разоряя близлежащие деревни. 15 июля, в воскресенье, взяли Тамань¹⁴⁵. Обосновавшись на Таманском полуострове, казаки разоряли азовское и черноморское побережье Крыма. 22 июля подверглась нападению Керчь. Овладеть этим городом было труднее — в состав его гарнизона входили отряды турецкой конницы сипахов, на выручку осажденного гарнизона хан направил поддержку. В упорном бою город отбил нападение, но «на приступах казаки многих побили и переранили». Через несколько дней Муртаза Сулешев кричал Дмитрию Жеребцову, что под Керчью казаки «пакость многую учинили». По-видимому, в начале августа захватили и разграбили г. Судак с его крепостью, построенной еще генуэзцами. Все летние месяцы казаки были полными хозяевами Крымского побережья. Из Стамбула против казаков были посланы несколько галер-каторг, но в абордажном бою они были захвачены¹⁴⁶.

Только 14 сентября, когда на море «учинилися быть погоды большие осенние и частые ветры, и ходити нам больше того и выстоять на море было немочно, и с моря, государь, пошли мы, холопи твои ис под Крыму на Дон ...все дал бог поздорову» (см. рис. 2). Вместе с казаками на Дон уходили освобожденные из плена 130 взрослых «душ мужеска и женска полу» русских и украинцев. С родителями казачьи струги увозили из неволи 95 детей. Освобожденных окружали забота и внимание в походе, а после возвращения на Дон их снабдили всем необходимым из воинской казны. С Дона этих людей отпустили «с провожатыми,

Походы донских и запорожских казаков в 1655—1657 гг.

1 — города, подвергшиеся нападению казаков; 2 — основные удары казаков; 3 — блокада Керченского пролива в 1655 г. и Гезлева в 1657 г.; 4 — примерные направления походов казаков; 5 — основные сагмы (пути вторжения татар)

с своими ж казаками» до Полтавы, Киева, Царицына, Воронежа «и до Руси, где жывал»¹⁴⁷. Казацкие походы никогда не теряли определенной гуманной направленности, ослабляли хотя бы в малой степени последствия набегов крымских и прочих татарских орд. Казацкие струги доставили на Дон и 400 пленных татар. Потери самих казаков были весьма незначительны — убито было 30 человек¹⁴⁸.

Поход летом 1655 г. несколько отличался от похода 1654 г. более четкой направленностью на выполнение основной задачи — удержать татарские орды от удара по главным силам на Украине. Во-первых, возможность добычи «зипунов» была уже не такой, как в 1654 г.: три похода подряд — летом 1654, весной 1655 и летом 1655 г. — не могли не отразиться на хозяйстве прибрежных районов Крыма. Во-вторых, в летнем походе 1655 г. более отчетливо прослеживаются действия казаков, которые должны были показать крымскому хану и мурзам опасность, нависшую над побережьем, опасность оставить Крым без защиты. Бежавший из азовского плена украинец рассказывал: «А тому де крымские люди дивятца: как де напред сего донские казаки

хаживали на море и оне де только полон имали, а ныне де везде людей побивают и села, и деревни жгут»¹⁴⁹.

Главной задаче было подчинено все. Еще в начале похода П. Чеснохин и Дергун узнали от языков, что «одноконечно де крымской хан и царевичи на подъеме, а подъем де им будет июля ж в 16 день со всею крымскою ратью. И мы ...чтобы нам ему, крымскому хану... в походе их помешка учинить, пришедши и осадили крымского Таманьгород, и июля ж в 15 день ...взяли...»¹⁵⁰.

Хан действительно полагал 16 июля отправиться в набег. Приготовления к походу среди татар были настолько широкими, из этого настолько не делали секрета, что даже в Молдавии знали о предстоящем походе татар. Впрочем, слухи в Молдавии несколько опережали события. Стефан уведомлял Хмельницкого, «что хан крымской со всеми ордами черкасскими, нагайскими, белогороцкими, очаковскими, будяцкими, добруцкими и иными всеми пошел на войну, а с иными сам к ляхам на помощь идет»¹⁵¹. В письме к царю Хмельницкий подтверждает эти слухи, добавляя: «Уже немало татар переправясь их в Очакове и Таване, и под наши украинные города подподать почели... Мы о том подлинно знаем, что хан крымской все силы свои на нас обратил»¹⁵². Впрочем, гетман сам не верил в правдивость этих известий и, противореча себе, в этом же письме сообщал о намерениях своих «над ляхами промышлять»¹⁵³. Если бы опасность, с точки зрения гетмана, носила реальный характер и была бы близка, то речь бы шла не о продолжении похода против Речи Посполитой, а об организации борьбы с татарами. В письме же и слова нет о каких-то новых антикрымских планах. С какой целью гетман пошел на это преувеличение опасности от татар летом 1655 г.? По-видимому, из желания подчеркнуть трудность своего положения — случай не редкий в предшествующих и последующих войнах всех времен и народов, военачальники таким путем надеялись получить дополнительные резервы, боеприпасы, снабжение и пр., а заодно повысить свой престиж в случае победы или иметь оправдание при неудаче.

В действительности хан и главные силы татар не рисковали выйти за пределы Перекопа. Этому препятствовал казачий поход, в какой-то степени сдерживали и распоряжения султана. 18 июля в Бахчисарай прибыл специальный чеуш с приказом ни в коем случае не помогать польскому королю, об этом же писал к хану и силистрийский паша Сияуш¹⁵⁴. Соответствующие действия в Стамбуле дипломатов Хмельницкого имели положительные последствия.

Часть сил татар под командой нуретдина Адиль-Гирея выступила из Крыма только 16 августа, сам хан с главными силами покинул столицу 30 августа¹⁵⁵ — приближалось время осенних штормов на Черном море, когда казачьи струги вынуждены были возвращаться на Дон. Значительная часть сил оставалась в

Крым с калгой Казы-Гиреем вплоть до 8 сентября для защиты полуострова от казаков.

Впрочем, вопреки обыкновению татары действовали весьма нерешительно. Основные их силы две недели стояли под Перекопом, либо поблизости к нему, пока казаки не вернулись на Дон из похода. 7 сентября в Бахчисарае прибыло повеление хана выступить калге Казы-Гирею к Перекопу, наместником хана в Бахчисарае оставить Каит-мурзу. Населению приказывали жить «с великим бережением», прятать пожитки. Повеление это было вызвано слухом среди татар о якобы начавшемся новом походе на Крым, на этот раз ратных людей из южнорусских городов и калмыков. Хан уведомлял, что им послана разведка в сторону Астрахани, и до тех пор, пока разведчики не вернутся обратно, хан «на черкасы не пойдет»¹⁵⁶. Слухи эти, несомненно, связаны с предполагавшимся походом Ф. Н. Одоевского, который был сорван из-за эпидемии чумы. Интересно, что эти слухи возникают в начале сентября, когда воеводы южнорусских городов по Белгородской черте снимают санитарные кордоны. Вероятно, угасание чумной эпидемии и передвижения отрядов на кордонах вызвали беспокойство татар. Казы-Гирей должен был стоять в районе Перекопа, но за его укреплениями и оберегать татарские кочевья. Сам Магомет-Гирей с нуретдином уходили в степь ближе к украинским рубежам, взяв с собой более 100 тыс. крымских погайских, очаковских и белгородских татар и черкасов¹⁵⁷.

Сперва мелкие татарские отряды тревожили своими нападениями порубежные русские и украинские земли. В сентябре ханские отряды проникли на Киевщину, где перехватывали мелкие казацкие разъезды, сопровождавшие трофеи, захваченные армией В. В. Бутурлина и Хмельницкого¹⁵⁸. 18 августа небольшой татарский отряд напал на окрестности Полтавы и захватил «на жнитве» 20 человек казаков, женщин и детей. На обратном пути татары напоролась на разъезд гадячских казаков и были перебиты. Захваченный в плен язык сказал, что можно ожидать нападения на Ахтырку, Опошню и Грун-Котельву — самые западные укрепления Белгородской черты. Какой-то отряд татар спугнул будников с Соленых Вод¹⁵⁹.

Лишь в середине сентября хан и нуретдин у Кодака на Казыевом перевозе переправились через Днепр, сообщил Д. Жеребцову и С. Титову их пристав в Бахчисарае Муртаза Сулешев¹⁶⁰. Чигиринский наказной полковник Павел Безптанько доносил 1 октября, что до 50 тыс. татар стоят на р. Ингул, под Каменкой¹⁶¹. Возможно, это был передовой отряд ханского 100 тыс. войска. На Ингуле начинался один из важнейших торговых шляхов Украины — Соломенный, который шел прямо на Киев. Таким образом, дождавшись ухода казаков с моря, удостоверившись в том, что нападения в этом году больше не последует, татары ударили по тылам русско-украинской армии, которая в середине сентября 1655 г. осаждала Львов.

Выступив из-под Белой Церкви 1 и 2 июля, В. В. Бутурлин

и Б. Хмельницкий двинулись на Брацлав, Бар, Каменец, отдельные отряды были высланы на Зиньков и Межибож. Не рассчитывая задержаться под Каменец-Подольским, Хмельницкий тем не менее приступает к его осаде.

Осаду с Каменец-Подольского Хмельницкий и В. В. Бутурлин сняли, по-видимому, где-то около 20 августа. Прекращения осады потребовали резкие перемены внутреннего и международного положения Речи Посполитой после начала польско-шведской войны. К августу 1655 г. русские войска овладели Вильно и начали продвижение на запад с целью выйти к Варшаве. С севера стремительно наступал Карл X Густав. 8 августа Ян Казимир покинул Варшаву и начал отходить на Краков. Часть шведских сил под командой Виттенберга бросилась его преследовать, в то время как другие отряды под командой короля 29 августа овладели без боя столицей. От Кракова (который сдался после упорных боев 7 октября) Карл X намеревался предпринять марш на Львов¹⁶².

В этих условиях создавалась возможность непосредственной координации военных действий против общего врага, о чем в русско-украинско-шведских отношениях речь шла уже давно. Вместе с тем нужно было спешить к Львову, чтобы опередить возможного союзника и не дать ему захватить те земли, которые по праву должны были войти в состав Украины. Именно так расценивали поход на Львов современники¹⁶³.

Русские и украинские отряды подошли к Львову и 16 сентября осадили город. Это был последний крупный город, еще признававший власть Яна Казимира, который уже бежал из Речи Посполитой. Настоящим спасением для короля была перемена московского внешнеполитического курса на борьбу за выход к Балтике и, как следствие, переговоры о перемирии России и Речи Посполитой.

Другой источник спасения Речи Посполитой видели в татарской помощи. 23 июля в королевскую ставку прибыл для переговоров о совместных военных действиях Дедеш-ага. Встреча едва не сорвалась из-за того, что Ян Казимир столь стремительно приближался к границам своего государства, что татарские послы лишь с большим трудом достигли его уже у порога Силезии. Хан опасался чрезмерного усиления Украины и России в случае окончательного поражения Польши. Говорить в такой ситуации о какой-то денежной плате было смешно, а потому Дедеш-ага лишь заверил Яна Казимира, что помощь будет оказана немедленно и с этим поспешил в Бахчисарай. Ему не повезло. В пути разведчики Хмельницкого перехватили ханского посла, и волей-неволей Дедеш-ага вынужден был сопровождать гетмана и В. В. Бутурлина при осаде Львова¹⁶⁴.

Осада Львова в 1655 г. с достаточными подробностями освещена в литературе¹⁶⁵, а потому детально останавливаться на ней нецелесообразно.

Подойдя к городу и организовав осаду, Хмельницкий и

В. В. Бутурлин тотчас же отправили из лагеря многочисленные дозорные отряды с задачей следить за появлением в тылу татар, искать главные силы польских войск. Очень скоро выяснилось, что С. Потоцкий стоит поблизости со всеми своими отрядами, насчитывающими едва 4—5 тыс. человек¹⁶⁶. 19 сентября в сражении под Городком эти остатки войск Речи Посполитой были разгромлены. Казацкие отряды и русские ратные люди больше практически нигде не встречали сопротивления.

Тратить людские и материальные ресурсы на штурм львовских укреплений Хмельницкий и Бутурлин сочли излишним. Город, казалось, ничто не могло спасти, а поэтому ограничились блокадой города. Тактика блокады позволяла сократить основное ядро войск, и Хмельницкий многим своим отрядам, уходящим в рейды, приказывал прямо с берегов Сана и Вислы возвращаться домой¹⁶⁷. Русско-казацкие отряды, порой довольно значительные, были отправлены из лагеря по всем направлениям. Они доходили до Вислы и Сана, захватили Ярослав, Ленчно, Парчив, Томашев, Раву, Белз, многие другие города по Висле, и наконец отряд под командой П. И. Потемкина и Данилы Выговского овладел Люблином, дошел до Пулавы и Казимира Дольного. Закрепляться в этих городках не стали. Ограничились присягой горожан на верность царю. Взяв в люблинском костеле часть остатков Святого Креста, Потемкин 15 октября был уже под Львовом. (Люблинское духовенство уверяло впоследствии своих прихожан, что П. И. Потемкину всучили фальшивку¹⁶⁸.)

ПОРАЖЕНИЕ КРЫМСКИХ ТАТАР ПОД ОЗЕРНОЙ И СНИЖЕНИЕ ИХ ВОЕННОЙ АКТИВНОСТИ В 1656 г.

Стотысячная татарская орда появилась в пределах Украины как раз в то время, когда основные силы русского и украинского войска начали осаду Львова. Однако перейдя Днепр и создав угрозу тылам, отряды татар продолжали действовать лишь в междуречье Днепра и Буга, не спешили на помощь осажденному Львову. 16 октября киевский полковник Антон Жданович предупредил воевод Ф. Ф. Волконского и Ф. С. Куракина о появлении тысячного отряда татар под Васильковым. Разведчики Ждановича наблюдали за татарами до тех пор, пока они не свернули на юг по Сенному шляху и не пошли в сторону Белгорода-Днестровского (Аккермана). Встревоженные воеводы немедленно отписали в царскую ставку, а сами начали собирать население из прилежащих сел в город и готовиться к обороне¹⁶⁹.

Это был скорее всего один из чамбулов 50-тысячного авангарда татарских орд, появившегося в первых числах октября на Ингуле. 10 октября авангард, которым командовал нуретдин Адиль-Гирей, появился под Ольшанкой и в других местах Белоцерковского полка¹⁷⁰. Две недели спустя Адиль-Гирей писал Яну Казимиру, что его полки готовы выступить в поход и, уже поки-

нув Острополь, идут на Гончарыху, но он ничего не знает о месте нахождения коронного войска (татары отлично знали или, во всяком случае, имели все основания предполагать, что войска уже нет), а потому часть своего отряда под командой Каммамбет-мурзы он направил к Каменец-Подольскому. Следом за ним, уверял Адиль-Гирей, выступают и основные силы под командой хана¹⁷¹. Основные силы Магомет-Гирея в это время отошли от Кодака и Казыева перевоза в район Белгород-Днестровский. В их составе, кроме крымских татар, были 2000 ногайцев Чабан-мурзы, темрюцкие черкесы, со дня на день должны были подготовиться к походу и белгородские татары¹⁷².

Тем временем передовые отряды Адиль-Гирея устремились к Каменцу, все сжигая и грабя на своем пути. Они не щадили ни русских, ни украинцев, ни поляков. Высланный комендантом П. Потоцким из Каменец-Подольского для встречи польский отряд был разгромлен и часть его попала в плен. Под Каменцом выяснилось окончательно, что коронного войска не существует. Татары попали в очень сложное положение: нужно было либо примириться с соединением западноукраинских земель с Россией и Украиной, либо начать бой, не имея союзника и даже не дождавшись подхода основных своих сил. Адиль-Гирей ринулся к Львову¹⁷³. В конце октября под Збаражем он соединился с основными силами татар под командой самого хана.

Первые сведения о приближающихся татарах в лагере под Львовом получили (скорее всего) от молдавского господаря Стефана 24 октября. В этот день В. В. Бутурлин держал в руках грамоту, сообщавшую о том, что татары стоят уже под Чолганским Камнем. Известия эти подтвердили 27 октября разведчики сотника Михаила Менковского. Разъезд Менковского привез и весть о разгроме татарами небольшого русского отряда. Этот отряд был направлен к царю с письмами о военных успехах и подарками. Особенно неприятным для русского командования было то, что в отряде находились отпрыски титулованных русских боярских фамилий, которые ожидали в Москве новых наград, а оказались в татарском плену. Это был сын А. В. Бутурлина — И. А. Бутурлин, капитан Андрей Колычев, ротмистр П. Чихачев, сокольничий Л. Григорьев, И. Ярышкин. (Они были разменены после заключения договора Хмельницкого с ханом¹⁷⁴.)

Ничего не оставалось делать, как спешно заключить договор с осажденным городом, чтобы получить со Львова хотя бы контрибуцию и разослать гонцов на поиски и сбор русско-казацких отрядов с приказом немедленно следовать в лагерь. Дождаться возвращения всех отрядов, конечно же, не удалось: уже на следующий день, 28 октября, украинские полки отошли от Львова навстречу татарам, а полки В. В. Бутурлина выступили в поход 31 октября, после возвращения рейдовых отрядов.

Сложным было положение татар, оказавшихся без союзника, но сложным было и положение русско-казацкого войска, отрезанного татарами от тылов. 12 октября в Киев прибыли гонцы с

царскими грамотами из Могилева к В. В. Бутурлину. Как водится, гонцы потребовали срочно дать им подводы, но в городе абсолютно не имели представления, где находятся полки. Ни одного гонца от гетмана или воеводы не появлялось. Волконский пытался сам уточнить место нахождения войска, вместе с киевским полковником Антоном Ждановичем он посылал разъезды, но проехать в армию разъезды не могли: рассеянные мелкие отряды татар напроочь блокировали дороги. «А татарская война учала быть октября с 4 числа около Киева поблиску»¹⁷⁵.

«Татарская война» разразилась не только вокруг Киева. Выше упоминали военные действия татар на Ингуле, под Кодаком, Белой Церковью. В письме к коронному гетману С. Потоцкому Магомет-Гирей так ограничивает район военных действий татар: «Мы со своей стороны тоже послужили не только тем, что часть Украины предали огню и железом высекли, но и то войско, что возвращалось из-под Львова с загонами,— мы их ни одного не пустили, и будут наши пути, мощенные трупами, крепче на много лет от Каменки и до Зборова»¹⁷⁶. Что и говорить, картина впечатляющая. Отряды, возвращающиеся домой после удачных походов к Сапу и Висле, должны были усилить оборону границы от татар, предпринимать походы на Крым. 12 ноября на ногайских татар напал какой-то отряд, в состав которого входили запорожцы, казаки переяславского и других полков, скорее всего — Полтавского. Отогнав много скота, казаки разгромили погоню и благополучно вернулись на Украину¹⁷⁷.

Главные события развертывались под Львовом и Збаражем. Отойдя от Львова к Глинянам, узнали, что хан со всем своим войском, насчитывавшим около 100 тыс., стоит под Збаражем. 4 ноября русское и украинское войско выступило против татар в направлении на Белый Камень, предполагая здесь перехватить неприятеля. Двигаться нужно было как можно быстрее, и почти весь обоз и добычу Хмельницкий отправил с отдельным отрядом. Татарские разведчики, вероятно, заметили, что обоз отправлен отдельно от войска и поспешили этим воспользоваться. Под Заложницами обоз был окружен.

Когда узнали об окружении обоза, тотчас же собрали казаки раду, на которой решали, что делать: наступать ли на татар медленно, «оборонной рукой» (т. е. в ограждении боевых возов, вагенбургом) или нанести стремительный удар. По-видимому, выбрали последнее, так как уже на другой день, 5 ноября, казацкие отряды стояли в Заложницах. Здесь, несомненно, пришлось отабориться: московские ратные люди не поспевали за стремительным казацким войском из-за перегруженных возов и тяжелых переправ. Только через три дня полки В. В. Бутурлина прибыли к Заложницам.

Чтобы перехватить войска хана и не дать ему отойти на юг, нужно было следовать на Тарнополь и Збараж. Узнав о том, что из Заложниц Хмельницкий повернул к Тарнополю, хан сразу же собрал совет с беями и мурзами, на котором решали, что делать:

ждать ли Хмельницкого под Збаражем или идти навстречу? Решили выступить навстречу. Хан был уверен в победе и опасался упустить Хмельницкого, а потому рассеял свои отряды из коша по различным направлениям. Один из них находился в Заложницах, другие были направлены в Микулинцы, Теревовль, Струсив — с последним отрядом отбыл и сам хан¹⁷⁸.

Тем временем разведка Хмельницкого установила, что орда намерена двигаться в направлении Тарнополя и основная цель ее — разгром казацкого войска.

Воспользовавшись задержкой В. В. Бутурлина, Сефергазыага, участвовавший в этом походе, направил к Хмельницкому посланцев «с таким секретным оповещением, что хан пришел не для того, чтобы биться с казаками, а больше для того, чтобы отомстить за кривды, учиненные им от москалей: „Вы, говорит, войну ведете, чтобы вольности добывать, а великий князь Московский вас уважает за своих подданных и шлет как к своим холопам“». Впрочем, посланец прибыл не столько для переговоров, «сколько для разведки войска». Принял его Хмельницкий с приязнью и поскорее отправил обратно с какими-то секретными поручениями¹⁷⁹. (Секретными, надо думать, эти поручения были от войска, но не от В. В. Бутурлина, который знал о переговорах — см. гл. III).

8 ноября русско-казацкий табор двинулся из Заложниц на юг, в направлении на Озерную. Тотчас же орда атаковала правый фланг, на котором двигались полки под командой Г. Г. Ромодановского. Атака захлебнулась, но татарам удалось убить двух «знатных людей», и несколько дворян попало в плен.

Общее направление движения было на Тарнополь, куда, как узнал Хмельницкий от разведки, стремился хан. Движение затрудняли многочисленные реки и речки, разлившиеся в осеннее время. Особо сложной оказалась переправа у местечка Озерная. К Озерной русско-украинское войско подошло 9 ноября. Как обычно, переправлялись в два этапа: одни переправляются, другие охраняют. Первыми переправлялись украинцы, на другой день, 10 ноября, начали переправляться русские. Желая воспользоваться тем, что переправа фактически разорвала обоз на две части, расейные ранее по разным направлениям татарские отряды устремились к Озерной. Первыми подошли погайские мурзы. Хан велел ударить со всех сторон: спереди — на обоз гетмана, сзади — на обоз В. В. Бутурлина и Г. Г. Ромодановского, слева — на обоз А. В. Бутурлина, «дабы разорвать наш обоз около переправы», но успеха не имели. Другие татарские отряды подошли лишь к вечеру 9 ноября и в этот день не участвовали в сражении¹⁸⁰.

Русско-украинское войско попало в очень трудное положение. Выход мог быть только один — завершить переправу, не допустить противника к возам. Конные и пешие полки выдвинулись за линию боевых возов и сдерживали неприятеля. Таким образом, удалось завершить переправу, сомкнуть возы и продолжать бой

в более выгодных условиях. «И был бой великий с утра и до вечера» — так несколько эпически пишет В. В. Бутурлин в своей отписке. На другой день, 11 ноября, хан вновь прислал к Хмельницкому с уговорами отойти от России и выдать русские полки татарам. На старшинской раде вынесли решение, «что они нас не выдадут, а головы свои за нас положат»¹⁸¹.

Вновь возобновились атаки, на этот раз на правый фланг табора, где стояли русские. Впрочем, атаки татар были довольно вялыми. В трех русских полках не оказалось ни одного убитого, раненых было 90 человек. Увидев, что табор крепко обороняется и казаки не намерены соглашаться на коварное требование татар — выдать русских воевод и ратных людей, хан приказал отступить на 10 верст¹⁸².

Ночью татары вновь прислали тайно в стап гетмана с предложением начать переговоры о мире, а на другой день, 12 ноября, хан еще раз попытался разведать боем крепость русских полков. На этот раз достаточно было несколько артиллерийских выстрелов, чтобы заставить татар отойти на почтительное расстояние и побыстрее завершить переговоры с гетманом о мире и размене пленными. После чего хан ушел в Молдавию, а соединенные русско-украинские силы — на Украину. Русские полки стали табором, как и ранее, под Белой Церковью¹⁸³.

По условиям заключенного 12 ноября договора должен был состояться обмен пленными. Прямых свидетельств о том, что обмен произошел, в источниках не содержится, но есть косвенные данные, позволяющие предположить факт обмена. Приведенное выше свидетельство о том, что татары набрали довольно многочисленный полон. Полон был так велик, что «протеже» Хмельницкого в ставке Карла X с тревогой писал гетману, что распространились слухи о страшном поражении его от татар, но он этому не верит, «понеже волные повсюду дороги и проезды удобны»¹⁸⁴.

Казалось бы, в Крым должен был проследовать многочисленный полон. В действительности дело обстояло совсем наоборот. 20 декабря русские толмачи узнали на бахчисарайском базаре о том, что хан пришел из Молдавии в Белгород со всеми ратными людьми, «а полону и никакие здобычи татаровя с собою не везут ничего»¹⁸⁵. Можно предположить: это результат обмена.

Итак, с середины ноября до 20 декабря 1655 г. основные силы татар находились в Молдавии и в Буджацких степях. Поход на Украину закончился неудачно для Магомет-Гирея и в политическом, и в военном отношении.

В хашстве восприняли результат похода именно так. «Торговый арменин Мурад» и некий «волошенин» рассказывали Култымшеву и Немичеву, как хан был на Украине и его «московские люди и запорожские черкасы осадили и бой с ними учинили, и на том де бою татар побито, в полон побрано много». От других крымчаков, приходивших на стан, Д. Жеребцов и С. Титов слышали, что татар побито под Озерной 10 тыс.¹⁸⁶

Воссоединение Украины с Россией оказалось скрепленным новыми победами над Речью Посполитой и Крымским ханством.

Для татар набег кончился неудачно, но для Речи Посполитой и Яна Казимира этот набег оказался истинно спасительным. Он оставил в руках короля территориальную базу в районе Львова и Предкарпатья, опираясь на которую удалось создать Типовецкую конфедерацию.

Попытки Карла X в январе 1655 — феврале 1656 г. овладеть этими землями закончились неудачно, но положение Карла X все еще было достаточно прочным. Следовательно, осенью 1655 и весной 1656 г. оставалась вполне реальная основа для союза России и Швеции. Выше уже говорилось, что разгром татар позволил Хмельницкому активизировать переговоры о создании антипольской коалиции в составе России, Швеции, Украины, Дунайских княжеств.

Ликвидация непосредственной опасности Украине с юга и сильнейшее ослабление Речи Посполитой привели к тому, что потребовалось обсуждение сложившейся ситуации, выработка новых планов, новых задач борьбы. В ходе этих переговоров с Карлом X Хмельницкий едва ли не впервые поставил вопрос о развитии международной ситуации в случае падения Речи Посполитой. Становясь своего рода «наследником» Яна Казимира, Карл X неизбежно должен был столкнуться и с целым рядом проблем, которые стояли перед Речью Посполитой. Одной из таких проблем, которая встала бы перед шведским королем, была проблема борьбы против Османской империи. В инструкции Даниилу от 18 октября 1655 г. гетман предлагает план широкой антитурецкой коалиции в составе Швеции, России с Украиной «и другими народами», пишет Хмельницкий¹⁸⁷, имея в виду Венецию, которая вела войну с Турцией, а также дунайские княжества, которые обратились через гетмана в Москву с такой же идеей, а может быть, и славянские народы Балканского полуострова.

Обсуждали сложившееся положение и с В. В. Бутурлиным. Показательна сама постановка вопросов. 6 декабря 1655 г. В. В. Бутурлин принимал генерального писаря И. Выговского. Обсуждали план военных действий на весну 1656 г. Выговский спрашивал: стоять ли им «у своих царского величества черкасских городов, или идти против Речи Посполитой». Далее следовала информация о положении в Польше, прямо подтолкнувшая на заключение союза со Швецией: великопольяне «отложились от свейского короля», трансильванский князь Д. Ракоци потребовал избрать его польским королем, угрожая в противном случае войной и вторжением турок, татар, валахов и мультаян. В случае избрания его королем Ракоци обещает разгромить шведов и отвоевать Украину¹⁸⁸. Вывод напрашивается сам собой — помогая Карлу X Густаву, русский царь сохранит за собой Украину.

До настоящего времени остается не совсем понятным, почему вскоре после довольно удачного, победоносного похода летом и

осенью 1655 г. В. В. Бутурлин впал в немилость. М. С. Грушевский на основе сведений Павла Алепского (находился в свите александрийского патриарха Паисия, когда тот в 1655 г. предпринял поездку «за милостивей» в Москву) утверждает, что опала В. В. Бутурлина вызвана была следующими обстоятельствами: он брал взятки с осажденных городов и замков; взяв города, грабил их, а не укреплял под своей властью, помирился с ханом. Бутурлин якобы, узнав о недовольстве царя, выпил яд. Слуги его обрядили господина по московским обычаям и намеревались взять в Москву. Когда они были уже в дороге, царь отдал приказ сжечь разгневавшего его боярина, но по просьбе патриарха отменил этот приказ и согласился похоронить его в Чудовом монастыре¹⁸⁹. В действительности В. В. Бутурлин умер от раны, полученной в битве при Озерной^{189а}.

Измышления Алепского нужны были М. С. Грушевскому скорее всего для того, что бышний раз показать жестокость и неблагодарность царя: с именем В. В. Бутурлина связана Переяславская рада 1654 г., Мартовские статьи, выработавшие условия автономии Украины, наконец, успешный поход 1655 г. Но можно ли считать причинами недовольства то, что отмечали П. Алепский и М. Грушевский? К миру с Крымским ханством Россия стремилась, и за мирный договор наказать Бутурлина никак не могли. Что касается грабежа взятых городов вместо «укрепления» их за Россией, то это был обычный прием ведения войны. Такой аргумент мог послужить поводом, но отнюдь не причиной опалы. Поводом можно было считать и взятки с неприятельских городов.

Причина, думается, в другом. В. В. Бутурлин как никто из русских людей понимал значение воссоединения Украины с Россией, внутреннюю ситуацию на Украине. Опыт незаурядного дипломата, мудрость талантливое военачальника подсказывали ему, что борьба за Украину не кончена, что необходимо добить противника, продиктовать ему свою волю и, полностью решив задачу воссоединения всех украинских и белорусских земель (включая и западные земли), переходить к другим проблемам.

Между тем в декабре 1655 г. правительство России меняет внешнеполитический курс, посчитав украинский вопрос решенным, переключается на борьбу за выход в Балтийское море. В. В. Бутурлин вполне мог оказаться противником нового курса и угодить в опалу именно в это время.

После очередного разгрома татар и возобновления мирных переговоров с ханом обстановка на южной степной границе Украины стабилизируется.

31 декабря Магомет-Гирей, а 19 января 1656 г. нуретдин вернулись в Бахчисарай. От Озерной «шли в обход подле Волоскую землю да на Очак. А напрям итить от черкас заблюлися потому: черкасы ждали царя у реки Днепра на перевозе против устья реки Буга»¹⁹⁰.

Магомет-Гирей обошел казацкую заставу. Недождавшись его,

казаки напали на ногайские улусы Урмаметевых, «конские и животинные стада отогнали. А Урмаметевы де в те поры кочевали вниз по Днепру, а от Очакова неподалеку, в урочище на Булдурук»¹⁹¹. Поход этот скорее всего предпринят запорожцами без согласия и вопреки воле гетмана. Хмельницкий в эти месяцы писал на Дон с просьбой воздержаться от набегов на Крым.

В степи складывается обычная обстановка крайне неустойчивого равновесия сил. Казацкие и татарские отряды непрерывно патрулировали границу. 1 декабря донской станичник Гаврило Угримов рассказывал на посольском стане в Крыму: на пути от Северного Донца в Крым во многих местах наезжал от станичные степки и татарские становища. «А знатно де то, что теми степками до реки до Северного Донца в проезжую станицу ездят ногайцы для проведывания про калмыков, чтобы де калмыки на их нагайские кочевья безвестно не пришли». Ногайские улусы кочуют южнее: по Молочным Водам и у Перекопа¹⁹². В конце ноября — начале декабря на южных границах Белгородской черты, под Валуйками, новых татарских сакм не появлялось¹⁹³. За Донец не решались переправляться даже сторожевые отряды татар. 8 декабря в Валуйки прибыл с Дона купец Федор Крашенинников, который побывал в Святогорском монастыре и слышал от игумена, что калмыки переправились через Волгу на правый берег, а татары, опасаясь калмыков, рассылают сторожевые отряды только до Донца¹⁹⁴.

В новых условиях ослабления и упадка Речи Посполитой, когда все коренные польские земли оказались захваченными Швецией, когда королевская армия практически перестала существовать, поддержка Яна Казимира становилась для Крыма делом все более и более обременительным. Нужно было еще раз думать, по какому пути развивать свои международные дела дальше. Этим объясняется относительно спокойная обстановка в районе Дона, на южных рубежах России.

Хмельницкий и московское правительство попытались использовать сложившееся положение хотя бы для того, чтобы нейтрализовать Крымское ханство.

Итогом всех этих действий явилась царская грамота на Дон от 13 января 1656 г., в которой сообщали, что Хмельницкий помирился с татарами «на том, что им быть меж себя в дружбе и в любви. И покаместа они в Войску Запорожском украинные города от Крымской стороны устроят, и в то б время вашему Донскому Войску на море не ходить и с крымцы и с азовцы ссоры нелюбья не чинить»¹⁹⁵. В этой грамоте обращает на себя внимание следующее изменение: в предшествующих царских грамотах традиционной была формулировка: на море не ходить до тех пор, пока крымские татары не станут чинить «зацепок», не станут сами нападать. Здесь же отсрочка похода дается только до того времени, как Хмельницкий организует оборону рубежей. Вместе с тем казакам предлагалось по-прежнему не очень доверять татарам и «жить на Дону с великим бережением».

Основания для такого беспокойства были. 7 февраля 1656 г. Д. Жеребцову и С. Титову стало известно от пришедшего на стан польского полонянина Казимира Стрелковского о том, что в самое ближайшее время ожидается заседание ханского дивана, на котором будут решать вопрос о походе: куда идти — против шведских войск, на Украину или на русские земли¹⁹⁶. Любой из этих вариантов был равно опасен, ибо ставил под удар либо украинские, либо южнорусские области. Ханский золотописец Аджобаки-челеби прямо говорил переводчику Араслану Култумышеву, что набег будет на русские города и начнут его «с Егорьева дня», т. е. 23 апреля¹⁹⁷.

16 февраля 1656 г. тот же Казимир Стрелковский сообщал, что на ханском диване решили направить на помощь королю против шведов двоюродного внука хана, тоже Магомет-Гирея. Стрелковский говорил, что размен пленными с казаками практически прекращен сразу после того, как ханские отряды вернулись с Украины в Крым¹⁹⁸. В самой Речи Посполитой ожидали эту татарскую помощь с нетерпением, хотя и видели всю ее тяжесть. Ян Казимир писал к архиепископу Гнезненскому Енджею Лещицьскому: «...орда отошла, при которой, несомненно, к единству войско наше быстрее придти могло. ...Надеемся, что татары с возвращением благородного Шумовского, которого мы туда послали, придут к нам и казаков на услугу нашу потянут...»¹⁹⁹. В ответном письме Е. Лещицкий возражал: «На татар не возлагаю никакой надежды, ибо им только ворваться и опустошить край, а потом прочь уйти. Следовательно, их нужно знатно подкупать. Казакам, хотя бы уже и теперь твердый с ними мир заключен, доверять полностью еще не годится... Нужны деньги на приобретение татар и, возможно, казачьей старшины. То все потребует не одну и не две сотни тысяч (злотых.— Г. С.), миллионами тут нужно будет сыпать, а мы теперь и сто тысяч достать не можем и бог знает, когда будем в состоянии за таким полным Речи Посполитой опустошением»²⁰⁰.

Как и следовало ожидать, мир на украинско-татарской границе носил весьма условный характер. Хмельницкий в своих универсалах, правда, категорически требовал не нарушать мира, в письме к калге Казы-Гирею он призывал татар блюсти присягу и особенно наблюдать за своевольными ногайцами. В этом же письме гетман жаловался, что ногайцы напали на Брацлавский полк и сильно разграбили пограничные городки²⁰¹.

В следующем, 1656 г. Россия объявляет 17 мая войну Швеции и 21 августа русские войска осаждают Ригу. Значительные силы шведов оказались скованными в Прибалтике, что позволило Яну Казимиру начать наступление и 29 августа освободить Варшаву.

Между тем осада Риги затянулась, так как отсутствие флота не позволило блокировать город со стороны моря. Среди наемных офицеров-иностранцев возникла измена. Изменники предупредили осажденных о готовящемся штурме и указали места складов боеприпасов. В результате удачной вылазки русские отряды были

разгромлены под стенами Риги и в октябре 1656 г. осада была снята ²⁰².

Что касается Крымского ханства, то на протяжении 1656 г. оно сохранило относительно мирные отношения с Украиной и Россией, хотя продолжались обычные нападения на пограничные земли. Военные неудачи Крыма вызвали усиление активности донского казачества и калмыков. 27 февраля в Бахчисарае распространился слух о нападении калмыцкого отряда. Разгрому подверглись улусы ногайских мурз Урмаметевых, кочевавших по Молочным Водам. Угнали много лошадей, захватили большой полон. Калмыков пришло всего 800 человек. Хан приказал расправиться с дерзкими наездниками и отправил за ними в погоню отряд Карач-бея перекопского. Бежавшие из калмыцкого плена татары сообщили, что обратно калмыки движутся чрезвычайно медленно, обремененные большим количеством награбленного, угнанной скотиной ²⁰³.

На Дону численность калмыцкого отряда определилась в 1500 человек ²⁰⁴. Такой разницей в определении численности калмыков можно объяснить тем, что к Молочным Водам подошла только часть отряда, другие же участвовали в походе и стояли у границы ханства. Обрато калмыки переправлялись через Дон у станицы Семикоркорской, прихватив с собой в полон заодно и двух донских казаков. Другая часть отряда калмыков численностью в 500 человек была замечена донскими казаками 16 февраля у Азова ²⁰⁵.

Нападения калмыцких отрядов в 1656 г. оказались не столь эффективными, как на это рассчитывали в Москве. Татары имели возможность взять реванш и отомстить казакам за весенний и летний походы 1655 г.

12 января 1656 г. азовский бей Муртаза разорил окрестности Черкаска. Вместе с азовским гарнизоном в набеге участвовали крымские татары и кабардинцы, «многих казаков изгоном поимали и порубили» ²⁰⁶. Поскольку гарнизон Азова насчитывал около 1500 человек, можно предположить, что не меньше участвовало и в набеге. 16 февраля отряд азовских татар в 300 человек приходил под Черкасск и дал бой. 20 февраля азовцы напали на казаков и захватили несколько человек на рыбной ловле ²⁰⁷. «И те, государь, задоры их к нам, а не наши к ним, — писали казаки в Москву, — не дадут азовцы ныне за рыбою и за дровами из города выйти: беспрестанно, государь, приходы и задоры их, азовцы, с крымскими людьми к нам, а не наши к ним» ²⁰⁸. Впрочем, дальнейший текст цитированной войсковой отписки заставляет усомниться: не ступили ли краски казаки? «Больше, государь, тритцати человек казаков у нас в тех частых оне своих приходах переимали» ²⁰⁹. Скорее всего эти «частые приходы» носили характер рейдов за языками, характер разведки. Цитированную войсковую отписку доставила в Москву станица донских казаков во главе с Петром Шевыревым. В расспросе в Посольском приказе П. Шевырев тоже говорил, что из Азова часто ста-

ли нападать на казаков татары, однако, противореча сам себе, проговаривается: между Черкасском и Валуйками «в степи ратных никаких людей нет, и сакмы никакой не переезжали»²¹⁰.

Явно преувеличенные сведения дает П. Шевырев и о гарнизоне Азова. Он утверждает, что в городе сосредоточено 5000 пехоты янычар и конницы. По данным сына боярского С. Протасьева, привезшего 7 июня на Дон царское жалование, гарнизон Азова насчитывал до 1500 человек²¹¹.

17 февраля 1656 г. на Дону получили царскую грамоту, в которой писалось, что в связи с заключением договора между Хмельницким и ханом казакам надлежит временно прекратить походы на Крым. В казацких кругах этим договором были весьма недовольны²¹².

Станица П. Шевырева явно имела целью преувеличить степень остроты противоречий с Крымом. Мир России и Крыма затруднял возможность казацких морских и сухопутных походов. Следовательно, «хлеб казацкий» и «зипуны» уже не поступали в казну Войска Донского и в закрома казаков, а это означало новые сложности существования на Дону. Запрещение морских походов воспринималось там весьма и весьма болезненно, а потому перед Шевыревым стояла задача доказать необходимость похода на Крым²¹³.

В Москве слишком дорожили открывшейся возможностью установить мирные отношения хана с Хмельницким, а потому в новой грамоте еще раз потребовали временно прекратить такие походы. Чтобы как-то компенсировать «убытки» казацкой старшины из Москвы было послано жалование в двойном размере: 2000 руб. денег, 2000 четей хлеба, по 50 пудов свинца и пороха. Это царское жалование и грамоту получили на Дону 6 июня²¹⁴. 7 июня вопреки указу царя донские казаки напали на Азов и попытались штурмом овладеть городом. Это был совместный поход донских и запорожских казаков, к которому примкнули и какие-то «торговые люди» из русских пограничных городов Белгородской черты. Запорожцы наверняка действовали вопреки воле Хмельницкого, склонного в это время к поддержанию мирных отношений с Крымом и Азовом.

Объединенным отрядом командовал на этот раз сам войсковой атаман Наум Васильев. Это тоже довольно показательный факт. Старшина Войска Донского действовала порой вопреки воле московского правительства. Есаулом выбрали известного среди казаков Павла Федорова. Как правило, войсковой атаман возглавлял только наиболее важные военные акции, не обычные походы за зипунами, а предприятия, которые могли оказать влияние на обстановку в районе Дона, Азова и Перекопа в целом. Можно предположить, что на этот раз казаки серьезно намеревались завладеть Азовом и удержать за собой город.

Штурм города закончился неудачно. Осаждавшие потеряли около полутора тысяч убитыми. В плен попали сам Павел Федо-

ров, около 900 человек, вскоре по условиям мира с казаками часть их была отпущена на свободу²¹⁵.

Попытка казаков овладеть Азовом потерпела провал. Неудача этой попытки означала, что повторить поход 1637 г. и взять Азов без поддержки России Войско Донское уже не может. Несвоевременная акция привела к тому, что казаки понесли небывалые потери. Ни в одном из походов столь значительных жертв не было. Войско Донское оказалось значительно ослабленным, и опасность вторжения неприятеля на территорию самих казаков резко возросла.

Предстояли весьма неприятные объяснения с Москвой. Из этих объяснений видим, что казаки, как и в 1637 г., намеревались поставить правительство перед свершившимся фактом и вынудить его на этот раз принять Азов. Поход на Азов они объяснили как службу царю с целью не только ликвидировать разбойничье гнездо татар, но и обезопасить Дон, южнорусские города, открыть пути для удара по Крыму²¹⁶.

Было необходимо наказать казаков за своевольство, да и поубавить их излишнюю активность и следующее жалование Войску урезали более чем вдвое против 1655 г., а пороха и свинца, необходимых для походов, не прислали вовсе.

Посланцы Войска Донского в Москве уверяли: «А с азовцы мы, холопы твои, ныне живем в миру», но тут же давали сведения, что «азовцы с теми воинскими крымскими, и с кобардинцы, и с ногайскими людьми ходят под твои государевы украинные города войною и православных христиан в полон емлют многих. А весь, государь, у них воинским людем скоп и съезд, и с Руси с полоном приход в Азов, а наши государь, мочи, чтоб у них тот полон на переходе нам где отгромить нету»²¹⁷.

Выше приведенная цитата отражает характерное для южных рубежей состояние: формально с татарами заключен мир, но фактически татары продолжают чинить мелкие набеги. Относительно крупным походом татар был набег в июне 1656 г., вскоре после неудачной осады казаками Азова. 150 всадников двинулись вдоль Дона на север по Крымской и 150 всадников по ногайской стороне²¹⁸. Татары сумели дойти до Царева-Борисова, Тамбова и Шацка, захватили «конные и животинные стада», набрали полон и отошли к Крыму и Азову. Посланники Р. В. Жуков и Л. Пашин, бывшие в Крыму в 1657 г., писали, что захвачено большое количество скота и много пленных, но это, вероятно, только слухи. Самим посланникам удалось обнаружить лишь четырех человек, угнанных в 1656 г.²¹⁹ Численность отряда татар в 300 всадников не позволяла набрать большое число пленных. Казаки пытались на обратном пути перехватить отряд и отбить полон, но татары сумели избежать встречи.

Основной удар в июле 1656 г. татары нанесли в район соляных промыслов у Тора, где «немало людей порубили и шкоды учинили»²²⁰, — писал Хмельницкий. Точных сведений о потерях украинцев и донских казаков не имеется, но надо полагать, что

они были немалыми — район Тора не был защищен засечной чертой в отличие от Царева-Борисова, Тамбова и Шацка, а следовательно, и размеры опустошений здесь были более значительны.

* * *

1655—1656 гг. были временем наибольших военных успехов России и Украины. Отбив осенне-зимнее наступление 1655 г., русско-украинские войска выходят на линию Львов—Брест—Вильнюс—Каунас, а в последующем, после объявления войны Швеции, осаждают Ригу. Успехи на основном театре военных действий против Речи Посполитой приводят к победам и в борьбе против агрессивного южного соседа. Вершина успехов соединенных русско-украинских сил в борьбе против Крымского ханства приходится на осень 1655 г., когда после победоносного сражения под Озерной русско-украинские войска вынуждают хана вступить в дипломатические переговоры и дать согласие на обмен пленными, на прекращение крупных вторжений в Россию и Украину. Фактически это было вынужденное признание Крымом воссоединения Украины с Россией.

Успехи русско-украинской армии и военная помощь России позволили Хмельницкому приступить к созданию системы обороны границ. Это были полки, растянутые вдоль всей степной границы, прикрывающие всю территорию Украины. Такая тактика борьбы явилась новшеством для Украины и была однотипной русской системе сторожевых полков и засечных линий. К этой же тактике борьбы относится и усиление пограничных крепостей — Умани, Чигирина, Брацлава и др. Это сразу же (как и в свое время в России) сказалось на активности военных набегов татар: после поражения 1655 г. под Озерной татары на время прекращают крупные набеги на Украину (вплоть до 1658 г., когда они были приведены Выговским). Набеги на Россию ограничиваются районом Черкаска и лишь незначительные отряды доходят до Белгородской оборонительной черты.

Стратегические замыслы Хмельницкого направлены, как и прежде, на создание антипольской коалиции в составе Швеции, Украины, России, Дунайских княжеств. Цель такой коалиции — окончательный разгром Речи Посполитой, воссоединение всех украинских земель, включая и Западную Украину, с Россией. В перспективе предполагалась борьба с Османской Портой, притязания которой на Украину гениально предвидел Хмельницкий. Гетман строил планы освобождения от османского ига народов Дунайских княжеств и Балкан.

ОТНОШЕНИЯ РОССИИ И УКРАИНЫ С КРЫМСКИМ ХАНСТВОМ И ТУРЦИЕЙ

В 1656—1657 гг.

Задача настоящей главы — раскрыть, как отразилась изменившаяся (после начала русско-шведской войны) международная ситуация на развитии русско-крымских и украинско-крымских отношений. Начать главу целесообразно с нескольких (довольно предварительных) оценок внешнеполитического положения в Восточной и Центральной Европе и нового курса России.

РОССИЯ В МЕЖДУНАРОДНОЙ ИЗОЛЯЦИИ

17 мая 1656 г. под перезвон колоколов московских церквей народу объявили, что царь Алексей Михайлович объявляет войну шведскому королю Карлу X Густаву. Правда, объявление войны носило несколько странный характер: шведским послам в Москве Белке, Эссену и Крузенштерну официально сообщили о войне лишь 21 января 1657 г., а в октябре 1657 г., когда вновь стали обостряться отношения с Речью Посполитой и Виленское перемирие оказалось под угрозой срыва, послам разрешили направить в Швецию курьера. К этому времени русскому правительству пришлось возвращаться к прежнему (мирному) курсу отношений со Швецией¹. Для войны со Швецией нужны были союзники. Дипломаты русского царя могли рассчитывать на австрийских Габсбургов, которые еще с октября 1655 г. посредничали в польско-русских спорах и прямо предлагали вступить в военный союз против Швеции. Другой, пожалуй, еще более надежный союзник виделся им в лице недавнего противника, который теперь почти прекратил сопротивление и даже вел переговоры об избрании царя на польский королевский трон.

Русская дипломатия уже давно научилась оперировать, не ограничиваясь странами, примыкавшими к государственной границе. Общеευропейский охват событий и умение учитывать международную ситуацию в Европе вели к тому, что борьбу со Швецией не мыслили иначе, кроме как борьбу коалиционную.

Естественным противником Швеции на Балтийском море выступали Дания и Нидерланды. Особенно острыми оказались противоречия между Швецией и Данией, права которой на Балтике были сильно урезаны по Вестфальскому миру 1648 г. С задачей

втянуть Данию в войну против Карла X Густава был направлен посланником стольник и князь Даниил Ефимович Мышецкий. Попутно Д. Е. Мышецкому предстояло посетить в Кенингсберге курфюрста Бранденбурга и склонить его к миру с поляками и вступлению в антишведский союз, посетить герцога курляндского.

Посланная 13 марта 1656 г. с Д. Е. Мышецким царская грамота к датскому королю впервые в истории русской дипломатии была подписана лично царем Алексеем Михайловичем². В грамоте предлагалось Фредерику III соединить свои войска с русскими и выступить против Швеции³.

Учитывая тогдашние скорости передвижения посольств, можно с уверенностью предполагать, что в Москве и не надеялись получить ответ до 17 мая, когда начали войну. Мира с Речью Посполитой к этому времени заключить тоже не удалось. Следовательно, в войну с таким серьезным противником, как Швеция, одна из самых сильных европейских держав, Россия вступила фактически один на один, без союзников.

Дания тянула с объявлением войны вплоть до 1 июня 1657 г. Королевский совет колебался, война со Швецией казалась желанным, но слишком рискованным шагом. В какой-то мере могла сказаться и политика Нидерландов, заинтересованных в 1656/57 г. в сохранении мира Дании и Швеции⁴.

В июне 1656 г. (после объявления Россией войны!) начались переговоры о русско-бранденбургском союзе. Был подписан договор, но не о союзе, а всего лишь о взаимном нейтралитете Бранденбурга и России⁵.

Только 12 августа (почти через три месяца после объявления Швеции войны!) 1656 г. были начаты переговоры о мире и антишведском союзе между Россией и Речью Посполитой в Вильно. Во главе русской делегации стоял князь Н. И. Одоевский, делегацию Речи Посполитой возглавил воевода Ян Крasiньский.

Русские потребовали на переговорах Украину, все Великое Княжество Литовское и компенсацию понесенных во время войны с Речью Посполитой убытков. Польские представители требовали в свою очередь возвращения всех утраченных земель, в том числе Смоленска, Украины и возмещения понесенных потерь. Такие взаимоисключающие требования грозили срывом мирных переговоров, и русские представители предложили другой вариант решения проблемы, носившей совершенно нереальный характер, — избрать царя наследником бездетного Яна Казимира, соединить таким образом государства посредством династической унии⁶.

Такой шаг русской дипломатии привел только к ослаблению внешнеполитического положения России, к ненужным осложнениям с Украиной. На Украине серьезно опасались, что в том случае, если Алексей Михайлович станет польским королем, он вынужден будет вернуть украинские земли польским магнатам. Слухи подобного рода были совершенно неосновательными и распространялись на Украине самими поляками, исходили они

от Яна Красиньского, участвовавших в переговорах Станислава Лянцкоронского, подканцлера литовского Криштофа Паца⁷.

Вопрос об Украине носил чрезвычайно сложный характер. И. П. Крипьякевич писал, что «гетман отнесся скептически к возможности заключения мира с Польшей»⁸. Мысль верная, но ее необходимо развить. Если рассматривать весь комплекс внешнеполитических акций Хмельницкого, то можно с уверенностью сказать, что гетман поставил своей целью не только выразить сомнения в успехе переговоров, но и доказать правительству невозможность заключения мира с Речью Посполитой, более того: сорвать переговоры. Еще в письме гетмана к царю от 7 июня 1656 г. и в инструкции гонцам, которые стремительно мчали это письмо в Москву, чтобы предупредить ошибочный шаг, гетман писал, что «Ян Казимир по всем европейским дворам высылал иезуитов, „ищучи на нас у тех помочи“, что римский папа советует ему мириться с царем, „а потом, шведа выгнав, всеми силами хотят о нас и о вере нашей православной промышлять»⁹. (Как и случилось в действительности.)

Грамота и наказ заканчивались просьбой: «Видя такие лукавства наших неприятелей, нас в поругание иноверцам не давай, но в ласке своей и вольностях сохрани»¹⁰.

К тревогам Хмельницкого в Москве отнеслись с пониманием и предложили ему прислать своих представителей на переговоры. В Вильно гетманские посланцы должны были не только присутствовать на заседаниях, но и обсуждать столь важные вопросы, как определение границ Украины. В листе к царю от 26 июля гетман благодарил за уведомление, посланное с В. П. Кикиным о высылке представителей Украины в Вильно, сообщал, что направлен Роман Гапоненко «с товарищи», и предлагал свои, заведомо неприемлемые для Речи Посполитой и поддержанные Н. И. Одоевским условия мира. Граница должна была включать «владения давних князей русских». В устных переговорах с Кикиным казачья старшина поясняла, что граница давних князей русских проходила по Висле и доходила до венгерских земель. Как возможный вариант предлагалось установить рубежи по Южному Бугу, в этом случае части Волыни и Подолии за Бугом хотя и остаются в составе Речи Посполитой, но туда не имели права входить королевские гарнизоны¹¹.

Предлагая царским дипломатам такую программу переговоров, Хмельницкий делал эти переговоры практически бесперспективными и тем самым как бы доказывал правительству, что украинский вопрос еще остается нерешенным, что магнатство Речи Посполитой не смирится с утратой Украины. В инструкции, данной Н. И. Одоевскому, предписывали твердо отстаивать границы Украины по Южному Бугу¹².

Все это и было выложено перед польскими послами на одном из первых заседаний. Длительные дебаты не привели ни к чему. 29 августа было получено распоряжение царя прекратить переговоры об избрании его на польский трон и о мире, договаривать-

ся лишь о заключении перемирия и общих военных действиях против шведов. Но и в этом урезанном варианте достичь соглашения не удалось. 24 октября 1656 г. перемирие было заключено, но против Швеции действовали каждый на свой страх и риск¹³.

Перемирие с Речью Посполитой носило довольно условный характер. В частности, на украинских рубежах постоянно происходили более или менее крупные столкновения, о чем гетман неизменно сообщал в Москву¹⁴.

Таким образом, практически Виленское перемирие не дало ничего. И Россия и Речь Посполитая вели войну со Швецией еще до заключения этого перемирия, перемирие не привело к консолидации их действий. Более того, всего через месяц после заключения русско-польского перемирия, в ноябре—декабре 1656 г. возобновились военные действия на Украине против Речи Посполитой.

Следовательно, несвоевременное объявление войны Швеции, плохо проведенная и слабо продуманная подготовка к войне поставили Россию в состояние международной изоляции: в самый ответственный для нее момент, лето—осень 1656 г., Россия осталась фактически в окружении враждебных государств, чего не было до объявления войны. Виленское перемирие, не приведя к реальному сближению с Польшей, вызвало определенные недоумения и на Украине, но именно через Хмельницкого еще оставалась возможность выйти из изоляции, продолжая укреплять контакты с Дунайскими княжествами.

* * *

Выше уже отмечалось, что с лета 1654 г. все связи с Молдавией, Валахией и Трансильванией по распоряжению царя осуществлялись только через Б. Хмельницкого.

По решению гетмана связи с Дунайскими княжествами были прерваны после того, как осенью 1654 г. войска Г. Стефана и К. Шербана приняли участие в военных действиях против Украины и России, и вместе с тем по инициативе того же Хмельницкого переговоры возобновились после разгрома польских и татарских войск. В июле—августе 1655 г. из Чигирина в Молдавию, Валахию, Трансильванию были направлены предложения о союзе против Речи Посполитой, заключены соглашения о ненападении друг на друга¹⁵. 15 марта 1656 г. в Москву из Ясс последовало молдавское посольство во главе с Гедеоном и Нянулом с просьбой о подданстве. В том же, 1656 г. в Москву прибыло посольство от валашского господаря К. Шербана о военной помощи против Османской империи и о принятии Валахии в русское подданство. Вопросы эти поднимались Молдавией и Валахией и после¹⁶. 29 июля 1656 г. последовало решение московского правительства о принятии Молдавии в подданство царю. Примечательно, что в грамоте воеводе Стефану оговариваются совместные военные действия против общих врагов, но не указывается прямо, кто есть общие враги¹⁷. Объясняется это резкой

сменной внешнеполитического курса России. Если во время переговоров с Дунайскими княжествами в 1654 г. прямо указывалось, что враг России — польский король, то теперь, когда дело шло к перемирию с Речью Посполитой, но само перемирие еще не было заключено, термин «враг» предпочли не раскрывать, ибо он был неясен и самим московским дипломатам.

В царской грамоте не упоминается в качестве врага и шведский король. Объясняется это тем, что в Москве через Хмельницкого знали о сближении Дунайских княжеств со Швецией и о реальных шагах гетмана к созданию антипольской коалиции в составе Швеции, Украины, Дунайских княжеств. Называть врагом Карла X Густава в этой ситуации было бы тоже неосмотрительно, нужно было искать точки соприкосновения интересов Молдавии и Валахии с Россией, а не разжигать противоречия. Участие в такой коалиции Украины и Молдавии (которую после посольства Гедеона и Нянула царское правительство имело основания считать хотя бы своим потенциальным союзником) свидетельствовало о том, что сближение с дунайскими княжествами и выход России из международной изоляции могло произойти только при условии возвращения к прежнему международному курсу: борьбы против Речи Посполитой и союза со Швецией.

Расхождения с официальным курсом правительства были очевидными, и Хмельницкий не старался их скрыть. Гетман писал А. В. Бутурлину по поводу предстоящего съезда послов в Вильно, что пока поляки терпят поражения от шведов — они будут сохранять мир с Москвой, «а потом, как счастье послужит, они по-прежнему будут свой замысел исполнять. Добро было бы, если бы и царское величество ни в чем им не верил»¹⁸. Начавшаяся война со Швецией вызывала у Хмельницкого чувство неуверенности и тревоги: «Слышали мы, ратные люди его царское величества и со шведами уже задор учинили. Бог знает, как оно все дальше пойдет»¹⁹. Это письмо Бутурлину являет не только открытую критику гетманом внешнеполитического курса, но и содержит прямое предупреждение, что Украина будет проводить прежний курс: «Мы, полагая несподручным в такой обстановке раздраживать на себя всех соседей, хотим иметь себе приятелей, нежели неприятелей...»²⁰. Союзный договор между Д. Ракоци и Хмельницким был заключен 7 сентября 1656 г. Согласно его условиям надлежало соединенными силами отбиваться от неприятеля, в случае нужды немедленно помогать друг другу войском, фуражом, деньгами, продовольствием. С текстом договора был ознакомлен тогдашний киевский воевода А. В. Бутурлин²¹.

Хмельницкий не только не делал тайны из своих отношений с Трансильванией, но, напротив, можно с полной уверенностью утверждать, что им были приняты меры к русско-трансильванскому сближению. Еще 4 апреля 1656 г. он писал к молдавскому господарю Георгию Стефану о необходимости поддерживать дружественные отношения с Россией и Трансильванией, о письме был уведомлен и Д. Ракоци²².

Старания Хмельницкого не пропали втуне: при царском дворе весьма благожелательно встретили посланца Трансильвании Джорджа Раца. 4 августа Раци прибыл в русский стан под Ригу с грамотой, в которой трансильванский князь просил царя «содержать его в любви и приязни», обещал всяческую покорность. Посольство Раца продолжалось почти месяц. 2 октября вместе с Рацем был отправлен в Трансильванию Григорий Васильевич Волков. Волков не только должен был сообщить, что государь принимает Ракоци «в свою приязнь», но в знак особого расположения царя вручить ему соболей на 1060 руб. В наказе Г. В. Волкову предписывалось «уговаривать» Ракоци, чтобы он не помогал польскому королю и Крымскому хану против России, рекомендовать поддерживать самые дружеские отношения с Б. Хмельницким и ни в чем не поддерживать шведов. Для дальнейших переговоров предложить отправить в Москву нового посла²³.

Итак, русское правительство рекомендует Ракоци воздержаться от помощи шведам, но вместе с тем вовсе не предлагает ему прекратить враждебные Речи Посполитой действия. Чем это может быть объяснено? Ответ нужно искать скорее всего в затруднениях, с которыми столкнулись московские послы на переговорах в Вильно: Речь Посполитая не намерена была отказываться от утраченных украинских, белорусских и русских земель, а потому необходимо было сохранить угрозу войскам Яна Казимира с тыла и поддержать политику Хмельницкого, направленную на создание антипольского союза.

В ответной грамоте от 17 января 1657 г. Ракоци обещал не вступать в контакты ни со шведами, ни с Речью Посполитой, ни с Крымом²⁴, впрочем, обещания эти остались на бумаге — реальное развитие событий требовало союза с Карлом X.

В январе 1657 г. Ракоци вместе с Молдавией и Валахией уже вел военные действия в союзе со Швецией, а вскоре к нему присоединился и 15-тысячный отряд казаков. О назревавшем и близившемся антипольском союзе в Москве знали со слов самого Хмельницкого, но серьезных опасений не высказывали, напротив, посланному в Чигирин в декабре 1656 г. Аврааму Никитичу Лопухину предписывалось «жаловать и похвалять» гетмана за союз с Ракоци и Шербаном, «и впредь бы он, гетман, великому государю его царскому величеству служил, с венгерским Ракоци, и с мутьянским, и с волоским владетели ссылался, и что у них вестей будет, а к нему отпишут, и он бы великому государю писал».

Таким образом, поддерживая внешнеполитический курс Хмельницкого, русские дипломаты не только стремились ослабить международную изоляцию России, но и способствовали усилению ее влияния на Дунае.

Что же касается Швеции, то с ней отношения Хмельницкого были направлены к прежней цели — антипольский союз. Несмотря на войну, правительство Швеции тоже не оставляло надежды

на сближение с Россией и поворот ее против Речи Посполитой.

30 июня Карл X писал Хмельницкому по поводу максимально возможного расширения антипольского союза: «Если же такие стремления и вашей светлости — просим как наискорее со своей стороны подумать о возможности съезда наших министров, о времени и месте, а также и о том, каким образом князь Московский и хан татарский могли бы быть привлечены к решению наших общих задач»²⁵.

Через две недели, 15 июля, Карл X еще раз подчеркнул в письме к гетману: «...Мы хотели совершенно открыто с ведома даже великого князя Московского войти в переписку с вашей светлостью и иными особами запорожского народа не для того, чтобы оттянуть народ ваш от соединения с Москвою, но чтоб воодушевить против общего врага — короля и Речи Посполитой Польской, объединив наши планы и оружие»²⁶.

Вместе с тем начало русско-шведской войны не могло не сказаться на планах Шведского королевства. В принципе спокойное отношение к воссоединению Украины с Россией теперь не могло не дополниться новыми нюансами. В речи, которую произнес на заседании шведского ригсдага Карл X 17 июля 1656 г., отмечалось, что в будущем казаки должны явиться главной опорой власти шведского короля в Речи Посполитой, а поэтому в случае подписания мира с Польшей подлежит принять интересы казаков под свою протекцию. Необходимо, по мнению Карла X, сделать все возможное для того, чтобы «разъединить их с москвитами, в чем была бы польза для нас, ибо сила казаков большая, чем дружба поляков»²⁷. Означало ли это «разъединение» с Москвой переход Украины под власть Карла X — остается неясным.

Во всяком случае, в письме, отправленном в тот же день гетману, писалось только о военном союзе и вечном мире Швеции «с народом запорожским». Условия мира и союза предстояло разрабатывать на встрече дипломатических представителей²⁸.

Вопросы предстоящих переговоров о союзе обсуждались в королевском лагере под Закрочимом, куда прибыл посол Хмельницкого Даниил 19 августа 1656 г. Результатом этих переговоров Даниила была отправка к Хмельницкому послов Якоба Тернешельда и Готарда Велинга.

Основной целью Велинга и Тернешельда, подчеркивает инструкция, было поссорить казаков с Москвой: «обстоятельно разъяснить Хмельницкому, как великий князь без всякого повода и основания напал на владения королевского величества, варварски, тирански воевал, осадил Ригу»²⁹, доказать, что Россия, сближаясь с Польшей, думает покорить таким путем казаков³⁰. Впрочем, инструкция допускала и другой вариант: в том случае, если Хмельницкий категорически откажется разорвать с Россией, потребовать от него, чтобы казаки хотя бы не оказывали вооруженную помощь московскому войску против Швеции и предприняли вторжение в пределы Речи Посполитой³¹.

Переговоры Веллинга шли с 13 по 24 января 1657 г. Предложение разорвать единство с Россией привело к неудаче переговоров, провал их, кроме того, был вызван попыткой ограничить территорию Украины течением Южного Буга и Днестра, требованием посла впустить в главные украинские города шведские гарнизоны (в инструкции Веллингу обо всем этом ничего не говорилось, скорее всего это была «личная дипломатия» посла)³².

Сменивший Веллинга посол Лилиенкрона уже не возражал против перехода всех украинских земель, в том числе и западноукраинских, под власть гетмана, не оспаривал решение Переяславской рады. По условиям заключенного союза казаки посылали 20-тысячный отряд против Речи Посполитой³³.

Таким образом, если после начала русско-шведской войны и были у Карла X Густава планы разорвать воссоединение Украины с Россией, то они потерпели провал. Хмельницкий твердо отстаивал и в письмах в Москву, и в переговорах со Швецией, и в прочих дипломатических акциях идею коалиционной борьбы против Польши, идею мира со Швецией, идею воссоединения всех украинских земель с Россией.

ОТНОШЕНИЯ РОССИИ И УКРАИНЫ С КРЫМСКИМ ХАНСТВОМ И ТУРЦИЕЙ В 1656—1657 гг.

Поражение, нанесенное татарам под Озерной, не только повело к заключению мирного договора в ноябре 1655 г., но и заметно снизило активность татарских набегов на Украину и Россию, отклонило пути вторжения крымчаков дальше на запад.

Целью очередного посольства России в Крым было закрепление достигнутых успехов, в частности согласия на включение в титулы царя не только Малой, но и Белой России. На этот раз в Бахчисарай отправлялись посланник Андрей Павлович Акиффов и подьячий Григорий Жданов.

9 декабря посольский обоз вместе с татарскими послами в Москве Шахтемир-беем и Батыр-мурзой остановился в Туле. Отсюда, из Тулы крымских послов отправили вперед в сопровождении пристава-толмача Лукьяна Степанова.

Из Тулы вышли только 18 декабря и на следующий день остановились в Новосили. Здесь же отпраздновали Рождество Христово и на другой день, 26 декабря, выступили в путь. Рождественские морозы завернули круто, да к тому же и, несомненно, подвыпившие путники не очень береглись. «И меж Новосилия и Ливен на Кривой степи от нужного пути и от стужи многие государевы служилые люди провожатые и проводники ноги познобили»³⁴. 3 января 1656 г. выступили на Оскол. Здесь пришлось задержаться почти на три месяца. Находившиеся в Бахчисарае Д. Ф. Жеребцов и С. Титов предупреждали, что Сулешев не может выйти на размену из-за глубокого снега (зима в этот год

была весьма суровой). Только 2 апреля валуйский воевода сообщил, что Сулешев с прежними русскими посланниками в Крыму, Жеребцовым и Титовым, прибыли на разменное место на р. Ураеву.

Как всегда, проводить размену было поручено яблоновскому воеводе И. И. Ромодановскому и дьяку С. Звягину. Получив денежную казну для выкупа пленных, для подарков Сулешеву и мурзам, для оплаты проезда и для жалования ратным людям, запасшись продовольствием, конвоем, вооружением, фуражом, И. И. Ромодановский и С. Звягин отправились в путь. 6 апреля в Новом Осколе съехались с Шахтемир-беем и Андреем Павловичем Акинфовым.

10 апреля 1656 г., взяв посольский шатер, пищали, боеприпасы и 4 орудия, выступили из Валук на р. Ураеву, к обычному месту размены послами. В тот же день принялись разбивать лагерь, и к вечеру на берегу реки стояла небольшая крепость со своим гарнизоном, внутренними и отъезжими караулами, чтобы татары «безвестно не пришли». Случай нападения «самовольных» татарских отрядов, захвата людей из посольского стана и продажи их в рабство были явлением достаточно частым, опасностью, с которой русским дипломатам приходилось считаться уже со времени возникновения Крымского ханства³⁵.

В тот же день, 10 апреля, прибыли к месту размены Маметша Сулешев и русские посланники в Крыму Д. Жеребцов и С. Титов. Во второй половине дня они были уже в шатре у И. И. Ромодановского. Подводя итог отношений с ханством, они предупреждали новых посланников, что «от крымского Магомет-Гирея царя, и от калги, и от нурадына-царевичей... вперед дружбы и любви не чаять, и шерти их во всем чаять нарушенья»³⁶.

По мнению Д. Жеребцова, не следовало питать иллюзии и надеяться на помощь ханских придворных — «ближних людей», которые только мастера грабить посольские меха³⁷. В целом это был правильный анализ позиции Крыма. Тем не менее новых крупных нарушений шерти со стороны Крымского ханства не было.

Вечером 11 апреля 1656 г., когда Маметша Сулешев прибыл на первую встречу в посольский шатер Ромодановского, переговоры начались традиционными вопросами. И. И. Ромодановский говорил о неизменном желании царя сохранить мирные отношения с Крымом, о том, чтобы татары «на царского величества украинны, также царского величества на подданных на запорожских черкас сами войною не ходили и никому ходить не велели»³⁸. Далее следовали не менее традиционные требования: на посланниках сверх обычного ничего «не доправлять», держать их в чести и корм давать «не скудно, как водитца в иных государствах, чтобы за то меж государей ссоры и нелюбья не было»³⁹.

Маметша уверял, что Магомет-Гирей в дружбе быть хочет и шерть свою сдержит, что поминки будут брать строго по договору, «и войны Московскому государству делать не учнут, а в гра-

мотах своих царь и калга и нурадын к царскому величеству титул царского величества именованье по-прежнему *всё Руси самодержцем* (курсив мой.— Г. С.) И войны от них Московскому государству и украинным городам не будет»⁴⁰.

«Умаление» в титуле (не упоминалась Малая и Белая Россия) не могло остаться без ответа. Ромодановский возражал: «...Малая и Белая Русь и Волынь и Подолье — все за великим же государем. И что ему, великому государю, бог дал, и тем титулам за что не писатца?». К тому же новый титул признали многие государи, сам император Фердинанд⁴¹.

Да и сам Маметша Сулешев в прошлом году, когда в Бахчисарай направлялся Д. Жеребцов, поклялся здесь, в шатре на разменном месте, что хан будет писать титул так, как царь «сам себя описует», т. е. с титулами Малой, а позднее и Белой России (см. гл. II), и за весь Крым Сулешев дал шерть не нападать на русские и украинские земли и пр.

Все эти клятвы, продолжал И. И. Ромодановский, оказались лживы. Д. Жеребцов и С. Титов подвергались оскорблениям, а крымские татары приходили на помощь коронным гетманам под Ахматовым и под Озерной, постоянно блокируют обе стороны Днепра и то все «царскому величеству в великое подивление и нелюбие».

И. И. Ромодановский самым решительным образом потребовал, чтобы Сулешев написал в личной своей шертной грамоте, что Магомет-Гирей будет именовать царя так, «как он сам себя именует», т. е. с Малой и Белой Россией. Сулешев должен был поклясться, дать шерть, что будет «наводить» Магомет-Гирея на то, чтобы ни он, ни калга, ни нуретдин не нападали на русские и украинские земли и не помогали войсками польскому королю⁴².

Сулешев с легкостью принял все требования Ромодановского, согласился с ними и тут же поклялся на коране. Коран не мешал ему, впрочем, лгать, совершенно перевирая факты. Сулешев утверждал, что в ноябре 1655 г. боя под Озерной не было, а просто сошлись и договорились с Хмельницким, заключили мир, не нанеся ущерба и русским ратным людям⁴³.

Потребовалось еще 2 дня для того, чтобы провести выкуп русских пленных и размен посольствами. В ходе всех этих дипломатических и торговых процедур Сулешев неоднократно клялся от имени хана в исполнении всех требований русской стороны, употреблял в царском титуле Малую и Белую Россию. Острый конфликт возник только в тот момент, когда стали вручать государево жалование. Размер жалования был традиционным: 11 мурзам и 30 «чиновным людям» давали собольи шубы и шапки, прочим членам свиты Сулешева — по кафтану-однорядке⁴⁴. Этого показалось мало. Вспыхнула ссора, крымцы уже обнажили сабли, и только вмешательство командиров конвоя предотвратило кровопролитие⁴⁵.

Переправившись на свою сторону Ураевы, Сулешев отдал при-

каз татарам свертывать свои кибитки, но это уже была явная передержка: государево жалование татары не забрали из русского лагеря, а без него отъезжать было просто невозможно.

Договорились встретиться 14 апреля за пределами укрепления и при небольшом русском конвое. Русские представители поступили именно так, Сулешев же взял с собой полторасотенный отряд. Недоезжая 100 сажен до шатра, Сулешев стал жаловаться, что он получил мало жалования, что ратные люди вчера били его ослопами. Ромодановский возражал: жалование получили они без убавки, сполна, а ссору затеяли крымцы сами, «не делом». Затем раздали жалование, потчевали по обычаю гостей — мусульман медом и вином, разменялись посольствами и приняли выкупленных пленных⁴⁶.

Итоги предварительных переговоров во время размены посольствами были, как и в прошлый раз, довольно утешительными. Сулешев от имени хана обещал не нападать на русские и украинские территории, обещал включить в ханскую шертную грамоту новые царские титулы, т. е. формально признать воссоединение с Россией Украины и Белоруссии, обещал не чинить насилия над русскими посланниками и не требовать с них лишних «дач» мехами или монетой. Ромодановский потребовал не оказывать помощи польскому королю как врагу царского величества.

Остается не совсем ясным, почему в апреле 1656 г., за месяц с небольшим до того, как Россия объявила войну Швеции, в то время, когда с австрийскими и польскими дипломатами обсуждались вопросы будущих переговоров о мире, Ромодановский по-прежнему трактует польского короля как врага России и вносит в шертную грамоту М. Сулешева пункт о том, что татары не должны помогать Яну Казимиру. Можно выдвинуть множество объяснений: формально мир с Речью Посполитой заключен не был, хотя фактически еще осенью 1655 г. военные действия приостановились; могли произойти какие-либо неувязки в делопроизводстве, и Ромодановский не получил специального наказа, действовал по старинке, в соответствии с прежними наказами; находясь на южных рубежах в непосредственной близости от Украины (от Яблонова до Полтавы около 240 км, а до крайней пограничной русской крепости Ахтырки на Белгородской черте около 180 км), Ромодановский мог лучше, чем в Москве, оценить степень остроты борьбы за Украину и реальные возможности противника, следовательно, в оценке внешнеполитической ситуации мог разделять взгляды В. В. Бутурлина, Хмельницкого и патриарха Никона. Отсюда трактовка короля Яна Казимира как противника России. По-видимому, это предположение наиболее вероятно.

Прямых доказательств изложенному выше нет, и автор не претендует на бесспорность решения. Косвенным доказательством может служить то, что в Москве явно были недовольны И. И. Ромодановским и его последними переговорами. В дальнейшем от процедуры размена посольствами он был отстранен.

28 апреля А. П. Акинфов и Г. Жданов подошли к Перекопу и 2 мая остановились под Бахчисараем на р. Алме.

На ходе посольства А. П. Акинфова и Г. Жданова подробно останавливаться нет смысла, посольство это было традиционным и итог его ничем не отличался от итога посольства Д. Жеребцова и С. Титова — их предшественников. Крымский хан отказался переписать шертную грамоту с внесением новых царских титулов, отказался признавать воссоединение Украины с Россией и не пожелал дать гарантии ненападения на украинские земли⁴⁷.

Тем не менее общая оценка посланниками итогов своей поездки была положительной. Посланники правильно заметили, что страх перед нашествием калмыков, опасения походов русских войск и казаков на Крым благотворно влияют на спокойствие русских границ. «А Магомет-Гирей де царь, и калга, и нурадын ныне государеву имени страшны. И впредь к доброму делу схождения и любви от них чаять, а в правде и шерти нарушения от них не будет»⁴⁸, — информировали посланники на размене сменявших их в Крыму Романа Васильевича Жукова и Лариона Пашина.

Оценка эта в общих чертах оказалась справедливой, на всем протяжении 1656 г. многочисленные ханские войска не появились в пределах Украины и России, если не считать некоторых пограничных стычек в районе Белгорода. Несколько более активными, как отмечалось в предшествующей главе, военные действия были в районе Тора и Черкаска, но и там действовали лишь «самовольные отряды».

Указ новым посланникам Родиону Васильевичу Жукову и подьячему Лариону Пашину об отправлении их в Крым был дан еще 6 сентября 1656 г., но отправились они из Москвы только 9 декабря. Задержка столь длительная может быть объяснена затянувшимися переговорами в Вильно, желанием осмыслить новую ситуацию, сложившуюся после заключения Виленского перемирия и, наконец, дожидаться возвращения царя из неудачного рижского похода, подвести некоторые итоги военных действий против Швеции.

Изменившаяся внешнеполитическая ситуация ведет и к изменению задач, которые ставили перед собой русские дипломаты в Бахчисарае. Если весной 1654 г. Т. Хатунский должен был добиваться заключения русско-украинско-крымского союза против Речи Посполитой, если после неудачи Т. Хатунского посольства С. Ладыженского, Д. Жеребцова, А. Акинфова должны были добиваться ненападения крымских татар на русские и украинские земли и неоказания военной помощи Речи Посполитой, то теперь положение меняется.

На приемах у визиря Сефергазы-аги и у хана, в царской грамоте к хану упоминаются лишь традиционные вопросы о ненападении на русские и «черкасские» города, признании новых титулов Алексея Михайловича — Малой и Белой России самодержца, не «править» на посланниках дополнительных «дач» мехами

и деньгами. Вопрос о вооруженной помощи татар Речи Посполитой тщательно обходится молчанием⁴⁹. И это, конечно, далеко не случайно. На Виленских переговорах выяснились непримиримые противоречия Речи Посполитой и России в вопросе об украинских и белорусских землях. Следовательно, татарская помощь королю могла быть направлена против Украины и Белоруссии. Но, с другой стороны, военные силы татар могли быть использованы Речью Посполитой и против Швеции, с которой Россия вела войну. Таким образом, война против Швеции и Виленские переговоры вносили путаницу и неясность в русско-крымские отношения, и без того достаточно напряженные.

9 декабря 1656 г. Роман Жуков и Ларион Пашин выехали из Москвы, и 6 января 1657 г. прибыли под Валуйки на традиционное место размены посольств. Направлявшееся из Москвы в Крым посольство хана добиралось до Валук самостоятельно, сопровождали его русские приставы и толмачи. Пристав Михаил Шишкин писал Р. Жукову, «что крымские послы шли дорогою не смирно и тесноты и налоги в разоренья многим людям делали, а иво, Михаила, лаели и ко двору приступали, а толмачей били. А арменин Муратко государское имя бесчестил при стрельцах, а как бесчестил, и тово писать не мочно... И курья, и бараны резали, и животы крестьянские грабили, и пристава лаели...»⁵⁰.

Размецу на этот раз должен был проводить уже не И. И. Ромодановский с дьяком С. Звягиным, а окольный Г. Г. Ромодановский с дьяком И. Мамалаховым. Сулешев с прежними русскими посланниками в Крым А. Акинфовым и Г. Ждановым и новыми крымскими послами в Москву уже «долгое время» стояли на разменном месте. А. Акинфов сообщил о любопытных и знаменательных случаях, будораживших Крым: в Крыму многие мурзы и татары говорят, что в их священных книгах написано, «что им быть в своей вере и владеть Крымом немного, лет семь, или восемь. А то де будет все православная вера»⁵¹. Неуверенность и опасения сильного северного соседа будоражили население столицы и всего ханства.

Недоразумения с крымскими татарами, начавшиеся у Жукова и Пашина еще в пути, продолжались и во время размены посольств. Сулешев отказался наказывать купца Мурата, бесчестившего царское имя, и в свою очередь пожаловался на жителей Валук, которые украли у татар коней, а какой-то пчельник ограбил Агмет-мурзу Сулешева, «снял с него денег шесть рублей с полтиною». Г. Г. Ромодановский обещал расследовать это дело, пчельника нашли, он повинился, вернул деньги, и был бит кнутом⁵².

10 января посольство двинулось в Крым, поведение сопровождавших татар становилось все более вызывающим. На другой день был ограблен и убит приближенными Сулешева толмач Григорий Бельский, Батырша-мурза Сулешев начал кричать, что посланники «затевают ложно», что сами отправили Бельского назад в Валуйки, а теперь «клепят» на татар. При молчаливом

согласии Маметши Сулешева. Батырша приказал татарам спешиться и спешно двигаться вперед, бросил посланников и государеву казну в степи. Татары отошли около семи верст и стали отдельным лагерем. Не было никакой гарантии, что сам конвой не решит поживиться посланническим добром. Огородившись водами, русские устроили легкое полевое укрепление и приготовились к бою⁵³.

Посланники так и велели передать Сулешеву, что они опасаются за свою жизнь и за государеву казну, боятся идти в обоз к татарам: татар полторы тысячи, а свита посланников невелика. Посоветовавшись со спутниками, решили все же становиться одним лагерем с татарами: «Стоять обозом них немного, и государеву делу не учинить б какие порухи, и Маметшу, и мурз, и татар тем бы не раздражить»⁵⁴. Сулешев тоже решил не осложнять отношений: убийцы были сысканы среди татар, их заковали в кандалы и «отдавали посланникам тех татар головою». Жуков и Пашин, сославшись на то, что охрана посольства поручена Маметше, отказались «взять за пристава» убийц. Порешили на том, что после завершения посольства хан прикажет казнить виновных⁵⁵.

До р. Донец оставалось около шести верст, когда началась сильная метель и выпал глубокий снег. Люди и кони с трудом пробивались через сугробы. Одежда промокла насквозь и заледенела на холодном, пронизывающем до костей январском ветре. 26 января «от большие стужи» умер вож Мина Воскобоев. Пройти прямо через степь к Перекопу было очень трудно (глубокий снег не позволял татарским лошадям добывать траву), и, вероятно, поэтому пришлось свернуть с обычной посольской дороги в сторону Днепра, где можно было встретить ногайские кочевья и редкие казачьи хутора.

К Днепру свернули у истоков р. Конские Воды. Сопроводить медленно двигавшийся посольский обоз татары не стали. То ли с согласия Сулешева, то ли вопреки его приказу конвой устремился дальше к Перекопу, спасая коней от голодной смерти. Положение посольского обоза стало невероятно трудным. Раньше конвой торил в глубоких сугробах хоть какую-то тропу. Теперь с тяжело груженными санями пришлось проламываться по целине. «А как посланники с государевою казною пошли от Торца и до реки Днепра, и по Днепру-реке, и в те дни адиннатцать дней беспрестанно день и ночь снег шол, и стынъ была большая, и у многих государевых людей руки и ноги позябли, а иные от большие стыни померли. А у подъячего у Ивашки Гордеева⁵⁶ обе ноги позябли. И крымских татар померло много — 17 человек. И своего, и конского корму не стало, и самим есть и лошадей кормить было нечим. И многих лошадей покинули в степи, и колеса все пожгли (колеса брали для замены, на случай ранней весны.— Г. С.). А как разменной Маметша-князь к реке Непру пошол, и татаровя все покинули государеву казну и Маметшу от Конских Вод, а иные от Черного колодезя — пошли все степью

в Крым. И перед государевою казною торить было дорогу некому, а снега выпали глубокие и до самой Перекопи»⁵⁷. Голодные люди замерзали насмерть, мучаясь с вязнувшими в снегу, сильно перегруженными подводами, но не притронулись к государственным мехам, доставили в сохранности все, до последней шкурки!

С трудом добрались 1 февраля до Запорожской Сечи.

Южнее Запорожья стали чаще попадаться ногайские кочевья. Тайком пробиравшиеся на стан посланцы Урмаметевых и Измаиловых улусов в очередной раз клялись Жукову и Пашиныу, что они готовы перекочевать под Астрахань, ибо невозможно терпеть издевательств крымских татар. Зима 1657 г. для ногаев была особенно тяжелой. Перекопские татары говорили Жукову и Пашиныу: «Кочуют (ногаи.— Г. С.) возле Непра-реки в теплых местах потому, что ныне зима студеная. И лошадинные у них и всякие животные стада нынешние зимы многие тысячи померли»⁵⁸. Русские дипломаты заверяли их в том, что царь прощает все то зло, какое что причинили ему ногайцы, что если они вернутся на старые кочевья, Россия защитит их от набегов калмыков. В ответ урмаметевы и измаиловы мурзы просили дать им охранную грамоту от имени царя. Дать в руки ненадежных ногайских мурз такой документ русские посланники, конечно же, не решались, и на этом дело заканчивалось⁵⁹. Единственный практический результат переговоров такого рода — по возможности поддерживать огонь взаимной вражды и распрей в Крымском ханстве. Правда, с 1655 г. такие контакты с Малым ногаем приобретают несколько более реальное значение потому, что в этом году у северных границ ханства появляются первые калмыцкие отряды. Защитить ногаев от походов Дайчина и Лаузана тайши Крымское ханство не могло.

От Днепра путь русских посланников шел к Перекопу. Перекоп прошли 9 февраля. Позади остались неоглядные просторы степей Северного Причерноморья, занесенные глубоким снегом. Дальше, за Перекопом, снег был мелкий, а «в иных местах по полям лежал лед, да стынъ была большая». 18 февраля прибыли на посольский стан у Яшлова на р. Алме.

Внутренняя обстановка в Крыму, несколько стабилизировавшаяся после вступления на престол Магомет-Гирея, начинает снова осложняться зимой и весной 1657 г. Осложнение внутренней обстановки было связано с выпущенным военным бездействием татар в 1656 г., в результате которого сократился приток средств существования извне, сильными морозами зимой и глубоким снегом, что привело к падежу скота, наконец, внешнеполитическими факторами, в частности поражением турецкого флота от венециан. В 1657 г. предпринимается энергичная попытка возрождения былой силы флота, строится большое число галер, для чего нужны были и бесплатные рабочие руки, и гребцы. «Поставщиками» этого «товара» были крымские татары.

Как всегда, мирный период означал уменьшение возможно-

стей грабежа и, следовательно, обличание основной массы кочевников-татар, которые не имели возможности воспользоваться вторым (и последним) основным источником ханского дохода — посольскими дарами. Посольские дары оседали в руках ханской семьи и немногих придворных. «Бедствия мирного времени» дополнялись и усугублялись стихийными бедствиями. Суровые зимние морозы нанесли сильнейший урон всему хозяйству кочевников-скотоводов Крыма. «В Крыму у татар многие конские и животинные стада с бескорыщницы померли. А почала быть в Крыму весна апреля с 1 числа»⁶⁰.

Следом за падежом скота начался голод. За осьмину ржи на бахчисарайском рынке платили по 50, 60 и 80 к. либо по золотому⁶¹.

Южные, субтропические области Крыма были крупными поставщиками хлеба для Стамбула. Вскоре в Царьграде стала ощущаться острейшая нехватка хлеба. Караим Юсуп говорил со слов турецких купцов, что в столице осьмина ржи стоит и того дороже — по 8—9 крымских золотых, в пересчете на русские деньги — около 3 руб.⁶² «Таков де дорог хлеб, что за пять или за шесть денег человек не наестся. А по хлеб де и по соль посылают беспрестанно в Крым в Козлев город (Гезлев.— Г. С.). И оттоле де в Царьград беспрестанно корабли приходят со пшеницею и с солью»⁶³. Скоро вывоз зерна из Крыма в Стамбул прекратили, опасаясь голода. Нарушителям запрета хан грозил смертью⁶⁴. Когда же в Гезлев пришли 15 галер за хлебом и солью, их нагрузили только одной солью⁶⁵.

Недовольство Магомет-Гиреем росло по всему ханству. Мурзы требовали похода, а хан, поставленный в Стамбуле и боявшийся потерять престол, не решался нарушить распоряжение султана о нейтралитете. Но не менее опасны были и собственные подданные, которые грозили сбросить его и без ведома султана и жаждали войны и добычи. Нужно было лавировать, и хан посылает в набег для помощи Яну Казимиру против шведов отряды белгородских татар, а сам в мае с крымскими татарами идет в Белгород-Днестровский и там выжидает, как повернется дело: нанести ли удар по Польше или по Украине с Россией.

Хан готов был повернуть на запад, но по Днепру заняли оборону запорожцы и без заложников отказывались пропускать татар в Молдавскую и Валашскую земли. Жизнь Магомет-Гирея висела на тонкой нитке. Толпа вооруженных татар ворвалась на стан под Белгородом, «а татарове де почали кричать, на царя шумели, чтоб он шол на войну куды-нибудь. А они де говорили царю, что де ты богат, и от великого государя казну сам и мурзы емлетя и тем богатеете, а у них, у татар, ничего нет. ...И они де, живучи в юртах своих, испроелись, и хлеб и лошади покупали дорогою ценою»⁶⁶. Хан вынужден был зачитать султанский фирман, предписывавший ему прекратить поход и отойти для защиты Крыма за Перекоп. Это произвело мало впечатления на татар. Татары «шумели, что они идут на Московское госу-

дарство, а ты де, царь, с ними пойдешь и поневоле. А в юрты де им теперя иттить незачем потому, что есть стало нечего. Им де лутче быть побитыми на поле нежели в юртах своих помереть з голоду. И царь де теперя и сам неволен в татарах, и стоит у Днепра, а куды де иттить войною и сам не ведает»⁶⁷.

Другая группировка мурз и придворных предпочитала ориентироваться на Стамбул и поддерживать мирные отношения с соседями, но группировка эта была весьма незначительной. Эти мурзы и придворные предлагали ограничиться защитой полуострова от соседей. Слухи о близком конце мусульман будоражили Крым: «Сказывали волхвы их, абызы, что де идет крымскому юрту кончина, и немного де быть им на крымском юрте. И царь де по три дни плакал и итить на войну не хотел, и пошел де поневоле, бояся крымских татар»⁶⁸.

Колебания и неуверенность усиливались из-за вмешательства Стамбула, чеуши из которого то прибывали с кафтаном и саблей — символическим подарком хану, означавшим приказ выступить в поход, то требовали запереться на полуострове и не вмешиваться в дела соседей, оберегая только свои собственные дома. Такие колебания султанского дивана легко понять. Константинополь уже третий год был блокирован с юга венецианским флотом, положение султана оставалось очень напряженным, и в этой обстановке султанское правительство то стремилось к стабилизации положения на севере, то нуждалось в новых рабах для галерского флота.

В осажденном и блокированном с юга Стамбуле не хватало кораблей. Последние оставшиеся на плаву суда либо доживали свой век, либо превращались в щепки под ударами венецианской артиллерии: «И как де немцы турок побьют, те и корабли сожгут, а иные, из норяду пробитые, потонут. И вновь де делать карабли стало некому. И при нем де почали корабли отымать у торговых людей, у турок, и у грек, и у жидов»⁶⁹.

О больших потерях во флоте говорили и греческие моряки, которым удалось вывести свои суда из Константинополя: султан потерял много кораблей и теперь отбирает суда у своих купцов⁷⁰.

Купеческие корабли, несомненно, не могли решить проблему флота, нужно было строить специальные военные суда-галеры.

В 1656 г. в Турции приходит к власти семидесятилетний Магомет Кюпрюлю, ставший верховным визирем при султানে Магомете IV. Кюпрюлю принимает ряд мер, направленных на укрепление внутреннего и международного положения Османской империи. В числе первых его шагов было строительство новых галер, необходимых для прорыва блокады столицы. Для галер нужны были гребцы, следовательно, новые походы за полонем. Точный подсчет турецких потерь во флоте, а значит, и размеры восстановительных работ, провести трудно, но некоторые, весьма приблизительные цифры могут дать представление обо всем этом.

В морском сражении в 1655 г. в Мраморном море турки потеряли большое число судов, в основном галер, разбитых крупными венецианскими кораблями и взятых на абордаж. (Русский пленник называет 300 галер и 6000 освобожденных гребцов⁷¹.)

Приведенная выше цифра не вызывает сомнений. Пленник Н. Ф. Псарев сам был в 1655 г. в Константинополе и знал о бое достаточно подробно⁷². В 1646 г. греки из Константинополя утверждали, что турецкий десант на Крит доставили 200 галер⁷³. Точно такую же цифру галер в десанте указывают печатные известия из Венеции. Общее число различных судов, составлявших десант, согласно этим известиям, равнялось 300⁷⁴. Таким образом, цифра в 300 погибших кораблей на Мраморном море не является значительно преувеличенной. Турция могла выставить столько судов.

Поскольку на каждую галеру требовалось в среднем от 150 до 200 гребцов⁷⁵, общее число рабов, которых нужно было посадить на галеры, равнялось примерно 45—60 тыс. молодых и здоровых мужчин.

В Крыму рабов скопилось много. Только в результате пабега на Украину осенью 1654 — зимой 1655 г. было захвачено более 50 тыс. ясыря. Конечно, далеко не весь он был пригоден для галер.

Большая часть этого полон была, несомненно, продана в Стамбул, но и оставалось на полуострове немало. Внутренний рынок Крыма оказался, можно сказать, затоваренным ясырем. Когда 10 февраля Р. Жуков и Л. Пашин на пути от Перекопа проезжали деревню Мау-Гуль, местные татары говорили им, что «умножилось полону в Крыму, у простово де татарина полону человек по десяти и по дватцати, а у иных де мурз есть человек по сту и больше»⁷⁶.

Посланники записали в своем статейном списке: «И полоненики многие сказывали, что много де полону в Крыму, больше будет (чем.— Г. С.) татар»⁷⁷. Оценка «больше, чем татар» сделана, конечно, на глазок, но она лишней раз свидетельствует о том, что распродать полон было делом сложным. Рынок сбыта ясыря в 1654—1657 гг. значительно сократился. Теперь почти единственным покупателем оставался Стамбул. Другие мусульманские страны, например Сирия и Египет, не могли участвовать в купле, поскольку Дарданеллы оставались прочно блокированы. Стамбульский рынок рабов тоже терпел значительные трудности из-за блокады проливов.

Предпринятое Магометом Кюпрюлю строительство кораблей не только снимало «кризис перепроизводства» рабов, но, напротив, создавало нужду в новых захватнических походах. Рабов не хотели даже отдавать за выкуп. «А про полон не слыхать, что их на окуп вести потому, теперь де работают беспрестанно каторги, а иных де станут продавать на катарги потому, что де умножилось полон в Крыму. А литовского де полону множество, а московского государства полону немного»⁷⁸.

Таким образом, новый военный поход татар в 1657 г. становился совершенно неизбежным потому, что нужно было пополнить источники существования татар, удовлетворить возросшую потребность Стамбула в гребцах галерного флота, да к тому же и сорвать переговоры о подданстве московскому царю Молдавии и Валахии. В Стамбуле требовали рабов и одновременно запрещали набеги.

Сильное обнищание и голод татар зимой 1656/57 г. толкали их на новые военные авантюры, но на этот раз далеко отходить от Крыма Магомет-Гирей не решился. Основные его силы либо оставались в пределах полуострова, либо находились сразу же за Перекопом. Сказалась боязнь нападения калмыков, боязнь казацких походов.

Но был еще один фактор, сковывавший военную активность татар. Перенасыщение Крыма пеньковыми создавало опасность восстания рабов-положников в то время, когда основные силы Магомет-Гирея будут выведены из Крыма. «И как де крымский царь пойдет в войну, и они де опасаются от полонников большево дурна»⁷⁹.

Статейный список Р. Жукова содержит очень скудные сведения о существовании какой-то организации среди рабов, готовящей восстание и, вероятно, пытавшейся наладить связь с русскими посланниками. Некоторые полоняники в общих чертах информировали Р. Жукова и Л. Пашина о планах готовящегося восстания: как только хан будет осажден казаками в низовьях Днепра, рабы поднимут восстание на полуострове, «и татар достальных, и жон, и детей порубят. А как де разорят Крым — пойдут все к Днепру, к черкасом же напомочь»⁸⁰.

Известия о существовании среди рабов организации, готовящей восстание, дошли и до ханского дивана. Толмач посольства Абдул Байцын не без пользы проводил время на бахчисарайском базаре, который был, как и везде на востоке, средоточием всевозможных новостей. Там он видел казнь какого-то казака. Несчастного посадили на кол посреди базарной площади за то, что он возглавил готовившееся восстание: «Для того, как де царь пойдет войною, а останеца де в Крыму калга... что было им (полоняникам.— *Г. С.*) собрався все ис Крыму иттить»⁸¹. Сыск и расправа в Крыму была короткой: казнить раба — значит потерпеть убыток, поэтому казнили исключительно редко, предпочитали продать на галеры: «А иных де станут продавать на которги»⁸², — добавлял Абдул Байцын.

Самой эффективной мерой пресечения бунтов были кандалы. Узнав о разветвленном заговоре, хан приказал заковать всех рабов попарно, а которые не будут скованы — тех продавать на галеры или забирать туда бесплатно⁸³, рассказывал посланникам караим Юсуп. Почти все лето и осень полоняников держали в кандалах. Побег в этих условиях совершить было очень трудно. Типичный для Крыма способ охраны рабов применялся в хозяйстве Маметши Сулешева. Скованных людей на ночь опуска-

ли в глубокую яму, сверху закрывали ее досками, и на досках ложилась спать стража⁸⁴.

Итак, обстановка, в которой предстояло действовать Роману Васильевичу Жукову и Лариону Пашину, характеризовалась прежде всего нестабильностью внутреннего положения Крыма и Турции. Из осажденного Стамбула в Бахчисарай то шли распоряжения поддерживать мирные отношения и с Россией, и с Речью Посполитой, то требовали новых походов против Молдавии, Валахии, Трансильвании, чтобы наказать их за переговоры о союзе и подданстве царю. В самом Крыму продолжалась борьба между протурецки настроенными сторонниками Магомет-Гирея и местной знатью, мечтавшей грабить Россию и Украину. Фактором, сдерживающим активность татар, были готовые к отпору русские и украинские войска, походы калмыков, донских и запорожских казаков на Крым, опасение восстания пленных рабов в ханстве. Нестабильность внутреннего положения усиливалась страшным голодом и падежом скота.

По посольским обычаям посланников уже через 2—3 дня после прибытия принимал визирь Сефергазы-ага. Но на этот раз обычай был нарушен. Прием у визиря задержали почти на 6 дней. Только 24 февраля состоялась беседа посланников с визирем. Сулешев объяснял задержку тем, что в эти дни прибыли голец от султана с приказом идти на валахов и мультян «тотчас, не мешкая» и наказать их за переговоры о подданстве России. Все эти дни у хана с «царевичами» и мурзами шло обсуждение планов похода и решили отложить его из-за глубокого снега и мороза, а «идти весною по траве»⁸⁵.

Визит к Сефергазы-аге прошел относительно спокойно. Как отмечал еще А. А. Новосельский, внутренние затруднения и смуты в ханстве всегда вели если не к некоторому улучшению отношений с соседними государствами, то, во всяком случае, к более спокойной атмосфере на переговорах. Вначале, правда, визирь отказался говорить о делах и даже не встал, сославшись на «болезнь», как раз тогда, когда посланники от имени государя спрашивали его о здоровье. Послали за Сулешевым, и тот подтвердил, что Сефергазы болен. Выяснилась и причина «болезни»: среди подарков не оказалось одной куньей шубы. По просьбе посланников Маметша поручился, что шуба будет немедленно доставлена. «Болезнь» моментально прошла, и переговоры начались. Говорили о признании новых царских титулов и о том, чтобы посланникам не чинили всяческих «налог и теснот». Сефергазы заверил, что он готов радеть перед ханом обо всем этом⁸⁶.

Далее зашла речь о более частных делах: оскорблении царского величества армянином Муратом, грабеже населения и издевательствах крымских послов в Москве, убийстве на размене толмача Григория Бельского. Жуков потребовал «Муратку... на розмене казнить смертью... чтобы па то смотря, иным каким ворами неповадно было воровать»⁸⁷. Визирь долго советовался с Маметшей, а потом стал уверять, что Мурат «промолился пьяным де-

дом без хитрости», что хан милостив, а купец Мурат был пьян. Посланники возражали, что царь тоже милостив, но это дело царственное, и, чтобы другим было неповадно, виновного нужно казнить. Порешили на том, что Сефергазы и посланники будут говорить об этом с ханом на аудиенции. Сефергазы непременно подчеркнуть, что он за купца «не стоит». Впрочем, у Жукова и Пашина сложилось совершенно другое мнение. Уже после визита они спросили пристава Дербыша, почему Сефергазы хочет спасти купца Мурата? Дербыш отвечал, что визирь «к Муратке добр» потому, что тот часто бывает в Москве вместе с крымскими посольствами «и от него торгует всякими товарами»⁸⁸. Высокопоставленные ханские придворные использовали посольства в Москву с максимальной выгодой.

Дело Мурата кончилось тем, что хан потребовал отпустить его из Валуек в Крым, пообещав, что здесь он будет казнен, но это обещание, как и многие другие, осталось невыполненным. Не повесили наказания и убийцы Г. Бельского, и татарские послы, грабившие на большой дороге русских крестьян и бесчестившие пристава.

Аудиенция у хана была назначена на 26 февраля. Капычейский голова Усман-кегья⁸⁹ сопровождал послов к ханскому дворцу. Сулешев приказал своим людям нести поминки, но людей оказалось мало, пришлось прислать еще, ибо «казну надо несть порознь, а не грудую». Маметша согнал на посольский двор многих людей и по росписи принял казну. Процессия с подарками растянулась непрерывной чередой от посольского двора до дворца хана⁹⁰.

Как это вошло в обычай, посланников «наклонили в неволю силою» перед ханом, после чего последовали традиционные вопросы о ханском здоровье, выслушанные Магомет-Гиреем стоя, затем явили подарки (ярлыки с ценой были заблаговременно сняты). Далее последовала речь послов и вручение царской грамоты, о содержании которой уже писалось.

Никаких конкретных ответов Магомет-Гирей не дал, да и не мог дать. Внешней политикой безраздельно ведал Сефергазы, хан же лишь заявил, что обо всех этих делах ему ведомо⁹¹. Так же прошли аудиенции у калги (13 марта) и у нуретдина (16 марта). Посланники упорно добивались от визиря ясного и четкого ответа, но с момента аудиенции у хана 26 февраля и вплоть до 1 апреля визирь всячески избегал любого разговора: он сказался больным и не принимал. Наконец 31 марта кое-что начало проясняться. В этот день на двор визиря явился переводчик Абдул Байцын. Сефергазы и на этот раз не изволил припимать, но выслал своего самого влиятельного чиновника, казнадара Субхангазы-агу. Было заявлено ясно и четко, что никаких новых титулов хан не признает, что обещания не нападать на Украину не даст, что это нельзя расценивать как нарушение шерти, ибо украинские и белорусские земли не принадлежат царю. «И то все отговорили они напред сего и ныне не напишут»⁹².

Задержка ответа посланникам вызвана была скорее всего подготовкой похода против Молдавии и Семиградья с последующей переброской татарских отрядов в помощь Речи Посполитой. 15 марта А. Байцып и арбачей русского посольства были в Бахчисарае и, как всегда, толкались на базаре, собирая последние слухи и новости. В этот день они стали очевидцами выступления в поход крупных татарских сил под командой сына визиря — Ислам-мурзы. Через несколько дней в стан посланников прибыл за подачкой какой-то придворный нуретдина Адиль-Гирея и сообщил, что из Стамбула приехал чеуш с приказом идти против Молдавии и Семиградья и что Ислам-мурзе велено собирать силы в Белгороде-Днестровском. Всего в отряде Ислам-мурзы будет 25 тыс. воинов, в том числе и янычары. Из Семиградья отряд должен идти на помощь Яну Казимиру⁹³.

Все это время, с января до 31 марта, в Бахчисарае еще не решили вопроса о походе, вероятно, дожидались возвращения татарского посольства к Ракоци, отправленного в январе 1657 г. с целью оказать нажим на трансильванского князя и вынудить его отказаться от нападения на Речь Посполитую. Глубокие снега и сильные морозы, конечно, тоже задерживали поход, но, вероятно, были и побочные причины, заставлявшие колебаться татарских мурз не в смысле идти грабить или не идти (тут мнение было относительно единым), а в вопросе о том, куда идти грабить: на Украину, в дунайские земли или на Россию. С наступлением затянувшейся весны окончательно выяснилось для Крыма, что Ракоци и молдавский господарь Г. Стефан не намерены в этот раз воевать против Хмельницкого в союзе с татарами, а следовательно, ударить целесообразнее на них как на более слабого противника. Поскольку к тому времени уже был заключен союз Ракоци, Стефана и Хмельницкого и можно было ожидать, что гетман окажет какое-то противодействие татарам, ханский визирь отказался говорить о ненападении на Украину. Тем не менее основной удар теперь предполагалось нанести не по украинским землям, а в обход их, на Молдавию и Валахию.

Сообщать о том, что татары предполагают попутно напасть на Украину, русским посланникам все же не решались. Вскоре после ответа Сефергазы Сулешев продолжал уверять Р. В. Жукова, что слухи о нападении на Хмельницкого «затевают некто к ссоре, а у царя (у хана.— Г. С.) того никак нет, что ему идти на запорожских черкас войною... идет де царь войною на волохи, и на мажары (молдаване.— Г. С.), и на венгры»⁹⁴.

Вплоть до 13 марта визирь упорно отказывался встретиться с посланниками, мотивируя отказ тем, что ему известно, о чем будут говорить посланники, а посланникам ясно, что он будет отвечать, потому и говорить не о чем. Только за два дня до выступления в поход самого хана, 13 мая, Сефергазы согласился провести еще одну встречу.

Как и во время первой встречи, проходившей 24 февраля, переговоры шли прежде всего о титулах царя. Визирь, правда, на-

ставал на прежних титулах, но с некоторой оговоркой. Он протестовал против включения в титулатуру глухого упоминания «многих земель восточных, и западных, и северных». Что касается благоприобретенных новых владений, то против этого Сефергазы вроде бы и не возражал: «А что великому государю бог дал государств в новой земле — пошли ему, государю, и впредь. Того де у него никто не отымают... И которым тем государем и королем сколько государств и земель бог даст, и чем кто владеет, тем и пишетца. Так де изо всех государств и пишут, только де не глухо»⁹⁵. Здесь можно усмотреть некоторый сдвиг в пользу признания воссоединения Украины с Россией и, кроме того, боязнь дальнейших приобретений России на Западе, может быть, даже опасения ее выхода на Балтику.

Сам акт воссоединения Украины с Россией уже не вызывал столь прямого и резкого непризнания, какое было, скажем, во время посольства Т. Хатунского в 1654 г. или Д. Жеребцова в 1655 г. Теперь против подданства Хмельницкого и подвластных ему украинских земель царю в Бахчисарае формально не возражали, но стремились представить его как дело временное и весьма непрочное, сомнительное. Вносить в шертную грамоту обязательство не нападать на Украину отказывались, говорили, что хотя «черкасы» и целовали крест великому государю, но «живут в шатости». Хан только тогда откажется нападать на Украину, когда казаки «утвердятца» в подданстве⁹⁶. Посеять сомнения в прочности воссоединения Украины с Россией, подорвать доверие к Хмельницкому ханские дипломаты стремились столь же упорно, сколь и безуспешно. Как и прежним посланникам, Жукову и Пашину пришлось выслушать немало дезинформирующих сообщений от Сулешева, Дербыша-мурзы, самого визиря о том, что Хмельницкий якобы присылает посольства в Крым с просьбами о подданстве хану⁹⁷. Об истинной цели гетманских посольств в 1654—1655 гг. уже говорилось, о посольстве гетмана в 1657 г. будет сказано несколько ниже, здесь же отметим, что дезинформация не достигла своей цели. Как и их предшественники, Р. В. Жуков и Л. Пашин отвечали, что Хмельницкий остается верен царю⁹⁸.

На этой же встрече 13 мая был поднят вопрос о набегах татар на русские земли и о походах казаков на Крым. Посланники говорили, что Магомет-Гирей нарушил шерт, послав под Тамбов отряд в 500 человек под командой Караш-мурзы из Керчи. Сефергазы уверял, что это были неподвластные хану азовцы, которыми командовал не Караш-мурза, а Али-мурза азовский. Ходили азовцы якобы потому, что мстили за прошлогодний поход казаков на Азов, что казаки нападают на Крым⁹⁹. Численность азовского отряда 300 человек.

Посланники по традиции отвечали, что государь за казаков не стоит, что на Дону издавна живут воры и беглые холопы, что хан волен расправляться с ними¹⁰⁰. Это были традиционные для той и другой стороны отговорки, истинный смысл которых был

совершенно ясен каждому. На этот раз Сефергазы не выдержал, ответил совершенно искренне: «Много де говорить — тому ж быть! А хотя де и весть день станем говорить о том деле! Что де я говорю — вы отговариваетя, а что де вы говоритя — то мы отговариваем. Тому де делу и конца не будет, оставим де то все!.. Что донские казаки ходят на море, а азовские татары ходят на Украину (окраины России и Дон.— Г. С.), и то де говорю правду, что де давно на обе стороны в таком деле лжем. Потому великому государю мошно унять донских казаков, а крымским царям — азовских татар. И то де дело давно застарело, все де идет в одних отговорках, и больше де того говорить нечего»¹⁰¹.

Безрезультатность дальнейших переговоров стала очевидной и посланники потребовали отпустить их из Крыма до того, как Магомет-Гирей отправится в поход. Но прежде в Крым должны были прийти очередные «легкие» поминки, а без этого Сефергазы отказался отпустить их в Москву.

Пребывание русских посланников в Крыму всегда было сопряжено с большими трудностями, вымоганием мехов, бесчестьем. Порой дело доходило до того, что посланников поднимали на дыбу, пытали другими пытками, грабили посольский стан. Все эти эксцессы были характерным проявлением принципа крымской дипломатии, стремившейся возродить золотоордынские порядки в отношениях с Россией, рассматривать русских представителей не как послов самостоятельного государства, а как чиновников подвластного хану московского князя, привезших в Бахчисарай не подарки, а дань. В работе А. А. Новосельского убедительно доказано, что ослабление или усиление этого грубого нажима, надругательств над посланниками может служить своего рода индикатором заинтересованности Крыма в поддержании спокойных отношений с Россией.

Надругательства над посольской честью и достоинством пришлось претерпеть и Жукову с Пашиным, но в целом их посольство проходило в более спокойной обстановке. И все же Жуков и Пашин вынуждены были вести традиционные споры из-за мехов, ставшие уже привычными. Часто русские посланники жаловались на то, что у посольского стана постоянно торчат татары и бранят «неверных гяуров». Теперь столь невинными лексическими упражнениями занимался один «Батырши приказчик» татарин Исенгилдейка: «приезживал к посланникам на стан и не одинажды бесчестивал и бранил всякою неподобною бранью. И государевым людям в Бахчисарай для хлебные покупки от того татарина Исенгилдейка выехать было нельзя»¹⁰².

Не отличался сдержанностью и сам Батырша-мурза. В Москве при попытке к грабежу были побиты крымские послы, причем одного из них — Трухмамеда — убили. Трухмамед был аталыком (воспитателем) Батырши-мурзы. Мурза встретил у стана толмача Терентия Фролова «и почал бранить: за что де вы Трухмамета убили?.. И я де то зделаю, что вас известь в Крыму за того Трухмамета, всех побьют досмерти. А болши де тово не

говорил потому, что он, Терентий, от него отошел прочь»¹⁰³.

Возникающие осложнения в общем пытались решить не путем нажима, а другими средствами: купца Мурата татары просили вернуть в Крым, где он будет казнен, убийц Г. Бельского обещали сыскать и казнить. Были случаи кражи коней у посланников, но быстро организовывали поиски, и коней иногда находили. Даже захват ногайцами «легких» поминков не привел к тем осложнениям, которые можно было ожидать, зная алчность татарских придворных. Столь необычная покладистость татар объясняется тем, что хан намеревался двинуться со своими ордами на запад и обострять отношения с Россией в этих условиях ему было не выгодно.

В поход с ханом отправился и визирь Сефергазы, и разменный князь Маметша Сулешев. В Бахчисарае наместником был оставлен некий Муртаза-ага, Сулешева заменил его сын Велишмура. Осуществлять посольские функции в таких условиях посланники не могли, и вся их деятельность свелась к сбору вестей, к переговорам с владельцами рабов о выкупе.

Только 26 августа хан и визирь вернулись в Бахчисарай, оставив войска в районе Перекопа, но уже через три дня вновь умчались на север: были получены известия о приближении отряда запорожцев, нужно было крепить оборону. С собой хан мог захватить на этот раз всего 300 всадников одвуконь — больше не удалось набрать¹⁰⁴. 5 сентября хан и калга, который тоже выезжал к Перекопу, но несколько раньше хана, возвратились в столицу.

Посольство подходило к концу, близилась размена. 28 сентября состоялся отпуск посланников у хана. Собственно говоря, неудача в достижении основных целей — признание новых титулов, запрещение татарам нападать на Украину — была уже очевидной, и все же, по традиции, Жуков и Пашин попытались использовать эту последнюю возможность. Однако, едва они начали говорить, как какой-то придворный хана стал кричать на посланников «и называть их не-християны... и почал кричать на казначея и велел на посланников вздевать халаты. И вздев, царь и отпустил посланников, а из речей не слушал потому, что ближний человек велел Батырше-мурзе посланников пить вон»¹⁰⁵. Отпуски посланников у калги — 2 октября и у нуретдина — 4 октября носили чисто протокольный характер, и никаких переговоров там не велось.

Тем не менее определенные сдвиги в русско-крымских отношениях в результате посольств Р. В. Жукова и Л. Пашина наметились. Прежде всего в Бахчисарае появляются тенденции к признанию воссоединения Украины с Россией. Правда, пока только в устной форме визирь Сефергазы-ага вынужден был заявить, что Украины у русского царя «нихто не отымает, да и отнять некому». Не отказываясь от своего «права» нападать на украинские земли, татары тем не менее в 1657 г. в центр украинских территорий уже не пошли, а предпочли обойти их юж-

нее в своем марше на запад. Несомненно, решающее слово сказали здесь не дипломаты в Крыму, а русские и украинские воины, донские и запорожские казаки, разгромившие татар осенью 1655 г., недопустившие переправы под Шел-Керменем и на р. Ташлык весной—летом 1657 г., сильно встревожившие татар своими походами на Крым и Азов с 1655 по 1657 г. Показателем некоторых успехов России в сношениях с ханством является и незначительное улучшение условий работы ее дипломатических представителей, в меньшей мере, чем это было прежде, подвергавшихся оскорблениям и давлению.

Жуков и Пашии стремились использовать последние дни пребывания в Крыму с максимальной пользой — выкупить как можно больше пленников. Поскольку новые встречи с визирем исключались правилами протокола, оставалась только одна возможность выполнить эту гуманную задачу — через посредничество Батырши-мурзы (который вместо Сулешева должен был проводить новую размену посольствами) и использовать заинтересованность хозяев рабов в продаже своего «живого товара». Как уже писалось выше, блокада Венецией проливов и осада Константинополя привели к ограничению сбыта рабов за море, невольничьи рынки Кафы, Гезлева и других крымских портов оказались переполненными. Косвенным свидетельством «перенасыщения» Крыма полонном, кроме приведенных выше фактов, может служить и то, что донские казаки в походе 1657 г. крымского полона не брали, только освобождали невольников¹⁰⁶. Старания посланников не пропали даром. Значительная партия рабов была выкуплена во время размены посольствами осенью 1657 — зимой 1658 г.¹⁰⁷ Правда, это были люди средних лет и пожилые, не пригодные для тяжелого труда. Более молодые пленники, вероятно, были проданы по упоминавшемуся уже указу султана на галеры, а частично использованы в собственном хозяйстве татар.

* * *

Активные дипломатические действия развернули в Крымском ханстве и послы Украины. Как и прежде, можно наблюдать совпадение основной цели посольств от гетмана и посольств от царя к крымскому хану — не допустить нападения татар на Украину. На протяжении 1656 и 1657 гг. между Чигирином и Бахчисараем проходил непрерывный обмен посольствами почти до того момента, когда татары и казаки скрестили свои сабли летом на р. Ташлык и под Каменец-Подольским.

Детали этих дипломатических акций во многом остаются неясными из-за незначительного числа дошедших до нас источников, но главные материалы известны — это письма гетмана и хана, переписка Хмельницкого с царем, с владельцами Молдавии, Валахии, Трансильвании, статейный список русских дипломатов в Крыму, установивших контакт с дипломатами украинскими, донесения польских дипломатических представителей у хана или в Стамбуле.

Посольство, отправленное из Бахчисарая осенью 1656 г., должно было, как и прежние татарские посольства, склонить гетмана к измене России. Но если в 1654 и 1655 гг. хан еще не выставлял требований перехода Украины под власть крымских Гиреев, то после заключения мирного договора с Хмельницким в ноябре 1655 г. в Крыму попытались трактовать его в совершенно золотоордынском духе — как признание вассальной зависимости от Гиреев. Сами посольства Хмельницкого осенью 1656 г. татары истолковывали как просьбу о подданстве Украины хану, несмотря на то, что речь шла всего лишь об обмене пленными и ненападении друг на друга¹⁰⁸. «А казны де Богдан Хмельницкой в Крым не посылавал и в подданстве у крымского царя отнюдь быть не хотим»¹⁰⁹, — говорил 29 января 1657 г. Р. В. Жукову и Л. Пашину кошевой атаман Запорожской Сечи. Жуков и Пашин отдыхали в этот день в Сечи после трудного перехода в мороз по заснеженной степи. В этот же день в Сечи остановилось на отдых новое посольство от гетмана в Крым. Сечь невелика, и трудно предположить, что, находясь там в одно и то же время, дипломаты России и Украины не имели между собой каких-то встреч и деловых контактов. Скорее всего и в Бахчисарай они прибыли почти одновременно. Вероятно, что где-то в начале марта послы от гетмана вернулись в Чигирин, ибо в том же месяце Хмельницкий писал главе Дунайского пашалыка Сияшупаше, что «мы вошли с наяснейшим крымским ханом в *новый* союз и *новую* постоянную дружбу»¹¹⁰. Никакого подданства хану в письме даже не упоминается. По-видимому, это посольство, кроме переговоров о военном союзе с гетманом, имело цель обеспечить безопасность новых своих союзников-молдаван и трансильванцев от нападения крымского хана. Во всяком случае, 4 апреля 1657 г. Г. Стефан благодарил гетмана за то, что на переговорах с ханом его послы настояли, чтобы татары не напали на молдавские земли¹¹¹. Обещания своего татары не сдержали, но это уже другой вопрос, сейчас важно отметить, что об этом зашла речь на переговорах Хмельницкого с ханом.

Новое посольство от гетмана прибыло 31 марта 1657 г. Как раз в тот момент, когда посольство явилось для переговоров с Сефергазы-агой, в доме визиря был и переводчик русских посланников, касимовский татарин Абдул Байцын. Одежда и облик позволили ему беспрепятственно втереться в толпу сопровождавших казацких послов приближенных визиря и незаметно присутствовать на переговорах украинских послов с татарами. «А он, переводчик, в те поры стоял за татары, а ближней де человек (визиря. — Г. С.) иво в те поры не видал... А ближней де человек иво не видал потому, что в те поры в полате было многолюдно»¹¹². Таким образом, Абдуле Байцыну удалось тайно проникнуть в комнату для переговоров с визирем и присутствовать на этих переговорах с казаками. Исследователю предоставляется счастливая возможность сопоставить отчет, сделанный Байцыным, с той информацией, которую давали о переговорах предста-

вители хана, и с информацией, предоставляемой в Москву Хмельницким.

А. Байцын сообщает следующее: посланцы гетмана просили быть в дружбе и помогать гетману войсками: «И ныне де прислал великий гетман для того ж, чтоб Магомет-Гирей был с ним попрежнему в братской дружбе и любви и против иво недругов стоял с ним вместе, которые ныне на него наступят, и во всем иво оберегал. И ближней де человек Сефергазы-ага говорил: Хмельницкий в подданстве у царя московского, и Магомет-Гирею царю как ныне за иво стоять? И оберегать иво во всем нельзя. И черкасы де ближнему человеку говорили: как де гетман бил челом в подданство великому государю московскому, и с тех де мест и по ся места от великого государя никакие им помощи, и заступы, и обереганья нет. И после де того говорили черкасы: а о чем де великий гетман писал к брату своему, Магомет-Гирею царю, и то де все написано в любительном листу. А болши де того ничего не говорили, и пошли вон ис палаты»¹¹³.

В точности изложения А. Байцыным хода переговоров убеждает следующее: казацкие послы незаслуженно замалчивают ту большую помощь, которую оказала Россия в 1654—1655 гг. Такие речи явно не предназначались для ушей царских посланников.

Обращает на себя внимание титул «великий гетман» и слишком «упрощенный» титул царя: «великий государь московский». Допустить подобные вольности в присутствии московских дипломатов было бы невозможно. Все это свидетельствует о том, что неожиданно подвернувшийся Абдуле Байцыну случай был с блеском использован, присутствие его на переговорах осталось тайной для обеих сторон, а подробности титулов свидетельствуют о высокой степени точности записи в статейном списке.

Итак, речь на переговорах 31 марта шла исключительно о вооруженной помощи, о союзе Украины и Крымского ханства, а отнюдь не о подданстве хану, как говорили Жукову ханские придворные.

Речи о подданстве не было и в листе Хмельницкого к хану, врученном на этом посольстве. Самого листа не найдено, но косвенно его содержание раскрывается через ответный лист хана к Хмельницкому. Хмельницкий уведомлял, что примет все меры для розыска пограбленного у татар имущества и о желании продолжить переговоры с Магомет-Гиреем¹¹⁴.

Вскоре после переговоров А. Байцын сумел вопреки запрету татар проникнуть к представителям Хмельницкого с целью выяснить у них задачи посольства и установить контакты. Однако казаки отказались вступать в беседу, сославшись на то, что им ханские власти запретили встречаться с русскими. Но через три дня, 10 апреля, такой разговор все-таки произошел. А. Байцын спросил, действительно ли казаки намерены перейти в подданство хана? Те заверили, что они никогда не собирались из-

менять великому государю. «А что де гетман Богдан Хмельницкий к царю (хану.— Г. С.) пишет, и то де пишет о любви, чтоб он был с гетманом в совете по-прежнему и великого государя его царского величества на украины и на черкасские города войною не ходил»¹¹⁵.

Таким образом, от представителей России посланцы Хмельницкого не скрывали своей главной цели: сохранение мира и заключение союза с татарами. Все это шло в одном русле с русской дипломатией и продолжало то самое «разделение труда» в связях с Крымом, которое наметилось с осени 1655 г., с момента заключения крымско-украинского договора под Озерной: Россия ведет переговоры о нейтралитете ханства в русско-польской войне и ненападении на русские и украинские земли, а гетман продолжает прежнюю, намеченную еще в январе—марте 1654 г. линию на союз России и Украины с ханством.

О том, что переговоры Хмельницкого с Крымом были направлены против Яна Казимира, свидетельствует лист к гетману ханского визиря. Из содержания письма визиря видно, что Хмельницкий на словах готов был помогать Речи Посполитой в борьбе против Швеции, но только при условии, если татары обязуются поддержать перед королем требования гетмана. (В III главе уже отмечалось, что Хмельницкий стремился взять под свою булаву все украинские земли, включая и Западную Украину и воссоединить их с Россией.) В случае отказа Яна Казимира признать эти требования, хан должен был начать против него войну¹¹⁶. Письма хана и визиря Хмельницкий тотчас же передал Ф. В. Бутурлину, поставив его в известность о ходе переговоров. Бутурлин находился в это время в Чигирине, формально — с целью уведомить о Виленском перемирии, фактически — как наблюдатель и представитель русского правительства на Украине.

Одновременно с переговорами Крымское ханство готовило вторжение в Молдавию и Валахию через украинские земли, но после упорных боев под Шел-Керменем и на Ташлыке татары вынуждены были отклониться на юг и обойти Украину. С середины апреля до начала июня 1657 г. переговоры между ними и Хмельницким, по-видимому, не проходили. Новый тур контактов начался тогда, когда хан отступил от Шел-Керменя к Очакову.

На этот раз крымские дипломаты уже не пытались уверить Хмельницкого, что они друзья его друзьям и враги его врагам. Посол от хана Салагац открыто предлагал объединить силы для нападения на Молдавию, Валахию и Трансильванию. Если же не окажете помощь и отвернетесь от союза — пеняйте на себя, грозил ханский посол¹¹⁷. С берегов Дуная хан намеревался вместе с казаками идти на помощь Яну Казимиру. Хмельницкий отказался принять участие в ханском походе и потребовал возвращения войск в Крым. В противном случае он угрожал совместным походом на Крым сил России, Украины, Дунайских княжеств и Швеции. «...И не токмо что против вас стоять, но и против тур-

ского салтана будем, и битися готов заодно», — записано в статейном списке Ф. В. Бутурлина¹¹⁸. Это не были пустые угрозы. Начиная с 1656 г. Хмельницкий исподволь готовил новую политическую комбинацию, целью которой было создание антитурецкого союза России, Швеции, Дунайских княжеств и других стран и народов.

Салангаш был не единственным послом к гетману. Находившийся в это время в Чигирине венгерский дипломат Ф. Шебешти отметил в своих записках, что столицу Украины татарские послы посещали за то время, пока он находился при гетмане, довольно часто. (Шебешти был в Чигирине с 10 июня по 6 августа 1657 г.) Так же, как и Ф. В. Бутурлин, описывает Шебешти и цель переговоров — втянуть Хмельницкого в военные действия против Молдавии, Валахии, Трансильвании. В принципе так же, как Ф. В. Бутурлин, излагает ответ Хмельницкого и Ф. Шебешти¹¹⁹.

Точно так же излагает основное содержание переговоров посол шведского короля в Чигирине Лилиенкрона, прибывший к гетману 10 июня¹²⁰.

Продвигаясь вдоль южной границы Украины с Диким Полем, татары предпринимали заодно ряд мелких нападений на пограничные земли (упоминавшееся выше письмо Магомед-Гирея к гетману от 10 июля было направлено из-под Шаргорода) и одновременно пытались вести переговоры о присоединении Хмельницкого к набегу на Молдавию, Валахию, Трансильванию. Ни хан, ни Хмельницкий не намерены были идти на взаимные уступки, а потому переговоры гетман прекратил и последние дни своей жизни среди прочих неотложных дел занят был сбором русских и украинских сил для отражения татарского нападения.

Знаменитый гетман умер 27 июля 1657 г. Смерть его привела к активизации действий различных сепаратистски настроенных группировок старшины, которые мечтали о получении всех прав и привилегий польского магнатства, о безграничной власти над своими «подданными» в собственных владениях и поэтому враждебно отнеслись в свое время к решениям Переяславской рады. Старшинские группировки, склонные к признанию власти короля Речи Посполитой, власти хана, или султана, существовали еще при жизни Хмельницкого. Силой своего авторитета, опорой на народные массы, стремившиеся к воссоединению с Россией, гетман подавлял этот сепаратизм. Смерть Хмельницкого обезглавила лагерь сторонников воссоединения с Россией, способствовала активизации изменческих действий украинской казацкой старшины, надеявшейся сохранить и в еще большей степени приумножить свои привилегии под безвластной рукой короля, эфемерным, как они надеялись, владычеством султана или хана¹²¹.

Изменившееся внутреннее положение на Украине привело к заметным переменам и во внешней политике. Еще С. М. Соловьев высказывал довольно аргументированное предположение, что,

намереваясь вернуть Украину под власть польского короля, И. Выговский не мог рассчитывать на эффективную помощь Речи Посполитой и начал искать союзника в лице крымского хана. Если Хмельницкому удалось решительно противостоять стремлениям татар направить крымско-украинский договор 1655 г. против Москвы, если в 1657 г. Сефергазы-ага уже и не поднимал перед посланцами гетмана этого безнадежного вопроса, то Выговский в сношениях с Крымом осуществил акт национальной измены. В переговорах 1658 г. он не только сообщил о своем намерении отказаться от подданства царю, но и предложил перейти в подданство хану.

Если Хмельницкий с русскими дипломатами требовал не нападать на украинские земли, то Выговский в 1658 г. призвал татар на Украину для подавления восстания, которым руководили преданные идее воссоединения с Россией М. Пушкарь, И. Богун, И. Сирко¹²². «Когда послы Выговского явились в Крым с объявлением, что новый гетман отказывается от царя московского, то хан не знал, верить или не верить такой радости»¹²³.

Дипломатические контакты Хмельницкого с Малым ногаем в 1656—1657 гг. не прослеживаются. Скорее всего активных контактов и не существовало потому, что отношения с Крымом вступают в более или менее мирную фазу. В этих условиях поддерживать связи с ногайцами было достаточно рискованно — последствия могли сказаться неблагоприятно на достижении главной цели: избавить Украину от вторжений татар и втянуть татар в союз против Яна Казимира.

Что касается Турции, то прямых связей с ней Россия, как и прежде, не поддерживала. Общие интересы России и Украины защищали в Стамбуле дипломатические представители Хмельницкого. Действовать им пришлось в очень сложной обстановке. Новым послом гетмана в Стамбуле стал прославленный в боях сотник Чигиринского полка Лаврин Капуста. В годы Освободительной войны посольство Лаврина Капустина в Москву сделало заметный шаг в деле Воссоединения Украины с Россией.

Обстановка в Константинополе была необычайно сложной. Успехи венецианского, а точнее сказать — южнославянского, черногорского флота в блокаде города, успехи Украины и России в борьбе с Крымом, переговоры о подданстве Москве Молдавии и Валахии — все это и многие другие события оживляли национально-освободительное движение греческого народа и славянских народов Балканского полуострова. Статейный список Р. Жукова сохранил сведения о, возможно, существовавшем, но неудавшемся заговоре православного населения Константинополя против османов, во главе которого стояли якобы константинопольский патриарх и митрополит. Впрочем, категорически утверждать, что православное население Царьграда готовило восстание нельзя, для этого слишком мало фактов. Во всяком случае в XVII в. константинопольские патриархи никаких активных действий против султана не предпринимали, да и в оппозиции фактически не

были. Патриарший чин давно уже покупался у султанского дивана, стоил он больших денег и терять его вместе с головой никто не собирался. Расправа с христианским населением столицы могла быть и следствием реально существовавшего заговора, и «мерой безопасности» правительства, натравившего мусульман на «неверных» и тем самым разрядившего напряженную обстановку в осажденном городе. Разъяренной толпе указали «виновника неудачи».

О событиях в Стамбуле посланники узнали от вольноотпущенника, ливенского сына боярского Никиты Фадеевича Псарева, который был очевидцем расправы. Псарев сообщает, что константинопольский патриарх и митрополит «писали де они грамоты и печати приложили и послали тайным обычаем самых худых людей, чтоб ниопознали ниhto их»¹²⁴. Одного послали в Москву, а другого — к венецианскому флоту. Посланному в Москву удалось выбраться из города, а другой гонец был задержан на пристани. При нем якобы обнаружили грамоту, предлагавшую план восстания в городе и вступления туда венецианцев. «И вы де пойдитя против турок небаясь потому, что де турок стало немного, и многим де людем в собранье быть неоткуды»¹²⁵. Достаточно будет, уверялось в этой грамоте, появиться венецианским кораблям в Босфоре и разгромить «людей первых, которые выйдут против вас на встречу»¹²⁶. После выхода этих турецких отрядов из города там поднимают восстание христиане и войска Венеции без боя овладевают Константинополем.

По приказанию султана, сообщает далее Н. Ф. Псарев, патриарха закололи кинжалом и бросили в море, а митрополита повесили, после чего греческому населению устроили резню¹²⁷. Сведения Н. Ф. Псарева подтвердили и бежавшие из Константинополя греки, дополнив, что патриарх и митрополит были казнены на Благовещение (25 марта.— Г. С.). В 1656 г. из Константинополя в Венецию бежал брат патриарха, некий Антон, который стал военачальником у венецианцев и побил «многие тесячи» турок, к нему именно и был послан в гонцах «худой грек» с письмом. Грамоту писал митрополит, а константинопольский патриарх Паисий приложил к ней печать и подписал. В грамоте греку Антону предлагалось заключить союз с Алексеем Михайловичем и вместе выступить против турок, освободить Константинополь. Гонец был арестован на пристани армянскими купцами и вместе с грамотой доставлен на суд к визирю и султану. «И царь де, и везерь, призвав патриарха и митрополита, спрашивал: их ли письмо-грамота. И патриарх де и митрополит ответу никакова не дали, видят де и сами то, что так улучилось»¹²⁸.

Показания греков-беглецов из Стамбула дают основания для подозрения в подложности письма к патриаршему брату Антону. Буквально на другой день после казни Паисия «подкупался у царя и у визиря армянской патриарх и армяня, чтоб не быть в Царегороде и в Еросалиме патриархам греческим, для де того,

что они ему турецкому царю, и всем турком не доброхоты»¹²⁹. «Арменский патриарх»¹³⁰, несомненно, был готов к известию о казни патриарха Паисия. Тогда же, 26 марта, он предложил визирю 400 тыс. рейхсталлеров за то, чтобы ему было дано патриаршество в Иерусалиме. Визирь готов был уважить просьбу, но султанский диван отказал¹³¹.

Некоторые дополнительные подробности сообщаются беженцами и о расправе с греческим населением: турки заперли ворота города и поклялись вырезать греков всех до одного, не жалея и грудных младенцев. Греки готовы были сражаться и намеревались даже поджечь город, визирь будто бы приказал вырезать греков не только в Константинополе, но и в других городах. Только опасение «во всем государстве смуты» и ходатайство греков-янычар прекратили резню.

Тем не менее антихристианские настроения, поддержанные и раздуваемые султанским двором, не исчезли после резни 25 марта. Греческие купцы в Крыму уверяли: «А ныне де тогож думают в Цареграде, что греков побить всех»¹³².

Лаврину Капусте, прибывшему в Стамбул 19 апреля, пришлось действовать в чрезвычайно трудной обстановке. Осложнилась обстановка и на Дунае. Выше уже писалось, что переговоры Молдавии, Валахии и Трансильвании о подданстве русскому царю заставили турецкого султана послать хану указ о военном походе. Но дело не ограничивалось только указом. Силистрийский паша Сияуш начал готовить наступление, через Дунай уже строили переправы. Чтобы обезопасить себя хотя бы в минимальной степени от удара с юга, молдавский и валахский госпандари приказали разрушить на Дунае три моста¹³³. В письме от 23 апреля Хмельницкий уведомлял царя, что турецкий султан вместе с императором Фердинандом III наводит переправы через Дунай и намерен послать часть своих войск против венгров, часть против Молдавии и Валахии, а другие «на украинные нашего царского величества города обратить имеет»¹³⁴. Посланец от гетмана в Москву Федор Коробка должен был дополнить: воевать Молдавию и Валахию султан приказал только в том случае, если эти земли откажутся выступать против России¹³⁵.

В ответной царской грамоте гетману предписывалось в случае вторжения турецких войск немедленно сообщить в Москву, а самому послать к паше, командующему войсками, письмо, вступить с ним в переговоры, чтобы миром уладить дело, говорить и о стремлении царя поддерживать мирные отношения с султаном. Если же с переговорами ничего не получится, то занять переправы через Днестр и удерживать их до подхода русских подкреплений¹³⁶. Россия явно пыталась избежать войны с Османской империей.

Начавшееся обострение отношений между Украиной (и Россией), с одной стороны, и Турцией — с другой, пытались всячески углубить послы Речи Посполитой. В январе 1657 г. в Стамбул прибыл уже известный при султанском дворе Яскульский.

Он должен был доказать, что воссоединение Украины с Россией создает угрозу Османской империи. Теперь, уверял Яскульский, когда казаки заключили союз с Молдавией, Валахией, Трансильванией и Швецией, опасность для Турции возросла. Опасность эта, доказывал Яскульский, в том, что Речь Посполитая сможет поколебаться под их ударами и вынуждена будет признать русского царя своим королем. Таким образом, в руках Московского царя будут соединены силы России, Украины, Польши, Литвы. Для Турции же весьма нежелательно иметь столь грозного православного монарха своим соседом. Переговоры о подданстве Москве ведут Молдавия и Валахия. Другие православные подданные султана тоже последуют примеру Украины, захотят избавиться от власти османов и перейти под протекторат царя. Таким образом, Яскульский намеревался использовать в своей дипломатической игре вполне реальный факт: усилившееся тяготение балканских и дунайских народов и России после воссоединения с ней Украины. Перед Яскульским стояла задача всеми способами заручиться письмом к Хмельницкому, в котором бы потребовали от гетмана немедленно вернуть Украину «законному владельцу» — Яну Казимиру. Другие письма султан должен был направить господарям и Ракоци, приказав им *не поднимать оружие* против Польши¹³⁷.

Прибывшему в Царьград Лаврину Капусте предстояло наладить, насколько это было возможным, благоприятные отношения с Османской империей. Первая аудиенция у визиря состоялась 23 апреля 1657 г. По сведениям австрийского резидента в Стамбуле Ренигера, Л. Капуста объяснил цели союза Украины с Молдавией, Валахией, Трансильванией. Союз этот, говорил посланец Хмельницкого, заключен только потому, что на Украину постоянно нападают поляки. Поэтому, уверял он, мы послали Ракоци 40 тыс. войск¹³⁸.

Материалы о посольстве Л. Капусты в Стамбуле очень незначительны — это только несколько реляций австрийского резидента при султанине.

Несомненно, речь на переговорах шла и о позиции Крымского ханства, о его тенденции к оказанию союзной помощи Речи Посполитой. Требовали направить в Бахчисарай указы о ненападении на Украину, а теперь и на ее новых союзников — Молдавию, Валахию и Трансильванию. Основной своей цели послы Хмельницкого достигли: им было обещано, что султан потребует от хана заключить мир с Хмельницким, только бы казаки не напали на Крым¹³⁹.

Сложнее обстояло дело с Молдавией, Валахией и Трансильванией. Вскоре после своего прибытия в Стамбул молдавские и валахские послы были арестованы. 25 апреля в Бахчисарай прибыл чеуш Ислей-ага с приказом идти походом против Молдавии и Валахии 11 мая¹⁴⁰. Передовые отряды татар выступили в поход уже в 20-х числах апреля до получения этого указа.

Что касается самих турецких войск, то их выступление задер-

живалось. Местных сил силистрийского пашы, конечно, не хватало для похода по всем трем, упомянутым выше в письме Хмельницкого к царю, направлениям: Трансильвании, Молдавии с Валахией, Украине. Впрочем, благодаря переговорам Лаврина Капусты в Стамбуле и другим причинам поход на Украину был отменен. В конце мая Л. Капуста отправился в обратный путь.

Задержка с походом вызывалась тем, что летом 1657 г. положение в Стамбуле стало несравненно более тяжелым, чем оно было 25 марта, когда казнили патриарха Паисия. После благовещенской резни греков в Константинополе турки намерены были провести решительные акции и прорвать блокаду столицы с юга. Из Египта были вызваны 10 кораблей с продовольствием голодающему Стамбулу. Навстречу были брошены из Золотого Рога несколько кораблей под командой самого капудан-пашы для встречи и сопровождения египетских судов. Но едва только эскадра покинула гавань, как тотчас натолкнулась на венецианские суда, блокировавшие выход.

Завязался бой, в ходе которого конфискованные у купцов корабли турецкого флота, слабо вооруженные и плохо приспособленные для боя, были либо уничтожены, либо захвачены в плен. Сам капудан-паша «челном малым до Стамбула ушел». Магомет IV предпринял попытку сменить капудан-пашу и направил было на эту должность некоего Муртазу-пашу, но прежний капудан-паша действовал решительно: убил Муртазу, собрал «немалое войско» и принялся грабить турецкие города не хуже венецианцев или казаков¹⁴¹.

В этих условиях посылать дополнительные турецкие войска на север было невозможно. Полоняник П. Ф. Псарев так и объяснил дело: «...тово при нем отнюдь не бывало, чтоб царь посылал турок на волохи и на мажары. Да и посылать де стало царю некого на розные земли, и кораблей де ставитца мало, беспрестанно де с немци бои»¹⁴². Об этом же говорили Р. Жукову и Л. Пашину греческие купцы в Крыму¹⁴³. Предполагалось, что к середине мая в устье Днестра, в Аккерман, будут посланы морем и сухим путем 8 пашей с 80 тыс. войском¹⁴⁴.

В конце мая турецкие отряды начали переправу через Дунай, что вынудило Молдавию и Валахию обратиться за помощью к Хмельницкому, и такая помощь была оказана¹⁴⁵.

СНОШЕНИЯ РОССИИ С КАЛМЫКАМИ ПОСЛЕ НАЧАЛА РУССКО-ШВЕДСКОЙ ВОЙНЫ

Стремление русского правительства обеспечить спокойствие на южных и юго-восточных рубежах и использовать в борьбе с Крымским ханством вооруженные силы калмыков и заинтересованность калмыков в новых районах для кочевья особенно на правом берегу Волги явились надежной базой вхождения калмыков в состав России.

Уже согласно шерти 1655 г. тайши Дайчин, Лаузац, Мамсрен, Санжак и Мончак обязались быть в «вечном послушании» и посылать свои войска против врагов русского царя. Шерть 1655 г. все же не давала уверенности в ее прочности хотя бы уже потому, что калмыки отказались давать заложников¹⁴⁶. Новые переговоры с тайшами в 1656 г. привели к тому, что в этом году калмыцкий отряд численностью в 1500 сабель предпринял поход против подвластных хану Малых ногаев и Азова (см. гл. III).

Тем не менее в отношениях с калмыцкими тайшами много было еще неопределенности, неясности. Ориентация на подданство России хотя и становилась все более и более преобладающей, но параллельно этой ориентации наблюдались и тенденции к сближению с крымским ханством. Летом и осенью 1656 г. в калмыцких улусах находились послы от хана, которые предлагали союз против России¹⁴⁷.

Известие о пребывании крымских послов у калмыков вызвало тревогу у астраханского воеводы В. Г. Ромодановского и побудило его возобновить переговоры с калмыками о подданстве. «Не вполне доверяя тайшам и стремясь предотвратить возможное сближение их с врагами России, воевода потребовал подписания тайшами новой шерти. Главным в начавшихся переговорах был вопрос о присылке калмыцких аманатов в Астрахань и о прине- сении шерти лично и непосредственно самими тайшами»¹⁴⁸. Со своей стороны Ромодановский обещал калмыкам защиту от недругов, свободную торговлю в Астрахани.

Переговоры завершились принятием новой шерти 30 марта 1657 г. Тайши согласились выполнить предъявленные им требования и отправили заложников из знатных калмыцких родов в Астрахань. Церемония завершилась выдачей тайшам подарков и пиром.

Повторяя в общих чертах шерти 1655 и 1656 гг., новая шерть существенно отличалась от них. На этот раз впервые были высланы заложники. Шерть 1657 г. вносила некоторые ограничения в свободу внешних сношений: тайшам запрещалось поддерживать связи и заключать союзы с ханом и турецким султаном. Отныне ежегодно Дайчину, его сыну Мончаку, Манжику и другим тайшам выплачивалось государством *жалование* (курсив мой.— Г. С.), а не подарки.

7 июня 1657 г. в Москву для подтверждения шерти прибыли послы от калмыков Кучюк-тархан и Бекбаши. В июле состоялось заседание Боярской Думы, на котором обсуждался вопрос о принятии новой шерти калмыцких тайшей и об условиях подданства их России: Калмыкам разрешили кочевать по обеим сторонам Волги, что было выгодно для России: калмыки получали новые обширные районы кочевок и защиту от нападений неприятеля, а правительство России создавало новую базу для борьбы против Крыма в непосредственной близости от границ ханства¹⁴⁹.

Тайши обязывались предпринимать походы против крымских татар по требованию правительства¹⁵⁰.

Переговоры калмыков о союзе с Крымским ханством после перти 1657 г. постепенно затухают и вскоре прекращаются. Попытки крымского хана перетянуть калмыков на свою сторону предпринимались на протяжении 1657 г. и последующих лет, но не увенчались успехом¹⁵¹.

По справедливому замечанию П. С. Преображенской, «1657 год мы можем рассматривать как год завершения процесса добровольного вхождения калмыков в состав Русского государства. Этот год знаменателен еще и тем, что он положил начало их регулярной военной службе по призывам русского правительства»¹⁵².

ВОЕННЫЕ ДЕЙСТВИЯ ПРОТИВ КРЫМСКОГО ХАНСТВА В 1657 г.

На ход военных действий в 1657 г. оказала весьма заметное влияние изменившаяся внешнеполитическая обстановка. Главное направление внешнеполитического курса России знаменовалось теперь войной со Швецией и в связи с этим заключением осенью 1656 г. Виленского перемирия с Речью Посполитой, не разрешившего основных противоречий между Россией и Польшей. Польско-литовские магнаты не отказались от притязаний на украинские земли.

Нерешенность вопроса об Украине делала соглашение в Видно непрочным, что, несомненно, учитывали в Посольском приказе. Поэтому русское правительство не препятствовало стремлению Хмельницкого проводить прежний внешнеполитический курс, направленный на продолжение войны с Речью Посполитой и создание антипольской коалиции держав в составе Швеции, Дунайских княжеств, Украины при нейтрализации, а при возможности и союзе с Крымом. Более того, Россия до некоторой степени поощряла эту политику гетмана, заключив при самом тесном его содействии договоры о подданстве царю Молдавии и Валахии, вступив в дипломатические контакты с Дьердем Ракоци.

Переговоры Молдавии и Валахии о подданстве царю не остались тайной для Стамбула. 5 февраля, ногайский мурза Кельмамет тайно сообщил посланникам Р. Жукову и Л. Пашину, что султан решил наказать валахов, молдаван и венгров за то, что они присягнули царю, и приказал хану готовить поход на них¹⁵³. В марте в Крым прибыл специальный чеуш с предписанием идти срочно против Молдавии и Валахии, а оттуда на помощь Яну Казимиру. Передовому отряду под командой сына Сефергазы-аги Ислама-мурзы немедленно выступить в Аккерман, ждать там прибытия янычар и собирать белгородских татар¹⁵⁴.

Поход всеми силами против Молдавии, Трансильвании и Валахии был, однако, довольно рискованным предприятием — Хмельницкий с казаками и русскими ратными людьми на Украи-

не мог обрушиться на тылы. Поэтому в стане Яна Казимира предпочли несколько видоизменить план. Польский посол в Стамбуле Яскульский должен был предложить поделить татарские силы на две части: одна из них свяжет силы казаков, а другая ударит на Ракоци и господарей¹⁵⁵.

По-видимому, план этот был в общих чертах принят и дополнен султаном и ханом. Об этом свидетельствует лист Хмельницкого к царю: со слов Г. Стефана, гетман писал: султан и хан направляют «часть войска на мутьян и волохи, часть на венгры, а часть на украинные вашего царского величества города обратит имеет»¹⁵⁶. В приказе Ф. Коробке, посланному в Москву с этим письмом, уточняли, что на Валахию и Молдавию приказано напасть силистрийскому паше, а на Венгрию — будиимскому паше¹⁵⁷. Как показали последующие события, намечалось еще одно направление удара — из Азова на Дон. В сентябре и октябре 1656 г. войсковой круг Дона посылал конных казаков за языками. На Молочных Водах разведчики погромили ногайские улусы и от пленных узнали, что по первому льду азовский Шабанбей вместе с крымскими, кабардинскими и прочими отрядами намерен идти походом на Дон¹⁵⁸.

Таким образом военные действия крымских татар в 1657 г. должны были развернуться в основном по трем направлениям: южные и юго-восточные районы Речи Посполитой (против союзных сил Ракоци, Хмельницкого и господарей), Украина, низовья Дона. Успех или неудача в одном месте приводили к изменению ситуации на других направлениях. Поэтому полное представление о борьбе с татарами на Украине и в районе Дона будет возможным только в том случае, если давать параллельный (очень краткий) обзор боевых действий против сил Крыма на западном направлении.

Опасность польско-османских планов не следовало преуменьшать, но и не нужно было преувеличивать. На этот раз Хмельницкий уже не требовал дополнительной военной помощи из России, полагая, что вполне хватит тех войск, которые оставались на Украине еще после военных действий в 1655 г. Он только уведомлял правительство, что в случае выступления турок и татар на его союзников и на Украину гетман намерен предпринять марш к Днестру и здесь не допустить соединения неприятеля. Хмельницкий просил усилить готовность войск Белгородской черты. Донские казаки начали укреплять Черкасск¹⁵⁹. Украинские войска на всякий случай прикрывали всю южную границу.

Но Хмельницкий не намеревался ограничиться только обороной. Еще 2 октября 1656 г. состоялась старшинская рада, на которой было решено направить часть сил в помощь Дунайским княжествам¹⁶⁰.

12 января 1657 г. отряд Д. Ракоци в составе 20 тыс. венгров, 6000 валахов и молдаван вступил в пределы Речи Посполитой. Ракоци рассчитывал на то, что утомленная затянувшейся войной

шляхта признает его протектором тех земель под Краковым, которые передал ему Карл X Густав, а затем и королем Речи Посполитой. Но он просчитался. Национальный подъем, вызванный агрессией Швеции, начал охватывать и шляхетские круги. Войско Ракоци отличалось плохой технической оснащенностью, слабой дисциплиной. Ракоци двинулся на Львов, рассчитывая здесь соединиться с отрядом украинских казаков. 1 февраля Ракоци получил тревожный сигнал от шведского гарнизона Кракова, что защищаться гарнизон сможет не более 6 недель. Отказавшись от взятия Львова, Ракоци поспешил на выручку и отошел на Самбор, затем на Ярославль и Перемышль, взять которые тоже не смог.

Тем временем от Хмельницкого подходил 16 тыс. отряд под командой киевского полковника Антона Ждановича. В начале февраля Жданович соединился с Ракоци у села Медьки (Горки). 13 февраля объединенные силы переправились через Сан, захватив по пути ряд крепостей, 18 марта триумфальным маршем вступили в Краков. Задерживаться в городе Ракоци и Жданович не стали, а поспешили на соединение с армией Карла X, пробиравшегося из Померании к Кракову. 1 апреля под Меджибожичами войска соединились¹⁶¹.

Вторжение войск Ракоци и Ждановича и объединение их с армией Карла X явилось одной из причин созыва рады Сената Речи Посполитой в Ченстохове. Сенат постановил направить против Ракоци кварцянское войско под командой С. Потоцкого и С. Чернецкого, на 10 марта под Сольцем намечался созыв посполитого рупшения¹⁶². Военные меры дополнялись мерами дипломатическими. Были направлены в Крым послы Меклишевский и Ромашкович с задачей поторопить хана с помощью, в Стамбул отправился Яскульский с той же целью¹⁶³.

Трудные условия зимы 1656/57 г., глубокий снег и сильные морозы привели к бескормице скота, начался падеж и быстро оказать помощь союзникам татары не смогли. Тем не менее уже 15 марта, едва только потеплело, из Бахчисарая отправился в Аккерман сын Сефергазы-аги Ислам-мурза. В Аккермане он должен был сосредоточить отряды белгородских татар и янычар и идти на соединение со Стефаном Потоцким¹⁶⁴.

Впрочем, соединиться Ислам-мурза не спешил, и дело здесь не только в бедственном положении татарской конницы. Верные своей тактике, татары выжидали исхода боев, предпочитая действовать против уже ослабленного противника. Тем не менее удалось создать угрозу Украине с юга и юго-востока и тем самым не допустить дальнейшего усиления помощи Ракоци.

Не прошло и двух недель после соединения сил Ракоци и Ждановича, т. е. практически сразу же, как только известия об этом могли дойти до Бахчисарая, как 17 февраля 1657 г. азовские и крымские мурзы вместе с затребованными ханом отрядами подвластных ему горских черкес, кабардинцев, темрюков «Черкасской городок хотели за миром и за душами взять»¹⁶⁵.

Но казаки были пастороже. Заставы и отъезжие караулы непрерывно наблюдали за степью. Неожиданным натиском захватить город не удалось и началась осада Черкаска. Противник применил тактику «примета»: вокруг крепости возвели вал из камышовых фашии, земли и постепенно перебрасывали его вперед, «приметывали», к крепостной стене, чтобы затем поджечь «примет», либо под прикрытием его овладеть крепостной стеной. Однако «примет» не помог, и казаки отстояли город¹⁶⁶.

И все же положение оставалось достаточно сложным. Бежавшие из плена казаки предупреждали, что хан намерен «запустошить становую реку Дон и верхние городки», ударить вновь на Черкасск, Царев-Борисов и Тор¹⁶⁷.

Помощь татар задерживалась, и Потоцкому приходилось рассчитывать пока что только на собственные силы. В этих условиях особые надежды возлагались на Каменец-Подольский, который удалось отстоять от казаков в 1655 г. По решению собравшегося в Чепстохове в феврале 1657 г. сейма, в Каменец-Подольском были сосредоточены 27 хоругвей конницы и пехоты, которые должны были ударить в тыл отряду Ракоци и Ждановича в том случае, если из Украины будут направлены к ним новые силы. Гарнизон Каменец-Подольского мог нанести удар и по украинским землям¹⁶⁸.

Хмельницкий спешил ответить на это дальнейшим усилением своих пограничных гарнизонов, распределив по порубежным городкам несколько тысяч казаков, а полковник Брацлавского полка М. Зеленецкий осадил и блокировал Каменец-Подольский. Слабые попытки польских жолнеров прорвать блокаду решительно пресекались¹⁶⁹.

Задержка татарских отрядов позволила Карлу X, Ракоци и Ждановичу достичь довольно заметных успехов. Двигаясь на север, они форсировали Вислу, захватили Люблин, Брест-Литовск, 7 июня 1657 г. вновь взяли Варшаву. Часть полков противника под командой Санеги отступила в Литву, другая часть под командой С. Потоцкого стояла под Кобриным¹⁷⁰.

Но успехи союзников были кратковременными. Силы шведов оказались скованными Россией, а в мае 1657 г. в войну против Швеции вступает и Дания. Положение отрядов Ракоци и Ждановича усложняется. Это сейчас же сказывается на возросшей активности татар.

До мая 1657 г. в Крыму не очень прислушивались к противоречивым указаниям Стамбула, который то требовал немедленно выступить в поддержку Яна Казимира, то, напротив, приказывал не нападать на казаков и их союзников. Когда последовал очередной указ о выступлении в поход не позже 11 мая, хан направил впереди своих отрядов Кельмамета Ширипского — перекопского бей, чтобы тот выяснил возможность переправы через Днепр. Кельмамет выступил 24 апреля¹⁷¹.

Предпринимали разведку и казаки. «По зимнему последнему пути» они напали на ногайцев, угнали у них много скота, захва-

тили пленных, разорили многие улусы. Татары из приднепровских мест спешили откочевать к Перекопу¹⁷².

Ухудшение положения Ракоци и Ждановича послужило как бы сигналом для нападения Крымского ханства. На утренней заре 14 мая хан Магомет-Гирей выступил в поход из столицы в сопровождении всего 2000 отряда татар. По пути этот отряд обрастал новыми и новыми силами. Но хан опоздал. К северу от Шел-Керменя на днепровской переправе его уже ожидали русские и украинские отряды, которыми номинально командовал сын Богдана Юрий Хмельницкий, но по малолетству советником ему поставили опытного в боях Григория Лесницкого, наказанного атамана.

Бои у Днепровских переправ начались сразу же, как только татары передового отряда Кельмамета Ширинского подошли к Днепру. 16 мая в Бахчисарай прибыли два гонца, «гонят от Днепра с вестью, что стоят у Днепра черкасы в сборе и татар де не пускают за Днепр, которые пришли к Днепру преж царя с ширинским князем»¹⁷³.

Вышедшие ранее отряды Ислам-мурзы успели переправиться за Днепр до подхода казацких отрядов. 7 мая 1657 г. они располагались на правом берегу Днепра у урочища Копкой, но продвигаться дальше Ислам-мурза не решился, вероятно опасаясь быть отрезанным от главных сил. Правда, к Каменец-Подольскому обещали срочно направить татарский отряд какого-то Дедиш-Акея¹⁷⁴.

23 мая Магомет-Гирей с основными силами татар подошел к Перекопу. Полоняники сообщали русским представителям в Бахчисарае самые различные сведения о численности татарских войск — от 50 до 70 тыс. и более¹⁷⁵. Если учесть, что Ислам-мурза имел в своем отряде 25 тыс. человек, а 30 апреля в Аккерман прибыли из Турции 8 пашей, каждый из которых командовал 10 тыс. отрядом (см. ниже сноску 184), 10 тыс. у Кельмамета Ширинского и до 40 тыс. у хана, общая численность турецко-татарских войск в районе Днепровских переправ составляла около 150 тыс.

Определить численность войска Ю. Хмельницкого и Лесницкого не представляется возможным. Следует предположить, что общая численность украинских и русских войск была, вероятно, такой же, как и в 1655 г., т. е. около 75 тыс. (Значительного изменения контингента войск источники не дают.) Но в это число не входят нереестровые казаки-запорожцы. Несомненно, значительные отряды были заняты на западных рубежах (Брацлавский полк блокировал Каменец-Подольский.) Таким образом, можно говорить лишь о значительном, более чем двойном численном перевесе татарских отрядов на Днепре.

Переправу держали не только русско-украинские полки. Возвращавшиеся в Крым татары и гонцы от хана сообщали, что вместе с казаками сражаются присланные на помощь отряды

молдаван и валахов. Ходили слухи даже о том, что русско-украинская армия готова предпринять поход на Крым¹⁷⁶.

Планы татарского похода летом 1657 г. не предусматривали вторжения в центральные районы Украины. Султанские фирманы предписывали идти в набег только против Молдавии и Валахии и далее на соединение с польскими войсками. Об этом говорилось и в письме хана к Хмельницкому, отправленном уже с берегов Днепра. Наученный горьким опытом, Магомет-Гирей предпочитал обойти украинские земли южнее и выйти к Каменец-Подольскому, где и соединиться с шляхетскими отрядами¹⁷⁷. Тем не менее соединение сил противника было бы, безусловно, косвенным ударом и по Украине, и по планам Хмельницкого окончательно разгромить Речь Посполитую. Бои у Днепра препятствовали этому соединению враждебных сил. Впрочем, трудно сказать, как развивались бы боевые действия в том случае, если бы победу в пограничном сражении одержали татары. Маршрут их движения на запад мог быть легко изменен и прой-ти по украинским землям.

28 мая в Бахчисарай пришло известие, что Кельмамет Ширинский с 10-тысячным отрядом переправился через Днепр и попал в очень тяжелое положение. Валашские и казацкие отряды окружили его на правом берегу. Пришлось посылать гонца к хану: «...и царю де в три дни не будет за Днепр, и иво осадят. И царь де и сам не ведает, что делать»¹⁷⁸. 10 тыс. перекопских татар Кельмамета Ширинского были окружены в самом устье Днепра, и упорные попытки хана прорвать кольцо блокады оставались безуспешными.

Вскоре последовало новое известие: Магомет-Гирей отступил от Днепра к Перекопу. Пристав Дербыш, сообщивший об этом русским посланникам в Крыму Р. В. Жукову и Л. Пашину, объяснял отступление тем, «что де турецкой царь писал х крымскому царю и прислал три грамоты, чтобы он не ходил на волохи, и на можары, и на черкасы. Да и то де в грамотах написано, чтоб и на Московское государство не ходил...»¹⁷⁹. Появление таких фирманов султана вполне возможно: в Стамбул еще 19 апреля прибыло посольство от Хмельницкого во главе с Лаврином Капустой, которому удалось добиться запрещения хану нападать на украинские, валашские и молдавские земли.

Но дело здесь не только в султанском фирмане. Высланное в мае 80-тысячное турецкое войско было отозвано обратно в Константинополь, блокированный с юга венецианским флотом¹⁸⁰, силы противника значительно уменьшились. Теперь с ханом оставалось около 70 тыс. всадников, шансы на удачный прорыв резко сократились.

Выдвигаться за Днепр стало опасным и по другой причине: 30 мая в Азовском море прорвались 32—33 казацких морских струга с Дона. В Крыму оставалось около 20 тыс. мужчин¹⁸¹, которые не смогли пойти в поход либо по старости, либо по болезни, либо, наконец, не имели коней и оружия. Из-за блокады

черноморских проливов Венеции в Крыму скопилось большое количество рабов, организовавших заговор с целью восстания. Хан оказался между двух огней: он не мог отойти в Крым для обороны полуострова — это открыло бы дорогу к Перекопу украинским отрядам — и не мог прорываться за Днепр, опасаясь оставить на произвол судьбы Крымский юрт.

Военные затруднения сразу вызвали обострение междоусобной борьбы группировок феодальной знати. Под давлением мурз и вопреки указам из Стамбула хан принял решение идти в набег на Россию. Но буквально на другой день после курултая, где было принято решение, Магомет-Гирей переменял свои намерения — из Стамбула угрожали, что в случае нападения на Россию или Украину его лишат ханской власти. Теперь Магомет-Гирей намеревался вообще уйти в Крым.

Такая перспектива означала для крымских татар новую, и еще более страшную голодную зиму. «И на нево де пришли татарова болшим шумом и говорили царю, что де в третей (раз) идешь на войну, а нукулы не пойдешь, и их де, татар, всех оголодил»¹⁸². Наконец, последовали угрозы, что если хан не пойдет куда-нибудь в поход, «и они де, татарова, пойдут сами в войну куды похотят. И тогда де тебе, царю, в Крыме бесчестья и соромня будет ото всего Крыму. И царь де сердясь и думав с мурзами пошел впрямь к Днепру, а идет де на черкас»¹⁸³. Неудачливому в войне Магомет-Гирею грозило не только бесчестье и срам от крымских мурз — бывали случаи, что такие неудачники теряли жизни.

Пока шли распри и неурядицы в ханском стане, русские и украинские войска с помощью молдаван и валахов ликвидировали прорыв за Днепр Кельмемета Ширинского. Большая часть его 10-тысячного отряда была перебита, остальные отброшены назад¹⁸⁴.

Попытка силой пробиться за Днепр не удалась. Магомет-Гирею оставалось либо подчиниться распоряжению султана и увести свои воинственные орды в Крым, либо выполнить требование татар и идти в поход на Молдавию и Валахию, избегая на этот раз боя с русско-украинскими силами в низовьях Днепра. Единственная возможность достичь последнего была в мирных переговорах с Хмельницким. В июне гетманскую столицу Чигирин посещали многочисленные татарские послы, пытавшиеся договориться на этот предмет.

Таким образом, в начале июня положение Крымского ханства было чрезвычайно трудным. Войска хана не сумели пробиться за Днепр и прийти на помощь союзнику. Начавшийся 30 мая поход донских казаков вынуждал хана немедленно возвратиться в Крым, на чем настаивали и в Стамбуле. В то же время сильная группировка русских, украинских, молдавских и валашских отрядов в низовьях Днепра вынуждала оставить основные силы у Перекопа.

Этими трудностями намеревалась воспользоваться Австрия.

Под предлогом помощи Яну Казимиру император Фердинанд III двинул свои войска на Краков, чтобы выбить оттуда шведский гарнизон и овладеть городом. По совету Карла X Ракоци и Жданович покинули Варшаву и двинулись к Кракову на помощь, по пути предполагая овладеть хорошо укрепленным и трудно доступным замком в Замостье¹⁸⁵.

Вступление в войну Дании и Австрии укрепило положение сил, сохранивших верность Яну Казимиру. Эта перемена обстановки сразу же сказалась на позиции молдавского и валанского господарей, которые за спиной Хмельницкого возобновляют переговоры с Речью Посполитой и Крымским ханством, а в начале июля заключают с ними мир. Необходимо отметить, что этим княжествам было бы весьма трудно сдерживать на Дунае войска силистрийского паши¹⁸⁶.

Тем временем в Литве сумел сконцентрировать силы Сапега, а в районе Каменец-Подольского — Потоцкий и Лянцкоронский. Особенно опасной для Украины была каменец-подольская группировка. Полковник Остафий Гоголь, защищавший западные рубежи, писал Хмельницкому, что в городе собираются крупные силы, на подходе еще 3 конных и 2 пеших хоругви. Сумел пройти к Каменец-Подольскому и какой-то татарский отряд в 200 сабель (вероятно, буджацких татар)¹⁸⁷.

Остановившись под Замостью, Ракоци и Жданович надеялись дождаться здесь шведского гарнизона Бреста, оставившего город в виду подходивших из Литвы войск Сапеги, но дальнейшее промедление грозило окружением: с севера надвигался Сапега, с юга от Каменец-Подольского шел Потоцкий, с запада надвигались отряды С. Чарнецкого. В этих условиях Хмельницкий принимает решение изменить направление марша Ракоци и Ждановича и вместо Кракова двигаться на Каменец-Подольский для соединения с казачьими отрядами¹⁸⁸.

Тем временем крымский хан, вступив в переговоры с Хмельницким, прекратил активные военные действия на Днестре. После разгрома Кельмамета Ширинского казаки предприняли смелое нападение на табор самого хана: «И после де того черкасы в ночи плавню в стружках и в лотках подходили под царевы таборы и татар де в ночи побили много. А как де в таборах учинился шум, и черкасы де, седчи в лотки, ушли за Днепр»¹⁸⁹.

Пребывание основных сил хана вблизи лагеря противника становилось опасным, и Магомет-Гирей решил отступить южнее и под прикрытием стен Шел-Керменя переправиться через Днепр. На этот раз воспрепятствовать переправе не удалось, но хан сам опасался оставлять в тылу войска широкую, полноводную реку. Память о потопленном в днепровских водах десятитысячном отряде Ширинского была свежа. Переправилась лишь половина войска, другая половина оставалась на левом берегу Днестра. В случае нападения казаков, говорили татары, мы рискуем потерять только половину, но не всех. Сам Магомет-Гирей оставался на левом берегу¹⁹⁰.

Продвинуться дальше татары не смогли, хотя постепенно через Днепр переправилась вся орда. Около Тельгула, под Очаковым, в дне пути от Днестра татары были осаждены украинскими и русскими войсками. В бою им удалось захватить в плен какого-то казака. Когда пленному задали вопрос: что умышляют казаки, он ответил — большую войну с татарами, на которую идет столько русского и украинского войска, что земле тяжко¹⁹¹.

Разведчики казаков исчисляли силы противника между Днепром и Днестром в 60 тыс.¹⁹², но прорвать осады крымцы не могли и вместо помощи Речи Посполитой сами просили у силистрийского паша поддержки, но у паша и без того было мало сил — всего 300 человек. К ханскому наместнику в Бахчисарае Муртазе-аге тоже примчался гонец с приказом немедленно собрать и срочно выслать к Днестру дополнительный отряд татар, так как хана между Днепром и Днестром «волохи, и можары, и черкасы осаждали». Муртаза-ага не только не смог выполнить приказа хана, но в свою очередь умолял его вернуться в Крым, ибо в море появились струги донских казаков, а среди рабов готово вспыхнуть восстание. Полоняники намеревались разорить Крым, «тотар достальных и жоп и детей их порубят. А как де разорят Крым — пойдут все к Днепру, к черкасом же напачь»¹⁹³.

Готовились к продолжению боев и на Украине. Белгородскому воеводе Ромодановскому было направлено письмо, в котором сообщалось о группировке татар в районе Очакова и о намерениях объединиться под Каменец-Подольским с поляками. В письме предупреждали воеводу, что силистрийский паша тоже двинулся на соединение с Потоцким. Целью всех этих маневров, говорилось в письме, было нападение на Украину. В случае вторжения крупных неприятельских сил Ромодановского просили немедленно выступить на помощь. Ромодановский отвечал, что без царского указа он не сможет выступить в поход¹⁹⁴. Казацкие полки все были стянуты либо к Ташлыку, либо к другим пограничным пунктам.

Татарская группировка в районе Перекопа и низовий Днепра создавала угрозу и Дону. Положение на Дону усугублялось тем, что царское правительство не выслало в 1657 г. пороховой и свинцовой казны. Это было своего рода наказанием за самовольный поход на Азов в июне 1656 г.

Между тем обстановка требовала немедленных активных действий, и посланнику на Дон московскому сыну боярскому Елисею Хомякову пришлось с этим столкнуться очень скоро. Едва только он остановился с уменьшенным против прежнего жалованием в первом казачьем городке — Раздорном, ему пришлось выслушать справедливые упреки станичного атамана Панкратия Степанова. Когда же 17 мая Хомякова принимали на казачьем круге в Черкасске, то прямо сказали ему: нападения татар можно ожидать в любое время, а пороха и свинца из Москвы не прислано!¹⁹⁵.

Действительно, Хомяков прибыл в Черкасск 17 мая, т. е. в тот самый день, когда крымский хан выступил из Бахчисарая в поход. Основные его силы были скованы украинскими казаками на днепровских переправах и набег на Молдавию и Валахию надолго задержался. Создавалась сильная татарская группировка в районе Перекопа. Угроза Дону была очевидной. И эта угроза возрастала тем более, что из Азова готовились новые нападения. С такой сложной ситуацией Елисею Хомякову пришлось столкнуться с первых же его шагов. Не прошло и трех дней после его приезда, как войсковой атаман Наум Васильев сообщал, что крымские и азовские татары готовятся напасть на города Белгородской черты¹⁹⁶. Выходцы из Крыма, Азова и Малого ногая называли и другие возможные места нападений: Валуйки, Тор, казачьи городки на Дону¹⁹⁷.

Нападения можно было ожидать со дня на день. Необходимы были срочные решительные меры, это повимали и атаманы Войска Донского, и Хомяков. Хомякову оставалось только молча согласиться с новым походом казаков против Крыма. Когда 30 мая они вышли к морю (2000 казаков) на 32 стругах, представитель правительства не выразил по этому поводу никакого протеста¹⁹⁸. На Дону в нижних городах осталось всего около 500 человек казаков.

Поход этот интересен и еще в одном отношении. Обычно казачьи походы начинались около середины июля, теперь вышли в море почти на полтора месяца раньше. Поход, несомненно, носил характер срочного, чрезвычайного и самого неотложного дела. Походным атаманом избрали Корнея Черкеса (Корнила Яковлев). В книге Ю. П. Тушина этот поход ошибочно датирован 1656 г.¹⁹⁹

В Бахчисарае постоянно опасались казачьих набегов. Уже 10 апреля, за месяц с лишним до того, как струги вышли из Черкаска, на крымских базарах говорили о том, что в море появилось целых 360 стругов, что вместе с донскими вышли и запорожские казаки²⁰⁰. Нуретдин Адиль-Гирей поспешил покинуть свою резиденцию в Херсонесе (Ани-Кермень, Инкерман) и укрыться в Бахчисарае. Но это были пока только слухи.

Как проходили боевые действия казаков в июне 1657 г. на море, остается не совсем ясно. 8 июня в Бахчисарай прибыл с побережья гонец с известием, что в море вышли 30 казачьих стругов и чтоб «жили с великим береженьем не оплошно»²⁰¹. Через несколько дней полоняники говорили Р. В. Жукову и Л. Пашину, что наместник хана Муртаза-ага опасается появившихся в море донцов и послал к хану грамоту с просьбой немедленно возвращаться в Крым. В 20-х числах июня все побережье между Керчью и Кафой было охвачено страхом. Казаки жгли деревни, освобождали рабов. Пополнив запасы продовольствия и воды, казаки отошли в море²⁰².

Основные действия казаки предприняли в районе Гезлева и Херсонеса (Ани-Керменя, Инкермана), не ограничиваясь при-

брежной полосой, проникая порой довольно далеко в глубь полуострова по течению рек Алмы и Булганака. Почти все силы татар были выведены ханом за Перекоп, и серьезного сопротивления казаки не встречали.

Свидетелями одного из таких нападений 1 июля 1657 г. стали русские посланники Р. В. Жуков и Л. Пашин. На утренней заре посольский стан был разбужен звуками артиллерийской и ружейной стрельбы в устье Алмы. Спустя 5 часов утра во многих местах по течению Алмы и Булганака горели деревни, слышалась стрельба. Нападение было настолько неожиданным, что обитатели посольского стана не знали даже, с кем сражаются татары. К исходу 9 часа утра на стан примчался пристав Дербыш и предупредил, чтобы «были наготове». «И посланники спрашивали: для чего им быть готовым?» Дербыш отвечал, что к устью Алмы подошли 33 струга и стоят на море. Со стругов высадился десант «небольшие люди» и был встречен отрядом береговой обороны в 100 человек под командой Велиш-мурзы.

Велиш-мурза тотчас послал в Бахчисарай за помощью — казаки намеревались пополнить запасы пресной воды. Убедившись в слабости татарского отряда, остальные струги подгребли к берегу и под прикрытием установленных на стругах легких орудий высадили около 1000 человек. Отогнав татар от реки, половина десанта занялась пополнением запаса питьевой воды, а другие 500 человек устремились по берегу моря и далее, вверх по течению Булганака и начали жечь деревни, освобождать русский и украинский полон, брать в плен татар.

Казацкий отряд продвигался с боем все дальше и дальше вверх по Булганаку и был уже на расстоянии 3—4 верст от посольского стана. «А донские казаки почали деревни жечь от посланничья стану верстах в трех и в четырех, и посланникам то все было видно». Пристав Дербыш настолько был охвачен паникой, что упрашивал посланников «бежать в Бахчисарай или куды доведетца», на что посланники отвечали: «Им в Бахчисарай ехать не к чему, потому что царя нет и ближнего человека Муртозы-бея не будет (он пошел на помощь против казаков.— Г. С.), и над ними б де в Бахчисарае какое дурно не учинилось от татар»²⁰³.

Муртазе-бею с трудом удалось собрать 150—200 человек, многие оказались без оружия, на три-четыре человека имелась только одна сабля или лук. Конечно, серьезного сопротивления от такого воинства ожидать было нельзя. Позднее полоняники, приходившие на стан, говорили, что казаки не намеревались ввязываться в серьезный бой и ограничили только заливкой пресной воды, пополнив ее запасы, они спокойно ушли в море. До двух часов дня татары вели бой с прикрытием десанта, пока основная часть заливала пресную воду.

Самого Муртазу дважды ранили, едва не захватили в плен. Под ним была убита лошадь, какой-то казак нанес ему удар пистолетным стволом в лицо и перебил переносицу, казаки успели

снять с лошади богатое седло, но самого Муртазу-бея телохранители отбили и без сознания увезли в Бахчисарай.

Казаки не намеревались продолжать марш в глубь полуострова, а потому спокойно отошли к побережью и здесь залегли, давая возможность своим товарищам залить воду. До ночи они не подиускали татар к берегу. Бой затих, но татары опасались, что ночью казаки нападут вновь. В темноте казацкие струги приняли десант на борт и отошли в сторону Гезлева. Разъяренные неудачей, татары хотели выместить зло на посланниках и требовали посадить их на цепь «в жидовский город» — пещерный город Чуфут-Кале у Бахчисарая²⁰⁴.

Посланников оставили на свободе, но пленных рабов стали, по татарскому обычаю, заковывать в кандалы и бросать в ямы — опасались их восстания.

Крупные нападения были предприняты казаками на Гезлев, Кафу и другие прибрежные портовые города ханства. Около Гезлева казаки выжгли 10 деревень. В ночь на 5 августа нападению подвергся город Карасев, где казаки захватили множество овец, хлеба, запаслись водой²⁰⁵. Вероятно, это было последнее крупное нападение казаков. Точной даты окончания морского похода источники не сообщают, сведений о дальнейших боевых операциях казацких десантов тоже не имеется.

Поход, возглавленный Корнеем Черкесом (более известен под своим настоящим именем Корнилы Яковлева как войсковой атаман и крестный отец С. Т. Разина), закончился внушительным успехом. Казаки захватили около 600 человек татар и турок и освободили 200 полоняников, из них 180 украинцев и 20 русских²⁰⁶.

Что касается действий на Днестре, то дальнейшее развитие их не совсем ясно. Крупное сражение в течение всего дня проходило 27 мая, затем в конце июня — начале июля последовали еще два сражения, продолжавшиеся от утренней до вечерней зари. Но уже 6 июля на русском посольском стане в Крыму узнали, что между казаками и татарами заключен мир²⁰⁷. В это же время заключили мир с татарами отряды молдавского и валашского господарей, сражавшихся у Днестра. Но если казацкие отряды вскоре вновь начали военные действия, то их бывшие союзники предпочли остаться в стороне. Короткой передышки оказалось достаточным для того, чтобы часть татар во главе с Магомет-Гиреем переправилась за Днепр и пошла к Каменец-Подольскому, тогда как другие под предводительством калги Казы-Гирея отступили к Перекопу. Двинуть все силы за Днепр мешали русские и украинские отряды, располагавшиеся в опасной близости, и донские казаки, действовавшие по всему побережью — от Керчи до Гезлева.

Возможно, в пропуске татар за Днепр сыграл свою роль и И. Выговский. Прикованный к постели гетман не мог по-прежнему вникать в дела, и генеральный писарь забирал все большую власть в свои руки. Уже при жизни гетмана вынашивая измену,

готовя почву для возвращения Украины под власть польско-литовских магнатов, Выговский опасался успехов Ждановича и Ракоци и сделал все от него зависящее, чтобы пропустить хотя бы часть татар на соединение с Потоцким. Сторонником Выговского был и наказной гетман Г. Лесницкий. Вскоре после смерти Б. Хмельницкого Г. Лесницкий собрал раду и открыто предложил казакам разорвать присягу Москве и вернуться в подданство Яну Казимиру. Часть старшины поддержала его, но это была незначительная кучка. Войско сохранило верность братству с Россией²⁰⁸.

Тем не менее столь серьезные разлады среди командования понижали боеспособность, могли служить причиной прорыва части татарских сил за Днестр.

Интересно, что неудача на раде в войске не остановила Г. Лесницкого: уже вернувшись из похода в свой Миргородский полк (он был полковником Миргородского полка), Лесницкий собирает полковую раду, на которой вновь предлагает вернуться в подданство Яну Казимиру. Казаки и мещане ответили негодованием. Лесницкий вынужден был положить булаву. «И за неводе ухватились сотники и отоманы, и есаулы, и почели ему говорить, чтоб он у них был опять полковником. И он де булаву свою взял опять и говорил; нечто де немногое время побуду у вас. А чернь де, около ево стоя, лаели матерны, и он де и сам слышит все, а чернь де его вся не любит»²⁰⁹.

Через Днестр и Буг в обход украинских земель орда устремилась на запад. Впрочем, пограничные с Диким Полем местечки были разграблены. В районе Ямполья татары несколько углубились в украинские земли и через Шаргород подступили к Каменец-Подольскому²¹⁰. Силы неприятеля соединились, ситуация явно усложнилась. Оставив часть отрядов у Ташлыка, гетман распорядился перебросить другие в район Брацлава и Шаргорода. Сюда же отступали Д. Ракоци и А. Жданович²¹¹, для помощи которым и были сосредоточены гетманские полки.

По распоряжению И. Выговского Жданович оставляет Ракоци и ускоренным маршем идет к Бугу, соединившись под Брацлавом с основными силами казаков. 14 июля отряды Ракоци были окружены войсками Потоцкого, Сапеги и Чернецкого и капитулировали²¹². Известия о том, что Жданович вышел на соединение один, покинув союзника, Хмельницкий получил 21 июля. За 5 дней до этого он пишет письмо к белгородскому воеводе Г. Г. Ромодановскому с просьбой ускорить вступление новых русских отрядов на Украину — объединение крупных татарских сил с поляками было весьма опасным. В письме сообщает о том, что другие украинские отряды и запорожцы предпринимают походы на Крым²¹³.

Основные силы Ю. Хмельницкого и Г. Лесницкого в середине июля осадили Шел-Кермень и дважды пытались взять крепость штурмом. Перекопский бей Кельмамет Ширинский сообщал в Бахчисарай, что можно ждать похода казаков к Перекопу. Та-

тарские кочевья спешили покинуть перешеек и укрыться в горных районах Крыма с женами и детьми²¹⁴.

К Перекопу от Очакова ушла половина татарских отрядов для защиты ханства во главе с калгой Казы-Гиреем. Из-под Перекопа Казы-Гирей приказал ханскому наместнику в Бахчисарае Муртазе-аге «выбить» всех татар, армян, евреев и направить их к нему для обороны полуострова. Муртаза немедленно направил по аулам своих гонцов-капычеев «выбивать» жителей, а сам вынужден был оставаться в столице, что диктовалось необходимостью защищаться от донских казаков, продолжавших громить побережье, да и рана в лицо, полученная на Булганаке, давала себя знать²¹⁵.

Калга Казы-Гирей сообщал, что на Крым с севера идут 8000 запорожцев²¹⁶. Хмельницкий в письме к Г. Г. Ромодановскому от 16 июля называет всего 700 человек, добавив, что им удалось освободить несколько тысяч невольников. Несмотря на столь значительные кажущиеся расхождения, эти цифры не противоречат одна другой, а скорее отражают численность запорожского отряда на разных этапах похода. В поход вышли 700 человек, но отряд пополнялся за счет тех нескольких тысяч невольников, о которых тоже упоминают в письме гетмана. Более подробные сведения о числе освобожденных невольников получил шведский посол в Чигирине Даниил Колугер (ранее он был послом Хмельницкого при шведском дворе). Давид узнал в Чигирине, что запорожцы освободили 7000 пленных и угнали до 100 тыс. голов скота²¹⁷. Если объединить данные Б. Хмельницкого и сведения о численности освобожденных Д. Колугера, то численность запорожского отряда получится почти та же, что сообщал в Бахчисарае Казы-Гирей — 7700 человек.

Пробиться за Перекоп казакам, вероятно, не удалось. Калга сообщал в столицу, что какой-то запорожский отряд, численностью в 3000 был разгромлен на перешейке²¹⁸.

Несмотря на поражение отряда Ракоци, поход крымского хана летом 1657 г. был явно неудачным. Значительной части сил вообще не удалось пробиться за Днестр, скованные действиями русских и украинских отрядов, татары вынуждены были вести тяжелые оборонительные бои на подходах к полуострову. Р. В. Жуков и Л. Пашин писали, что многие татары «бегут из войны» и добычи с ними никакой нет. В Крыму «чают большой гибели хану», так как это не первый случай, когда с похода «идут с горем»²¹⁹.

Столь же «не рентабельными» оказались действия и Магомет-Гирея по Каменцю и против Ракоци. Полон, захваченный в полуразоренных районах Рашкова, Ямполья, Шаргорода, не мог быть сколько-нибудь большим, что же касается боя татар с отрядом Ракоци, то этот бой оказался весьма трудным и «неприбыльным». В изложении польских исследователей С. Хербста и Б. Барановского события выглядят так, будто после разгрома Ракоци, нанесенного польскими войсками его отряду под Меджибожем, бое-

способность венгров была равна нулю²²⁰, и татары легко добились несчастный отряд. В глазах татар, участвовавших в бое, картина приобрела совсем другой вид. Уцелевший под Меджибожем 10-тысячный отряд татары разгромили с помощью обмана: пообещали прекратить бои и отпустить с миром, если за каждого трансильванца получат по 2 нохимсталлера²²¹. Выкуп собрали и передали Магомет-Гирею, но когда осажденные неосторожно разомкнули обоз — татары ворвались в лагерь, и закипел жестокий бой. Дрались насмерть. Почти все воины Ракоци погибли в сече, но и татары потеряли около 15 тыс. В плен удалось захватить ничтожно малое число: по сведениям одних — 15, другие — уверяли, что 20 человек²²².

Известие о капитуляции Ракоци и о последовавшем вскоре страшном разгроме его отрядов татарами, о том, что в решительные часы похода А. Жданович оставил союзника один на один с неприятелем, были ударом для большого гетмана. По сведениям пвдского посла в Чигирине Лиленкроны, в гнев Хмельницкий отдал приказ казнить Ждановича²²³. Рушилась давняя мечта Хмельницкого о создании антипольской коалиции, рушились планы, стоившие ему стольких трудов и сил. Вскоре последовало кровоизлияние в мозг, гетман потерял речь и 27 июля 1657 г. Зиновий Богдан Хмельницкий, выдающийся политический деятель и полководец Украины и России, скончался.

В последние месяцы его жизни шли споры о гетмановской булаве, «же з старшины не один того соби зычил уряду», — писал Самовидец²²⁴. В скором времени булава оказалась в руках И. Выговского вопреки предсмертной воле гетмана, который намеревался сделать преемником своего сына Юрия.

Общезвестно, что изменник украинского народа И. Выговский ориентировался на Речь Посполитую и намерен был вернуть Украину под власть польско-литовского магнатства. С первых же шагов он встретил упорное противодействие народных масс, неприянь и ненависть рядового казачества, особенно сильную в Запорожье. Вопреки воле нового гетмана запорожцы продолжали вооруженную борьбу с татарами.

На протяжении всей осени 1657 г. в Крыму внутреннее положение оставалось весьма напряженным, постоянно ожидали вторжения казаков. Хан вернулся в Бахчисарай 26 августа почти без добычи. Хотя в отправленной вперед грамоте к Муртазе-аге он и похвалялся, что разгромил отряды Ракоци, но эта победа не воспринималась татарами как удача — полону было ничтожно мало, татары потеряли много лошадей²²⁵.

Не пробыв в столице и трех дней, хан вынужден был поспешить обратно к Перекопу на помощь калге. Приказав Муртазе-аге «выбивать» всех татар в поход, он сам 29 августа покинул Бахчисарай: дошли слухи, что на северные рубежи вновь напали казаки, нужно было спешить, и хан успел взять с собой только 300 воинов и 600 коней (отряд этот видели русские посланники)²²⁶.

На этот раз поход был объединенный — запорожцев и донцов. В начале августа на Сечь были посланы 300 донских казаков под командой Михаила Самарина (Лукьянова) «для того, чтобы им соединясь с черкасы, иттить под крымские улусы добывать языков»²²⁷. В сентябре и октябре запорожцы трижды ходили к Перекопу и под Очаков, во время одного из таких походов им удалось захватить 5 турецких галер-каторг²²⁸. «И под Перекопом посады пожгли и поворотились назад здоровы», не потеряв ни одного человека²²⁹.

И все же в начале сентября напряжение в районе Перекопа начало несколько спадать, что позволило хану 5 сентября вернуться в Бахчисарай, а калге — в свою резиденцию в Ак-Мечети²³⁰.

Но очень скоро калга был вынужден вновь отправляться к северным рубежам ханства: с Дона и из Запорожья грозило новое вторжение казаков.

В начале октября М. Самарин с 60 казаками направился из Черкаска к Овечьим Водам за языками. Возле урочища Белый Колодец донцы встретили в степи четырех запорожцев, которые бежали из Крыма. Бывшие рабы сообщили, что из Крыма вышел к Молочным Водам калга Казы-Гирей с 2000 отрядом. Стоят они у Молочных Вод для «обереганья» крымских улусов от походов казаков и калмыков.

Нужно было принимать срочные меры для того, чтобы этот отряд не рискнул углубиться в русские и украинские земли. Михаил Самарин, часто избиравшийся войсковым атаманом, умел принимать самостоятельные решения быстро и правильно. Необходим был срочный поход казаков на Крым. Путь до Дона от Белого Колодца был значительно длиннее, чем в Запорожье, и потому он поспешил в Сечь. Едва только Самарин с отрядом появился в Сечи, как запорожцы тотчас поднялись в поход. 1500 конных и 4000 казаков в речных челнах двинулись вниз по Днепру к Ислам-Керменю. В Сечи осталась, вероятно, лишь небольшая группа казаков — осенью 1657 г. в Сечи жило около 5000 человек²³¹.

Через два дня, когда под Ислам-Керменем начали тайно переправляться за Днепр, какой-то казак изменил и перебежал к татарам. Возможность неожиданного нападения была утрачена, больше того — казаки опасались оказаться отрезанными от Сечи, опасались понасть под огонь крепостных орудий. Пришлось возвращаться обратно. Две недели М. Самарин и его казаки жили в Сечи, уговаривая запорожцев выступить в поход. Но на этот раз поход не состоялся. В Запорожье были недовольны избранием в гетманы И. Выговского. Выговского запорожцы считали тайным сторонником польского короля и в Сечи шла подготовка к восстанию против него, требовали сдать войску незаконно захваченные гетманские бунчук и булаву.

Самарину-Лукьянову пришлось идти в степь только с 60 донскими казаками. Обстановка в степи продолжала меняться, и не

в лучшую для России и Украины сторону. В урочище Черный Колодец казаки Самарина наехали на татарскую сакму и, двигаясь по ней двое суток в сторону Полтавы, у р. Овечьи Воды напали на татарский отряд в 60 человек. В схватке потеряли троих, убили 10 и захватили в плен 50 татар. Языки сказали, что хан намерен в скором времени идти на Украину²³².

Несомненно, что с берегов Молочных Вод калга Казы-Гирей отправлял разведывательные татарские отряды в район Дона и Слободской Украины. Один из таких отрядов около 30—31 августа напал на Валуйки и под городом захватил какое-то число (вероятно, степные дозоры) русских ратных людей²³³.

Ситуация на крымско-украинских рубежах складывалась под влиянием перемен в политике нового гетмана. Политика Выговского уже осенью 1657 г. начинает приобретать антиукраинский и антирусский характер. Вынашивая изменнические идеи возвращения Украины под власть Речи Посполитой, Выговский поддерживает мирные отношения с Крымом уже с иными целями, чем те, которые были у Б. Хмельницкого. Если старый гетман ставил задачу нейтрализации и при возможности союза с ханом против польско-литовской шляхты, то Выговский нацеливает этот союз на борьбу против поднявшихся на восстание казаков и крестьян. Выговский ищет опору в Бахчисарае, рассчитывая использовать силы татар и в борьбе против России. На Запорожье прямо пазывали его связи с татарами изменническими. Донской казак Г. Савельев, побывавший в Сечи, говорил московским дьякам: «И будучи де он в войске, слышал от казаков и от черни, что гетман Иван Выговский хочет государю изменить и, соединясь с польским и шведским короли и с Крымским ханом, воевать государевы города. ...Он писал от себя листы к крымскому хану и те листы они переняли и в войске чли, и потому они от него измены и чают»²³⁴. Об измене Выговского говорил в Москве и М. Самарин²³⁵.

С ведома гетмана на границе пачинают концентрироваться новые татарские отряды. 3 ноября татарский загон неудачно напал на г. Кишенку, около 6000 татар находилось в Черном Лесу под Чигирином, чамбулы стояли и под Уманью²³⁶. Ожидая когда встанут реки, татары готовились ворваться на Украину. «А крымские де татаровя с мурзами стоят в поле наготове и под черкаские города изгоном приходят и многих людей в полон емлют, а ожидают, как на реках укрепитца лед, и им де с поляки подлинно приходить на твой великого государя черкаские города»²³⁷.

Выговский писал в Москву о том, что поляки и татары вновь замыслиют общий поход против Украины, но о своих целях использовать татар как карательную силу предпочитал умалчивать. Концентрация войск на украинских границах тревожила правительство Алексея Михайловича. Последние письма Хмельницкого настойчиво рекомендовали не упускать время и ввести дополнительные русские войска. С Белгородской черты и на этот раз на

Украину были высланы дополнительные контингенты: полки Г. Г. Ромодановского расположились вокруг Переяславля и в Чернухах. На зимних квартирах разместилось около 15 тыс.²³⁸

Эти меры были более чем своевременными. В январе 1658 г. на Украине поднимается восстание, организованное И. Сирко, И. Богуном, М. Пушкарем, кошевым атаманом Барабашем. Для подавления его Выговский призывает татарские отряды. Осложнение обстановки на Украине усилило опасность и южнорусским землям. В Крыму прямо говорили, что московский государь стал слишком «многолюден» и хану давно пора «переведаться» с ним. Хан приказал крикнуть клич по торгам, писать в улусы с приказом готовиться в поход. На этот раз возглавляли поход калга и нуретдин, сам Магомет-Гирей должен был оставаться в столице, «для того, что он на войну ходить несчастлив и добычи татарова нигде с ним в походе не бывают»²³⁹.

В Очакове, Крыму, Азове появляются сторонники Выговского и других изменнических группировок старшины, которые вместе с татарами начинают предпринимать набеги на русские и украинские земли. Особенно отличался некий Берниченко, обосновавшийся с группой бежавших из Запорожья сторонников Выговского в Азове. «А из Азова де выходя, тот Берниченко по речкам и под государевыми городами под Волуйкою, под Новым Осколом и под Торцом государевым людям многих урон чинит»²⁴⁰.

* * *

Как и в 1654 г., сразу после воссоединения Украины с Россией, отношения с Крымом сосредоточивались прежде всего вокруг борьбы за Украину. Можно сказать, что после договора под Озерной в ноябре 1655 г. в отношениях с Крымом существовало своеобразное разделение труда между российской и украинской дипломатией. Русская дипломатия уже не поднимала вопроса о союзе сил против Речи Посполитой, сосредоточив внимание исключительно на признании ханом новых царских титулов — Малой и Белой России самодержца, ненападении на русские окраины и на земли Украины. Иными словами — соблюдение нейтралитета. Но если до начала русско-шведской войны, а точнее, до перемирия в Вильно, содержались требования не помогать Речи Посполитой, то после Виленского перемирия эти требования русскими посланниками в Крыму уже не выдвигаются. В условиях прекращения русско-польской войны, в условиях временного прекращения активного военного натиска Польши на Украину татарская помощь Яну Казимиру была выгодна для России, ибо эта помощь направлялась против общего врага — шведского короля Карла X Густава.

Вместе с тем мир под Озерной возрождал определенные надежды на заключение союза с татарами, правда, не России, но Украины. По мысли Хмельницкого, этот союз должен был иметь, как и прежде, антипольскую направленность.

Активно содействуя укреплению влияния России в Дунайских

княжествах, Хмельницкий многое сделал для развития ориентации на Россию этих княжеств в их борьбе против османского владычества. При тесном его содействии Молдавия и Валахия приносят присягу в подданстве России. Причем сближение с Россией рассматривалось и с той и с другой стороны как общее участие в войне против Речи Посполитой и, естественно, в защите княжеств от вторжения османов и татар. К началу 1657 г. фактически действует коалиция против Речи Посполитой в составе Украины, Молдавии, Валахии, Трансильвании и Швеции. Принципиальных возражений со стороны России Хмельницкий не встретил.

Естественно, что сближение с Россией Дунайских княжеств и Трансильвании вызывало беспокойство в Стамбуле. Отсюда вытекает необходимость помощи им в отражении турецко-татарских нападений. И эта помощь была оказана силами украинского казачества и русских войск, не пропустивших летом 1657 г. татар за Днепр. Большую поддержку Молдавии и Валахии оказали подходы донских казаков на Крым, сдерживавших значительные силы татар.

Комплекс военных и дипломатических мер привел к заметным успехам. Военная активность Крыма понизилась.

Прямых контактов с Турцией Россия не поддерживала. Эти контакты находились целиком и полностью в руках Б. Хмельницкого. Сближение Дунайских княжеств с Россией вызывало сильнейшее недовольство в Стамбуле, там опасались потерять эти земли, опасались усиливающейся тяги православного населения к России. Все это осложняло действия украинских дипломатов. Тем не менее свою основную цель они достигли — из Стамбула последовало предписание хану не нападать на Украину и Россию.

Дунайские княжества вынуждены были признать власть султана после того, как Ракоци потерпел поражение от поляков, а на южных их рубежах появились отряды силистрийского пашы.

Наступательная политика России и Украины на крымских рубежах умерила золотоордынские замашки ханских придворных и дипломатов. Это отразилось на более благоприятной атмосфере работы Р. В. Жукова и Л. Пашина в Крыму, в речах ханского визиря Сефергазы-аги появляются намеки на возможность признания воссоединения Украины с Россией.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В XVII столетии перед Россией стояли три основные внешнеполитические задачи: воссоединение Украины и Белоруссии с Россией, отвоевание выхода в Балтийское море и обеспечение безопасности южных границ от набегов татар. В зависимости от международной ситуации и внутреннего положения в стране, а порой и от преобладания в придворных кругах тех или иных настроений и планов одна из этих проблем время от времени как бы выдвигалась на передний план и решительным образом диктовала условия решения других задач.

После Смоленской войны 1632—1634 гг. центр внешнеполитической активности России перемещается на юг и основные усилия страны оказались направлены на беспрецедентное по размаху и трудности — строительство сплошной линии оборонительных сооружений, создание продуманной и достаточно эффективной системы защиты южнорусских земель от набегов крымских татар.

Основное направление внешней политики начинает меняться после того, как в 1648 г. на Украине поднимается Освободительная война и, выражая волю народа, гетман Богдан Хмельницкий обращается к России с просьбой о подданстве. После того как в январе 1654 г. историческая Переяславская рада провозгласила воссоединение Украины с Россией, появилась реальная возможность покончить с властью магнатов и шляхты в западнорусских (Смоленск), украинских и белорусских землях. Сюда и перемещается центр внешней политики России. Однако борьба за Украину шла не только с Речью Посполитой, но и с Крымским ханством, отношения с которыми следует рассматривать в русле этой общей внешнеполитической линии России и Украины.

По сравнению с 40 годами XVII в. русско-крымские отношения стали более сложными. Возрос объем проблем, приобрели новое качество те задачи, которые предстояло решить России, Украине и Крыму путем войны или путем дипломатических переговоров. До 1654 г. в русско-крымских отношениях речь шла в основном о предотвращении татарских набегов на русские приграничные земли, о признании ханами за русским царем титула «самодержца всея Руси», наконец, о пресечении золотоордынских претензий ханов на подвластные России районы Северного Кавказа и Поволжья и т. д. Воссоединение Украины с Россией привело к расширению почти в два раза района военных действий против Крымского ханства. Теперь приходилось защищать не

только русские земли в районе Белгородской засечной черты, но и земли Украины, да и споры шли уже не о титуле самодержца, а о «Малой», а с 1656 г. и о «Белой» России.

Если до 1654 г. границы сильного, централизованного Российского государства были достаточно удалены от Крыма и непосредственной угрозы ханским владениям со стороны России не существовало, то теперь вплотную к северным границам ханства придвинулись владения державы гораздо более жизнеспособной и грозной для воинственного ханства, нежели прежде владевшая украинскими землями Речь Посполитая. Это было своеобразной подготовкой активного наступления на Крымское ханство, начавшегося в 80—90-х годах XVII в. и завершившегося ликвидацией хищнического государственного образования крымских татар в XVIII в. Не случайно именно после Переяславской рады в Крыму начали упорно распространяться слухи о скором падении ханства под ударами северного соседа.

Вместе с тем, как справедливо отмечал А. А. Новосельский, борьба антикрымская начинает постепенно перерастать в борьбу антитурецкую, правда, не сразу же после 1654 г., а несколько позднее: вплоть до 1657 г. правительство султана пыталось запретить походы крымских татар против Украины, и только в сражении под Очаковым летом 1657 г. впервые участвовали турецкие отряды. Османская Порта до 1657 г. придерживалась политики нейтралитета, политики сохранения мирных отношений с Россией и с Речью Посполитой, что можно объяснить острым внутренним кризисом в стране, предшествовавшим приходу к власти визиря Ахмеда Кюпрюлю, и тяжелыми поражениями, преследовавшими османов в эти годы в войне с Венецией.

Между тем Крымское ханство, несмотря на запрещения походов правительством Османской империи и вопреки этим запретам, предприняло весьма крупные военные действия против России и Украины. Таким образом, можно предположить, что, как и в первую половину века, крымский хан оставался достаточно самостоятельным в области внешней политики, действуя часто против воли Стамбула. Впрочем, вопрос о степени зависимости внешней политики ханов от султанов Османской империи требует специального дополнительного исследования.

Отношения России и Украины с Крымским ханством в середине XVII в. сводились не только к решению отмеченных выше проблем. Основной задачей русских и украинских дипломатов было признание ханом воссоединения Украины с Россией и вовлечение его в союз против Речи Посполитой либо сохранение нейтралитета в русско-польской войне. В решении этих задач можно проследить своеобразное «разделение труда». По предложению Хмельницкого в первые месяцы после начала войны с Речью Посполитой и русские и украинские дипломаты ставили вопрос о союзе сил, надеясь использовать традиции крымско-украинского союза, существовавшего в годы Освободительной войны. Заключить такой союз не удалось, и на первый план вы-

двигается идея нейтралитета ханства. С предложениями нейтралитета выступают русские посланники. Посланцы же Украины продолжают обсуждать вопрос об антипольском союзе, и делается это с ведома России, при поддержке и поощрении русского правительства. Дипломаты Хмельницкого как бы отработывают «запасной вариант» отношений с ханством. Антипольский союз с ханством был, вероятно, желательнее для русского правительства, чем нейтралитет, к сохранению которого упорно, но безрезультатно стремились склонить хана царские дипломаты в Бахчисарае.

Как свидетельствует материал, приведенный в работе, главные причины военной активности крымских татар оставались те же, какие отмечал для первой половины века А. А. Новосельский. Это неразвитость, экстенсивный характер феодальной экономики хозяйства, основу которого составляло кочевое скотоводство. Хозяйство Крыма не могло удовлетворить даже основных потребностей населения в поддержании жизненно необходимого минимального уровня существования. Богатства сосредоточивались в руках лишь немногих, главным образом приближенных к ханскому двору феодалов. Основная масса мелких и средних феодалов-мурз жила значительно беднее. Примитивное хозяйство улусных татар не давало возможности произвести продукцию, которая бы позволила удовлетворить потребности феодалов и основной массы населения. К этому следует добавить регулярно повторявшиеся голодовки, падеж скота, которые приводили к вымиранию населения, передвижению улусов. Выход из хозяйственных трудностей татары искали не в развитии земледелия и ремесел, к чему природные условия давали самые широкие возможности, а в грабеже соседних земель, в захвате и продаже людей в рабство, в получении принудительных платежей с сопредельных государств в форме поминок и подарков. Эти принудительные платежи ханы и знать пытались трактовать как обязательные, как форму политической зависимости, как дань, а соседних монархов — как вассалов хана. На протяжении 1654—1657 гг. русские дипломаты неоднократно слышали от ханских придворных высказывания, что Ян Казимир является подданным крымского хана.

Что же касается отношений с Россией, то и в них прослеживается стремление подчеркнуть верховенство Крыма. Правда, уже не спорили относительно титула русского царя как «самодержца», т. е. независимого властелина (титул этот был признан ханами в 40-х годах), но оставалось грубое, жестокое и оскорбительное отношение к русским посланникам, когда у них силой вымогали меха, бранили, избивали, заставляли «в неволю» класть земные поклоны не только перед ханом, но и перед калгой, нуретдином. Русские представители в меру своих возможностей боролись с этим, упорно отстаивая реальное положение вещей. Дипломаты в Крым направлялись не в ранге послов, а в ранге посланников. Послы отправлялись лишь к тем государям, власть которых считалась равной власти российского самодержца.

Как и в первой половине века, скрытые пружины, приводившие в действие механизм внешней политики Крыма, находились скорее всего не в Стамбуле, и даже не во дворце Гиреев. Внешнюю политику ханства направляли представители наиболее крупной крымской феодальной знати, такие, как визирь Сефергазы-ага, переживший несколько ханов, Карач-бей Перекопский, князя из родов Сулешевых, Мансура, Ширина, Чобан-Гиреев. Правда, они не могли навязать Стамбулу свою волю при назначении нового хана, но каждый новый хан, в том числе и Магомет-Гирей, вынужден был исполнять волю не столько султана, сколько крымской знати. Без ее помощи он не смог бы удержаться на престоле. Вопреки распоряжениям Стамбула Магомет-Гирей предпринимает походы 1654, 1655 и 1656 гг.

Как и прежде, между различными группировками придворной знати продолжается борьба за власть, а больше всего за внешнюю политику и за раздел добычи. Внутренние неурядицы в Крыму в середине XVII в. несколько снижают агрессивность татар. Смерть Ислам-Гирея привела к задержке заключения польско-крымского договора, вплоть до декабря 1654 г. крупные силы татар не появились в пределах Украины и России. Разногласия, «смуты» и «шум» среди крымских мурз и князей способствовали тому, что весной и летом 1657 г. орда долго стояла у Перекопа и в устье Днепра: спорили куда двинуться — на русские окраины или на Украину.

Вместе с тем цели внешней политики Крыма были сложнее, чем примитивный грабеж соседей. Направление набегов татарских отрядов определялось не только тем, кто больше — Россия, или Речь Посполитая — даст поминок. Причины обострения отношений с Крымом России и Украины были более глубокими. Выше уже говорилось о тех опасениях за существование ханства, которые вызывало воссоединение Украины с Россией и приближение русских границ к пределам полуострова. Кроме того, крымские феодалы сами были не против овладеть украинскими землями. В первые месяцы после Переяславской рады намерения эти явно не высказывались. В переговорах с русскими и украинскими дипломатами Сефергазы-ага лишь отказывался признать права царя на Украину и Белоруссию. Хмельницкому же татары открыто предлагали вновь вернуть Украину под власть Речи Посполитой. После того как в 1655 г. положение Яна Казимира становится почти безнадежным под ударами русских и шведских войск, ханство открыто высказывает претензии на украинские земли, уверяя русских посланников, что Хмельницкий отказался признавать власть царя и просит хана принять его в подданство. Это была сознательная дезинформация. Контакты Хмельницкого с ханом касались вопросов обмена пленными, заключения мира и союза против Речи Посполитой. Предложение вернуться под королевскую руку посланцы гетмана решительно отклонили.

Украинские земли были нужны крымским феодалам не только как объект феодальной эксплуатации, которая в условиях рутин-

ности социально-экономических отношений ханства могла представляться мурзам по традиционному золотоордынскому типу: дань и право на грабеж. Овладение украинскими землями, либо (временное!) возвращение Украины в состав Речи Посполитой плюс польско-татарский союз против Москвы открывали возможность обойти с запада Белгородскую черту и прорваться в тыл оборонительных сооружений, на земли, которые давно уже не подвергались татарским вторжениям. Это могло привести к усилению позиций Крымского ханства в районе южнорусских границ, вблизи Астрахани, Северного Кавказа, претензий на которые в первой половине XVII в. крымские ханы заявляли неоднократно. Измена И. Выговского позволила татарам в 1659 г. предпринять такой обход засечной линии.

Воссоединение Украины с Россией оказало весьма сильное влияние не только на дипломатию, но и на ход военных действий против крымских татар, сделало эти действия более активными. Если с конца 40-х годов военные действия России ограничивались отражением набегов мелких отрядов крымских мурз на русские земли в районе Дона и Белгородской черты, то теперь России уже приходилось иметь дело с основными силами Крымского ханства, насчитывающими порой до 100 тыс. воинов.

Расширяется и территория военных действий против татар. Основные удары татарские войска наносили на широком пространстве — от устья Днепра до течения Днестра. Действия крымских татар в районе Дона и Белгородской черты носят второстепенный характер и несравнимы с действиями на Украине ни по численности нападающих, ни по последствиям. Напряженность борьбы многократно возрастает, но возрастают и силы, противостоящие татарам. Теперь это объединенные силы украинского и русского народов.

Меняются принципы борьбы. В годы перед Освободительной войной оборона от татарских вторжений на украинских землях была весьма плохо организованной. Строилась она по так называемому «польскому типу»: стремительные рейды шляхетских и казачьих отрядов, перехватывающих отдельные татарские «загоны», и орды, наносивших порой внешне эффективные и шумные победы, рассеивавших неприятеля. Это не мешало татарам быстро собраться в заранее обусловленном месте и продолжать набег. Попытки запорожских казаков своими силами оборонять границу без надлежащей регулярной поддержки войск правительства, без необходимых и имевшихся бы в достаточном количестве укрепленных приграничных пунктов тоже не решали дела.

Положение начинает меняться после 1654 г. Теперь военные действия против татар на Украине опираются на хорошо укрепленную Белгородскую оборонительную черту, где постоянно несет службу специально назначенный корпус русских войск, командующий которым обязан был при первом сигнале опасности выступить на помощь Хмельницкому. Территория Украины как бы включается в систему предполья Белгородской черты.

Объединенными силами русских и казацких полков создается целая сеть опорных пунктов на украинских землях. В числе этих пунктов обороны (и от татар, и от Речи Посполитой) можно назвать Киев, где находился постоянно русский гарнизон, Белую Церковь, где стояли русские полки в 1654—1657 гг. Отдельные русские отряды появлялись в случае надобности и в Умани, и в Брацлаве, и в Корсуне, расположенных уже на самой границе со степью. Объединенными силами украинских казацких полков и русских войск удастся перекрыть границу с Крымом от Полтавы до Днестра. Граница была перекрыта не только цепью легких дозоров, но и расположенными вдоль нее в основном казацкими полками.

В свое время примерно по такому же принципу исторически складывалась русская система обороны. (Расположение войск на границе, наблюдение за всей пограничной линией, продвижение к границе опорных пунктов-крепостей.) Можно с уверенностью предположить, что уже с 1654 г. на Украине стала постепенно вводиться надежная русская система обороны от кочевников. Правда, пока не удалось построить засечную черту, которая бы прикрыла подступы к Украине, для этого еще не было ни времени, ни сил, но дело шло именно к тому. Возведение несколько позднее Изюмской оборонительной линии подтверждает этот вывод.

Вместе с тем сама русская система обороны тоже начинает претерпевать изменения. Активизируется наступательный характер борьбы с татарами. Уже в 1656 г. правительство планирует поход русских, украинских и калмыцких отрядов на Крымское ханство. Осуществить этот поход не удастся, но год спустя объединенные русско-украинские отряды и отряды молдаван, валахов неподалеку от Очакова нанесут поражение татарам. Походы русских, украинских и калмыцких отрядов на Очаков и Перекоп предпринимаются неоднократно на протяжении 60—90 гг. XVII в. Возрастает активность казацких морских и сухопутных походов на Крым. Эти походы казаков и набеги калмыков самым тесным и непосредственным образом были связаны и скоординированы с действиями русских и украинских войск, создавали постоянную угрозу тылу крымских татар, сковывали их силы, вынуждали длительное время держать на полуострове или вблизи Перекопа значительные татарские отряды.

Полное представление о месте и значении отношений с Крымом России и Украины возможно лишь при учете международного положения России и Украины в середине XVII в.

Внешняя политика России с 1654 до декабря 1655 г. была направлена на закрепление и международное признание акта воссоединения. В Посольском приказе трезво оценивали сложившееся в Европе в 1654 г. положение и уровень развития дипломатических контактов России с европейскими странами. В государствах, с которыми поддерживали контакты лишь эпизодически, таких, как Франция, Дания, Нидерланды, надлежало добиться

благосклонного нейтралитета в предстоящей русско-польской войне. Со странами, непосредственно расположенными у русских и украинских границ (Швеция, Крымское ханство, Молдавия, Валахия, позднее — Трансильвания), были начаты переговоры об антипольском союзе, а с Дунайскими княжествами — и о переходе в русское подданство.

Начавшаяся русско-польская война естественно вела к особому сближению с северным соседом — Швецией, которая претендовала на Балтийское побережье Польши и на саму польскую корону. И русское, и шведское правительства искали возможности заключить союз. Дипломаты Карла X Густава предлагали признать за Россией права на все украинские земли, включая Западную Украину и Львов и значительную часть Белоруссии, до течения р. Березины. Переговоры шли либо непосредственно, либо через гетмана Хмельницкого, по инициативе которого скорее всего и начал разрабатываться этот проект союза со Швецией. Таким образом, фактически предполагалось создание широкой антипольской коалиции, охватывающей Речь Посполитую с севера, востока и юга полукольцом враждебных соседних стран. Составной частью замыслов русского правительства и Хмельницкого был предполагаемый союз с Крымским ханством.

Успешные военные действия против Речи Посполитой привели к тому, что к концу 1655 г. почти все украинские и белорусские земли были освобождены от войск неприятеля. Начавшаяся летом этого года интервенция Швеции в польские и литовские земли поставила Речь Посполитую на грань национальной катастрофы. В этих условиях, недооценив силы и стремления польских магнатов к продолжению борьбы на Востоке, считая вопрос о воссоединении Украины и Белоруссии решенным, русское правительство меняет в декабре 1655 г. внешнеполитический курс, в 1656 г. заключает перемирие с Речью Посполитой, начинает войну со Швецией за выход в Балтийское море, даже не добившись от Польши отказа от возвращения земель Украины и Белоруссии.

Перемирие с Речью Посполитой резко нарушало естественное развитие событий, ставило русское государство в состояние международной изоляции. Что касается Крыма, то русские представители оказались в Бахчисарае в довольно противоречивом положении: они уже не могли выступать против союза хана с Яном Казимиром. (Король воевал теперь уже против общего с Россией врага — против Швеции и тем не менее по-прежнему не признавал прав России на Украину и использовал силы татар для подчинения Украины.) И без того сложные отношения России с Крымом безнадежно запутывались еще больше.

Хмельницкий выступал противником нового курса, указывая на то, что сопротивление Речи Посполитой еще не сломлено окончательно. Гетман продолжал дипломатические контакты с Карлом X Густавом с целью заключения с ним союза против Речи Посполитой. Примечательно, что Хмельницкий открыто,

в письмах к царю доказывал ошибочность нового внешнеполитического курса, информировал русское правительство о ходе своих переговоров о союзе со Швецией. Нет никаких оснований считать эти переговоры гетмана актом измены по отношению к России. Это была борьба мнений относительно внешней политики России. Тот факт, что со стороны правительства не последовало запрещения гетману вести переговоры с Карлом X Густавом, свидетельствует, что правительственные круги России продолжали, вероятно, испытывать какие-то колебания и сомнения в правильности нового курса. Во всяком случае, правительство России было несомненно заинтересовано в переговорах Хмельницкого со Швецией. Такие переговоры и украинско-шведский союз создавали Речи Посполитой постоянную угрозу сближения России и Швеции. В условиях нерешенных польско-русских противоречий такая угроза была как нельзя более кстати.

Воссоединение Украины с Россией оказало заметное влияние на исторические судьбы находящихся под османским игом народов Дунайских княжеств и Балканского полуострова. Оно способствовало оживлению национально-освободительной борьбы. Не случаен проект Хмельницкого, с которым он обратился и к Карлу X, и к русскому царю. Рассматривая перспективу развития внешней политики, гетман предвидел скорые войны против Османской империи, развивал мысль об антиосманской коалиции, о привлечении народов Балкан.

Переяславская рада показала новый путь освобождения от османского ига — путь опоры на Россию. Если раньше еще возможны были надежды на помощь со стороны Речи Посполитой, то после заключения польско-крымского союза эти надежды растаяли. Хмельницкий принимал самое деятельное участие в освобождении Дунайских княжеств от власти Турции — именно через него московское правительство вело переговоры о переходе их в русское подданство. Это лишний раз свидетельствует и о значительной внешнеполитической самостоятельности гетмана под властью России, и о том вполне заслуженном доверии, которым он пользовался.

Резюмируя вышеизложенное, необходимо отметить, что события 1654—1657 гг. имели необычайно важное значение и были направлены прежде всего на закрепление исторического акта воссоединения Украины с Россией. Несмотря на упорные попытки магнатства восстановить свои владения на Украине, несмотря на открытые притязания крымского хана на захват украинских земель, этого не удалось им сделать ни к 1657 г., ни в последующем. Таким образом, уже к 1657 г. становится очевидным, что процесс воссоединения Украины с Россией принял необратимый характер.

О необходимости воссоединения свидетельствует и возросший международный авторитет России и Украины, объединенные силы которых стали ведущей политической силой Восточной Европы.

ПРИЛОЖЕНИЕ

НАБЕГИ КРЫМСКИХ И ТУРЕЦКИХ ВОЙСК НА РОССИЮ И УКРАИНУ В 1654—1657 гг.

Дата	Численность и кто нападал	Направления набегов и районы действий нападавших	Ущерб от набегов
1654 г. августа 18	«Многочисленный» отряд крымских татар	Под Полтаву	Не установлено
1654 г. сентября 28	«Многочисленный отряд» крымских татар	Под Полтаву	Взяли «большой полон» и много скота. Казаки Полтавского полка на р. Коломак отбили добычу
1654 г. сентябрь	Войска силестрийского паши	Переправились через Дунай и сосредоточились на границе с Украиной	
1654 г. сентябрь	Крымские татары мелкими отрядами	Нападали на южные границы Чигиринского, Корсуньского, Уманьского и Брацлавского полков	«Много шкот починили»
1654 г. ноябрь	Мелкие отряды крымских татар	Под Чечельник и Савран (южная граница Уманьского и Брацлавского полков)	«Много шкот починили»
1654 г. декабра 27 по 1654 г. 1655 середина марта	150 человек ногайцев и белгородских татар	Подшли к Шаргороду и соединились с польскими войсками	—
1654 г. декабра 27 по 1654 г. 1655 середина марта	30 тыс., а с февраля 1655 г. 120 тыс. крымских, ногайских белгородских татар	Под командой калги соединились в районе Брацлава с поляками. Двинулись на Умань, Ахматов, блокировали Ставищи и Белую Церковь. После поражения в Дрижипольской битве татары базируются на Брацлавщине под г. Животов, откуда нападали на Умань, но были отбиты	Совместно с польскими шляхтичами разграбили более 50 городков и сел на Брацлавщине, где взяли 50—52 тыс. человек полдона. Грабили Правобережную Украину в районе Чигирин — Белая Церковь — Черкасы
1655 январь	40 тыс. крымских татар	Под командой калги Казы-Гирея напали на Запорожье	Пожгли «чайки»
1655 июль — август	Разведывательные отряды крымских татар	Разведка и добывание языков на Дону	Не установлено
1655 конец мая	Численность крымских татар не установлена	Брацлавский полк три дня бился на переправах в низовьях Днепра, обороняясь от татар	Фарсировать Днепр татарам не удалось

Дата	Численность и кто нападал	Направления набегов и районы действий нападавших	Ущерб от набегов
1655 июль	Разведывательные отряды крымских татар	Нападения на пограничные украинские села и городки	Не установлено
1655 г. август	Небольшой отряд (ногаи?)	Окрестности Полтавы На Солёные Воды	Захватили 20 человек. На обратном пути был отряд уничтожен казаками Гадачевского полка
1655 г. начало сентября — октябрь	Мелкие отряды крымских, ногайских и других татар	Чигирин, Черкасы, Фастов, Киев	Перехватывали казачьи разъезды, отпущенные с трофеями из армии Хмельницкого, осаждавшей Львов
1655 г. октябрь — начало ноября	100 тыс. крымских, ногайских, белгородских, буджацких татар	Действуя в междуречье Днестра и Буга, отрезали армию Хмельницкого и Бутурлина от тыловых баз. Нападали в районе Киева, Белой Церкви, Кодака, затем двинулись к Каменец-Подольскому и Львову, перехватывая казачьи отряды, отпущенные из-под Львова	Потерпели поражение под Озерной. Почти весь полон и скот был отбит, потеряли 10 тыс. убитыми, с Хмельницким заключили мир
1655 декабрь	Мелкие отряды	Наблюдают за границей в районе Дона и Украины, опасаясь «безвестного прихода» калмыков и казаков	—
1656 январь	Небольшие отряды ногаев	Нападения на Брацлавский полк	Пограблены пограничные городки
1656 г. января 12	1500 человек азовцев, крымцев, кабардинцев	Черкасск	Разорили окрестности
1656 г. февраль	Незначительные отряды азовских татар	Непрестанные нападения на Дон, захват «языков»	За январь и февраль захватили более 30 человек

Дата	Численность и кто напал	Направления набегов и районы действий нападавших	Ущерб от набегов
1656 г. 16 февраля 16	300 человек азовских татар	Черкасск. Бой под городом	Не установлено
1656 г. февраля 20	Численность не установлена, азовские татары	Низовья Дона	Захватили несколько рыбаков
1656 г. июнь	300 человек азовских и крымских татар	Царев-Борисов, Тамбов, Шацк	Отогнали «конные» и животинные стада», взяли незначительный полон
1656 г. июль	Не установлено	В район Тора	«Немало людей порубили и шкоды учинили»
1657 г. февраля 17	Численность не установлена, азовцы, крымцы, темрюки, малые ногаи, кабардинцы, черкесы	Осадили Черкасск	Не установлено
1657 г. апреля 24 — июли 6	450 тыс. крымских, погайских, белгородских татар и турецких отрядов	Бои в устье Днепра и Днестра с русскими, украинскими, молдавскими и валашскими отрядами. Цель похода — пробиться на соединение с поляками и вместе действовать против Ракоци и Ждановича	Татары задержаны на Днепре и Днестре
1657 г. июля 6 августа 26	30—40 тыс. крымских, погайских, белгородских татар	Отход от Днепра к Каменец — Подольскому и разорение пограничных с Диким Полем городков Украины. Разгром войска Ракоци. Предводительствует сам хан	Очень небольшой полон на Украине и 19—20 пленных из войска Ракоци
1657 июля 6 — сентября 5	30—40 тыс. крымских и ногайских татар	После поражения в устье Днепра и Днестра отошли под командой калги Казы-Гирея к Перекопу для обороны полуострова	

Дата	Численность и кто нападал	Направления набегов и районы действий нападавших	Ущерб от набегов
1657 августа 29 — сентября 5	30—40 тыс. крымских татар	Находились в помощь отряду калги под Перекопом. Командовал хан Магомет-Гирей	
1657 г. августа 30—31	Ногаи и крымские татары	Нападение на г. Валуйки	Захватили в плен несколько человек
1657 г. нач. октября	2000 человек малых ногаев	У Молочных Вод для обороны от калмыков и разведки	
1657 октября	60 человек крымских татар	В район Полтавы, за языками	Отряд перебит и пленен донскими казаками
1657 г. ноября 3	Крымские татары	Нападение на Г. Кишенку (на Украине)	Нападение отбито
1657 г. ноябрь	6000 крымских татар	Сосредоточились под Чигрином в урочище Черный Лес, откуда послали чамбулы под Умань и прочие города Правобережья. Зимой намерены идти всеми силами на Украину	Не установлено
1657 г. ноябрь	Азовские татары	Набеги мелких групп на Валуйки, Новый Оскол, Тор и др.	Не установлено

Примечание. Как видно из данного приложения за 1654—1657 гг. крымскими, азовскими и прочими татарскими ордами было совершено не менее 38 набегов на русские и украинские земли, в результате которых оказались захваченными в плен и угнанными в рабство не менее 52 тыс. человек. Поскольку источники лишь от случая к случаю называют цифры плененных, не вызывает сомнения, что в действительности цифры эти были значительно выше, 52 тыс. было захвачено на Украине во время весеннего похода 1655 г. Походы осенью 1656 и летом 1657 г. были неудачны для татар, и число полона оказалось невелико. Источники не позволяют уточнить эти цифры, как и цифры захваченных в плен мелкими татарскими разъездами. Наиболее значительные нападения были предприняты на территорию Украины, но начатый Хмельницким переход к русской системе пограничной обороны и помощь русских войск привели к поражению татар в этих походах.

ПРИМЕЧАНИЯ

Введение

- ¹ *Хорошкевич А. Л.* Русское государство в системе международных отношений конца XV — начала XVI в. М., 1980; *Шмидт С. О.* К характеристике русско-крымских отношений второй четверти XVI в. // Международные связи России до XVII в. М., 1967; *Бурдей Г. Д.* Русско-турецкая война 1569 г. Саратов, 1962; *Новосельский А. А.* Борьба Московского государства с татарами в первой половине XVII в. М.; Л., 1948; *Дружинина Е. И.* Кючук-Кайнарджийский мир. М., 1955; *Она же.* Северное Причерноморье в 1775—1800 гг. М., 1959; и др.
- ² *Преображенский А. А.* Из истории внешних сношений Русского государства со странами Средней Азии в XVI в. // Ист. зап. 1951. Т. 36.
- ³ *Пештич С. Л.* Русская историография XVIII века. Л., 1971. С. 169—170.
- ⁴ Там же. С. 170.
- ⁵ *Байер Г. З.* Краткое описание военных случаев, касающихся до Азова от создания сего города до возвращения онаго под Российскую державу/Пер. с нем. И. К. Тауберга. Академии наук адъюнкта. 3-е изд. СПб., 1782.
- ⁶ Там же. С. 103—131.
- ⁷ Там же. С. 85.
- ⁸ Там же. С. 68—70.
- ⁹ *Левашов П.* Картина или описание всех нашествий на Россию татар, турков, их тут браней, грабительства и опустошений, начавшихся в половине десятого века и почти беспрерывно через восемь сот лет продолжавшихся, с приложением нужных примечаний и разных известий, касательно Крыма, прав российских государей на оной и проч./Сочинено действительным статским советником Павлом Левашовым. СПб., 1792.
- ¹⁰ Там же. С. I—II.
- ¹¹ Краткое историческое описание о Малой России до 1765 г. с дополнениями из летописей, польского и малороссийского журнала или записок генерала Гордона, из жизнеописания о государе Петре Великом Феофаном Прокоповичем и греком Антонием Катифором, фамильных записок и публичных указов. Б. м., 1789.
- ¹² Там же. С. 1.
- ¹³ Там же. С. 27.
- ¹⁴ Там же. С. 28—29.
- ¹⁵ *Миллер Г. Ф.* Историческое сочинение о Малороссии и малороссиянах. М., 1846.
- ¹⁶ *Марченко М. I.* Українська історіографія. Київ, 1959. С. 98—102.
- ¹⁷ История Русов или Малой России // Чтения МОИДР. 1846. Кн. 4. С. 145—181.
- ¹⁸ Там же. С. 145.
- ¹⁹ Там же. С. 135—144.
- ²⁰ *Бантыш-Каменский Д. Н.* История Малой России от водворения славян в сей стране до уничтожения гетманства. М., 1822. Ч. 1, 2.
- ²¹ *Бантыш-Каменский Д. Н.* История Малой России от водворения славян в сей стране до уничтожения гетманства. Киев, 1903. Ч. 1. С. 208.
- ²² Там же. Киев, 1903. Ч. 2. С. 214, 220.
- ²³ Там же. С. 214.
- ²⁴ Там же. С. 211.
- ²⁵ *Соловьев С. М.* История России с древнейших времен. М., 1961. Кн. V. С. 638, 651, 678 и др.
- ²⁶ Там же. С. 625.
- ²⁷ Там же. С. 634—635.
- ²⁸ Там же. С. 635.
- ²⁹ *Чернышевский Н. Г.* Собр. соч. Т. II. М., 1949, С. 399—405. Ред. на кн.: *Соловьев С. М.* История

- России с древнейших времен. СПб., 1854. Т. 4.
- ³⁰ Соловьев С. М. Указ. соч. Кн. V. С. 543.
- ³¹ Там же. С. 634, 635, 639.
- ³² Там же. С. 673.
- ³³ Там же. С. 673, 674.
- ³⁴ Историография истории СССР: С древнейших времен до Великой Октябрьской социалистической революции. М., 1961. С. 264.
- ³⁵ Там же. С. 270.
- ³⁶ Костомаров Н. И. Исторические монографии и исследования. СПб., 1904. Кн. 4: Богдан Хмельницкий. С. 565–570.
- ³⁷ Там же. С. 577, 579, 596–604, 615–620.
- ³⁸ Там же. С. 621.
- ³⁹ Итоги и задачи изучения внешней политики России: Советская историография. М., 1981. С. 91.
- ⁴⁰ Костомаров Н. И. Указ. соч. Кн. 4. С. 579–580.
- ⁴¹ Карпов Г. Ф. В защиту Богдана Хмельницкого // Чтения МОИДР. 1899. Кн. 1. С. 67–76.
- ⁴² Там же. С. 75.
- ⁴³ Эйнгорн В. О. Очерки по истории Малороссии в XVII веке. Сношение малороссийского духовенства с московским правительством в царствование Алексея Михайловича. М., 1899. С. 50, 90–91 и др.
- ⁴⁴ Там же. С. 86–87.
- ⁴⁵ Зварницкий Д. И. История запорожских казаков. СПб., 1895. Т. 2. С. 231–249.
- ⁴⁶ Там же. С. 393–394.
- ⁴⁷ Там же. С. 393.
- ⁴⁸ Там же.
- ⁴⁹ Там же. С. 390–394.
- ⁵⁰ Там же. С. 394.
- ⁵¹ Там же. С. 405.
- ⁵² Там же. С. 406–438.
- ⁵³ Кулиш П. А. Повесть об украинском народе. СПб., 1846. С. 3, 45, 59; *Он же*. История воссоединения Руси. СПб., 1874. Т. 1. С. 2–32.
- ⁵⁴ Грушевський М. С. Історія України – Руси. Київ, 1931. Т. 9, ч. 2.
- ⁵⁵ Там же. С. 1496.
- ⁵⁶ Там же. С. 1500.
- ⁵⁷ Там же. С. 1498.
- ⁵⁸ Бережков К. Н. Крымские шертенные грамоты // Чтения в историческом обществе Нестора Летописца. 1894. Кн. 8; Лашков Ф. Ф. Архивные данные о бейликах в Крымском ханстве // Труды VI Археологического съезда в Одессе. 1889. Т. IV.
- ⁵⁹ Харгай Ф. Исторические судьбы крымских татар // Вестн. Европы. 1866. № 2; 1867. № 2.
- ⁶⁰ Новосельский А. А. Борьба Московского государства с татарами... С. 9–10.
- ⁶¹ Смирнов В. Д. Крымское ханство под верховенством Османской Порты до начала XVIII века. СПб., 1887. С. XXXI.
- ⁶² Там же. С. 543.
- ⁶³ Там же. С. 555.
- ⁶⁴ Там же. С. 712.
- ⁶⁵ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 27. С. 241.
- ⁶⁶ Некрасов Г. А. В. И. Ленин о соотношении войны и политики и проблемы внешнеполитической истории России XVII–XVIII веков // Актуальные проблемы истории России эпохи феодализма. М., 1970. С. 312.
- ^{67–68} Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 27. С. 282.
- ⁶⁹ Санин Г. А. Советская историография внешней политики России в XVII в. // Итоги и задачи изучения внешней политики России: Советская историография. С. 86–123; Изучение отечественной истории в СССР между XXV и XXVI съездами КПСС. М., 1982. С. 431–438.
- ⁷⁰ Смирнов Н. А. Россия и Турция в XVI–XVII вв. Т. 2. // Учен. зап. МГУ. 1946. Вып. 94; Вайнштейн О. Л. Россия и Тридцатилетняя война: Очерки по истории внешней политики Московского государства в первой половине XVII века. М., 1947; Новосельский А. А. Борьба Московского государства с татарами...
- ⁷¹ Смирнов Н. А. Россия и Турция в XVI–XVII веках. Т. 2. // Учен. зап. МГУ. 1946. Вып. 94. С. 53, 56–58, 73, 80–81 и др.
- ⁷² Санин Г. А. Взаимоотношения России и Правобережной Украины на рубеже 60–70-х годов XVII века: Автореф. дис. ...канд. ист. наук. М., 1970; *Он же*. Русско-польские отношения 1667–1672 гг. и крымско-турецкая политика в Восточной Европе // Россия, Польша и Причерноморье в XV–XVII вв. М., 1979. С. 276–286; Галактионов И. В. Россия и

- Польша перед лицом турецко-татарской агрессии в 1667 г. // Там же. С. 382—389; *Чистякова Е. В.* Идея совместной обороны южных границ России и Польши в русской публицистике второй половины XVII в. // Там же. С. 287—298.
- ⁷³ См.: *Новосельский А. А.* // *Вопр. истории.* 1948. № 2. С. 131—138. Рец. на кн.: *Смирнов Н. А.* Россия и Турция в XVI—XVII вв. М., 1946. Т. 1, 2.
- ⁷⁴ *Новосельский А. А.* Борьба Московского государства с татарами...
- ⁷⁵ Там же. С. 417.
- ⁷⁶ Там же. С. 418.
- ⁷⁷ Там же. С. 419.
- ⁷⁸ Там же.
- ⁷⁹ Там же. С. 420.
- ⁸⁰ Там же. С. 419.
- ⁸¹ Там же. С. 423—424.
- ⁸² *Новосельский А. А.* Совместная борьба русского и украинского народов против турецко-татарских захватчиков // Докл. и сообщ. Ин-та истории АН СССР. М., 1954. Вып. 2.
- ⁸³ *Заборовский Л. В.* Крымский вопрос во внешней политике России и Речи Посполитой в 40—середине 50-х годов XVII в. // *Россия, Польша и Северное Причерноморье в XV—XVIII вв.* С. 261—271.
- ⁸⁴ *Апанович О. М.* Запорізька Січ у боротьбі проти турецько-татарської агресії. 50—70 роки XVII ст. Київ, 1961.
- ⁸⁵ *Тушин Ю. П.* Русское мореплавание на Каспийском, Азовском и Черном морях (XVII век). М., 1978, С. 138, 139, 167.
- ⁸⁶ *Шевченко Ф. П.* Політичні та економічні зв'язки України з Росією в середині XVII ст. Київ, 1959. С. 75, 81, 88—89, 142—143, 289, 290, 293 и др.
- ⁸⁷ Там же. С. 60, 95, 130, 131, 142, 143, 144, 149, 150, 239—242, 258—262, 268, 321, 335—337, 353—354, 359, 362—366, 372—376, 379—381 и др.
- ⁸⁸ *Монархия Турецкая, описанная через Рикота, бывшего английского секретаря посольства при Оттоманской Порте: Пер. с пол.* СПб., 1741.
- ⁸⁹ *Миньо Винсент.* История турецкая, начиная временами как она
- составилась до замирения между султаном Магометом Пятым и римским императором Карлом Шестым в 1740 году. Сочиненная аббатом Миньотом, настоятелем Селлерского монастыря во Франции, почетным членом Великого Совета. СПб., 1790. Ч. 3.
- ⁹⁰ *Goyer G.* Geschichte des Joann Sobieski, König in Polen. Leipzig, 1762.
- ⁹¹ Ibid. S. 153—171.
- ⁹² Ibid. S. 179—180.
- ⁹³ Ibid. S. 78—98.
- ⁹⁴ *Hammer H.* Geschichte der Chan der Krim unter osmanischer Herrschaft. Wien, 1856.
- ⁹⁵ *Новосельский А. А.* Борьба Московского государства с татарами... С. 6, 31, 33.
- ⁹⁶ *Rotlisberger M.* Die Türkei: Reise durch ihre Geschichte. Bern, 1959; *Peters R.* Geschichte der Türken. Stuttgart, 1961.
- ⁹⁷ *Hantsch H.* Die Geschichte Österreichs. Garz etc., 1953. Bd. 2.
- ⁹⁸ Ibid. S. 28—29.
- ⁹⁹ Ibid. S. 29—30, 32—33.
- ¹⁰⁰ Ibid. S. 29, 30.
- ¹⁰¹ *Stökl G.* Russische Geschichte von Anfänger bis zur Gegenwart. Stuttgart, 1965.
- ¹⁰² Ibid. S. 1—2.
- ¹⁰³ Ibid. S. 317.
- ¹⁰⁴ Ibid. S. 319.
- ¹⁰⁵ *Сенкевич Г.* Полн. собр. соч. СПб., 1907. Т. II: Огнем и мечом. С. 1.
- ¹⁰⁶ Там же. С. 3.
- ¹⁰⁷ Там же. С. 43.
- ¹⁰⁸ Там же. С. 49.
- ¹⁰⁹ Там же. С. 229.
- ¹¹⁰ *Kosman M.* Na tropach bogaterów trylogii. W-wa, 1966.
- ¹¹¹ Советская историческая энциклопедия. М., 1962. Т. 1. С. 378.
- ¹¹² *Korzon T.* Dzieje wojskowości w Polsce. Lwów etc., 1923. Т. III; Epoka przedrozborowa. S. 321.
- ¹¹³ Ibid. S. 350.
- ¹¹⁴ Ibid. S. 345—347.
- ¹¹⁵ Ibid.
- ¹¹⁶ Ibid. S. 322—324.
- ¹¹⁷ Ibid. S. 326.
- ¹¹⁸ Россия, Польша и Причерноморье в XV—XVIII вв. С. 147—158, 174—197, 223—235, 248—262.
- ¹¹⁹ *Polska w okresie drugiej wojny północnej 1655—1660.* W-wa, 1957.
- ¹²⁰ Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России. СПб.,

- Т. 3. 1861; Т. 4. 1863; Т. 8. 1875; Т. 11. 1879; Т. 14. 1889. (Далее: АЮЗР).
- ¹²¹ Документы Богдана Хмельницького. Київ, 1951.
- ¹²² Исторические связи народов СССР и Румынии в XV — начале XVIII в. М., 1968. Т. 2. С. 1633—1673.
- ¹²³ Архив Южной и Западной России, издаваемый Комиссиею для разбора древних актов, состоящей при киевском, подольском и волыньском генерал-губернаторе (Далее: Архив ЮЗР). Ч. 3, т. VI; Акты шведского государственного архива, относящиеся к истории Малороссии (1649—1660). Киев, 1908.
- ¹²⁴ Грушевський М. С. Указ. соч. С. 1290—1294.
- ¹²⁵ Жерела до історії України — Руси. Львів, 1911. Т. XII.
- ¹²⁶ Воссоединение Украины с Россией. М., 1953. Т. III. С. 560—563.
- ¹²⁷ Русская историческая библиотека. СПб., 1913. Т. XXIX; Пг., 1917. Т. XXXII. 1917. Т. XXXIV. (Далее: РИБ).
- ¹²⁸ Бангыш-Каменский Н. Н. Обзор внешних сношений России (по 1800 году). М., 1894. Ч. 1; 1896, Ч. 2.
- ¹²⁹ Списки на эти источники см. ниже. Основными публикациями являются: *Michałowski J. Jakuba Michałowskiego, wojskiego lubelskiego, a później kasztelana bieckiego księga pamiętnicza z dawniego rękopisma, będącego własnością Ludwiga hr. Morsztyna*. Kraków, 1864; *Ojczyście spominki w pismach do dziejów dawnej Polski. Diariuszy, relacye, pamiętniki i t. p., służyć mogące do objaśnienia dziejów krajowych*. Kraków, 1845. Т. 2.
- ¹³⁰ Грушевський М. С. Указ. соч.
- ¹³¹ Анализ иностранных источников по истории Украины см.: *Мыцык Ю. А.* Записки иностранцев как источник по истории Украины, вторая половина XVI — середина XVII в. Днепропетровск, 1981; *Плохий С. Н.* Латинско-язычные сочинения середины XVII века как источник по истории Освободительной войны украинского народа 1648—1654 гг.: Автореф. ...канд. ист. наук. М., 1982.
- ¹³² ЦГАДА. Ф. 123. Сношения с Крымом. Оп. 1. 1654. Стб. 2. Л. 37—145. 1654 февраля 21.— Наказ Т. Г. Хатунскому и И. Фомину.
- ¹³³ Там же.
- ¹³⁴ Там же. Ф. 93. Сношения с Францией. Оп. 1. Кн. 4. Л. 1—2. 1653 ноября 29.— Наказ К. Мачехину.
- ¹³⁵ Там же. Ф. 123. Сношения с Крымом. Оп. 1. 1654. Стб. 3. Статейный список Т. Г. Хатунского; Там же. Кн. 37. Статейный список Д. Жеребцова и др.
- ¹³⁶ АЮЗР. СПб., 1878. Т. 10. С. 589. Статейный список Т. Перфирьева.
- ¹³⁷ ЦГАДА. Ф. 93. Сношения с Францией. Оп. 1. Кн. 4. Статейный список К. Мачехина; Там же. Ф. 32. Сношения с Австрией. 1654. Стб. 2. Статейный список И. И. Баклановского.
- ¹³⁸ Там же. Ф. 123. Сношения с Крымом. Оп. 1. 1654. Стб. 3. Л. 82—86. Статейный список Т. Хатунского.
- ¹³⁹ Там же. Кн. 40. Л. 66—68, 257—258, 344—349, 404, 432 и др. Статейный список Р. В. Жукова.
- ¹⁴⁰ Там же. Л. 183, 192—194. Статейный список Р. В. Жукова, запись от 16 марта 1657 г.
- ¹⁴¹ Там же. Запись от 6 февраля 1657 г.
- ¹⁴² Там же. Запись от 13 мая 1657 г.
- ¹⁴³ Там же. Ф. 93. Сношения с Францией. Оп. 1. Кн. 4. Л. 17 об.— Статейный список К. Мачехина, запись за 21 апреля 1654 г.
- ¹⁴⁴ Там же. Л. 18.
- ¹⁴⁵ Там же. Л. 18 об.
- ¹⁴⁶ Путешествия русских послов XVI—XVII вв.: Статейные списки. Тексты. М., 1954; *Тихомиров М. Н.* Источниковедение истории СССР с древнейшего времени до конца XVIII века. М., 1962; *Алапов М. А.* Что знал Посольский приказ о Западной Европе во 2-й пол. XVII в. // История и историки. М., 1966.
- ¹⁴⁷ *Мыцык Ю. А.* Украинские летописи XVII века. Днепропетровск, 1978.
- ¹⁴⁸ *Челеби Э.* Книга путешествия: Перевод и комментарии. М., 1961. Вып. 1. С. 23—71. Оценку труда Э. Челеби см.: *Греков И. Б.* К вопросу о характере политического сотрудничества Османской империи и Крымского ханства в восточной Европе в XVI—XVII вв. (по данным Э. Челеби) // Россия, Польша и Причерноморье в XV—XVIII вв. С. 299—314.

- ¹ Заборовский Л. В. Россия, Речь Посполитая и Швеция в середине XVII в. // Из истории международных отношений в Восточной и Юго-Восточной Европе. М., 1981. С. 17.
- ² Санин Г. А. Советская историография внешней политики в России в XVII в. // Итоги и задачи изучения внешней политики России: Советская историография. М., 1981. С. 100—101.
- ³ Наиболее полно внешнеполитическая ситуация в Европе в середине XVII в. исследована в работе Б. Ф. Поршнева «Франция, Английская революция и европейская внешняя политика в середине XVII в.» (М., 1970. С. 43, 44). Правильно отмечив существование двух ведущих группировок европейских держав, автор излишне преувеличивает степень зависимости политики той или иной державы от Франции или Австрии, забывая, что и Нидерланды, и Швеция, и Швейцария, и Речь Посполитая, и, наконец, Россия преследовали прежде всего свои собственные интересы. Кроме того, политика Франции далеко не всегда «способствовала более быстрому развитию Реформации и капиталистических отношений», как это пытается доказать Б. Ф. Поршнев.
- ⁴ История дипломатии. М., 1941. Т. 1. С. 227. Разделы, написанные С. В. Бахрушиным, без изменения вошли во 2-е издание работы (М., 1959).
- ⁵ Никифоров Л. А. Россия в системе европейских держав в первой четверти XVIII в. // Россия в период реформы Петра I. М., 1973. С. 9—39.
- ⁶ Поршнев Б. Ф. Указ. соч. С. 256—259, 262, 263, 265.
- ⁷ Черепнин Л. В. Земские соборы Русского государства в XVI—XVII вв. М., 1978. С. 333.
- ⁸ Мальцев А. Н. Россия и Белоруссия в середине XVII века. М., 1974. С. 23.
- ⁹ ЦГАДА. Ф. 93. Сношения с Францией. Оп. 1. 1654. Кн. 4. Л. 2—15 об. Статейный список К. Мачехина.
- ¹⁰ Там же. Л. 54. Людовик XIV по-дился 5 октября 1638 г. До 1661 г. власть фактически находилась в руках его матери, Анны Австрийской, и кардинала Мазарини. В октябре 1654 г. королю исполнилось 16 лет.
- ¹¹ Там же. Л. 54 об.— 56.
- ¹² Там же. Л. 61—61 об.
- ¹³ Там же. Л. 68—70.
- ¹⁴ Там же. Л. 70 об.
- ¹⁵ Бангыш-Каменский Н. Н. Обзор внешних сношений России (по 1800 г.). М., 1894. Ч. 1: Австрия, Англия, Венеция, Голландия, Дания, Испания. С. 184—185. (Далее: Обзор...).
- ¹⁶ Мальцев А. Н. Указ. соч., С. 23.
- ¹⁷ Бангыш-Каменский Н. Н. Указ. соч. Ч. 1. С. 20.
- ¹⁸ Там же.
- ¹⁹ ЦГАДА. Ф. 32. Сношения с Австрией. Оп. 1. 1654. Стб. 4. Л. 28—47. Статейный список И. И. Баклашовского.
- ²⁰ Там же. Л. 52.
- ²¹ Там же. Л. 61—87. 1654 ноября 4.— Грамота Фердинанда III к царю.
- ²² Заборовский Л. В. Указ. соч. С. 56.
- ²³ Там же. С. 57—58.
- ²⁴ ЦГАДА. Ф. 96. Сношения со Швецией. Оп. 1. Стб. 3. Л. 14. 1654 февраля 13.— Грамота царя к королеве Христине.
- ²⁵ Там же.
- ²⁶ Мальцев А. Н. Указ. соч. С. 25—34.
- ²⁷ ЦГАДА, ф. 96. Сношения со Швецией. Оп. 1. 1654. Стб. 3. Л. 41—44. 1654 марта 21.— Запись в Польском приказе.
- ²⁸ Ответная грамота Христины не найдена, но упоминание о ней есть в тексте царской грамоты к новому шведскому королю Карлу X Густаву от 15 января 1655 г. (Там же. Стб. 4. Л. 161).
- ²⁹ Документ Богдана Хмельницкого. Київ, 1961. С. 370. 1654 июня 28.— Б. Хмельницкий к царю. (Далее: Документ...).
- ³⁰ Там же. С. 364, 365. 1654 июня 28.— Б. Хмельницкий к королеве Христине.
- ³¹ Там же. С. 370. 1654 июня 28.— Б. Хмельницкий к царю.
- ³² Там же.
- ³³ Заборовский Л. В. Указ. соч. С. 58.
- ³⁴ Polska w okresie drudei wojny рб-

- Іноспеј, 1655—1660. W-wa, 1957. Т. 1: Rosprawy. S. 114.
- ³⁵ Документи... С. 364. 1654 июня 28.—Б. Хмельницкий к королеве Христине.
- ³⁶ *Могов И. А.* Очерки истории молдавско-руско-украинских связей. Кишинев, 1961. С. 102—103; *Власова Л. В.* Молдавско-польские политические связи в последней четверти XVII — начале XVIII в. Кишинев, 1980.
- ³⁷ Исторические связи народов СССР и Румынии в XV — начале XVIII в. М., 1968. Т. 2; 1633—1673. С. 242. 1654 февраля после 7.—Грамота М. Басарабу.
- ³⁸ Там же. С. 244. 1654 февраля 18.—Г. Стефан к царю.
- ³⁹ Сведения о пребывании Г. Ф. Самарина в Молдавии и Валахии приведены в статейном списке посланного на Украину дьяка Томилы Перфирьева, который 30 апреля по дороге из Путивля в Ромпы встретил сербского Печского патриарха Гавриила, направлявшегося в Москву. Гавриил был свидетелем приема и переговоров Г. Ф. Самарина в Яссах (АЮЗР. Т. 10. С. 579. Статьейный список Т. Перфирьева).
- ⁴⁰ Исторические связи... С. 247. 1654 февраля 18.—Г. Стефан к царю.
- ⁴¹ Там же. С. 246—247.
- ⁴² АЮЗР. Т. 10. С. 581. Статьейный список Т. Перфирьева.
- ⁴³ Там же. С. 590. Запись беседы Т. Перфирьева с гетманским посланцем в Крыму С. Савченко от 8 мая 1654 г.
- ⁴⁴ Исторические связи... С. 256. 1654 июля 19.—Письмо И. О. Выговского к В. В. Бутурлину.
- ⁴⁵ Там же.
- ⁴⁶ АЮЗР. Т. 10. С. 581—582. 1654 мая 4.—Запись беседы Т. Перфирьева с Г. Ф. Самариним.
- ⁴⁷ *Власова Л. В.* Указ. соч.
- ⁴⁸ АЮЗР. Т. 10. С. 582. 1654 мая 4.—Запись беседы Т. Перфирьева с Г. Ф. Самариним.
- ⁴⁹ Там же, с. 599.
- ⁵⁰ Там же.
- ⁵¹ Там же. Т. 8, с. 380. 1654 мая 31.—Расспросные речи И. Николаева.
- ⁵² Там же.
- ⁵³ *Достян И. С.* Борьба сербского народа против турецкого ига, XV—начало XIX в. М., 1958, с. 72.
- ⁵⁴ Там же. С. 72—73.
- ⁵⁵ *Новосельский А. А.* Совместная борьба русского и украинского народов против турецко-татарских захватчиков // Докл. и сообщ. Ин-та истории АН СССР. 1954. Вып. 2. С. 19—25.
- ⁵⁶ *Мальцев А. Н.* Указ. соч. С. 57.
- ⁵⁷ *Галактионов И. В.* Из истории русско-польского сближения в 50—60-х годах XVII века: (Андрусовское перемирие 1667 г.). Саратов, 1960. С. 36.
- ⁵⁸ *Шевченко Ф. П.* Політичні та економічні зв'язки України з Росією в свєрєдні XVII ст. Київ, 1959; *Загоровский В. П.* Белгородская черта. Воронеж, 1969. С. 138, 139.
- ⁵⁹ АЮЗР. Т. 10. С. 284. Статьейный список В. В. Бутурлина.
- ⁶⁰ Там же. С. 233—234.
- ⁶¹ Там же. С. 235. Статьейный список В. В. Бутурлина.
- ⁶² Там же.
- ⁶³ Там же. С. 159.
- ⁶⁴ Там же. С. 452. 1654 г. февраль.—Челобитная казацкой старшины. ЦГАДА. Ф. 123. Сношения с Крымом. Оп. 1. 1654 г. Стб. 2. Л. 26. Доклад Боярской думы царю. По традиции в официальных документах крымского хана чаще именовали «парем», но иногда встречаются и более правильные титулы — хан, калга и нуретдин — хан, первый и второй наследники хана.
- ⁶⁶ Там же. Л. 57. Наказ Т. Хатунскому.
- ⁶⁷ АЮЗР. Т. 10. С. 443—444. Запись переговоров П. Тетери и С. Богданова от 13 марта 1654 г.
- ⁶⁸ Там же. С. 452.
- ⁶⁹ РИБ. Т. XXIX. Донские дела. Кн. 4. СПб., 1913. С. 786—788. 1654 марта 15.—Грамота Войску Донскому.
- ⁷⁰ Там же. С. 790—792.
- ⁷¹ *Новосельский А. А.* Совместная борьба... С. 20.
- ⁷² ЦГАДА, ф. 123. Сношения с Крымом. Оп. 1. 1654. Стб. 3. Л. 12. Статьейный список Т. Хатунского.
- ⁷³ Там же. Л. 7.
- ⁷⁴ *Новосельский А. А.* Борьба Московского государства с татарами в 1-й половине XVII века. М.; Л., 1948. С. 417.
- ⁷⁵ *Шевченко Ф. П.* Політичні та економічні... С. 88—89, 142—143, 289—290 и др.

- ⁷⁶ Новосельский А. А. Борьба Московского государства с татарами... С. 418.
- ⁷⁷ Там же. С. 416—419.
- ⁷⁸ Там же. С. 9.
- ⁷⁹ Там же. С. 419.
- ⁸⁰ *Смирнов В. Д.* Крымское ханство под верховенством Оттоманской Порты до начала XVIII века. СПб., 1887. С. 555.
- ⁸¹ ЦГАДА. Ф. 123. Сношения с Крымом. Оп. 1. Стб. 3. Л. 17. Статейный список Т. Хатунского.
- ⁸² Новосельский А. А. Борьба Московского государства с татарами... С. 420.
- ⁸³ Там же. С. 332—341 и др.
- ⁸⁴ *Костомаров Н. И.* Богдан Хмельницкий. СПб., 1904. С. 576.
- ⁸⁵ ЦГАДА. Ф. 123. Сношения с Крымом. Оп. 1. 1654. Стб. 3. Л. 12. Статейный список Т. Хатунского.
- ⁸⁶ Там же.
- ⁸⁷ АЮЗР. Т. 10. С. 234. Статейный список В. В. Бутурлина.
- ⁸⁸ ЦГАДА. Ф. 123. Сношения с Крымом. Оп. 1. 1654. Стб. 3. Л. 7. Статейный список Т. Хатунского.
- ⁸⁹ Там же. Л. 9.
- ⁹⁰ Там же. Л. 14—15, 21, 24.
- ⁹¹ Там же. Л. 9—9 об.
- ⁹² Там же. Л. 16—17.
- ⁹³ Там же. Л. 29—31; *Костомаров Н. И.* Указ. соч. С. 577.
- ⁹⁴ АЮЗР. Т. 10. С. 592. Статейный список Т. Перфильева.
- ⁹⁵ Там же. С. 589. Смоленск был взят 23 сентября 1654 г.
- ⁹⁶ Документы... С. 338—339, 336—337.
- ⁹⁷ АЮЗР. Т. 10. С. 589. Статейный список Т. Перфильева. Ответ С. Савченко не вызвал возражений московского дьяка.
- ⁹⁸ Там же.
- ⁹⁹ Там же. С. 593. Запись разговора с И. Выговским 10 мая. 1654 г.
- ¹⁰⁰ Там же.
- ¹⁰¹ Там же.
- ¹⁰² Там же. С. 594.
- ¹⁰³ Там же.
- ¹⁰⁴ Там же. С. 595.
- ¹⁰⁵ Там же.
- ¹⁰⁶ Там же.
- ¹⁰⁷ Там же. С. 596.
- ¹⁰⁸ Там же.
- ¹⁰⁹ Там же.
- ¹¹⁰ Там же. С. 596—597.
- ¹¹¹ Там же. С. 666—667. Запись беседы с И. Выговским 10 июня 1654 г.
- ¹¹² *Заборовский Л. В.* Указ. соч. С. 41.
- ¹¹³ Там же.
- ¹¹⁴ ЦГАДА. Ф. 123. Сношения с Крымом. Оп. 1. 1654. Стб. 3. Л. 37—53. Статейный список Т. Хатунского.
- ¹¹⁵ *Тушин Ю. П.* Русское мореплавание на Каспийском, Азовском и Черном морях. XVII век. М., 1978. С. 138.
- ¹¹⁶ ЦГАДА. Ф. 123. Сношения России с Крымом. Оп. 1. 1654. Стб. 3. Л. 80. Статейный список Т. Хатунского; *Костомаров Н. И.* Указ. соч. С. 579; *Смирнов В. Д.* Указ. соч. С. 561.
- ¹¹⁷ *Преображенский А. А.* Из истории сношений Русского государства со Средней Азией в XVII в. // Ист. зап. 1951. № 36. С. 270.
- ¹¹⁸ Там же. С. 285.
- ¹¹⁹ Новосельский А. А. Борьба Московского государства с татарами... С. 16.
- ¹²⁰ Там же. С. 292—293.
- ¹²¹ АЮЗР. Т. 10. С. 663. Отписка Г. Старкова от конца мая 1654 г.
- ¹²² Там же. С. 326—327. 1654 г. февраля около 25.—Лист И. Выговского к царю.
- ¹²³ Там же. С. 585—586. Отряд, со слов Хмельницкого, насчитывал 20 000 сабель.
- ¹²⁴ Там же. С. 586.
- ¹²⁵ Там же. С. 587.
- ¹²⁶ Там же. С. 591.
- ¹²⁷ Там же. С. 667. Статейный список Г. Старкова.
- ¹²⁸ Там же.
- ¹²⁹ *Устюгов Н. В.* Башкирское восстание 1662—1664 гг. // Ист. зап. 1947. Т. 24. С. 48.
- ¹³⁰ *Преображенская П. С.* Калмыки в первой половине XVII века. Принятие калмыками (торгоутами и дербентами) русского подданства: Автореф. дис. ...канд. ист. наук. М., 1963. С. 14.
- ¹³¹ Там же. С. 12.
- ¹³² Там же. С. 12—14.
- ¹³³ ЦГАДА. Ф. 119. Калмыцкие дела. Оп. 1. 1655. Стб. 1. Л. 24. Распросные речи А. Борисова в Астрахани.
- ¹³⁴ АЮЗР. Т. 10. С. 562.
- ¹³⁵ *Заборовский Л. В.* Указ. соч. С. 57—58.
- ¹³⁶ Там же. С. 43—44.
- ¹³⁷ Там же. С. 45.
- ¹³⁸ Там же. С. 44.

- ¹³⁹ Polska w okresie drugiej wojny północnej 1655–1660. W-wa, 1957. Т. 1: Rozprawy. S. 461–462.
- ¹⁴⁰ Ibid.
- ¹⁴¹ Мальцев А. Н. Указ. соч. С. 25–34. Белгородская черта — это система оборонительных сооружений, тянувшихся непрерывной линией вдоль всей южной границы России. Возведение ее закончилось в 1652 г., предназначалась для защиты от татарских набегов.
- ¹⁴² Там же. С. 34.
- ¹⁴³ Там же. С. 35, 36.
- ¹⁴⁴ АЮЗР. Т. 10. С. 355–361. Не позднее 13 января. — Наказ киевским воеводам.
- ¹⁴⁵ Имеется в виду «малая гривенка» весом в 200 г. Вес ядра 1 кг 200 г.
- ¹⁴⁶ Там же. С. 354–355. Не позднее 13 января. — Наказ киевским воеводам.
- ¹⁴⁷ Там же. С. 355.
- ¹⁴⁸ Там же. С. 369.
- ¹⁴⁹ Там же.
- ¹⁵⁰ Там же. С. 380. 14 февраля. — Отписка киевских воевод.
- ¹⁵¹ Там же. С. 382. 21 января. — Челобитная Ф. Ф. Волконского.
- ¹⁵² Там же. С. 372–373. 14 января. — Отписка киевских воевод.
- ¹⁵³ Там же.
- ¹⁵⁴ Там же. С. 380. 27 февраля. — Отписка киевских воевод.
- ¹⁵⁵ Там же. С. 382. 8 февраля. — Отписка киевских воевод.
- ¹⁵⁶ Б. Хмельницкий просил 3000 человек (см. ниже).
- ¹⁵⁷ Документи... С. 315. Хмельницкий неоднократно утверждал, что он может выставить до 200 тыс. и более. См.: Шевченко Ф. П. Політичні та економічні... С. 177–178.
- ¹⁵⁸ Эварницкий Д. И. История запорожских казаков. СПб., 1892. Т. 1. С. 439.
- ¹⁵⁹ АЮЗР. Т. 10. С. 451, 452, 1654 марта 14. — Челобитная Войска Запорожского.
- ¹⁶⁰ Воссоединение Украины с Россией. М., 1953. Т. III. С. 562.
- ¹⁶¹ Там же.
- ¹⁶² Там же. С. 326. 25 февраля. — Лист генерального писаря И. Выговского к царю. С. 541–542. 7 апреля. — Грамота царя к Б. Хмельницкому.
- ¹⁶³ АЮЗР. Т. 10. С. 311–314. Наказ Ф. А. Полтеву от 9 февраля 1654 г.
- ¹⁶⁴ Там же. С. 387–388. 1654 марта 14. — Отписка киевских воевод; Там же. С. 395. 1654 марта 30. — Грамота киевским воеводам. Более подробно о гарнизоне Киева см.: Шевченко Ф. П. Київ у першій рік возз'єднання України з Росією // Укр. іст. журн. 1980. № 2. Автор пишет: «Назначение русских воевод собственно в Киев свидетельствовало о политическом, стратегическом и международном значении, какое придавали городу гетман и русское правительство... город... стал важным опорным пунктом для практического осуществления воссоединения Украины с Россией». (Там же. С. 56, 58).
- ¹⁶⁵ Костомаров Н. И. Указ. соч. С. 574, 582.
- ¹⁶⁶ Мальцев А. Н. Указ. соч. С. 5; Л. В. Заборовский начало военных действий в 1654 г. датирует июнем. См.: Заборовский Л. В. Указ. соч. С. 71.
- ¹⁶⁷ АЮЗР. Т. 10. С. 326; Об этом же со слов И. Выговского записал в статейном списке Ф. Полтев (Там же, с. 343). Наступление польских войск даже помешало Хмельницкому лично отправиться в Москву. (Там же, с. 539. 1654 март. — Грамота царя к Б. Хмельницкому).
- ¹⁶⁸ Там же. С. 326. 1654 март. — Грамота царя к Б. Хмельницкому.
- ¹⁶⁹ Там же. С. 542. 1654 марта 6. — Отписка А. В. Бутурлина (из Севска, на пути к Украине).
- ¹⁷⁰ Там же. С. 398. 1654 марта 17. — Отписка киевских воевод.
- ¹⁷¹ Там же. С. 399.
- ¹⁷² Там же.
- ¹⁷³ Там же. С. 560. Наказ Б. Хмельницкого посланному в Москву Филону Гаркуше.
- ¹⁷⁴ Мальцев А. Н. Указ. соч. С. 33.
- ¹⁷⁵ Костомаров Н. И. Указ. соч. С. 570.
- ¹⁷⁶ Там же. С. 571. Цифра, скорее всего, преувеличена, но проверить ее невозможно, так как русских и украинских источников о бое под Мушировской нет.
- ¹⁷⁷ Костомаров Н. И. Указ. соч. С. 571.
- ¹⁷⁸ АЮЗР. Т. 10. С. 586. Статейный список Т. Перфирьева.

- 179 Костомаров Н. И. Указ. соч. С. 567.
- 180 Мальцев А. Н. Указ. соч. С. 36, 39.
- 181 Там же. С. 56.
- 182 РИБ. СПб., 1913. Т. XXIX. С. 872—874. — Отписка войскового атамана Осипа Петрова.
- 183 Там же. С. 872.
- 184 Там же. С. 876—878.
- 185 ЦГАДА. Ф. 123. Сношения с Крымом. Оп. 1. 1654. Стб. 3. Л. 73—74. — Статейный список Т. Хатунского.
- 186 Там же. Л. 75—79.
- 187 Грушевский М. С. Історія України — Руси. Київ, 1931. Т. 9. С. 928.
- Глава II**
- 1 Заборовский Л. В. Россия, Речь Посполитая и Швеция в середине XVII в. // Из истории международных отношений в Восточной и Юго-Восточной Европе. М., 1981. С. 79; Форстен Г. Ф. Сношения Швеции и России во 2-й половине XVII в. // 1898. № 2. С. 229.
- 2 Заборовский Л. В. Россия, Речь Посполитая... С. 79.
- 3 Мальцев А. Н. Россия и Белоруссия в середине XVII века. М., 1874. С. 79—80; Форстен Г. Ф. Указ. соч. С. 230; Заборовский Л. В. Россия, Речь Посполитая... С. 79.
- 4 Заборовский Л. В. Россия, Речь Посполитая..., С. 80.
- 5 Polska w okresie drugiej wojny polnosnej 1655—1660. W-wa, 1957. Т. 1: Rosprawy. S. 22. (Далее: Polska w okresie...).
- 6 Ibid. S. 37.
- 7 Форстен Г. Ф. Указ. соч. С. 232—233; Соловьев С. М. История России с древнейших времен. М., 1961. Кн. V. С. 648.
- 8 Мальцев А. Н. Указ. соч. С. 91.
- 9 Соловьев С. М. Указ. соч. С. 648.
- 10 Заборовский Л. В. Россия, Речь Посполитая... С. 125.
- 11 Соловьев С. М. Указ. соч. С. 655—656.
- 12 Бантыш-Каменский Н. Н. Обзор внешних сношений России (по 1800 г.). М., 1894. Ч. 1: Австрия, Англия, Венеция, Голландия, Дания, Испания. С. 20; Соловьев С. М. Указ. соч. С. 650.
- 13 Соловьев С. М. Указ. соч. С. 651.
- 14 Там же. С. 652.
- 15 Форстен Г. Ф. Указ. соч. С. 260—266.
- 16 Соловьев С. М. Указ. соч. С. 653—654.
- 17 Форстен Г. Ф. Указ. соч. С. 267.
- 18 Соловьев С. М. Указ. соч. С. 653—654.
- 19 Котляр Н. Ф. Неправомерность современных буржуазно-националистических фальсификаций воссоединения Украины с Россией // Укр. Іст. журн. 1978. № 12.
- 20 Документи Богдана Хмельницького. Київ, 1961. С. 420. 1655 апреля 2. — Б. Хмельницкий к царю. (Далее: Документи...)
- 21 Там же. С. 427—429. 1655 мая 18. — Письма к царю, И. Б. Милославскому и Л. Лопухину.
- 22 Заборовский Л. В. Россия, Речь Посполитая... С. 131—133; Архив ЮЗР. К., 1908. Ч. 3, т. VI. С. 89—92; 1655 октября 15. — Инструкция Хмельницкого Даниилу; Документи... С. 439. 1655 августа 24. — Письмо гетмана к Карлу X; С. 456. 1655 ноября 8. — Письмо гетмана к львовскому магистрату; АЮЗР. Т. 14. СПб., 1889. С. 894. 1655 декабря 17. — Письмо Даниила Грека к И. Золоторенко; С. 889. 1655 декабря 8. — Письмо И. Радаевского к гетману; С. 895—891. 1655 ноября 14. — Грамота Карла X к И. Золоторенко.
- 23 Документи... С. 479. 1655 марта 22. — Б. Хмельницкий к Карлу Густаву.
- 24 Костомаров Н. И. Исторические монографии и исследования. СПб., 1904. Кн. 4: Богдан Хмельницкий. С. 602—611.
- 25 Акты Московского государства. СПб., 1894. Т. 2. С. 511. 1656 июля 5. — Отписка ковенского воеводы М. Шеховского. (Далее: АМГ).
- 26 Там же. С. 512. 1656 июня 27. — Ю. Инглис к А. Лесли.
- 27 Исторические связи народов СССР и Румынии в XV — начале XVIII в. М., 1968, т. 2: 1633—1673. С. 256. 1654 июня 19. — Письмо И. Выговского боярину В. В. Бутурлину; Там же. С. 258; 1654 августа 6. — Письмо Г. Стефана к царю; АЮЗР. Т. 14. С. 105. — Статейный список посланного в Чигирин Д. П. Тургенева; Там же. С. 111. 1654 ноября 10. — Лист

- Б. Хмельницкого к царю; Там же. С. 35–37.— Статейный список посланного в Чигирин И. И. Ржевского.
- 28 *Грушевский М.* История Украины — Руси. Київ, 1931. Т. IX, ч. 2. С. 922. 1654 августа 8.— Письмо Г. Стефана к С. Лянцкоронскому; 1654 августа 8.— Письмо Г. Стефана и И. Выговскому; АЮЗР. Т. 14. С. 105. Статейный список Д. П. Тургенева.
- 29 АЮЗР. Т. 14. С. 118. 1654 ноября 1.— Письмо О. Остматенко к И. Выговскому.
- 30 Там же. С. 119. То же.
- 31 Там же. С. 120–121. 1654 ноября 6.— Письмо С. Одеяненко к Хмельницкому; С. 121. 1654 ноября 9.— Письмо М. Зеленского к Хмельницкому.
- 32 Там же. С. 106. Статейный список Д. П. Тургенева.
- 33 Там же. С. 113.
- 34 Там же. С. 648. Расспросные речи Ю. Кита.
- 35 *Грушевский М. С.* Указ. соч. С. 1029.
- 36 *Семенова Л. Е.* Русско-валашские отношения в конце XVII — начале XVIII в. М., 1969. С. 55.
- 37 Документы... С. 438. 1655 июля 15.— Б. Хмельницкий к К. Шербану.
- 38 Там же. С. 442. 1655 июля 26.— Б. Хмельницкий к царю.
- 39 *Исторические связи...* С. 269. 1655 августа 28.— Б. Хмельницкий к И. Кемени.
- 40 Документы... С. 463. 1655, ноябрь.— Лист Б. Хмельницкого к султану Магомету IV.
- 41 ЦГАДА. С. 210. Белгородский стол. Стб. 382. Л. 363. 1655 ноябрь 8.— Расспросные речи протопопа А. Фейдуковича в Киево-Печерском монастыре.
- 42 *Исторические связи...* С. 270–271, 301. 1656 марта 15.— Грамота Г. Стефана к Алексею Михайловичу и прим.
- 43 *Исторические связи...* С. 273–275. 1656 марта 16.— Молдавские послы в Посольский приказ.
- 44 Там же. С. 286. 1656 июня 29.— Жалованная грамота Алексея Михайловича молдавскому господарю Георгию Стефану.
- 45 *Смирнов В. Д.* Крымское ханство под верховенством Оттоманской Порты до начала XVIII века. СПб., 1887. С. 562.
- 46 Там же.
- 47 По сведениям русских представителей в Бахчисарае, эти князья надеялись посадить на ханский престол не Селима, а калгу Казы-Гирея (ЦГАДА. Ф. 123. Сношения с Крымом. Оп. 1. Кн. 3. Л. 82.— Статейный список Т. Хатунского).
- 48 *Новосельский А. А.* Борьба Московского государства с татарами в первой половине XVII в. М.; Л., 1948. С. 324.
- 49 Там же. С. 333–334.
- 50 ЦГАДА. Ф. 123. Сношения с Крымом. Оп. 1. 1654. Стб. 3. Л. 86.— Статейный список Т. Хатунского.
- 51 Там же. Л. 82.
- 52 Там же. Л. 88.
- 53 Там же. Л. 79.
- 54 Документы... С. 381. 1654 сентября 15.— Б. Хмельницкий к царю Алексею Михайловичу.
- 55 Там же.
- 56 АЮЗР. Т. 14. С. 150. 1654 августа 16.— Б. Хмельницкий к В. Золоторенко.
- 57 Документы... С. 381. 1654 сентября 15.— Б. Хмельницкий к царю Алексею Михайловичу.
- 58 *Смирнов В. Д.* Указ. соч. С. 562.
- 59 Там же. С. 563.
- 60 *Грушевский М. С.* Указ. соч. С. 957; ЦГАДА. Сибирский приказ. Стб. 1636. Л. 293–294.
- 61 АЮЗР. Т. 14. С. 117. 1654 октября 8.— Магомет-Гирей к Хмельницкому.
- 62 *Грушевский М. С.* Указ. соч. С. 957.
- 63 ЦГАДА. Ф. 123. Сношения с Крымом. Оп. 1. Стб. 3. Л. 157. Статейный список Т. Хатунского.
- 64 *Заборовский Л. В.* Крымский вопрос во внешней политике России и Речи Посполитой в 40-х — середине 50-х годов XVII в. // Россия, Польша и Причерноморье в XV–XVIII в. М., 1979. С. 270.
- 65 ЦГАДА. Ф. 123. Сношения с Крымом. Оп. 1. 1654. Стб. 1. Л. 59–60. 1654 ноября 5.— Шертная грамота Магомет-Гирея.
- 65 Там же. Кн. 37. Л. 14. Статейный список Д. Жеребцова и С. Титова.
- 67 Там же. Кн. 35. Л. 118. Статейный список И. И. Ромодановского.
- 68 Там же. Л. 106 об.— 107.

- ⁶⁹ Там же. Кн. 32. Книга окупа пленных И. И. Ромодановским в 1655 г.
- ⁷⁰ Там же. Кн. 35. Л. 110.— Статейный список И. И. Ромодановского.
- ⁷¹ Там же. Л. 103, 111 об.
- ⁷² Там же. Л. 112, 113. Айвас-ага был направлен в Москву с грамотой, в которой Магомет-Гирей уведомлял о своем вступлении на ханский престол и обещал жить в мире и дружбе при условии выплаты ежегодных подарков.
- ⁷³ Там же. Л. 95.
- ⁷⁴ Там же. Л. 106. Татарские послы и гошцы всегда «приторговывали» и постоянно конфликтовали из-за этого с русским правительством.
- ⁷⁵ Там же. Л. 102 об.
- ⁷⁶ Там же. Л. 108.
- ⁷⁷ Там же. Л. 109.
- ⁷⁸ Там же.
- ⁷⁹ Там же. Л. 121—141 об.
- ⁸⁰ Там же. Кн. 37. Л. 21. Статейный список Д. Жеребцова и С. Титова.
- ⁸¹ Там же. Л. 24—28 об.
- ⁸² Там же. Л. 57 об.
- ⁸³ Там же. Л. 58.
- ⁸⁴ «Подарки» вручались членам ханского рода: матери, калге, нуретдину, четырем женам; придворным давали «жалование» за «службу» русскому царю.
- ⁸⁵ ЦГАДА. Ф. 123. Сношения с Крымом. Оп. 1. Кн. 37. Л. 59 об. Статейный список Д. Жеребцова и С. Титова.
- ⁸⁶ Там же. Л. 63—65 об.
- ⁸⁷ Там же. Л. 68 об.
- ⁸⁸ Там же. Л. 69.
- ⁸⁹ Новосельский А. А. Указ. соч. С. 390.
- ⁹⁰ ЦГАДА. Ф. 123. Сношения с Крымом. Оп. 1. Кн. 37. Л. 62. Статейный список Д. Жеребцова и С. Титова.
- ⁹¹ Там же. Л. 85 об. Статейный список Д. Жеребцова и С. Титова.
- ⁹² Там же. Л. 85 об.— 86 об.
- ⁹³ Голобуцкий В. А. Дипломатическая история Освободительной войны украинского народа 1648—1654 гг. М.: Госполитиздат, 1962; Шевченко Ф. П. Політичні та економічні заязки України з Росією в середині XVII ст. Київ, 1959.
- ⁹⁴ ЦГАДА. Ф. 123. Сношения с Крымом. Оп. 1. Кн. 37. Л. 87—87 об. Статейный список Д. Жеребцова и С. Титова.
- ⁹⁵ Там же. Л. 83.
- ⁹⁶ Там же. Л. 88—88 об.
- ⁹⁷ Там же.
- ⁹⁸ Там же. Л. 105 об.
- ⁹⁹ Новосельский А. А. Указ. соч.; Сакин Г. А. Взаимоотношения России и Правобережной Украины на рубеже 60—70-х гг. XVII в.: Автореф. дис. ...канд. ист. наук. М., 1970.
- ¹⁰⁰ ЦГАДА. Ф. 123. Сношения с Крымом. Оп. 1. Кн. 37. Л. 96. Статейный список Д. Жеребцова и С. Титова.
- ¹⁰¹ Там же. Л. 108—117.
- ¹⁰² Там же. Л. 136—152.
- ¹⁰³ Там же. Л. 182 об.
- ¹⁰⁴ Там же. Л. 187.
- ¹⁰⁵ Там же. Л. 199—200.
- ¹⁰⁶ Там же. Л. 204.
- ¹⁰⁷ Там же. Л. 219 об.
- ¹⁰⁸ Там же. Л. 232—233.
- ¹⁰⁹ Там же. Л. 233.
- ¹¹⁰ Там же. Л. 248 об.
- ¹¹¹ Документи... С. 391. 1654 октября 12.— Б. Хмельницкий к царю.
- ¹¹² Там же. С. 395. 1654 октября 24.— Наказ Б. Кондратенко.
- ¹¹³ Там же. С. 393. 1654 октября 24.— Б. Хмельницкий к царю.
- ¹¹⁴ АЮЗР. Т. 14. С. 97. Статейный список Д. П. Тургенева.
- ¹¹⁵ Документи... С. 396. 1654 октября 29.— Б. Хмельницкий к хану.
- ¹¹⁶ Там же.
- ¹¹⁷ Там же.
- ¹¹⁸ АЮЗР. Т. 14. С. 115. 1654 ноября 10.— Лист Б. Хмельницкого к царю.
- ¹¹⁹ Грушевський М. С. Указ. соч. С. 921—922.
- ¹²⁰ АЮЗР. Т. 14. С. 559—560. 1655 марта.— Письмо Карач-бея к Хмельницкому.
- ¹²¹ Документи... С. 387. 1654 сентября 28.— Инструкция послу в Москве А. Ждановичу.
- ¹²² Там же.
- ¹²³ Там же. Л. 393.
- ¹²⁴ Там же. Л. 385. 1654 октября 24.— Инструкция послу в Москву Б. Кондратенко.
- ¹²⁵ АЮЗР. Т. 14. С. 115. 1654 ноября 10.— Б. Хмельницкий к царю.
- ¹²⁶ Грушевський М. С. Указ. соч. С. 1032.
- ¹²⁷ АЮЗР. Т. 14. С. 562. 1655 не ранее марта 24.— Лист силестрий-

- ёкого Сяюш-паши к Б. Хмельницкому.
- 128 Там же. С. 559—562. 1655 марта 27.— Лист Б. Хмельницкого к Ф. Волконскому; Там же. С. 559—560. 1655 апреля 2.— Лист И. Выговского к В. В. Бутурлину. К. Тышкевич был назначен сеймом для переговоров с Хмельником о возвращении Украины в подданство Яна Казимира.
- 129 Документи... С. 419. 1655 апреля 2.— Б. Хмельницкий к царю.
- 130 Костомаров Н. И. Указ. соч. С. 607—608. Текст этой грамоты отложился в архивах Посольского приказа, следовательно, он был в свое время передан Хмельником в Москву и гетман не делал секрета из своих связей с султаном, как и из того, что он назвал султана своим господином, а себя подданным Турции. Никаких выговоров гетману за это от Москвы не последовало, ибо в Посольском приказе отлично понимали, что это традиционная практика восточной дипломатии: установление дипломатических связей считать признанием вассалитета. Без этого контакты с султаном были невозможны. Для сдерживания татар через Стамбул и Хмельницкий, и Москва вынуждены были пойти на соблюдение этого досадного, но не имеющего реального значения дипломатического обряда.
- 131 Там же.
- 132 ЦГАДА. Ф. 123. Сношения с Крымом. Оп. 1. Кн. 37. Л. 40. Статейный список Д. Жеребцова и С. Титова.
- 133 Там же.
- 134 Там же. Л. 165—166. Статейный список Д. Жеребцова и С. Титова.
- 135 Там же. Л. 169 об.—170.
- 136 Там же. Л. 164.
- 137 Там же. Л. 169 об.
- 138 Там же. Л. 196. Статейный список Д. Жеребцова и С. Титова.
- 139 Грушевський М. С. Указ. соч. С. 1137.
- 140 Костомаров Н. И. Указ. соч. С. 608.
- 141 Там же.
- 142 Там же.
- 143 ЦГАДА. Ф. 210. Белгородский стол. Стб. 382. Л. 323—327. 1655 не позднее декабря 26.— Отписка В. В. Бутурлина.
- 144 Там же. Л. 323.
- 145 Там же. Л. 323 об.—324. 1655 не позднее декабря 26.— Отписка В. В. Бутурлина.
- 146 Там же. Л. 324.
- 147 Там же. Л. 324 об.
- 148 Там же.
- 149 Там же. Л. 325 об.—326.
- 150 Там же. Л. 326—327.
- 151 Там же. Л. 327.
- 152 Грушевський М. С. Указ. соч. С. 1147.
- 153 Документи... С. 463. 1655 конец ноября.— Лист Б. Хмельницкого к Магомету IV.
- 154 Polska w okresie... S. 472—473; Грушевський М. С. Указ. соч. С. 1149.
- 155 Грушевський М. С. Указ. соч. С. 1144.
- 156 Там же.
- 157 Жерела до історії України — Руси. Т. XII. С. 375.
- 158 Документи... С. 469. 1655 января 22.— Б. Хмельницкий к калге; Там же. С. 471—472. 1655 января 31.— Б. Хмельницкий к хану.
- 159 ЦГАДА. Ф. 123. Сношения с Крымом. Оп. 1. Кн. 37. Л. 207. об. Статейный список Д. Жеребцова.
- 160 Там же. Л. 218—218 об.
- 161 Там же. Л. 219.
- 162 Там же. Л. 243.
- 163 Там же. Л. 242 об.—244 об.
- 164 Там же. Л. 237—237 об.
- 165 Там же. Л. 238—239 об.
- 166 Там же. Л. 240. Статейный список Д. Жеребцова.
- 167 Там же. Л. 237 об.
- 168 Грушевський М. С. Указ. соч. С. 1175. 1655 февраля 1.— Реляция Я. Шумовского.
- 169 Документи... С. 469. 1655 января 12.— Б. Хмельницкий к калге; Там же. С. 472. 1656 января 21.— Б. Хмельницкий к хану.
- 170 Грушевський М. С. Указ. соч. С. 1175.
- 171 Документи... С. 472. 1656 января 21.— Б. Хмельницкий к хану.
- 172 Там же.
- 173 ЦГАДА. Ф. 123. Сношения с Крымом. Оп. 1. Кн. 37. Л. 243. Статейный список Д. Жеребцова и С. Титова.
- 174 Polska w okresie... S. 474.
- 175 ЦГАДА. Ф. 123. Сношения с Крымом. Оп. 1. Кн. 37. Л. 243 об. Статейный список Д. Жеребцова и С. Титова.
- 176 Грушевський М. С. Указ. соч.

- С. 1176. Здесь и далее М. С. Грушевський пересказывает реляции Шумовского без указания их даты и архивных ссылок, что вызывает определенную настороженность. Предшествующие реляции Шумовского имеют ссылки на библиотеку Оссолинских.
- 177 ЦГАДА. Ф. 123. Сношения с Крымом. Оп. 1. Кн. 37. Л. 244 об.—245. Статейный список Д. Жеребцова и С. Титова.
- 178 *Грушевський М. С.* Указ. соч. С. 1176.
- 179 Там же. С. 1177.
- 180 ЦГАДА. Ф. 123. Сношения с Крымом. Оп. 1. Кн. 37. Л. 245. Статейный список Д. Жеребцова и С. Титова.
- 181 *Грушевський М. С.* Указ. соч. С. 1177. Копия этого письма была передана Я. Шумовскому.
- 182 Там же.
- 183 Документи... С. 475. 1656 марта 7.—Б. Хмельницкий к Яну Казимиру.
- 184 Там же. С. 487. 1656 апреля 10.—Б. Хмельницкий к Пираш-аге.
- 185 Жерела до Історії України — Руси. Т. XII. Львів, 1911. С. 381. 1656 апреля 19/29.—Я. Шумовский к канцлеру С. Корецькому. (Далее: Жерела до Історії...).
- 186 Там же.
- 187 Там же. С. 382.
- 188 Там же. 1656 апреля 19/29.—Я. Шумовский к С. Корецькому.
- 189 Там же.
- 190 Там же. С. 383.
- 191 Там же. С. 388. 1656 май.—Празмовский к С. Корецькому.
- 192 Polska w okresie... S. 475. АМГ. Т. 2. С. 504.—1656 июня 4.—Распросные речи шляхтича С. Котоича.
- 193 Документи... С. 496. 1656 июня 7.—Б. Хмельницкий к Я. Казимиру.
- 194 Там же. С. 498, 499. 1656 июня 7.—Наказ гетмана Б. Хмельницкого гонцам в Москву.
- 195 *Новосельский А. А.* Указ. соч. С. 15.
- 196 *Грушевський М. С.* Указ. соч. С. 938. 1654 августа 12.—Отписка киевских воевод.
- 197 Там же. 1654 августа 12.—Отписка А. В. Бутурлина.
- 198 АЮЗР. Т. 14. СПб., 1889. С. 47.
- 1654 августа 21.—Хмельницкий к царю.
- 199 Там же. С. 20. Статейный список И. И. Ржевского и Г. Богданова.
- 200 Там же. С. 16. Статейный список И. И. Ржевского и Г. Богданова.
- 201 Там же. С. 34.
- 202 Там же. С. 71. Отписка А. В. Бутурлина (получена 13 октября 1654 г.).
- 203 ЦГАДА. Ф. 123. Сношения с Крымом. Оп. 1. Кн. 37. Л. 30—31. Статейный список Д. Жеребцова и С. Титова.
- 204 Там же. Л. 32—32 об.
- 205 Там же. Л. 33.
- 206 Там же.
- 207 Там же. Л. 121 об.
- 208 Там же. Л. 124.
- 209 Шараш — награбленное добро, военная добыча.
- 210 ЦГАДА. Ф. 123. Сношения с Крымом. Оп. 1. Кн. 37. Л. 124. Статейный список Д. Жеребцова и С. Титова.
- 211 ЦГАДА. Ф. 210. Белгородский стол. Стб. 382. Л. 413. 1655 июня 18.—Распросные речи пленных ногайцев.
- 212 Там же. Л. 163.
- 213 Там же. Л. 191.
- 214 Там же.
- 215 Документи... С. 473.—Хмельницкий к Казы-Гирею.
- 216 *Степанов И. В.* Крестьянская война в России в 1670—1671 гг.: Восстание Степана Разина. Л., 1966. Т. 1.
- 217 ЦГАДА. Ф. 111. Донские дела. Оп. 1. 1655. Стб. 1. Л. 5 (опубл.: РИБ. Т. XXXIV. Донские дела. Кн. 5. Пг., 1917. С. 7—8. Распросные речи в Посольском приказе валуйских станичников И. Савина с товарищами.
- 218 География СССР. М., 1981. С. 80.
- 219 ЦГАДА. Ф. 119. Калмыцкие дела. Оп. 1. 1655. Стб. 2. Л. 23, 1655.—Наказ З. Волкову и И. Горохову.
- 220 Там же. Л. 21—22.
- 221 АЮЗР. Т. 14. С. 566. 1655 марта 21.—Б. Хмельницкий к В. Б. Шереметеву.
- 222 *Преображенская П. С.* Калмыки в первой половине XVII в.: Принятие калмыками (торгоутами и дербетами) русского подданства: Автореф. дис. ...канд. ист. наук. М., 1963. С. 12—14.
- 223 ЦГАДА. Ф. 119. Калмыцкие дела. Оп. 1. 1655. Стб. 1. Л. 50—52. 1655

- марта не позднее 27.— Отписка И. П. Пронского.
- ²²⁴ Там же. Л. 112. 1655 апреля 6.— Грамота Г. С. Куракину.
- ²²⁵ РИБ. Пг., 1917. Т. XXXIV. Кн. 5. Донские дела. С. 53, 55, 1655 декабря 11.— Расспросные речи в Посольском приказе казаков К. Яковлева и П. Федорова.
- ²²⁶ Там же. С. 10—11. 1655 декабря около 14.— Отписка В. Г. Фефиладельева.
- ²²⁷ *Беликов Т. И.* Калмыки в борьбе за независимость нашей Родины. (XVII — начало XIX в.). Элиста. 1965. С. 17.
- ²²⁸ РИБ. Т. XXXIV, кн. 5. Донские дела. С. 12. 1656 января около 6.— Отписка В. Г. Фефиладельева.
- ²²⁹ Там же. С. 11. 1655 декабря около 14.— Отписка В. Г. Фефиладельева.
- ²³⁰ Там же. С. 14. 1656 марта 6.— Отписка В. Г. Фефиладельева.
- ²³¹ *Беликов Т. И.* Указ. соч. С. 18. Автор ввел за Н. Н. Пальмовым (*Пальмов Н. Н.* Очерки истории калмыцкого народа за время его пребывания в пределах России. Астрахань, 1922. С. 18) ошибочно датирует этот поход 1657 г.
- ²³² РИБ. Т. XXXIV. Кн. 5. Донские дела. С. 14. 1656 марта 6.— Отписка В. Г. Фефиладельева.
- ²³³ Там же. С. 22. Войсковая отписка. Получена в Москве 2 августа 1655 г.: ЦГАДА. Ф. 210. Белгородский стол. Стб. 382. Л. 288. 1655 сентября 3.— Отписка яблонковского воеводы И. И. Ромодановского.
- ²³⁴ ЦГАДА. Ф. 123. Сношения с Крымом. Оп. 1. Кн. 37. Л. 194. Статейный список Д. Жеребцова.
- ²³⁵ Там же.
- ²³⁶ ЦГАДА. Ф. 119. Калмыцкие дела. Оп. 1. 1657. Стб. 1. Л. 28. 1657 июля около 19.— Отписка астраханского воеводы В. Г. Ромодановского.
- ²³⁷ Там же. Л. 29—32.
- ²³⁸ Там же. Л. 33. 1657 июля после 19.— Отписка астраханского воеводы В. Г. Ромодановского.
- ³ Там же. С. 702—703. Отписка П. Протасьева от 21 июля 1654 г.
- ⁴ АЮЗР. СПб., 1889. Т. 14. С. 150. 1654 августа 16.— Б. Хмельницкий к И. Золоторенко.
- ⁵ Там же. С. 47. Лист Б. Хмельницкого к царю от 25 августа 1654 г.
- ⁶ *Грушевський М. С.* Історія України — Руси. Київ, 1931. Т. IX, ч. 2. С. 949. 1654 г. Конец сентября.— Грамота царя Б. Хмельницкому.
- ⁷ *Michalowski J. Jakuba Michalowskiego, wojskiego lubelskiego, a późnej kasztelana breckiego księga pamiętnicza z dawniego rękopisma, będącego własnością Ludwiga hr. Marsztyna. Kraków, 1864. S. 727.* (Далее: *Księga pamiętnicza...*) 1654 августа 19.— Известия из Варшавы.
- ⁸ Документи Богдана Хмельницкого. Київ, 1961. С. 382. 1654 сентября 15.— Б. Хмельницкий к царю. (Далее: Документи...).
- ⁹ ЦГАДА. Ф. 123. Сношения с Крымом. Оп. 1. Кн. 35. Л. 245—246. Статейный список разменного воеводы И. И. Ромодановского.
- ¹⁰ Документи... С. 383. 1654 сентября 28.— Б. Хмельницкий к царю.
- ¹¹ Там же. С. 384.
- ¹² Там же. С. 385. То же.
- ¹³ *Новосельский А. А.* Борьба Московского государства с татарами в первой половине XVII в. М.; Л., 1948. С. 368.
- ¹⁴ Документи... С. 336. 1654 сентября 29.— Наказ А. Ждановичу.
- ¹⁵ Там же. С. 387. То же.
- ¹⁶ АЮЗР. Т. 14. С. 71. 1654 н/р сентября 15.— Отписка А. В. Бутурлина.
- ¹⁷ Там же. С. 86. 1654 октября 2.— Наказ Д. П. Тургеневу и Я. Портомоину.
- ¹⁸ Документи... С. 390. 1654 октября 12.— Б. Хмельницкий к царю.
- ¹⁹ Там же. С. 395. 1654 октября 24.— Наказ посланному в Москву Б. Кондратею.
- ²⁰ Там же. 1654 октября 24.— Б. Хмельницкий к царю.
- ²¹ АЮЗР. Т. 14. С. 122. 1654 октября 31.— Письмо Н. Габашескула М. Зеленскому.
- ²² Документи... С. 394. 1654 октября 24.— Б. Хмельницкий к царю.
- ²³ АЮЗР. Т. 14. С. 93. Статейный список Д. П. Тургенева и Я. Портомоина.

Глава III

- ¹ АЮЗР. СПб., 1878. Т. 10. С. 703—704. 1654 июля 29.— Хмельницкий к царю.
- ² Там же.

- ²⁴ Там же. С. 113. 1654 ноября 10.— Б. Хмельницкий к царю.
- ²⁵ Там же.
- ²⁶ АЮЗР. Т. 14. С. 75. 1654 ноября 19.— А. В. Бутурлин в Разряд.
- ²⁷ *Грушевський М. С.* Указ. соч. С. 1027.
- ²⁸ Документи... С. 400. 1654 ноября 21.— Хмельницкий к царю.
- ²⁹ *Michałowski J.* Księga pamiętnicza... S. 734. 1654 декабря 12/22.— Письмо неизвестного шляхтича.
- ³⁰ *Грушевський М. С.* Указ. соч. С. 959. 1654 декабря 3.— Расспросные речи Радула Ластовецкого в штабе А. В. Бутурлина.
- ³¹ Там же. С. 1025.
- ³² *Костомаров Н. И.* Исторические монографии и исследования. СПб., 1904. Кн. 4: Богдан Хмельницкий. С. 583.
- ³³ *Michałowski J.* Księga pamiętnicza... S. 736. 1654 декабря 12/22.— Письмо неизвестного шляхтича.
- ³⁴ *Грушевський М. С.* Указ. соч. С. 1040.
- ³⁵ Там же. 1655 января 2/12.— Реляция С. Потоцкого королеве.
- ³⁶ *Michałowski J.* Księga pamiętnicza... S. 739—740. 1655 января 24/февраля 2.— Анонимные мемуары участника боевых действий.
- ³⁷ *Грушевський М. С.* Указ. соч. С. 1040. 1655 января 2/12.— Реляция С. Потоцкого королеве.
- ³⁸ Там же.
- ³⁹ Там же. С. 1029—1031. 1655 января 5.— Статейный список А. Матвеева.
- ⁴⁰ Там же. С. 1040. То же.
- ⁴¹ Документи... С. 409. 1655 января 13.— Б. Хмельницкий к царю.
- ⁴² *Грушевський М. С.* Указ. соч. С. 1041. 1655 января 18/28.— Реляция С. Потоцкого королю.
- ⁴³ Там же. С. 1024. 1654 декабря 6.— Письмо Б. Хмельницкого к Ф. В. Бутурлину; 1654 декабря 11.— Отписка А. В. Бутурлина в Разряд; *Мальцев А. Н.* Россия и Белоруссия в середине XVII в. М., 1974. С. 60.
- ⁴⁴ *Грушевський М. С.* Указ. соч. С. 1041—1043. 1655 января 18/28.— Реляция С. Потоцкого королю.
- ⁴⁵ Там же. С. 1043. То же.
- ⁴⁶ *Мальцев А. Н.* Указ. соч.
- ⁴⁷ *Грушевський М. С.* Указ. соч. С. 1045; *Костомаров Н. И.* Указ. соч. С. 590—591; *Kubala L.* Wojna Moskiewska r. 1654—1655, 1910, 198; *Мальцев А. Н.* Указ. соч. С. 61.
- ⁴⁸ *Michałowski J.* Księga pamiętnicza... S. 741—746. Реляция и письма шляхтичей и предводителей войска Речи Посполитой.
- ⁴⁹ *Kubala L.* Op. cit. S. 202; Polska w okresie drugiej wojny północnej 1655—1660. W-wa, 1957. T. 1: Rosprawę. S. 465. (Далее: Polska w okresie...). *Грушевський М. С.* Указ. соч. С. 1048; Літопись Смолицца. Київ, 1971. С. 171. Издание подготовлено и прокомментировано Я. И. Дзырой.
- ⁵⁰ *Мальцев А. Н.* Указ. соч. С. 62.
- ⁵¹ *Michałowski J.* Księga pamiętnicza... S. 741. 1655 января 25/февраля 4.— Ян Замойский к канцлеру Корецыньскому. Силы русских и украинских войск весьма приблизительно определяются в 40—50 тыс. Казацкий реестр составлял 60 000, отряд Шереметьева — 12 тыс., минус 20 000 гарнизон Умани и 2000 Полтавский полк М. Пушкаренко, засевавший в Ахматове. В итоге имеем: 72 000—22 000=50 000. Против 50—60 тыс. польско-татарского войска.
- ⁵² *Michałowski J.* Księga pamiętnicza... S. 745—746. 1655 января 26/февраля 5.— С. Чарнецкий к канцлеру Корецыньскому.
- ⁵³ *Грушевський М. С.* Указ. соч. С. 1048.
- ⁵⁴ *Michałowski J.* Księga pamiętnicza... S. 744. 1655 января 25/февраля 4.— Я. Замойский к канцлеру Корецыньскому.
- ⁵⁵ Ibid.
- ⁵⁶ *Грушевський М. С.* Указ. соч. С. 1045. 1655 февраль.— Анонимная реляция о Дрижипольской битве.
- ⁵⁷ ЦГАДА. Ф. 210. Белгородский стол. Стб. 382. Л. 419. 1655 января после 27.— Отписка киевских воевод Ф. С. Куракина и Ф. Ф. Волконского.
- ⁵⁸ Там же. Л. 384. 1655 апреля 4.— Расспросные речи пленного ротмистра Яна Песочинского.
- ⁵⁹ Там же. Л. 221, 227. 1655 до июня.— Челобитная дворян и детей боярских полка В. Ф. Бутурлина о наградах за Дрижипольскую битву с положительным ответом.
- ⁶⁰ *Michałowski J.* Księga pamiętni-

- сца... S. 747. 1655 февраля 2/12.— С. Потоцкий к канцлеру Корецкыньскому.
- ⁸¹ Ibid.
- ⁶² Грушевский М. С. Указ. соч. С. 1056. 1655 марта 8/18.— Тышкевич к воеводе берестецкому.
- ⁶³ ЦГАДА. Ф. 210. Белгородский стол. Стб. 382. Л. 419. 1655 января после 27.— Отписка киевских воевод Ф. С. Куракина и Ф. Ф. Волконского.
- ⁶⁴ *Michalowski J. Księga pamiętnicza...* S. 744. 1655 января 27/февраля 4.— Реляция Я. Замойского канцлеру Корецкыньскому.
- ⁶⁵ Ibid. S. 746. 1655 января 28/февраля 5.— Реляция С. Чарнецкого канцлеру Корецкыньскому.
- ⁶⁶ Грушевский М. С. Указ. соч. С. 1052. 1655 начало марта.— Реляция С. Лянцкоронского королю.
- ⁶⁷ Там же. С. 1054. 1655 марта 8/18.— Реляция Тышкевича воеводе берестецкому.
- ⁶⁸ АЮЗР. Т. 14. С. 524. 1655 февраля 22.— Б. Хмельницкий к царю.
- ⁶⁹ Грушевский М. С. Указ. соч. С. 1055. 1655 марта 8/18.— Реляция Тышкевича воеводе берестецкому. С. 1053. 1654 начало марта.— Реляция Лянцкоронского королю.
- ⁷⁰ АЮЗР. Т. 14. С. 524. 1655 февраля 22.— Б. Хмельницкий к царю.
- ⁷¹ Грушевский М. С. Указ. соч. С. 1055. 1655 марта 8/18.— Реляция К. Тышкевича берестецкому воеводе.
- ⁷² Там же. С. 1051.
- ⁷³ Там же. С. 1056. 1655 марта 9/19.— Реляция К. Тышкевича Я. Радзивиллу.
- ⁷⁴ *Michalowski J. Księga pamiętnicza...* S. 749. 1655 марта 14/24.— Неизвестный с вестями из Варшавы Михаилу Збжидовскому. Мечнику коронному; Документи... С. 413. 1655 февраля 26.— Б. Хмельницкий к патриарху Никону; ЦГАДА. Ф. 210. Белгородский стол. Стб. 382. Л. 386. 1655 апреля 4.— Расспросные речи шляхтича Я. Песочинского.
- ⁷⁵ Грушевский М. С. Указ. соч. С. 1056. 1655 марта 8/18.— Реляция К. Тышкевича воеводе берестецкому.
- ^{75a} Там же.
- ⁷⁶ Там же.
- ⁷⁷ Там же. С. 1057. 1655 марта 9/19.— Реляция К. Тышкевича Я. Радзивиллу.
- ⁷⁸ *Michalowski J. Księga pamiętnicza...* S. 749. 1655 марта 14/24.— Неизвестный из Варшавы к мечнику коронному Михаилу Збжидовскому.
- ⁷⁸ Грушевский М. С. Указ. соч. С. 1056. 1655 марта 8/18.— Реляция Тышкевича Я. Радзивиллу.
- ⁸⁰ Там же. С. 1057. 1655 марта 9/19.— К. Тышкевич к Я. Радзивиллу.
- ⁸¹ Там же. С. 1058. 1655 конец марта.— Реляция К. Тышкевича С. Потоцкому.
- ⁸² Там же.
- ⁸³ Там же. С. 1056. 1655 марта 8/18.— Реляция К. Тышкевича воеводе берестецкому. В реляции Я. Радзивиллу от 9/19 марта Тышкевич называет 300 тыс. (Там же. С. 1057).
- ⁸⁴ Там же. С. 1054. 1655 февраля 22/марта 4.— Лист С. Лянцкоронского к Карац-бею.
- ⁸⁵ Там же. С. 1057. 1655 марта 9/19.— Реляция К. Тышкевича Я. Радзивиллу.
- ⁸⁶ *Michalowski J. Księga pamiętnicza...* S. 749. 1655 марта 14/24.— Неизвестный из Варшавы к мечнику коронному Михаилу Збжидовскому.
- ⁸⁷ Грушевский М. С. Указ. соч. С. 1053. 1655 начало марта.— Реляция С. Лянцкоронского королю.
- ⁸⁸ Там же. С. 1058. 1655 конец марта.— Реляция К. Тышкевича С. Потоцкому.
- ⁸⁹ Там же.
- ⁹⁰ АЮЗР. Т. 14. С. 654. 1655 марта 21. Б. Хмельницкий к В. Б. Шереметьеву; Грушевский М. С. Указ. соч. С. 1059. 1655 конец марта.— Реляция К. Тышкевича С. Потоцкому; 1655 апреля 12/22.— Реляция С. Лянцкоронского к королю; ЦГАДА. Ф. 123. Сношения с Крымом. Оп. 1. Кн. 37. Л. 39—39 об. Статейный список Д. Жеребцова и С. Титова.
- ⁹¹ Баранович А. И. Опустошение и восстановление Правобережной Украины во 2-й половине XVII — начале XVIII века. // История СССР. 1960. № 5. С. 150.
- ⁹² Там же. С. 153.
- ⁹³ Грушевский М. С. Указ. соч. С. 1054. 1655 марта 8/18.— Реляция

- ция К. Тышкевича воеводе берестецкому.
- ⁹⁴ *Michalowski J.* Księga pamiętnicza... S. 749. 1655 марта 14/14.— Письмо неизвестного из Варшавы к мечнику коронному М. Збжидовскому.
- ⁹⁵ *Грушевський М. С.* Указ. соч. С. 1054. 1655 февраль.— Письмо С. Лянцкоронского к Д. Ракоци.
- ⁹⁶ Там же. С. 1056. 1655 марта 8/18.— Реляция К. Тышкевича воеводе берестецкому.
- ⁹⁷ *Баранович А. И.* Указ. соч.; *Компан О. С.* Міста України в другій половині XVII століття. Київ, 1963; *Маркина В. А.* Крестьяне Правобережной Украины; Конец XVII — 60-е гг. XVIII ст. Киев, 1971; и др.
- ⁹⁸ *Компан О. С.* Указ. соч. С. 67.
- ⁹⁹ Там же. С. 67. Захваченные Брацлав и Животов насчитывали минимум 6400 и 10 100 человек (Там же. С. 77).
- ¹⁰⁰ ЦГАДА. Ф. 20. Белгородский стол. Стб. 382. Л. 385. 1655 апреля 4.— Расспросные речи шляхтича Я. Песочинского.
- ¹⁰¹ *Компан О. С.* Указ. соч. С. 67.
- ¹⁰² АЮЗР. Т. 14. С. 564. 1655 марта 21.— Б. Хмельницкий к В. Б. Шереметеву.
- ¹⁰³ ЦГАДА. Ф. 123. Сношения с Крымом. Оп. 1. Кн. 37. Л. 99 об.— 100. Статейный список Д. Жеребцова и С. Титова.
- ¹⁰⁴ АЮЗР. Т. 14. С. 565. 1655 марта 21.— Б. Хмельницкий к В. Б. Шереметеву.
- ¹⁰⁵ *Грушевський М. С.* Указ. соч. С. 1059. 1655 апреля 12/24.— Реляция С. Лянцкоронского королю.
- ¹⁰⁶ Там же. С. 1059. 1655 апреля 13/23.— Письмо дворецкого канцлера Корецького к неизвестному.
- ¹⁰⁷ Там же. С. 1058. 1655 конец марта.— Реляция К. Тышкевича С. Потоцкому.
- ¹⁰⁸ *Мальцев А. Н.* Указ. соч. С. 66—76.
- ¹⁰⁹ ЦГАДА. Ф. 123. Сношения с Крымом. Оп. 1. Кн. 37. Л. 157 об. Статейный список Д. Жеребцова и С. Титова.
- ¹¹⁰ Там же. Л. 158.
- ¹¹¹ Там же. Л. 134.
- ¹¹² Там же. Статейный список Д. Жеребцова и С. Титова.
- ¹¹³ *Грушевський М. С.* Указ. соч. С. 1076. 1655 апреля 23/мая 3.— Расспросные речи пленного казака Кости.
- ¹¹⁴ Там же.
- ¹¹⁵ АЮЗР. Т. 14. С. 525. 1655 февраля 22.— Б. Хмельницкий к царю; Документы... С. 413. 1655 февраля 26.— Б. Хмельницкий к Никону.
- ¹¹⁶ *Мальцев А. Н.* Указ. соч. С. 27.
- ¹¹⁷ Там же. С. 77; Акты Московского государства. СПб., 1894. Т. II. С. 402. 1655 марта 23.— Указ В. В. Бутурлину. (Далее: АМГ).
- ¹¹⁸ *Мальцев А. Н.* Указ. соч. С. 25.
- ¹¹⁹ АМГ. Т. II. С. 398. 1655 марта 10.— Указ А. Н. Трубецкому.
- ¹²⁰ *Мальцев А. Н.* Указ. соч. С. 79.
- ¹²¹ АЮЗР. Т. 14. С. 566. 1655 марта 21.— Б. Хмельницкий к В. Б. Шереметеву.
- ¹²² *Мальцев А. Н.* Указ. соч. С. 79.
- ¹²³ ЦГАДА. Ф. 119. Калмыцкие дела. Оп. 1. 1655. Стб. Л. 85—86. 1655 апреля 4.— Указ. Г. С. Куракину. Ввиду отбытия царя в армию Куракин был оставлен в Москве для ведения дел.
- ¹²⁴ *Грушевський М. С.* Указ. соч. С. 1077. 1655 мая 12/22.— Донесение молдавского посла из Чигирина.
- ¹²⁵ Жерела до історії України — Руси. Львів, 1911, Т. XII. С. 346. 1655 апреля 14/24.— Донесение С. Редигера в Вену.
- ¹²⁶ ЦГАДА. Ф. 123. Сношения с Крымом. Оп. 1. Кн. 37. Л. 101. об., 125. Статейный список Д. Жеребцова и С. Титова; *Грушевський М. С.* Указ. соч. С. 1076. 1655 апреля 23/мая 3.— Расспросные речи казака Кости.
- ¹²⁷ ЦГАДА. Ф. 123. Сношения с Крымом. Оп. 1. Кн. 37. Л. 101 об. Статейный список Д. Жеребцова и С. Титова.
- ¹²⁸ Там же. Л. 102. Сефергазы, явно запугивая, утверждал, что направил 39 галер; на Дону распространялись слухи о прибытии 24 галер, под Азовом не было ни одной. (РИБ. Пг., 1917. Т. XXXII. С. 1). 1655 конец мая.— Отписка В. Г. Фефилаьева.
- ¹²⁹ Там же. Л. 157.
- ¹³⁰ Там же. Л. 157 об.
- ¹³¹ РИБ. Т. XXXII. С. 22. 1655 июль.— Войсковая отписка; РИБ. Т. XXXIV. С. 45. 1655 осень.— Войсковая отписка.

- ¹³² РИБ. Т. XXXII. С. 29. 1655 августа 23.— Расспросные речи казака К. Дмитриева.
- ¹³³ Там же. С. 53.— Расспросные речи П. Федорова и К. Яковлева.
- ¹³⁴ ЦГАДА. Ф. 210. Белгородский стол. Стб. 382. Л. 288—289. 1655 сентября 3.— Отписка И. И. Ромодановского.
- ¹³⁵ Санитарные кордоны были сняты в начале сентября, но в некоторых местах их держали до конца месяца (ЦГАДА. Ф. 210. Белгородский стол. Стб. 346. Л. 10. 1655 сентября после 8).— Отписка воеводы И. Акинфова; Л. 11—13. 1655.— Отписка В. Г. Фефилатьева.
- ¹³⁶ Там же. Л. 411. 1655 июня 18.— Отписка В. В. Бутурлина; Л. 412. 1655 июня 18.— Расспросные речи татарских языков.
- ¹³⁷ ЦГАДА. Ф. 123. Сношения с Крымом. Оп. 1. Кн. 37. Л. 163. Статейный список Д. Жеребцова и С. Титова.
- ¹³⁸ ЦГАДА. Ф. 111. Донские дела. Оп. 1. 1655. Стб. 1. Л. 3. 1655 июня после 14.— Отписка В. Г. Фефилатьева.
- ¹³⁹ Грушевский М. С. Указ. соч. С. 1089—1090.
- ¹⁴⁰ РИБ. СПб., 1917. Т. XXXIV. Кн. 5. Донские дела. С. 45. 1655 ноября после 7 — начало декабря.— Войсковая отписка, полученная в Москве 10 декабря.
- ¹⁴¹ Там же. С. 6. 1655 июня 24.— Расспросные речи валуйского станичника И. Савина; С. 14. 1655 августа 23.— Расспросные речи станичника К. Дмитриева.
- ¹⁴² ЦГАДА. Ф. 123. Сношения с Крымом. Оп. 1. Кн. 37. Л. 164 об. Статейный список Д. Жеребцова и С. Титова.
- ¹⁴³ Там же; РИБ. Т. XXXIV. С. 27. 1655 августа 23.— Расспросные речи К. Дмитриева и В. Никитина; С. 6. 1655 июня 24.— Расспросные речи И. Савина.
- ¹⁴⁴ РИБ. Т. XXXIV. С. 53. 1655 декабря 11.— Расспросные речи К. Яковлева и П. Федорова.
- ¹⁴⁵ Там же. С. 46. 1655 ноября 7 — начало декабря.— Войсковая отписка.
- ¹⁴⁶ ЦГАДА. Ф. 123. Сношения с Крымом. Оп. 1. Кн. 37. Л. 166 об., 167 об. Статейный список Д. Жеребцова и С. Титова; РИБ. Т. XXXIV. С. 28. 1655 августа 23.— Расспросные речи К. Дмитриева и В. Никитина; ЦГАДА. Ф. 210. Белгородский стол. Стб. 382. Л. 286. 1655 сентября 3.— Отписка И. И. Ромодановского.
- ¹⁴⁷ РИБ. Т. XXXIV. С. 47—48. 1655 ноября 7 — начало декабря.— Войсковая отписка.
- ¹⁴⁸ Там же. С. 53. Расспросные речи П. Федорова и К. Яковлева.
- ¹⁴⁹ Там же. С. 29. 1655 августа 23.— Расспросные речи К. Дмитриева и В. Никитина.
- ¹⁵⁰ Там же. С. 46. 1655 ноября 7 — начало декабря.— Войсковая отписка.
- ¹⁵¹ Документи... С. 442. 1655 июля 26.— Б. Хмельницкий к царю.
- ¹⁵² Там же.
- ¹⁵³ Там же.
- ¹⁵⁴ ЦГАДА. Ф. 123. Сношения с Крымом. Оп. 1. Кн. 37. Л. 166. Статейный список Д. Жеребцова и С. Титова; Документи... С./442. 1655 июля 26.— Хмельницкий к царю.
- ¹⁵⁵ ЦГАДА. Ф. 123. Сношения с Крымом. Оп. 1. Кн. 37. Л. 181. Статейный список Д. Жеребцова и С. Титова.
- ¹⁵⁶ Там же. Л. 188 об., 191. Статейный список Д. Жеребцова и С. Титова.
- ¹⁵⁷ Там же. Л. 191 об. То же.
- ¹⁵⁸ Грушевский М. С. Указ. соч. С. 1137.
- ¹⁵⁹ ЦГАДА. Ф. 210. Белгородский стол. Стб. 382. Л. 280—281. 1655 августа после 27.— Отписка яблоновского воеводы И. И. Ромодановского. Будники — люди, ушедшие на промысел, для житья они строили (по-украински: «будуваля») жилье. (Компан О. С. Указ. соч. С. 261).
- ¹⁶⁰ ЦГАДА. Ф. 123. Сношения с Крымом. Оп. 1. Кн. 37. Л. 193. Статейный список Д. Жеребцова и С. Титова.
- ¹⁶¹ Грушевский М. С. Указ. соч. С. 1137. 1655 сентября 30.— Лист П. Безштанько.
- ¹⁶² Polska w okresie... S. 55—59.
- ¹⁶³ АМГ. Т. II. С. 462. 1655 ноября 26.— Расспросные речи в Могилеве жителя села Буйницы В. Никитина.
- ¹⁶⁴ Polska w okresie... S. 468.
- ¹⁶⁵ Мальцев А. П. Указ. соч. С. 101—

- 102; *Костомаров Н. И.* Указ. соч. С. 591—594.
- 166 ЦГАДА. Ф. 210. Белгородский стол. Стб. 362. Л. 342. 1656 января 7.— Расспросные речи А. Войны; Л. 346. 1656 января 7.— Расспросные речи С. Курока.
- 167 АЮЗР. Т. 14. С. 880. 1655 ноября 14.— Отписка киевского воеводы Ф. Ф. Волконского.
- 168 *Грушевский М. С.* Указ. соч. С. 1126—1127. 1655 октября 5.— Отписка В. В. Бутурлина о походе П. И. Потемкина на Люблин; немецкая реляция о разорении Люблина.
- 169 Там же. С. 1137. 1655 октября 15.— Отписка киевских воевод.
- 170 Там же. 1655 октября 10.— Лист белоцерковского полковника Гири.
- 171 Там же. 1655 октября 23/ноября 2.— Адиль-Гирей к королю Яну Казимиру.
- 172 АМГ. Т. II. С. 455. 1655 октября 26.— Расспросные речи в Яблонове пленных татар.
- 173 *Грушевский М. С.* Указ. соч. С. 1137. 1655 октября 25.— Отписка полковника Гири.
- 174 ЦГАДА. Ф. 210. Белгородский стол. Стб. 382. Л. 334—335. 1655 декабрь.— Отписка В. В. Бутурлина.
- 175 АЮЗР. Т. 4. С. 879. 1655 ноября 14 (получена).— Отписка киевского воеводы Ф. Ф. Волконского. Один из ездивших с грамотами — Клим Ефимов сообщает в расспросных речах весьма спорные сведения: татарский отряд насчитывал 50 000 и командовал им бывший запорожец Крыса (АМГ. Т. II. С. 464).
- 176 *Грушевский М. С.* Указ. соч. С. 1140. 1655 ноября 17/27.— Хан к королю.
- 177 ЦГАДА. Ф. 123. Сношения с Крымом. Оп. 1. Кн. 37. Л. 199; АМГ. Т. II. С. 468. Расспросные речи К. Ефимова.
- 178 *Грушевский М. С.* Указ. соч. С. 1139. 1655 ноябрь.— Посол Речи Посполитой в Бахчисарае Я. Яскульский к Гродзицкому.
- 179 Архив Южной и Западной России, издаваемый Комиссиею для разбора древних актов, состоящей при киевском, подольском и волынском генерал-губернаторе. Киев, 1908. Ч. 3. Т. VI: Акты шведского государственного архива, относящиеся к истории Малороссии. С. 96. Анонимная реляция о походе от Львова. (Далее: Архив ЮЗР).
- 180 Там же. С. 97. 1655.— Анонимная казацкая реляция. По иному описывает этот результат Я. Яскульский в письме к Гродзицкому: ногайцы уничтожили несколько сот ратных людей, захватили несколько возов с большой добычей. (См.: *Грушевский М. С.* Указ. соч. С. 1139).
- 181 ЦГАДА. Ф. 210. Белгородский стол. Стб. 382. Л. 335. 1655 декабря.— Отписка В. В. Бутурлина.
- 182 Там же. Л. 336—337. То же.
- 183 Там же. Л. 337.
- 184 АЮЗР. Т. 14. С. 890. 1655 декабря 8.— И. Радзиевский к Хмельницкому.
- 185 ЦГАДА. Ф. 123. Сношения с Крымом. Оп. 1. Кн. 37. Л. 207 об. Статейный список Д. Жеребцова и С. Титова.
- 186 Там же. Л. 220—221.
- 187 Архив ЮЗР. Ч. 3, т. VI. С. 91. 1655 октября 15.— Инструкция Б. Хмельницкого Даниилу.
- 188 ЦГАДА. Ф. 210. Белгородский стол. Стб. 382. Л. 315—316.— Расспросные речи И. О. Выговского.
- 189 *Грушевский М. С.* Указ. соч. С. 1161—1162.
- 189а АЮЗР. Т. 4. СПб., 1863. С. 148. 1658. Статейный список В. М. Кикина.
- 190 ЦГАДА. Ф. 123. Сношения с Крымом. Оп. 1. Кн. 37. Л. 220 об. Статейный список Д. Жеребцова и С. Титова.
- 191 Там же.
- 192 Там же. Л. 205—206 об.
- 193 РИБ. Т. XXXIV. С. 53. 1655 декабря 11.— Расспросные речи П. Федорова и К. Яковлева.
- 194 Там же. С. 10. 1655 декабря 8—28.— Отписка В. Г. Феофилаьева.
- 195 Там же. С. 82. 1655 января 13.— Грамота Войску Донскому.
- 196 ЦГАДА. Ф. 123. Сношения с Крымом. Оп. 1. Кн. 37. Л. 247. Статейный список Д. Жеребцова и С. Титова.
- 197 Там же. Л. 244 об.
- 198 Там же. Л. 252. То же.
- 199 Ojczyste wspominki w pismach do dziejów dawnej Polski. Diariuszy, relacyę, pamiętniki i t. p., służić mogące do objaśnienia dziejów

- krajoowych. Kraków, 1845. Т. 2. S. 91–92. Б/д.— Е. Лещинский к Яну Казимиру.
- 200 Ibid. S. 91–92. Б/д.— Е. Лещинский к Яну Казимиру.
- 201 Документи... С. 469. 1655 января 22.— Б. Хмельницкий к калге Казы-Гирею.
- 202 *Мальцев А. Н.* Указ. соч. С. 111–112.
- 203 ЦГАДА. Ф. 123. Сношения с Крымом. Оп. 1. Кн. 37. Л. 252–252 об. Статейный список Д. Жеребцова и С. Титова.
- 204 РИБ. Т. XXXIV. С. 14. 1655 марта 8–13.— Войсковая отписка.
- 205 Там же.
- 206 Там же. С. 130. 1656 февраля 24.— Войсковая отписка.
- 207 Там же. С. 14. 1655 марта 18.— Войсковая отписка.
- 208 Там же. С. 130–131. 1655 февраля 24.— Войсковая отписка.
- 209 Там же. С. 131.
- 210 Там же. 1656 марта 16.— Расспросные речи атамана П. Швырева.
- 211 Там же. С. 127. 1656 октября 9.— Расспросные речи С. Протасьева.
- 212 Там же. С. 131. 1656 февраля 24.— Войсковая отписка.
- 213 Там же.
- 214 Там же. С. 152. 1656 ноября 2.— Войсковая отписка.
- 215 РИБ. Т. XXXIV. С. 127. 1656 октября 9.— Расспросные речи С. Протасьева. *Апанович О. М.* Запорізька Січ у боротьбі проти турецько-татарської агресії 50–70 роки XVII ст. Київ, 1961. С. 116.
- 216 РИБ. Т. XXXIV. С. 154. 1656 ноября 2.— Войсковая отписка.
- 217 Там же. С. 153. То же.
- 218 Там же. С. 128. 1656 октября 9.— Расспросные речи С. Протасьева.
- 219 ЦГАДА. Ф. 123. Сношения с Крымом. Оп. 1. Кн. 40. Л. 215–215 об., 217 об. 270 об., 300 об. Статейный список Р. Жукова.
- 220 Документи... С. 520. 1656 июля 26.— Наказ послу Войска Запорожского Р. Гапоненко на Виленские переговоры.
- 2 Бантыш-Каменский Н. Н. Обзор внешних сношений России (по 1800 г.). М., 1894. Ч. 1: Австрия, Англия, Венгрия, Голландия, Дания, Испания. С. 228.
- 3 Там же.
- 4 Очерки истории СССР: Период феодализма, XVII в. М., 1955. С. 498. (Далее: Очерки...).
- 5 Там же. С. 499.
- 6 Там же. С. 500.
- 7 *Греков И. Б.* Из истории совместной борьбы Украины и России за осуществление решений Переяславской рады (1657–1659 гг.) // Воссоединение Украины с Россией, 1654–1954: Сб. статей. М., 1954. С. 307–356.
- 8 *Крипьякевич Г. П.* Богдан Хмельницкий. Київ, 1954. С. 506.
- 9 Документи Богдана Хмельницького. Київ, 1961. С. 497. 1656 июня 7.— Хмельницкий к царю.
- 10 Там же. С. 498. 1656 июня 7.— Наказ гонцу И. Skorobогатенко.
- 11 *Крипьякевич Г. П.* Указ. соч. С. 507.
- 12 Там же. С. 507–508.
- 13 Очерки... С. 501.
- 14 АЮЗР. СПб., 1875. Т. 8. С. 395. 1657 января 9.— Б. Хмельницкий к царю.
- 15 *Грушевський М. С.* Історія України — Руси. Київ, 1931. Т. IX, ч. 2. С. 1105–1109.
- 16 *Семенова Л. Е.* Русско-валашские отношения в конце XVII — начале XVIII в. М., 1969. С. 56–57. ЦГАДА. Ф. 123. Сношения с Крымом. Оп. 1. Кн. 40. Л. 335 об. 362, 365–366 и др. Статейный список Р. Жукова.
- 17 Исторические связи народов СССР и Румынии в XV — начале XVIII в. М., 1968. Т. 2: 1633–1673. С. 270. 1656 марта 15.— Грамота Г. Стефана к царю; С. 286–287. 1656 июня 29.— Жалованная грамота о приеме в подданство Молдавии.
- 18 *Грушевський М. С.* Указ. соч. С. 1237. 1656 июля 13.— Лист Хмельницкого к А. В. Бутурлину.
- 19 Там же.
- 20 Там же.
- 21 АЮЗР. СПб., 1861. Т. 3. С. 546–547. 1656 сентября 7.— Союзный договор Д. Ракоци с Б. Хмельницким.
- 22 Исторические связи... Т. 2. С. 379. (Комментарий).

Глава IV

- 1 *Форстен Г. Ф.* Сношения Швеции и России во 2-й половине XVII в. (1648–1700) // ЖМНП. 1898. № 2. С. 264–268.

- ²³ *Бангыш-Каменский П. П.* Указ. соч. Ч. 1. С. 158.
- ²⁴ Там же.
- ²⁵ Архив Южной и Западной России, издаваемый Комиссиею для разбора древних актов, состоящей при киевском, подольском и волыньском генерал-губернаторе. Акты шведского государственного архива, относящиеся к истории Малороссии. Киев, 1908. Ч. 3. Т. VI. С. 123. 1656 июня 30/июля 10 — Карл X к Хмельницкому. (Далее: Архив ЮЗР).
- ²⁶ Там же. С. 127. 1656 июля 15/25. — Карл X к Хмельницкому.
- ²⁷ Там же. С. 129. 1656 июля 17/27. — Речь Карла X в ригсдаге.
- ²⁸ *Грушевский М. С.* Указ. соч. С. 1281. 1656 июля 17/27. Карл X к Хмельницкому.
- ²⁹ Архив ЮЗР. Ч. 3, т. VI. С. 159. 1656 сентября 15/25. — Инструкция послам.
- ³⁰ Там же. С. 161. То же.
- ³¹ Там же. С. 161. То же. Этот вариант фактически и был осуществлен весной-летом 1657 г.
- ³² Там же. С. 201—207. 1657 января 28. — Реляция Г. Велинга; *Грушевский М. С.* Указ. соч. С. 1290. 1656 — май 1657 г. — Проекты шведско-украинского договора.
- ³³ *Грушевский М. С.* Указ. соч. С. 287—290. 1657 июня 12/22. — Реляция Лилиенкроны.
- ³⁴ ЦГАДА. Ф. 123. Сношения с Крымом. Оп. 1. Кн. 39. Л. 7. Статейный список А. П. Акинфова.
- ³⁵ *Хорошкевич А. Л.* Русское государство в системе международных отношений конца XV — начала XVI в. М., 1980. С. 32.
- ³⁶ ЦГАДА. Ф. 123. Сношения с Крымом. Оп. 1. Кн. 35. Л. 201. 1655 декабрь — 1656 апрель. — Статейный список И. И. Ромодановского.
- ³⁷ Там же.
- ³⁸ Там же. Л. 208а.
- ³⁹ Там же. Л. 209 об. То же.
- ⁴⁰ Там же. Л. 210—210 об.
- ⁴¹ Там же. Л. 210 об. — 211 об.
- ⁴² Там же. Л. 216—217.
- ⁴³ Там же. Л. 218—221.
- ⁴⁴ Там же. Л. 223 об. — 224.
- ⁴⁵ Там же. Л. 238 об. — 239.
- ⁴⁶ Там же. Л. 239—247.
- ⁴⁷ Там же. Кн. 39. 1655 ноябрь 27—1656 сентября 20. — Статейный список А. П. Акинфова.
- ⁴⁸ Там же. Кн. 40. Л. 24. Статейный список Р. Жукова. Запись за 6 января 1657 г.
- ⁴⁹ Там же. Л. 109—112 об. Запись от 26 февраля 1657 г.
- ⁵⁰ Там же. Л. 18—20 об. Запись за 31 декабря 1656 г.
- ⁵¹ Там же. Л. 24 об. Запись от 6 января 1657 г.
- ⁵² Там же. Л. 30 об. — 36. Записи от 9—10 января 1657 г.
- ⁵³ Там же. Л. 39. Запись от 11 января 1657 г.
- ⁵⁴ Там же. Л. 40—41. Запись от 11 января 1657 г.
- ⁵⁵ Там же. Л. 41 об. — 42. То же.
- ⁵⁶ И. Гордеев — младший подъячий для письма, трудами которого, собственно, и был создан статейный список этого посольства, ценнейший исторический документ, обладающий несомненными литературными достоинствами, не только деловой отчет, но и дневник наблюдательного, умного, талантливого человека.
- ⁵⁷ ЦГАДА. Ф. 123. Сношения с Крымом. Оп. 1. Кн. 40. Л. 66—66 об. Статейный список Р. Жукова, запись от 9 февраля 1657 г.
- ⁵⁸ Там же. Л. 339. Запись от 9 февраля 1657 г.
- ⁵⁹ Там же. Л. 58—63 об. Запись от 3 февраля 1657 г.
- ⁶⁰ Там же. Л. 258—258 об. Запись от 15 апреля.
- ⁶¹ Там же. Л. 257. То же.
- ⁶² Там же. Л. 367 об. Запись от 3 апреля.
- ⁶³ Там же. Л. 375 об. То же.
- ⁶⁴ Там же. Л. 368—368 об. Запись от 3 апреля.
- ⁶⁵ Там же. Л. 396—396 об. Запись от 25 мая.
- ⁶⁶ Там же. Л. 404. Запись от 3 июня.
- ⁶⁷ Там же. Л. 404 об. Запись от 3 июня.
- ⁶⁸ Там же. Л. 406 об. То же.
- ⁶⁹ Там же. Л. 378 об. Запись от 30 апреля.
- ⁷⁰ Там же. Л. 396 об. Запись от 28 мая.
- ⁷¹ Там же. Л. 374—375.
- ⁷² Там же. Л. 375. Запись от 30 апреля.
- ⁷³ *Новосельцев А. А.* Борьба Московского государства с татарами в первой половине XVII в. М.; Л., 1948. С. 327.
- ⁷⁴ Вести-куранты 1645—1646, 1648 гг. М., 1980. С. 124. 1646 июнь-июль. —

- Перевод вестовых печатных листов.
- 75 *Курги О.* Постройка моделей судов. Л., 1977. С. 28.
- 76 ЦГАДА. Ф. 123. Сношения с Крымом. Оп. 1. Кн. 40. Л. 344. Статейный список. Р. Жукова, запись от 10 февраля.
- 77 Там же. Л. 349. Запись от 30 марта.
- 78 Там же. Л. 344. Запись от 10 февраля.
- 79 Там же.
- 80 Там же. Л. 414—415. Запись от 17 июня.
- 81 Там же. Л. 345 об. Запись от 15 марта.
- 82 Там же. Л. 345.
- 83 Там же. Л. 349 об. Запись от 30 марта.
- 84 Там же. Л. 423 об. Запись от 6 июля.
- 85 Там же. Л. 73 об. Запись от 23 февраля.
- 86 Там же. Л. 88 об. Запись от 24 февраля.
- 87 Там же. Л. 89 об. То же.
- 88 Там же. Л. 100 об. Запись за 25 февраля.
- 89 Канычи — придворная стража; кегья — чиновник, ведавший придворными церемониями и прочими дворцовыми делами.
- 90 ЦГАДА. Ф. 123. Сношения с Крымом. Оп. 1. Кн. 40. Статейный список Р. Жукова. Л. 104—106. Запись от 25 февраля.
- 91 Там же. Л. 113—118. Запись от 26 февраля.
- 92 Там же. Л. 206—206 об. Запись от 31 марта.
- 93 Там же. Л. 345 об.—347. Записи от 15 и 19 марта.
- 94 Там же. Л. 217—217 об. Запись от 2 апреля.
- 95 Там же. Л. 286 об.—287. Запись от 13 мая.
- 96 Там же. Л. 284, 289. То же.
- 97 Там же. Л. 222, 251, 299, 331, 350. Записи от 28 января, 31 марта, 3 апреля, 15 апреля, 13 мая.
- 98 Там же. Л. 252—253 об. То же.
- 99 Там же. Л. 300—303 об. Запись от 15 апреля.
- 100 Там же. Л. 303. Запись от 13 мая.
- 101 Там же. Л. 307—307 об. Запись от 13 мая.
- 102 Там же. Л. 327 об.—328. Запись от 24 мая.
- 103 Там же. Л. 448. Запись от 6 сентября.
- 104 Там же. Л. 437. Запись от 29 августа.
- 105 Там же. Л. 486—487 об. Запись от 28 сентября.
- 106 Там же. Л. 416 об. Запись от 26 июня.
- 107 Там же. Л. 498—499. Запись от 16 октября.
- 108 Там же. Л. 331 об.—332. Запись от 28 января.
- 109 Там же. Л. 334. Запись от 1 февраля.
- 110 Документи... С. 573. 1657 марта.— Б. Хмельницкий к Сияуш-паше.
- 111 АЮЗР. СПб., 1878. Т. 11. С. 693. 1657 апреля 4.— Г. Стефан к гетману.
- 112 ЦГАДА. Ф. 123. Сношения с Крымом. Оп. 1. Кн. 40. Л. 352, 354. Статейный список Р. Жукова, запись от 4 апреля.
- 113 Там же. Л. 352 об.—354. Запись от 4 апреля.
- 114 АЮЗР. Т. 11. С. 698. 1657 мая после 15.— Магомет-Гирей к гетману.
- 115 ЦГАДА. Ф. 123. Сношения с Крымом. Оп. 1. Кн. 40. Л. 362. Статейный список Р. Жукова, запись от 10 апреля.
- 116 АЮЗР. Т. 11. С. 700. 1657 мая после 15.— Визирь Сефержазы-ага к гетману.
- 117 ЦГАДА. Ф. 210. Белгородский стол. Стб. 391. Л. 70. 1657 июля 10.— Лист Магомет-Гирея к Б. Хмельницкому.
- 118 АЮЗР. Т. 3. С. 587. Статейный список Ф. В. Бутурлина, запись от 9 июня 1657 г.
- 119 *Грушевський М. С.* Указ. соч. С. 1434. 1657 июня 10/20 — августа 6/16.— Записка Ф. Шебеши.
- 120 Архив ЮЗР. Ч. 3, т. VI. С. 290. 1657 июня 12/22.— Реляция Лиленкроны королю Карлу X Густаву.
- 121 *Шевченко Ф. П.* Політичні та економічні зв'язки України з Росією в середині XVII ст. Київ, 1959. С. 65, 66, 291, 325, 344—345, 476—480 и др.; *Історія Української РСР. Т. 2.* Визвольна війна і воз'єднання України з Росією. Початок розкладу феодалізму та зародження капіталістичних відносин (Друга половина XVII—XVIII ст.). Київ, 1979. С. 84—85.
- 122 *Стецюк К. І.* Народні рухи на Лівобережній і Слобідській Україні в 50—70-х роках XVII ст. Київ,

1960. С. 101–136; *Соловьев С. М.* История России с древнейших времен. М., 1961. Кн. VI. С. 14.
- ¹²³ *Соловьев С. М.* Указ. соч. Кн. VI. С. 14.
- ¹²⁴ ЦГАДА. Ф. 123. Сношения с Крымом. Оп. 1. Кн. 40. Л. 376 об. Статейный список Р. Жукова, запись от 30 апреля.
- ¹²⁵ Там же. Л. 377. Запись от 30 апреля.
- ¹²⁶ Там же.
- ¹²⁷ Там же. Л. 376 об., 377 об.
- ¹²⁸ Там же. Л. 393 об.—394. Запись от 28 мая.
- ¹²⁹ Там же. Л. 394. То же.
- ¹³⁰ Вероятно, епископ армянской церкви в Константинополе, вряд ли это был католикос Армении.
- ¹³¹ ЦГАДА. Ф. 123. Сношения с Крымом. Оп. 1. Кн. 40. Статейный список Р. Жукова. Л. 393 об.—394.
- ¹³² Там же. Л. 392 об.—395.— Запись от 28 мая.
- ¹³³ АЮЗР. Т. 3. С. 558. Статейный список Ф. В. Бутурлина, запись от 13 мая 1657 г.
- ¹³⁴ Документи... С. 579. 1657 апреля 23.— Б. Хмельницкий к царю.
- ¹³⁵ Там же. С. 582. 1657 апреля 23.— Наказ послу Федору Коробке.
- ¹³⁶ *Грушевский М. С.* Указ. соч. С. 1379. 1657 г.— Ответ царя на лист от 23 апреля 1657 г.
- ¹³⁷ Жерела до історії України — Руси. Львів, 1911. С. 422. 1657 январь.— Инструкция А. Яскульскому.
- ¹³⁸ Там же. С. 560. 1657 апреля 27/мая 7.— Реляция Ренигера императору. В действительности послали 15–16 тыс. См. ниже.
- ¹³⁹ Там же. С. 479–482. 1657 июня 2/12.— То же.
- ¹⁴⁰ ЦГАДА. Ф. 123. Сношения с Крымом. Оп. 1. Кн. 40. Л. 368 об.—369. Статейный список Р. Жукова, запись от 25 апреля.
- ¹⁴¹ Исторические связи... Т. 2. С. 298. 1657 мая 18.— Г. Стефан к Б. Хмельницкому.
- ¹⁴² ЦГАДА. Ф. 123. Сношения с Крымом. Оп. 1. Кн. 40. Л. 378 об. Статейный список Р. Жукова, запись от 30 апреля.
- ¹⁴³ Там же. Л. 413. Запись от 17 июня.
- ¹⁴⁴ Там же. Л. 382 об. Запись от 11 мая.
- ¹⁴⁵ Документи... С. 592. 1657 июня 19.— Б. Хмельницкий к К. Шербану.
- ¹⁴⁶ *Преображенская П. С.* Завершение процесса добровольного вхождения калмыков в состав Русского государства // Очерки истории Калмыцкой АССР: Дооктябрьский период. М., 1967. С. 116–117.
- ¹⁴⁷ Там же. С. 117.
- ¹⁴⁸ Там же. С. 117–118.
- ¹⁴⁹ Там же. С. 119–120.
- ¹⁵⁰ ЦГАДА. Ф. 119. Калмыцкие дела. Оп. 1. 1657 г. Стб. 2. Л. 42. 1657 г.— Решение Боярской думы о принятии шерги калмыков.
- ¹⁵¹ *Преображенская П. С.* Из истории русско-калмыцких отношений в 50–60-х гг. XVII в. // Зап. Калмыцкого НИИ языка, литературы и истории. Элиста. 1960. Вып. 1. С. 65–83.
- ¹⁵² *Преображенская П. С.* Завершение процесса добровольного вхождения калмыков в состав Русского государства. С. 119.
- ¹⁵³ ЦГАДА. Ф. 123. Сношения с Крымом. Оп. 1. Кн. 40. Л. 335 об. Статейный список Р. Жукова, запись от 5 февраля 1657 г.
- ¹⁵⁴ Там же. Л. 346 об.—347. То же, запись от 19 марта.
- ¹⁵⁵ Жерела... Т. XII. С. 422. 1657 январь.— Инструкция П. Яскульскому.
- ¹⁵⁶ Документи... С. 579. 1657 апреля 23.— Б. Хмельницкий к царю.
- ¹⁵⁷ Там же. С. 582. 1657 апреля 23.— Наказ гетмана Ф. Коробке.
- ¹⁵⁸ РИБ. Пг., 1917. Т. XXXIV. С. 154–155. 1656 ноября 2.— Войсковая отписка.
- ¹⁵⁹ Там же; Документи... С. 554. 1657 января 9.— Б. Хмельницкий к царю.
- ¹⁶⁰ АЮЗР. Т. 3. С. 551–552. 1656 ноября после 17.— Отписка А. В. Бутурлина: С. 549. 1656 г. ноябрь.— Доездная записка А. Миекова.
- ¹⁶¹ Polska w okresie... S. 103–105.
- ¹⁶² Ibid. S. 105.
- ¹⁶³ АЮЗР. Т. 3. С. 598. 1657 марта 13.— Письмо Б. Хмельницкого к царю.
- ¹⁶⁴ ЦГАДА. Ф. 123. Сношения с Крымом. Оп. 1. Кн. 40. Л. 345 об. Запись от 15 марта.
- ¹⁶⁵ РИБ. Т. XXXIV. С. 225. 1657 апреля 19.— Войсковая отписка.
- ¹⁶⁶ Там же. С. 225.
- ¹⁶⁷ Там же.

- ¹⁶⁸ АЮЗР. Т. 11. С. 704. 1657 июня 13.— Письмо лисинского сотника к корсуньскому полковнику.
- ¹⁶⁹ АЮЗР. Т. 3. С. 598. 1657 марта 13.— Письмо Б. Хмельницкого к царю; *Грушевский М. С.* Указ. соч. С. 1380. 1657 апреля 16.— Статейный список русского посла в Польшу Иевлева; АЮЗР. Т. 11. С. 702. 1657 мая 7.— М. Зеленецкий к Б. Хмельницкому.
- ¹⁷⁰ Polska w okresie... S. 106.
- ¹⁷¹ ЦГАДА. Ф. 123. Сношения с Крымом. Оп. 1. Кн. 40. Л. 368—369. Статейный список Р. Жукова, запись от 25 апреля.
- ¹⁷² Там же. Л. 383. Запись от 14 мая.
- ¹⁷³ Там же. Л. 383. Запись от 16 мая.
- ¹⁷⁴ АЮЗР. Т. 11. Л. 702. 1657 мая 7.— М. Зеленецкий к Б. Хмельницкому.
- ¹⁷⁵ ЦГАДА. Ф. 123. Сношения с Крымом. Оп. 1. Кн. 40. Л. 388. Статейный список Р. Жукова, запись от 22 мая.
- ¹⁷⁶ *Апанович О. М.* Запорізька Січ у боротьбі пропін турецько-татарської агресії. 50—70 роки XVII ст. Київ. 1961. С. 116; ЦГАДА. Ф. 123. Сношения с Крымом. Оп. 1. Кн. 40. Л. 397, 402 об. Статейный список Р. Жукова, записи за 28 мая и 3 июня.
- ¹⁷⁷ ЦГАДА. Ф. 123. Сношения с Крымом. Оп. 1. Кн. 40. Л. 384 об. Статейный список Р. Жукова, запись от 17 мая; Исторические связи... С. 298. 1657 мая 18.— Г. Стефан к Б. Хмельницкому.
- ¹⁷⁸ ЦГАДА. Ф. 123. Сношения с Крымом. Оп. 1. Кн. 40. Л. 396. Статейный список Р. Жукова, запись от 28 мая.
- ¹⁷⁹ Там же. Л. 398. Запись от 30 мая.
- ¹⁸⁰ Там же. Л. 399. Запись от 1 июня.
- ¹⁸¹ Там же. Л. 388. Запись от 22 мая. По-видимому, в Крыму оставалось значительно больше мужчин. В 1655 г. хан вывел на Украину 100 тыс. воинов Следовательно, в 1657 г. их оставалось не менее 300 тыс.
- ¹⁸² Там же. Л. 401. Запись от 3 июня.
- ¹⁸³ Там же.
- ¹⁸⁴ Там же. Л. 403—403 об. Запись от 3 июня.
- ¹⁸⁵ Polska w okresie... S. 107.
- ¹⁸⁶ АЮЗР. Т. 11. С. 695. 1657 июня 8.— Г. Стефан к Б. Хмельницкому; ЦГАДА. Ф. 123. Сношения с Крымом. Оп. 1. Кн. 40. Л. 426. Статейный список Р. Жукова, запись от 6 июля; *Семенова Л. Е.* Указ. соч. С. 56.
- ¹⁸⁷ АЮЗР. Т. 11. С. 739. 1657 июня 29.— О. Гоголь к Б. Хмельницкому. Чудом избежал встречи с этим татарским отрядом под Сорокой шведский посол Лилленкрона, направлявшийся в Чигирин (Архив ЮЗР. Ч. 3. т. VI. С. 288. 1657 июня 12/22.— Реляция Г. Лилленкрона).
- ¹⁸⁸ *Грушевский М. С.* Указ. соч. С. 1455. 1657 г.— Статейный список А. Желябужского, запись от 30 июня.
- ¹⁸⁹ ЦГАДА. Ф. 123. Сношения с Крымом. Оп. 1. Кн. 40. Л. 407. Статейный список Р. Жукова, запись от 8 июня.
- ¹⁹⁰ Там же. Л. 411. Запись от 12 июня.
- ¹⁹¹ АЮЗР. Т. 11. С. 727—728. 1657 июня 13.— Г. Стефан к Б. Хмельницкому.
- ¹⁹² Архив ЮЗР. Ч. 3, т. VI. С. 290. 1657 июня 12/22.— Реляция Лилленкрона.
- ¹⁹³ ЦГАДА. Ф. 123. Сношения с Крымом. Оп. 1. Кн. 40. Л. 413 об.—414. Статейный список Р. Жукова, запись от 17 июня.
- ¹⁹⁴ ЦГАДА. Ф. 210. Белгородский стол. Стб. 391. Л. 84. 1657 июня 30.— Б. Хмельницкий к Г. Г. Ромодановскому.
- ¹⁹⁵ РИБ. Т. XXXIV. С. 197—198. 1657 августа 13.— Статейный список Е. Хомякова.
- ¹⁹⁶ Там же. С. 198—199.
- ¹⁹⁷ Там же. С. 200.
- ¹⁹⁸ Там же.
- ¹⁹⁹ *Гушин Ю. П.* Русское мореплавание на Каспийском, Азовском и Черном морях (XVII век). М., 1978. С. 139.
- ²⁰⁰ ЦГАДА. Ф. 123. Сношения с Крымом. Оп. 1. Кн. 40. Л. 363 об. Статейный список Р. Жукова, запись от 10 апреля 1657 г.
- ²⁰¹ Там же. С. 406. Запись от 8 июня.
- ²⁰² Там же. Л. 416 об., 423. Записи за 26 июня и 1 июля.
- ²⁰³ Там же. Л. 418—419. Запись за 1 июля.
- ²⁰⁴ Описание этого боя взято из: ЦГАДА. Ф. 123. Сношения с Крымом. Оп. 1. Кн. 40. Л. 417 об.—422.

- Статейный список Р. Жукова, запись от 1 июля.
- 205 Там же. Л. 431. Запись от 7 августа.
- 206 РИБ. Т. XXXIV. С. 254. 1657 декабря 1.— Расспросные речи М. Лукьянова.
- 207 ЦГАДА. Ф. 123. Сношения с Крымом. Оп. 1. Кн. 40. Л. 423—426 об. Статейный список Р. Жукова, запись за 6 июля.
- 208 АЮЗР. СПб., 1863. Т. 4. С. 70. 1657 ноября 25.— Статейный список Д. И. Рогозина.
- 209 Там же. С. 71.
- 210 Документи... С. 606—607, 1657, июля 10.— Б. Хмельницкий к Г. Г. Ромодановскому.
- 211 Там же. С. 607.
- 212 Polska w okresie... S. 108, 483.
- 213 Документи... С. 611. 1657, июля 16.— Б. Хмельницкий к Г. Г. Ромодановскому.
- 214 ЦГАДА. Ф. 123. Сношения с Крымом. Оп. 1. Кн. 40. Л. 428—430 об. Статейный список Р. Жукова, записи от 20 июля и 1 августа.
- 215 Там же.
- 216 Там же.
- 217 *Грушевский М. С.* Указ. соч. С. 1455.
- 218 ЦГАДА. Ф. 123. Сношения с Крымом. Оп. 1. Кн. 40. Л. 428 об. Статейный список Р. Жукова, запись за 20 июля.
- 219 Там же. Л. 427. Запись за 19 июля.
- 220 Polska w okresie... S. 108, 483.
- 221 ЦГАДА. Ф. 123. Сношения с Крымом. Оп. 1. Кн. 40. Л. 432, 435—436 об. Статейный список Р. Жукова, записи за 8 и 26 августа.
- 222 Там же.
- 223 *Грушевский М. С.* Указ. соч. С. 1471.
- 224 Литопис Самовидця. М., 1971. С. 75.
- 225 ЦГАДА. Ф. 123. Сношения с Крымом. Оп. 1. Кн. 40. Л. 437. Статейный список Р. Жукова, запись за 28 августа.
- 226 Там же. Л. 437, 437 об. Записи от 28 и 29 августа.
- 227 АЮЗР. Т. 4. С. 80—81. 1657 декабря 18.— Расспросные речи в Москве донского казака Г. Савельева-Зятя.
- 228 Там же. С. 81; *Апанович О. М.* Указ. соч. С. 117.
- 229 АЮЗР. Т. 4. С. 52. 1657 ноября 8.— Запись переговоров в Москве с гетманским посланцем Ю. Миневским.
- 230 ЦГАДА. Ф. 123. Сношения с Крымом. Оп. 1. Кн. 40. Л. 443 об. Статейный список Р. Жукова, запись за 1 сентября.
- 231 АЮЗР. Т. 4. С. 57. 1657 ноября 17.— Запись переговоров с гетманским посланцем в Москву Ю. Миневским.
- 232 РИБ. Т. XXXIV. С. 251—254. 1657 декабря 1.— Расспросные речи в Посольском приказе М. Самарина (Лукьянова).
- 233 ЦГАДА. Ф. 123. Сношения с Крымом. Оп. 1. Кн. 40. Л. 441 об. Статейный список Р. Жукова, запись от 2 сентября.
- 234 АЮЗР. Т. 4. С. 81. 1657 декабря 18.— Расспросные речи в Москве донского казака Г. Савельева-Зятя.
- 235 РИБ. Т. XXXIV. С. 253. 1657 декабря 1.— Расспросные речи М. Самарина.
- 236 АЮЗР. Т. 4. С. 52. 1657 ноября 8.— Переговоры с Ю. Миневским в Москве. С. 62, 64, 67. Статейный список стряпчего Д. И. Рогозина, посланного в Чигирин, записи от 16 и 20 ноября.
- 237 Там же. С. 75. 1657 ноября после 15.— Отписка киевского воеводы А. В. Бутурлина.
- 238 Там же. С. 64. 1657 ноября 17.— Статейный список Д. И. Рогозина.
- 239 ЦГАДА. Ф. 123. Сношения с Крымом. Оп. 1. Кн. 40. Л. 465, 484, 484 об. Статейный список Р. Жукова, записи за 19 и 27 сентября.
- 240 РИБ. Т. XXXIV. С. 254. 1657 декабря 1.— Расспросные речи М. Самарина.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
--------------------	---

Глава I

ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА РОССИИ И РУССКО-КРЫМСКИЕ ОТНОШЕНИЯ НАКАНУНЕ ВОЙНЫ С РЕЧЬЮ ПОСПОЛИТОЙ. ПОДГОТОВКА И ХОД ВОЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ НА УКРАИНЕ ВЕСНОЙ И ЛЕТОМ 1654 г.

Русская дипломатия в борьбе за европейское признание воссоединения Украины с Россией. Поиски союзников	33
Русско-украинско-крымско-турецкие отношения. Крымское ханство и Речь Посполитая на пути к союзу	46
Отношения России и Украины с калмыками	59
Подготовка и ход военных действий на Украине весной и летом 1654 г.	62

Глава II

ОТНОШЕНИЯ РОССИИ И УКРАИНЫ С КРЫМСКИМ ХАНСТВОМ И ТУРЦИЕЙ ОСЕНЬЮ 1654 — ВЕСНОЙ 1656 г. (До начала русско-шведской войны)

Международная ситуация в Восточной Европе в связи с обострением балтийской проблемы. Изменение внешнеполитического курса России	74
Отношения России и Украины с Крымским ханством и Турцией. От вооруженной борьбы к враждебному нейтралитету	85
Отношения России и Украины с калмыками	124

Глава III

ВОЕННЫЕ ДЕЙСТВИЯ ОСЕНЬЮ 1654—1656 г.

Военные действия осенью 1654 г. Сражение на Дрижиполе и его итоги. Последствия татарских набегов зимой и весной 1655 г.	131
Военные действия против татар в апреле — октябре 1655 г. Поход Б. Хмельницкого и В. В. Бутурлина на Львов	152
Поражение крымских татар под Озерной и снижение их военной активности в 1656 г.	164

Глава IV

**ОТНОШЕНИЯ РОССИИ И УКРАИНЫ
С КРЫМСКИМ ХАНСТВОМ И ТУРЦИЕЙ**
В 1656—1657 гг.

Россия в международной изоляции	177
Отношения России и Украины с Крымским ханством и Турцией в 1656—1657 гг.	184
Сношения России с калмыками после начала русско-шведской войны	211
Военные действия против Крымского ханства в 1657 г.	213
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	232
ПРИЛОЖЕНИЕ	240
ПРИМЕЧАНИЯ	244

Геннадий Александрович
САНИН

ОТНОШЕНИЯ РОССИИ И УКРАИНЫ
С КРЫМСКИМ ХАНСТВОМ
В СЕРЕДИНЕ XVII ВЕКА

Утверждено к печати
Институтом истории СССР АН СССР

Редактор издательства *А. В. Богословский*
Художник *Л. А. Григорян*
Художественный редактор *Г. П. Виллас*
Технический редактор *Н. Н. Плохова*
Корректоры *Ф. Г. Сурова, М. И. Тарасова*

ИБ № 36195

Сдано в набор 20.11.86.
Подписано к печати 3.02.87
А-04637. Формат 60×90^{1/16}
Бумага кн.-журнальная
Гарнитура обыкновенная. Печать высокая
Усл. печ. л. 17,0. Усл. кр. отт. 17. Уч.-изд. л. 20,2
Тираж 4500 экз. Тип. зак. 3156
Цена 2 р. 30 к.

Ордена Трудового Красного Знамени
издательство «Наука»
117864 ГСП-7, Москва, В-485, Профсоюзная ул., 90
2-я типография издательства «Наука»
121099, Москва, Г-99, Шубинский пер., 6